А. В. ЗАХАРОВ

Историческая записка о Владимирской губернской гимназии за 1833-1904 годы

1-я половина 1833-1871 гг.

А. В. Захаровъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О

Владимірской губернской гимназіи

за 1833—1904 года.

1-я половина: 1833—1871 гг.

А. В. Захаровъ.

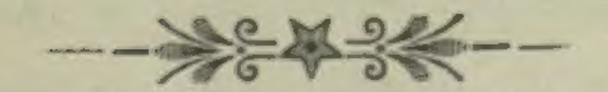
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

— О —

Владимірской губернской гимназіи

за 1833—1904 года.

1-я половина: 1833—1871 гг.

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый историческій очеркъ жизни Владимірской гимназіи имѣетъ цѣлью продолжить и закончить обзоръ столѣтняго существованія гимназіи, какъ таковой, начатый П. Н. Страховымъ. Но Страховъ въ своей исторической запискѣ началъ исторію нашей гимназіи съ того времени, когда она еще не носила титула гимназіи, а существовала въ видѣ «главнаго народнаго училища»; между тѣмъ педагогическій совѣтъ Владимірской гимназіи, поручая мнѣ докончить начатый Страховымъ обзоръ столѣтняго существованія гимназіи, считалъ началомъ его—преобразованіе Владимірскаго главнаго народнаго училища во Владимірскую гимназію, что совершилось 7 августа 1804 года, а концомъ—столѣтній юбилей гимназіи 7 августа 1904 г. Такимъ образомъ, я оказался въ нѣсколько странномъ положеніи: мнѣ приходилось писать продолженіе обзора столѣтняго періода въ видѣ завершенія труда Страхова, который не имѣлъ намѣренія обозрѣвать именно столѣтній періодъ или же отсчитывалъ его иначе (съ 1786 г.). Но вытекающее отсюда затрудненіе имѣетъ чисто формальный характеръ, и выйти изъ него легко: желающему получить обзоръ столѣтняго существованія гимназіи стоитъ только начать чтеніе книги Страхова не съ начала, а съ того мѣста, гдѣ описано преобразованіе главнаго училища въ гимназію, и тогда книга Страхова вмѣстѣ съ моей составятъ очеркъ жизни гимназіи какъ разъ за столѣтіе.

Приведенныя разъясненія необходимы для пониманія плана предлагаемаго очерка и дѣленія его на части. Такъ какъ онъ долженъ былъ служить продолженіемъ труда Страхова, то являлось желаніе сохранить въ немъ планъ и дѣленіе, принятые въ первомъ. Это и сдѣлано. Очеркъ Страхова обнимаетъ время отъ 1786 по 1833 годъ, распредѣляя его на два періода: періодъ существованія Владимірскаго главнаго училища (1786—1804) и періодъ жизни гимназіи при дѣйствіи устава, введеннаго императоромъ Александромъ I (1804—1833). Такимъ образомъ намѣчены планъ и дѣленіе очерка, сводящіеся къ изложенію исторіи гимназіи по періодамъ господства уставовъ гимназій. Въ моемъ очеркѣ сохраненъ этотъ планъ, и не только изъ желанія слѣдовать примѣру Страхова, но и потому, что онъ удобенъ для разсмотрѣнія главной стороны гимназической жизни—хода учебныхъ занятій. Мой очеркъ дѣлится на три главныя части, не считая общихъ выводовъ и приложеній, а именно, описанія: 1) эпохи стараго классицизма или устава гр. Уварова (1833—49), 2) эпохи колебанія уставовъ (1849—71) и 3) эпохи новаго классицизма или устава гр. Толстого съ его измѣненіями (1871—1904). Описаніе каждой изъ трехъ эпохъ (или періодовъ, какъ онѣ именуются въ заглавіяхъ) распадается на главы, посвященныя отдѣльнымъ сторонамъ гимназической жизни, какъ было и у Страхова. Иногда это дѣленіе усложняется тѣмъ, что въ отношеніи обозрѣнія учебнаго дѣла періодъ разбивается на части, сообразно съ перемѣнами въ учебномъ уставѣ.

Итакъ, по основному плану мой очеркъ является прямымъ продолженіемъ труда Страхова. Но въ нумераціи періодовъ мнѣ пришлось нарушить тѣсную

преемственность очерковъ. Страховъ именуетъ два описанные имъ періода «первымъ» и «вторымъ». Но его «второй» періодъ есть въ сущности «первый» періодъ существованія гимназіи, какъ таковой, а потому мнѣ, для приноровленія своего очерка къ обозрѣнію столѣтняго существованія гимназіи, пришлось считать второй періодъ Страхова за «первый» періодъ исторіи гимназіи и періоды въ своемъ очеркѣ обозначать словами: второй, третій и четвертый. Слѣдовательно, при сложеніи двухъ очерковъ вмѣстѣ исторія гимназіи представится въ нихъ раздѣленной на четыре періода.

Начиная въ своемъ очеркѣ исторію гимназіи со второго періода ея существованія, начало котораго относится къ августу 1833 года, я предполагаю извѣстнымъ читателю то, что сказано о предшествующей жизни гимназіи Страховымъ, и буду при случаѣ ссылаться на его выводы, не повторяя ихъ.

Въ заключеніе предисловія долженъ откровенно признаться, что мой очеркъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. по вопросу о служебномъ персоналѣ), вышелъ менѣе полнымъ, чѣмъ очеркъ Страхова. Причина этого—чрезвычайная обширность матеріала и трудность отысканія его при раздѣленіи его между двумя архивами—гимназіи и дирекціи народныхъ училищъ.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

жизни Владимірской гимназіи: эпоха стараго классицизма (1833—1849).

I. Причины появленія новаго устава гимназій 1828 г.

Жизнь быстро показала несостоятельность устава гимназій 1804 года. Обширность и энциклопедичность гимназическаго курса, введеннаго этимъ уставомъ, на практикѣ приводили къ тому, что нѣкоторые предметы курса вовсе не проходились въ гимназіяхъ, другіе проходились крайне поверхностно, и въ результатѣ учащіеся не получали не только всесторонняго, но и вообще сколько-нибудь основательнаго средняго образованія. Эти указанія школьнаго опыта уже сами по себѣ должны были навести правительство на мысль о необходимости реформы въ уставѣ 1804 г., но были и другія причины, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Взгляды руководящихъ слоевъ русскаго общества на задачи школьнаго образованія значительно измѣнились въ теченіе первой четверти XIX вѣка. Въ началѣ его высшее русское общество жило еще взглядами екатерининской эпохи, выработанными подъ вліяніемъ своеобразно усвоенныхъ въ Россіи идей французской просвѣтительной литературы. Сущность образованія вообще и школьнаго въ частности это общество полагало въ «просвѣщеніи ума и

сердца» посредствомъ усвоенія возможно большаго числа «просвѣщенныхъ» мнѣній и правилъ касательно различныхъ сторонъ жизни, особенно тѣхъ, которыя отражались въ наукахъ, литературѣ и искусствахъ. Отсюда вытекало требованіе энциклопедичности для школьнаго образованія. Послѣ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, когда и западно-европейская мысль приняла новое теченіе и многіе представители русскаго общества лучше ознакомились съ основами западно-европейскаго образованія, болѣе развитые русскіе люди стали понимать сущность образованія, особенно школьнаго, иначе. Тогда сущность средняго школьнаго образованія стали полагать въ усвоеніи прочныхъ, хотя и элементарныхъ познаній по немногимъ предметамъ, признаннымъ общеобразовательными, и въ той степени умственнаго развитія, которая пріобрѣтается благодаря сознательной и систематической работѣ надъ усвоеніемъ указанныхъ знаній. Подъ вліяніемъ описанныхъ явленій умственной жизни высшихъ слоевъ общества, въ правительственныхъ кругахъ должна была не только возникнуть мысль о реформѣ гимназическаго устава, но и принять въ своей разработкѣ опредѣленное направленіе.

Характеръ задуманной реформы—по отношенію къ выбору предметовъ гимназическаго курса—можно, выражаясь сжато, назвать *классическимъ*. Преобладающее значеніе въ гимназическомъ курсѣ отводилось словесно-историческимъ наукамъ съ древними языками во главѣ, тогда какъ по уставу 1804 г. ни одна группа наукъ не имѣла преобладающаго значенія, а въ школьной практикѣ—при дѣйствіи этого устава—сравнительно болѣе выдѣлялись науки математическія и реальныя.

Подготовительнымъ шагомъ къ введенію классической реформы въ курсѣ гимназій явилось министерское распоряженіе отъ 5 іюня 1819 г., сокращавшее число предметовъ гимназическаго курса и рекомендовавшее введеніе греческаго языка. Оно представляло собой примѣненіе въ видѣ общей для гимназій мѣры тѣхъ преобразованій, которыя были сдѣланы въ 1811 г. въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго округа, благодаря стараніямъ его попечителя гр. Сергѣя Семеновича Уварова. Подъ сильнымъ вліяніемъ того же гр. Уварова, бывшаго позднѣе товарищемъ министра нар. просв., былъ выработанъ новый уставъ гимназій и низшихъ училищъ, сообщавшій гимназическому курсу словесно-классическій характеръ. Этотъ уставъ былъ Высочайше утвержденъ 8 декабря 1828 г. подъ слѣдующимъ наименованіемъ: «Уставъ Гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго»; въ исторіи русскаго просвѣщенія онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Уваровскаго».

2. Характерныя черты устава 1828 г. по отношенію къ служебному строю гимназій.

Новый уставъ сохраняетъ въ главныхъ чертахъ прежнюю систему дѣленія учебныхъ заведеній на разряды и ихъ взаимнаго подчиненія, прибавляя только точное раздѣленіе низшихъ училищъ на два разряда—приходскихъ и уѣздныхъ. По § 2 устава «Приходскія училища подчинены Начальствамъ, т. е. Штатнымъ Смотрителямъ училищъ уѣздныхъ, а сіи—Губернскимъ Директорамъ училищъ, какъ Начальникамъ Гимназій; опредѣленное число Гимназій, со всѣ-

ми подвѣдомственными онымъ училищами, составляетъ Учебный Округъ, подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ Университетовъ». Другіе §§ устава поясняютъ, что въ случаѣ существованія въ губерніи нѣсколькихъ гимназій для управленія низшими училищами выбирается одна изъ нихъ, которая и именуется «губернской». Университетъ для управленія округомъ образуетъ «училищный комитетъ», который въ свою очередь подчиняется попечителю округа—все это согласно съ прежнимъ уставомъ.

Зато въ строѣ самихъ гимназій новый уставъ производитъ коренныя измѣненія. Вмѣсто четырехлѣтняго курса и четырехъ классовъ онъ устанавливаетъ въ гимназіяхъ семилѣтній курсъ и семь классовъ. Онъ увеличиваетъ число классныхъ должностей при гимназіяхъ и измѣняетъ строй гимназическаго управленія. Онъ слишкомъ вдвое увеличиваетъ оклады чиновниковъ гимназіи и вообще гимназическій бюджетъ. Онъ даетъ обдуманный выборъ предметовъ гимназическаго курса и устанавливаетъ опредѣленный порядокъ учебныхъ занятій.

По новому уставу при гимназіи установлены слѣдующія должностныя лица по учебной части: 1) почетный попечитель (V класса), избираемый на три года дворянствомъ губерніи и представляемый министромъ нар. просв. на Высочайшее утвержденіе; 2) директоръ (VII кл.), избираемый университетомъ и утверждаемый министромъ нар. просв; 3) инспекторъ (VIII кл.), избираемый университетомъ и утверждаемый попечителемъ округа; 4) законоучитель. 5) 10 учителей научныхъ предметовъ и искусствъ. а именно: логики и россійской словесности (1), россійской грамматики и географіи (1), исторіи и ста

тистики (1), математики (1), высшихъ частей математики и физики (1), латинскаго языка (2), нѣмецкаго языка (1), французскаго языка (1), рисованія и черченія (1); для гимназій съ греческимъ языкомъ прибавлялась 11-я должность учителя греческаго языка; учителя наукъ и древнихъ языковъ именовались старшими и состояли въ IX классѣ, учителя русской грамматики (и географіи), новыхъ языковъ и рисованія именовались младшими и состояли: учитель рисованія—въ XII классѣ, а прочіе младшіе учителя—въ X классѣ; всѣ учителя избирались и утверждались университетомъ.

Новый уставъ учреждаетъ при гимназіи двѣ должности канцелярскихъ чиновниковъ—для веденія письменныхъ дѣлъ по управленію гимназіей и другими училищами дирекціи. Эти должности суть: письмоводителя и писца; онѣ существовали при нашей гимназіи и раньше, равно какъ и должность бухгалтера, но не въ силу устава 1804 года, а согласно особымъ распоряженіямъ начальства.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ состава должностныхъ лицъ при гимназіи новый уставъ внесъ нѣкоторыя измѣненія и въ самое управленіе дѣлами гимназіи—сравнительно съ уставомъ 1804 г. и установившейся впослѣдствіи практикой. Согласно этой практикѣ, управленіе гимназіей сосредоточивалось почти исключительно въ рукахъ директора, который только иногда привлекалъ къ участію въ немъ совѣтъ учителей, главнымъ образомъ въ качествѣ собранія свидѣтелей при повѣркѣ суммъ и шнуровыхъ книгъ. Новый уставъ предоставляетъ совѣту гимназіи (составленному изъ инспектора и старшихъ учителей подъ предсѣдательствомъ директора) очень важное участіе въ управленіи гимназіей, поручая вѣдѣнію

его «важнѣйшія дѣла и въ особенности все, что касается до улучшенія учебныхъ заведеній»; директору же поручается общій надзоръ за ходомъ жизни гимназіи и низшихъ училищъ дирекціи, а также спеціальное управленіе хозяйственными дѣлами гимназіи. Въ общемъ, несмотря на нѣкоторую неясность редакціи §§ устава, опредѣляющихъ относительную компетенцію директора и совѣта, въ нихъ довольно рельефно выдѣляется мысль, что директоръ есть носитель главнымъ образомъ административной власти, а совѣтъ, такъ сказать, законодательной. Наряду съ директоромъ, общій надзоръ за ходомъ гимназической жизни предоставляется новымъ уставомъ и почетному попечителю, но безъ права самому дѣлать какія-либо распоряженія; замѣтивъ какія-либо отступленія отъ устава, онъ долженъ указывать на нихъ директору; если на его указанія не будетъ обращено вниманіе, то онъ представляетъ ихъ университету. Инспекторъ гимназіи, согласно уставу, является помощникомъ директора по надзору за учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ гимназіи, и играетъ въ управленіи гимназіей хотя не вполнѣ самостоятельную, но весьма видную роль.

3. Штаты гимназій по уставу 1828 года.

По уставу 1828 г. штаты гимназій дѣлятся на 5 разрядовъ (для С.-Петербурга, для Москвы, для 3 группъ губерній). Владимірская гимназія отнесена къ 4-му разряду и получила слѣдующіе штаты.

Директору жалованья	2250 р. ас.
Ему же на разъѣзды	750 р. »
Ему же на канцелярскіе запасы . . .	250 р. »
Инспектору	1800 р. »

6 старшимъ учителямъ по 1625 р. . .	9750 р.	ас.
3 младшимъ учителямъ по 1200 р. . .	3600 р.	»
Законоучителю	1000 р.	»
Учителю рисованія	900 р.	»
Письмоводителю	600 р.	»
Писцу	300 р.	»
На библіотеку и собраніе инструментовъ	750 р.	»
На награды ученикамъ	150 р.	»
На содержаніе дома, служителей и пр.	2250 р.	»
Итого . .	24350 р.	ас.

На учителя греческаго языка, если таковой предметъ будетъ преподаваться, отпускается еще 1625 р. ас. Такимъ образомъ, послѣ введенія греческаго языка, состоявшагося во Владимірской гимназіи одновременно съ введеніемъ новаго устава, она получала штатныхъ суммъ 25975 р. ас., т. е. въ четверо болѣе противъ штатовъ 1804 г., которые съ дополненіемъ 1812 г. составляли всего 6400 р.

О платѣ за ученіе въ гимназіяхъ уставъ 1828 г. не говоритъ ничего. Въ виду этого 13 іюля 1833 г. послѣдовало распоряженіе г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ устанавливаются слѣдующія правила:

«На будущее время плату за ученіе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оная нынѣ взимается и Уставомъ 8 декабря 1828 г. не воспрещена, собирая *на прежнемъ основаніи*, хранить вмѣстѣ съ прочими суммами, не употребляя въ продолженіе года ни на какіе расходы; по истеченіи же каждаго года половину изъ собранной суммы выдавать отличнымъ учителямъ по назначенію Попечителей Учебныхъ Округовъ, а изъ остальныхъ денегъ одну половину обращать въ экономическія суммы на надобности

гимназій и училищъ, а другую половину доставлять въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія для причисленія къ капиталу на пенсіи учителямъ приходскихъ училищъ и семействамъ ихъ».

Такимъ образомъ, для нашей гимназіи осталась прежняя плата за ученье, и четверть ежегоднаго сбора должна была поступать въ экономическія суммы гимназіи.

Въ 1842 г. Владимірское дворянство сдѣлало важное пожертвованіе въ пользу учителей гимназіи, какъ преподающихъ и воспитанникамъ дворянскаго пансіона, открытаго въ 1841 г.: оно постановило ежегодно отпускать изъ дворянскихъ суммъ квартирныя деньги 11 штатнымъ учителямъ, по 80 руб. каждому, а всего 880 р. въ годъ.

4. Учебный курсъ и распредѣленіе учебныхъ занятій по уставу 1828 года.

По § 144 устава въ гимназіяхъ преподаются слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, священная и церковная исторія; 2) россійская грамматика, словесность и логика; 3) языки: латинскій, нѣмецкій и французскій; 4) математика до коническихъ сѣченій включительно; 5) географія и статистика; 6) исторія; 7) физика; 8) чистописаніе, черченіе и рисованіе.

По § 145: Въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, обучають и языку греческому. По мѣрѣ нужды и возможности преподаваніе онаго будетъ вводимо и въ прочія губернскія гимназіи.

Выборъ предметовъ, какъ видимъ, близко соотвѣтствуетъ тому, который былъ установленъ министерскимъ распоряженіемъ 5 іюня 1819 г., только по уставу 1828 г. исключены прикладная математи-

ка, естественная исторія, а риторика замѣнена русской грамматикой и словесностью. Но капитальная разница между двумя законоположеніями заключается въ томъ, что въ первомъ гимназическій курсъ разсматривался какъ непосредственное продолженіе курса уѣзднаго училища, а во второмъ онъ поставленъ совершенно самостоятельно; кромѣ того, распоряженіе 5 іюня только намѣчало въ общихъ чертахъ составъ курса, а уставъ 1828 года далъ точно установленные учебные планы предметовъ[1]) и опредѣленную таблицу уроковъ.

Уставъ 1828 года даетъ двоякую таблицу уроковъ: для гимназій съ греческимъ языкомъ и для гимназій безъ греческаго языка. Продолжительность урока опредѣлена въ $1\frac{1}{2}$ часа. Привожу таблицу уроковъ съ греческимъ языкомъ, которая была принята Владимірской гимназіей.

Учебные предметы.	Число уроковъ по классамъ въ недѣлю. I	II	III	IV	V	VI	VII	Всего уроковъ въ недѣлю.	Всего часовъ въ недѣлю.
1. Законъ Божій	2	2	2	2	1	1	1	11	$16\frac{1}{2}$
2. Россійская словесность и логика	4	4	4	3	3	3	2	23	$34\frac{1}{2}$
3. Языкъ латинскій	4	4	4	4	4	3	3	26	39
4. „ греческій	—	—	—	5	5	5	5	20	30
5. „ нѣмецкій	2	2	2	} 3	3	3	3	18	27
6. „ французскій . .	—	—	—						
7. Математика.	4	4	4	1	1	1	–	15	$22\frac{1}{2}$

[1]) Учебные планы къ уставу 1828 г. были составлены нѣсколько позднѣе устава: они были разосланы попечителямъ округовъ при министерскомъ циркулярѣ 29 іюня 1832 г.

8. Географія и статистика	2	2	2	1	1	—	2	10	15
9. Исторія	—	—	2	2	3	3	3	13	19½
10. Физика.	—	—	—	—	—	2	2	4	6
11. Чистописаніе.	4	4	2	—	—	—	—	10	15
12. Черченіе и рисованіе .	2	2	2	1	1	1	1*	10	15
Итого { уроковъ. .	24	24	24	22	22	22	22	160	—
Итого { часовъ . .	36	36	36	33	33	33	33	—	240

Въ этой таблицѣ число уроковъ новыхъ языковъ въ старшихъ классахъ (IV—VII) обозначено одной цифрой для обоихъ предметовъ, что означаетъ, что въ этихъ классахъ учащіеся обучаются только одному изъ новыхъ языковъ, по выбору. Урокъ черченія въ VII классѣ по учебнымъ планамъ 1832 года назначенъ на математику.

Въ этой таблицѣ уроковъ бросается въ глаза преобладаніе словесныхъ предметовъ надъ математическими и реальными и особенно—большое количество уроковъ древнихъ языковъ, что придавало гимназическому курсу явно *классическій* характеръ. Впрочемъ, какъ показываютъ дальнѣйшія событія, эта таблица уроковъ не считалась незыблемо установленной, и скоро стала подвергаться измѣненіямъ. Въ нашей гимназіи уже въ 1838—39 уч. году была введена другая таблица (предлож. попечителя отъ 6 октября 1838 г.), значительно разнящаяся отъ приведенной. Въ ней было сокращено число уроковъ греческаго языка (до 3 вмѣсто 5 въ каждомъ классѣ), оба новые языка сдѣланы обязательными, начало преподаванія географіи отодвинуто въ III классъ. Позднѣе были и другія перемѣны въ таблицѣ уроковъ.

Учебные планы къ уставу 1828 года, изданные въ 1832 году, по объему и распредѣленію курсовъ отдѣльныхъ предметовъ близко подходятъ къ современнымъ, насколько это возможно при различіи въ числѣ классовъ. Значительныя особенности замѣтны только въ слѣдующихъ курсахъ.

Россійская словесность: главную часть курса составляла теорія словесности (риторика и піитика), изучаемая въ V, VI и VII классахъ; исторія словесности проходилась кратко въ VII классѣ.

Математика: для изучающихъ греческій языкъ учениковъ гимназіи курсъ математики, соотвѣтственно малому числу уроковъ, былъ весьма не полонъ и состоялъ изъ ариѳметики (I и II классы), алгебры—до урав. 2-й степ. (III классъ) и геометріи (IV—VII классы). Вся алгебра проходилась въ III классѣ! Математическая географія, считаемая отдѣломъ географическаго курса, изучалась въ V классѣ.

Исторія: весь курсъ русской исторіи изучался въ VII классѣ, а въ III—VI классахъ проходилась всеобщая исторія, при чемъ въ III классѣ въ видѣ краткаго обозрѣнія.

Греческій языкъ: курсъ состоялъ изъ грамматики, переводовъ (съ греческаго на русскій и латинскій и съ русскаго на греческій), чтенія хрестоматіи (Якобса) и Одиссеи (изд. Ежевскаго).

Изъ учебныхъ плановъ отдѣльныхъ предметовъ всего обширнѣе и лучше разработанъ планъ преподаванія латинскаго языка, какъ и должно быть при классическомъ характерѣ курса; изъ латинскихъ авторовъ въ планѣ указаны тѣ же, которые читаются нынѣ, за исключеніемъ Овидія.

Распредѣленіе занятій по частямъ года и дня, согласно уставу 1828 года, было слѣдующее. Ученье

въ гимназіяхъ продолжается во весь годъ, за исключеніемъ лѣтней вакаціи, длящейся мѣсяцъ; начало и конецъ ея устанавливаются университетомъ. Ежедневныя классныя занятія продолжаются 6 часовъ: два урока (по 1½ часа) до обѣда и два послѣ обѣда; по средамъ въ старшихъ классахъ (IV—VII) бываетъ всего два до-обѣденныхъ урока.

Переводныя испытанія, впервые введенныя уставомъ 1828 года, должны были происходить въ началѣ учебнаго года, послѣ каникулъ, т. е. въ августѣ мѣсяцѣ, а *окончательныя* испытанія для учениковъ VII класса—въ концѣ учебнаго года, въ іюнѣ. По окончаніи переводныхъ испытаній уставъ предписываетъ производство *торжественнаго акта*. Вполнѣ опредѣленныя правила о производствѣ испытаній вышли не одновременно съ уставомъ 1828 года, а позднѣе: они были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 29 января 1837 года.

5. Введеніе устава 1828 года во Владимірской гимназіи.

Уставъ 1828 года былъ введенъ въ русскихъ гимназіяхъ не тотчасъ послѣ его утвержденія государемъ. Введеніе его требовало увеличенія отпуска казенныхъ суммъ на гимназіи, подысканія новыхъ должностныхъ лицъ, мѣстами—расширенія гимназическихъ зданій, а для всего этого требовалось время. Во Владимірской гимназіи уставъ 1828 года былъ приведенъ въ дѣйствіе съ начала 1833—34 учебнаго года. Долгая отсрочка его введенія была возмѣщена необыкновенной быстротой приведенія его въ дѣйствіе: оно было окончено полностью въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ отношеніи собственно учебнаго дѣла главное отличіе новаго устава отъ прежняго составляло большее число классовъ—7 вмѣсто 4, при чемъ въ самомъ уставѣ не указано отношеніе новыхъ №№ классовъ къ прежнимъ. Высшее учебное начальство разъяснило это отношеніе и указало гимназіямъ способъ почти моментальнаго преобразованія ихъ состава изъ 4-класснаго въ 7-классный, обнаруживъ при этомъ замѣчательное остроуміе и энергію. Въ нашей гимназіи дѣло шло такъ.

Предписаніе училищнаго комитета директору Владимірской гимназіи указало (6 іюня 1833 года) слѣдующій порядокъ преобразованія гимназіи. Классы гимназіи переименовываются тремя номерами выше: IV—въ VII, III въ VI, II въ V, I въ IV. Открываются три низшіе класса—III, II, I; въ нихъ принимаются по экзамену ученики изъ Владимірскаго уѣзднаго училища. Затѣмъ совѣтъ гимназіи, тщательно обсудивъ степень познаній отдѣльныхъ учениковъ гимназіи —какъ ранѣе бывшихъ въ ней, такъ и вновь принятыхъ,—размѣщаетъ ихъ по *семи* классамъ гимназіи.

Согласно этимъ указаніямъ, по окончаніи переводныхъ испытаній въ гимназіи (2—6 августа 1833 года) и публичнаго акта (10 августа), старшими учителями: Милославовымъ [1]) (латинскаго языка), Сохансвимъ (математики) и Богаславскимъ (исторіи) былъ произведенъ выборъ учениковъ Владимірскаго уѣзднаго училища для опредѣленія ихъ въ первые три класса гимназіи. Выбрано было, по аттестаціи уѣзднаго училища: для III класса 13 уч., для II—11, для I—16. Списокъ ихъ при рапортѣ былъ представленъ учителями директору. Послѣдній

[1]) Онъ уже былъ перемѣщенъ въ Ярославскую гимназію, но не успѣлъ уѣхать.

начерталъ резолюцію, чтобы къ 1 сентября учителя, посредствомъ внимательнаго наблюденія, опредѣлили окончательно, въ какой именно классъ каждый ученикъ достоинъ быть принятымъ. Послѣ этого принятымъ изъ уѣзднаго училища ученикамъ произведенъ былъ экзаменъ, но пока они были оставлены въ тѣхъ классахъ гимназіи, въ которые были предназначены раньше. Затѣмъ совѣтъ гимназіи производилъ распредѣленіе по классамъ прежнихъ учениковъ гимназіи, руководствуясь мнѣніемъ учителей о степени познаній каждаго. Подробности этого распредѣленія въ дѣлахъ архива не сохранились, а объ общемъ ходѣ его директоръ училищъ доносилъ (18 августа 1833 года) училищному комитету слѣдующее. «При семъ (т. е. рапортѣ о переводныхъ испытаніяхъ и производствѣ акта) честь имѣю присовокупить, что, на основаніи предложенія Училищнаго Комитета отъ 6 іюня за № 705, по довольномъ совѣщаніи моемъ съ учителями гимназіи, ученики оной и Владимірскаго уѣзднаго училища размѣщены послѣ акта согласно распредѣленію преподаванія учебныхъ предметовъ по *семи* классамъ гимназіи и учителя вступили въ отправленіе должностей своихъ уже по новому, Высочайше утвержденному 8 декабря 1828 года уставу учебныхъ заведеній». Въ томъ же донесеніи указано, что, со вновь принятыми, состоитъ въ гимназіи 90 учениковъ. Принятые изъ уѣзднаго училища ученики такъ и остались въ тѣхъ классахъ, въ которые ихъ намѣтили сначала: учителя хотѣли было, согласно резолюціи директора, произвести новое распредѣленіе ихъ по классамъ, но составили его только къ 21 сентября вмѣсто 1-го, и директоръ велѣлъ оставить прежнее распредѣленіе.

Для веденія учебнаго дѣла по новому уставу въ гимназіяхъ полагалось 14 должностныхъ лицъ: директоръ, инспекторъ, законоучитель и 11 учителей, между тѣмъ къ началу ученья въ 1833—34 уч. году въ нашей гимназіи состояло ихъ семь: директоръ Калайдовичъ, законоучитель протоіерей Іоакимъ Смирновъ, учителя: русской словесности—Волковъ, математики—Соханскій, исторіи—Богаславскій, нѣмецкаго языка—фонъ-Кноблохъ и рисованія—Ремизовъ Не хватало до полнаго штата: инспектора, 2 учителей латинскаго языка, одного—математики, греческаго яз., французскаго яз. и русскаго языка съ географіей. Окружное начальство довольно быстро замѣстило вакансіи. Уже въ августѣ были назначены: инспекторъ Граціанскій и учителя латинскаго языка Троицкій и Документовъ, затѣмъ въ ноябрѣ—учитель греческаго языка Воскресенскій. Въ началѣ 1834 г. былъ опредѣленъ учителемъ рисованія и черченія Озерскій, а Ремизовъ перешелъ на должность учителя русскаго языка и географіи; къ концу учебнаго года были назначены: учитель французскаго языка Герингеръ и 2-й учитель математики Бенедиктовъ. Такимъ образомъ, къ концу перваго года дѣйствія новаго устава штатъ педагогическаго персонала Владимірской гимназіи былъ заполненъ.

Одновременно со введеніемъ внѣшнихъ формъ новаго устава наша гимназія быстро освоивалась и съ примѣненіемъ его къ внутреннему распорядку жизни, какъ въ чисто учебномъ, такъ и въ служебно-хозяйственномъ дѣлѣ. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь прослѣдимъ введеніе въ нашей гимназіи дополненій и поправокъ къ уставу 1828 г., сдѣланныхъ въ теченіе изучаемаго періода.

Въ 1837 г. въ нашей гимназіи были примѣнены новыя правила объ испытаніяхъ окончательныхъ и переводныхъ, утвержденныя министромъ н. п. 29 января того же года.

Еще въ 1836 и 1837 г.г. директоромъ гимназіи, по постановленію совѣта, возбуждались ходатайства передъ окружнымъ начальствомъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ таблицѣ уроковъ. Въ архивѣ гимназіи не сохранилось переписки по этимъ вопросамъ, но изъ одного дѣла видно, что къ началу 1838—39 учеб. года въ нашей гимназіи дѣйствовала или была выработана новая таблица уроковъ въ духѣ постановленій совѣта. Она была представлена окружному начальству для утвержденія на 1838—39 годъ, но вмѣсто нея изъ округа была прислана (при предложеніи отъ 6 октября 1838 г.) вышеупомянутая таблица, сократившая число уроковъ греческаго языка и усилившая преподаваніе французскаго языка, который былъ сравненъ по числу уроковъ съ нѣмецкимъ. Эта таблица дѣйствовала до 1845 года.

Въ серединѣ 1840-хъ годовъ начались общія для всѣхъ гимназій измѣненія въ составѣ курса. Циркуляръ министра н. п. отъ 17 ноября 1844 г. отмѣнялъ преподаваніе въ гимназіяхъ статистики, какъ особаго предмета (2 урока въ VII кл.), предписывая сообщать важнѣйшія статистическія данныя на урокахъ географіи, а при помощи освободившихся часовъ усилить преподаваніе другихъ предметовъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Сообщая объ этомъ распоряженіи министра, циркуляръ попечителя Московскаго округа отъ 19 января 1845 г. предоставлялъ вопросъ о замѣщеніи уроковъ статистики на рѣшеніе совѣтовъ гимназій, но признавалъ же-

лательнымъ ввести, вмѣсто уроковъ статистики, по одному уроку географіи въ VI и VII классахъ, въ первомъ—для изученія географіи Россіи, во второмъ—для повторенія всего курса географіи, съ сообщеніемъ въ обоихъ классахъ статистическихъ свѣдѣній, а въ VI кл., кромѣ того,—основныхъ понятій о государственномъ строѣ Россіи, и возложить эти уроки на учителя исторіи. На другой же день по полученіи этого предложенія (23 января 1845 г.) оно обсуждалось въ совѣтѣ нашей гимназіи, и изложенное въ немъ мнѣніе о замѣщеніи уроковъ статистики было въ общемъ принято совѣтомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ циркуляръ попечителя отъ 28 мая 1845 г. предложилъ директорамъ всѣхъ гимназій Московскаго округа представить ему проектъ таблицы уроковъ и программъ преподаванія на предстоящій (1845—46) учебный годъ. Найдя представленные проекты слишкомъ разнообразными, попечитель 18 августа 1845 г. предложилъ всѣмъ гимназіямъ округа для выполненія составленную имъ общую таблицу уроковъ, а затѣмъ (при предложеніи отъ 27 августа 1845 г.) разослалъ для общаго руководства въ преподаваніи программу всѣхъ предметовъ, составленную 2-ой московской гимназіей.

Присланная попечителемъ таблица уроковъ сильно разнится отъ таблицы 1828 г., но довольно близко подходитъ къ той, которая была введена въ нашей гимназіи въ 1838—39 учеб. году. По сравненію съ таблицей 1828 г въ ней уменьшено число уроковъ: русскаго языка (21 вмѣсто 23), латинскаго яз. (25 вмѣсто 26), греческаго яз. (12 вмѣсто 20), исторіи (11 вмѣсто 13), нѣмецкаго яз. (14 вмѣсто 18), чистописанія, черченія и рисованія (16 вмѣсто 20); на-

оборотъ, увеличено число уроковъ: французскаго языка (14 вмѣсто 12) и географіи (10 вмѣсто 8).

Таблица 1845 г. не измѣнила существеннымъ образомъ составъ гимназическаго курса, утвержденный уставомъ 1828 г., но придала ему нѣсколько иной характеръ, а именно, вмѣсто классическаго— обще-словесный. Особенно ясно замѣтна эта перемѣна въ сокращеніи уроковъ греческаго языка и въ признаніи обоихъ новыхъ языковъ обязательными. Впрочемъ, эти измѣненія совершились не вдругъ, а постепенно, какъ показываетъ исторія нашей гимназіи.*)

Представленныя директоромъ Владимірской гимназіи попечителю округа программы на 1845—46 годъ, какъ мы видѣли, не были примѣнены на дѣлѣ, но для исторіи нашей гимназіи онѣ составляютъ драгоцѣнный документъ, дающій возможность представить себѣ до извѣстной степени ходъ преподаванія въ ней въ 1840-хъ годахъ. Мы ими и воспользуемся въ своемъ мѣстѣ.

Описанныя измѣненія въ учебной части устава 1828 г., важныя для судьбы отдѣльныхъ предметовъ гимназическаго курса, не измѣнили однако общаго его характера: онъ продолжалъ оставаться словесно-классическимъ. Тѣмъ не менѣе, въ цѣльномъ зданіи устава была пробита брешь, и дальнѣйшія измѣненія пошли легко и быстро. 15 декабря 1845 г. вышелъ министерскій циркуляръ объ ограниченіи преподаванія математики въ гимназіяхъ, 9 января 1847 г.—о пріостановленіи преподаванія логики въ гимназіяхъ; наконецъ, въ 1849 г. 21 марта было Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи таблицы уроковъ, введеніи пре-

*) См. дѣятельность совѣта и начало настоящей главы.

подаванія законовѣдѣнія и сокращеніи длины урока до 1 ч. 15 м. Эти измѣненія уже составляли какъ бы новый учебный уставъ, а потому я начинаю съ ихъ введенія новый періодъ исторіи гимназіи; до этихъ же поръ перемѣны въ учебномъ уставѣ имѣли частичный характеръ.—Итакъ, учебная часть устава 1828 г,, несмотря на послѣдовавшія въ 1840-хъ годахъ измѣненія, сохраняла свои основныя черты до 1849 года. Обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствія ея въ нашей гимназіи.

6. Ходъ учебныхъ занятій при новомъ уставѣ.

Въ описываемый періодъ учебныя занятія вообще продолжались въ нашей гимназіи почти 11 мѣсяцевъ—съ начала августа до конца іюня, прерываясь рождественскими и пасхальными вакаціями и обычными праздниками. Собственно классныя занятія обнимали меньшій періодъ времени, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ученики были заняты сдачей испытаній и приготовленіемъ къ нимъ. VII классъ освобождался отъ классныхъ занятій недѣли за двѣ до начала испытаній—въ началѣ іюня въ 1830-хъ годахъ и въ половинѣ мая въ 1840-хъ годахъ; испытанія для него производились въ 1830-хъ годахъ во второй половинѣ іюня, въ теченіе одной или двухъ недѣль, а въ 1840-хъ годахъ занимали первыя три недѣли іюня. I—VI классы учились до конца іюня, затѣмъ въ теченіе лѣтней вакаціи готовились къ экзаменамъ и сдавали ихъ въ августѣ, обыкновенно отъ 7 до 25 числа.

Ежедневныя классныя занятія раздѣлялись на утреннія (2 урока=3 часамъ) и послѣобѣденныя (тоже 2 урока). Въ 1840-хъ годахъ эти два періода классныхъ занятій продолжались: первый отъ 9 до

12 ч., второй—отъ 3 до 6 ч. Въ 1830-хъ годахъ, повидимому, уроки начинались раньше. Къ такому заключенію приводитъ постановленіе совѣта отъ 23 ноября 1833 г. о томъ, чтобы въ теченіе мѣсяца съ наиболѣе короткими днями—отъ 24 ноября до 23 декабря—вести классныя занятія отъ 8 ч. 30 м. до 11 ч. 30 м. и отъ 1 ч. до 4 ч. дня, а съ января—«обычнымъ порядкомъ». Можно думать, что въ остальные мѣсяцы, кромѣ декабря, уроки шли отъ 8 ч. до 11 ч. и отъ 2 до 5 ч.

7. Характеръ преподаванія и учебники.

О ходѣ преподаванія въ 1830-хъ годахъ въ архивѣ гимназіи сохранились крайне скудныя и отрывочныя свѣдѣнія, сводящіяся къ отдѣльнымъ, случайнаго характера замѣчаніямъ въ протоколахъ совѣта и предписаніямъ начальства о введеніи нѣкоторыхъ учебниковъ. Относительно 1840-хъ годовъ свѣдѣнія гораздо полнѣе (экзаменаціонныя вѣдомости, списки учебниковъ, выданныхъ пансіонерамъ, программы преподаванія на 1845—46 учеб. годъ) и бросаютъ свѣтъ на ходъ преподаванія и въ 1830-хъ годахъ, такъ какъ при господствѣ одного и того же устава характеръ преподаванія въ двухъ десятилѣтіяхъ долженъ былъ быть въ основѣ сходнымъ. Поэтому характеристику преподаванія въ изучаемомъ періодѣ мы сдѣлаемъ на основаніи главнымъ образомъ данныхъ изъ эпохи 1840-хъ годовъ, но сначала укажемъ сохранившіяся извѣстія отъ 1830-хъ годовъ.

Преподаваніе въ 1830-хъ годахъ велось согласно учебнымъ планамъ 1832 года и по печатнымъ руководствамъ. Совѣтъ гимназіи внимательно слѣдилъ за выполненіемъ учителями учебныхъ плановъ. Въ

журналахъ его весеннихъ засѣданій неоднократно встрѣчается постановленіе, чтобы учителя къ извѣстному сроку окончили прохожденіе курсовъ и занялись ихъ повтореніемъ. Инцидентъ съ учителемъ французскаго языка барономъ де-Грюше въ 1836 г. (описанный въ главѣ о дѣятельности совѣта) показываетъ, что совѣтъ старался не допускать со стороны учителей отступленія отъ учебныхъ плановъ, равно какъ и небрежнаго исполненія обязанностей. Онъ нашелъ Грюше виновнымъ во многихъ отступленіяхъ отъ устава, въ частности—въ невыполненіи требованія учебныхъ плановъ объ упражненіи учениковъ VII кл. въ писаніи французскихъ сочиненій, и предложилъ барону, «чтобы онъ преподавалъ свой предметъ, ни въ чемъ не отступая отъ распредѣленія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ». Постановленіе совѣта отъ 25 января 1834 г. о томъ, чтобы учитель словесности представлялъ на разсмотрѣніе совѣта въ каждомъ его засѣданіи нѣсколько сочиненій учениковъ VI и VII классовъ, показываетъ, что письменнымъ упражненіямъ по русскому языку въ 1830-хъ годахъ придавалось большое значеніе и ими руководили внимательно.

Таковы скудныя указанія на ходъ преподаванія въ журналахъ совѣта. Что касается учебныхъ руководствъ, то о нихъ упоминается въ дѣлахъ о введеніи новыхъ учебниковъ и о выпискѣ извѣстнаго количества экземпляровъ уже введенныхъ руководствъ. То и другое совершалось чрезъ посредство окружного управленія: введеніе новыхъ учебниковъ прямо, безъ представленія со стороны совѣтовъ гимназій, предписывалось для всѣхъ гимназій начальствомъ округа (училищнымъ комитетомъ или попечителемъ), а выписка учебниковъ производилась черезъ канце-

ларію попечителя. Такой порядокъ держался въ теченіе всего періода 1833—49 г.г. Въ бумагахъ 1830-хъ годовъ упоминаются слѣдующіе учебники, принятые въ нашей гимназіи: теорія словесности Пенинскаго, логика Кизеветтера, «Начальныя основанія латинскаго языка» Беллюстина, латинское стихосложеніе Гримма, алгебра Погорѣльскаго, логариѳмы Колета, всеобщая исторія Кайданова, русская исторія Устрялова, «Начертаніе русской исторіи» Погодина, географія Штейна, физическая географія Ободовскаго, Leçons de lecture par Noel et Laplau, учебная книга нѣмецкаго яз. Геккера, нѣмецкая грамматика Лейбрехта, греческая грамматика съ христоматіей Якобса. Въ журналахъ совѣта за 1836 г. упоминается, какъ руководство по французскому языку, грамматика Летелье. Списки книгъ, выданныхъ пансіонерамъ въ 1842 и 1843 г.г., заставляютъ думать, что еще въ 1830-хъ годахъ, сверхъ поименованныхъ руководствъ, въ нашей гимназіи еще употреблялись: пространная русская грамматика Востокова, славянская грамматика Пенинскаго, латинская грамматика Попова, греческая грамматика Шаде, ариѳметика Буссе.

Относительно 1840-хъ годовъ, какъ уже было указано, свѣдѣнія о ходѣ преподаванія и объ учебникахъ гораздо полнѣе. Главнымъ источникомъ ихъ служатъ программы преподаванія на 1845—1846 годъ, представленныя директору учителями и имъ приведенныя въ систему. При нихъ указаны и употребляемыя учебныя руководства. Сдѣлаемъ обозрѣніе преподаванія отдѣльныхъ предметовъ въ 1845 г. на основаніи этого документа.

Законъ Божій (законоучитель свящ. Богородицкій). I кл.: свящ. исторія Ветхаго Завѣта (учебникъ

Богданова), II кл.: свящ. исторія Новаго Завѣта (учебникъ свящ. исторіи для народныхъ училищъ); дополнительныя объясненія преподавателя дѣлаются по руководству «Чтенія изъ книгъ св. Писанія» и «Священной исторіи» Филарета. III и IV классы: катихизисъ (руководство Филарета). V и VI классы: исторія христіанской церкви (учебникъ Богданова). VII кл.: обязанности христіанина по ученію православной церкви (руководство Кочетова). Въ VI кл. предполагалось еще объяснительное чтеніе св. Писанія.

Русскій языкъ (въ I и II кл. младш. уч. Ремизовъ, въ III—VII кл. старш. уч. Безсоновъ).

I классъ: практическое изученіе грамматики по методу, изложенному въ соч. Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка». II кл.: подробное изученіе этимологіи (руководства (?) Востокова, Греча и Буслаева). Въ обоихъ классахъ 1 (изъ 3) урокъ въ недѣлю употребляется на письмо подъ диктовку, заучиванье басенъ и др. отрывковъ и разборъ ихъ — логическій, вещественный и грамматическій.

III классъ: синтаксисъ простого предложенія, выводимый изъ разбора басенъ Крылова и др. отрывковъ, при помощи грамматики Востокова. Въ IV кл.—синтаксисъ сложнаго предложенія по тому же руководству, выводимый изъ разбора глав. обр. отрывковъ изъ Карамзина; правила русскаго стихосложенія (руков. Пенинскаго); грамматика ц.-славянскаго языка—на основаніи разбора текстовъ (руков. Пенинскаго?). Письменныя упражненія въ III и IV кл. состоятъ: въ письмѣ подъ диктовку и составленіи на дому описаній, разсказовъ и примѣровъ на синтаксическія правила; подобныя работы

подаются учениками еженедѣльно. V классъ: общая теорія словесности, на основаніи разбора произведеній древнихъ и новыхъ русскихъ писателей, глав. обр. Карамзина (руков. Давыдова). VI и VII классы: частная теорія словесности (въ VI—прозы, въ VII—поэзіи), основанная на разборѣ произведеній: Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Пушкина и др. (руков. Давыдова). Во 2-е полугодіе VII кл.—исторія русской литературы, представляющая краткое повтореніе всего гимназическаго курса (руков. Греча). Письменныя упражненія учениковъ V, VI и VII кл. исключительно домашнія и состоятъ изъ переводовъ, переложеній статей авторовъ, изучаемыхъ въ классѣ, и сочиненій по разработанному въ классѣ плану. Количество ихъ: въ V кл. одно въ недѣлю, въ VI кл.—одно въ 2 недѣли, въ VII кл.—одно въ мѣсяцъ. Съ преподаваніемъ словесности соединяется преподаваніе логики: въ VI кл. проходится элементарная логика, въ VII кл.—методологія (руков. Рождественскаго, дополненія—изъ книги Новицкаго). Учитель Безсоновъ, какъ видно изъ его рапорта директору, былъ приверженецъ аналитическаго метода преподаванія грамматики и теоріи словесности. Объ употребленіи руководства Давыдова при изученіи теоріи словесности онъ говоритъ: «книга будетъ только уважительнымъ свидѣтельствомъ заключеній, которыя будутъ выводимы учениками при чтеніи сочиненій образованнѣйшихъ отечественныхъ писателей».

Математика (I—IV кл.—ст. уч. Бѣлелюбскій, V—VII кл.—ст. уч. Цвѣтковъ).

I и II классы: вся ариѳметика; правила выводятся изъ примѣровъ; въ классѣ рѣшаются устно несложныя задачи, сложныя—письменно на дому.

Теорія проходится безъ учебника; руководства для задачъ: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ“, изд. Департ. Народнаго Просвѣщенія, и „Руководство къ умственнымъ вычисленіямъ“ Леруа. III и IV классы: вся алгебра; правила выводятся при помощи обращаемыхъ къ классу вопросовъ; изученіе теоріи сопровождается рѣшеніемъ задачъ; на домъ даются задачи по руководству Гирша („Собраніе формулъ и задачъ алгебраическихъ“); теоретическаго руководства не указано. Въ IV классѣ съ не учащимися греческому языку проходится начало геометріи (съ площадей).

V, VI и VII классы: полный курсъ геометріи, въ VII кл., кромѣ того, повтореніе нѣкоторыхъ частей ариѳметики и алгебры. Не учащимся греческому языку преподается, сверхъ общаго курса, тригонометрія. Изученіе теоріи сопровождается рѣшеніемъ задачъ. (Руководства: Кушакевича и отчасти — Беллавеня).

Съ преподаваніемъ математики въ старшихъ классахъ соединяется преподаваніе физики (въ VI и VII кл.) и космографіи въ VII кл.). Физика проходится по руководству Ленца, съ дополненіемъ изъ разныхъ книгъ, и теорія ея сопровождается опытами; космографія читается „по письменнымъ тетрадкамъ“.

Латинскій языкъ. (I—III классы—старшій учитель Чижовъ, IV—VII классы—старшій учитель Лыткинъ).

I классъ: чтеніе, письмо, краткая этимологія, переводъ примѣровъ съ русскаго языка на латинскій, разборъ латинскихъ басенъ (руков. Беллюстина).

II классъ: подробная этимологія (по руководству Попова), разборъ басенъ (по книгѣ Беллюстина),

заучиванье латинскихъ фразъ и цѣлыхъ отрывковъ, переводъ предложеній съ русскаго языка на латинскій.

III классъ: синтаксисъ, основанный на разборѣ примѣровъ (руководство Попова); чтеніе съ разборомъ К. Непота.

IV классъ: повтореніе синтаксиса и переводъ съ русскаго языка на латинскій (1 урокъ въ недѣлю), чтеніе К. Непота (1 ур.) и Цезаря (1 урокъ).

V классъ: чтеніе Цезаря, Т. Ливія, Овидія.

VI классъ: чтеніе Т. Ливія, Цицерона De officiis, Энеиды Виргилія.

VII классъ: чтеніе рѣчей Цицерона и Энеиды Виргилія. Въ трехъ старшихъ классахъ переводы съ русскаго языка не занимаютъ особыхъ уроковъ, а присоединяются къ чтенію авторовъ.

При чтеніи писателей въ IV—VII классахъ обращается вниманіе не только на переводъ и толкованіе словъ, но и на изученіе слога и духа произведеній. При переводахъ съ русскаго языка на латинскій, темы для которыхъ берутся изъ читаемыхъ авторовъ, ученики пріучаются не только къ правильному употребленію отдѣльныхъ выраженій, но и къ построенію періодовъ въ духѣ латинскаго языка.

Исторія (III—VII классы—старшій учитель Троицкій).

III классъ: краткій обзоръ всеобщей и русской исторіи (первой—по руководству Кайданова, второй—по краткому руководству Устрялова, съ дополненіями изъ русской исторіи для дѣтей Ишимовой).

IV классъ: древняя исторія—по руководству Смарагдова, съ дополненіями изъ древней исторіи Лоренца и римскихъ авторовъ.

V классъ: исторія средниxъ вѣковъ—по руководству Смарагдова, съ дополненіями: изъ Лоренца и Шульгина (политическая исторія), Гюллемана (общественный и частный бытъ) и Галлама (образованность и литература).

VI классъ: новая исторія, кончая первой третью XIX в.—по руководству Кайданова, съ дополненіями изъ лекцій Лоренца, журналовъ, газетъ, обнародованныхъ правительствомъ актовъ.

VII классъ: русская исторія—по полному руководству Устрялова, съ дополненіями изъ Карамзина и актовъ Археографической комиссіи.

Изученіе древней исторіи въ IV кл. сопровождается черченіемъ учениками картъ по древней географіи.

Географія (III, IV и V классы—младшій учит. Ремизовъ, VI и VII классы—старшій учитель Троицкій).

III классъ: общія понятія изъ географіи и обозрѣніе Европы, преимущественно физическое.

IV классъ: обозрѣніе Азіи и Африки.

V классъ: обозрѣніе Америки и Австраліи. Руководство во всѣхъ трехъ классахъ—Штейна (переводъ Соколова); дополненіемъ служатъ: чтеніе въ классѣ путешествій, а также объясненія преподавателя, заимствованныя изъ сочиненій Сидова и Бернгауза (Grundzüge der Geographie). Изученіе курса сопровождается черченіемъ учениками картъ.

VI классъ: географія Россіи (по руководству Павловскаго) съ присоединеніемъ важнѣйшихъ статистическихъ выводовъ (по руководствамъ: Андросова, Зябловскаго, Арсеньева, а также по журналамъ и правительственнымъ сообщеніямъ).

VII классъ: повтореніе всеобщей географіи (по руководству Штейна) съ присоединеніемъ статисти-

ческихъ выводовъ (по руководствамъ Зябловскаго, Бальба и др. источникамъ).

Греческій языкъ (IV—VII классы—старшій учитель Воскресенскій).

IV классъ: чтеніе, письмо, краткій курсъ этимологіи (по Кюнеру), чтеніе отрывковъ изъ христоматіи Якобса (1 курсъ).

V классъ: подробное повтореніе этимологіи (по Кюнеру), чтеніе отрывковъ изъ христоматіи Якобса (2 курсъ), а во 2-е полугодіе—Одиссеи.

VI классъ: подробное повтореніе этимологіи (по Кюнеру), изученіе синтаксиса (по руководству Бутмана), чтеніе христоматіи Якобса (курсъ 2-й) и Одиссеи; переводъ съ русскаго языка на греческій отрывковъ, взятыхъ изъ греческихъ авторовъ, а во 2-е полугодіе—статей изъ сборника Соколова.

VII классъ: повтореніе синтаксиса (по Бутману), чтеніе Одиссеи (1-е полугодіе) и „Достопамятностей“ Ксенофонта съ историческими и филологическими комментаріями, переводъ съ русскаго языка на греческій статей изъ сборника Соколова.

Французскій языкъ (младшій учитель Турне).

I и II классы: чтеніе, практическія упражненія по руководству Рейнгартена (переводъ Фирмана), практическое изученіе вспомогательныхъ глаголовъ.

III и IV классы: изученіе этимологіи (по руководству Куртенера), переводъ легкихъ фразъ съ русскаго языка на французскій; чтеніе Телемака съ разборомъ и пересказомъ отрывковъ на французскомъ языкѣ.

V классъ: изученіе синтаксиса, сопровождаемое переводомъ фразъ съ русскаго на французскій языкъ (по руководству Куртенера), чтеніе повѣство-

вательныхъ статей изъ христом. Трико (Cours de literature) съ разговорными упражненіями.

VI и VII классы: подробное изученіе синтаксиса, сопровождаемое переводомъ статей на французскій языкъ по книгѣ Кистера („Постепенныя занятія для переводовъ"). Чтеніе статей изъ христоматіи Трико съ разговорными упражненіями.

Нѣмецкій языкъ (младшій учитель Шнейдеръ).

I классъ: чтеніе, письмо, составленіе фразъ, заучиванье словъ и разговоровъ (руководство Реннгартена).

II классъ: заучиванье словъ и разговоровъ, переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій фразъ (руководство Реннгартена). Попутно ученики знакомятся съ грамматическими правилами.

III классъ: изученіе этимологіи—до неправильныхъ глаголовъ, переводы съ русскаго языка на нѣмецкій и обратно; при послѣднихъ отъ учениковъ требуются отвѣты по-нѣмецки на вопросы преподавателя.

IV классъ: окончаніе этимологіи; переводы съ русскаго языка на нѣмецкій по книгѣ Каспари („Materialien zu deutschen Lese—schreib—und sprechuebungen").

V, VI и VII классы: изученіе синтаксиса; чтеніе нѣмецкихъ статей по христоматіи Геринга; переводы съ русскаго языка на нѣмецкій по Каспари.

Учитель Шнейдеръ довольно обстоятельно описываетъ свой методъ преподаванія; напримѣръ, о I классѣ онъ говоритъ: «... одинъ урокъ въ недѣлю посвящается на чтеніе, заучиванье словъ и разговоровъ, по учебнику г. Реннгартена, а второй на изученіе письма и составленіе мелкихъ фразъ; при

чемъ вызванный къ доскѣ ученикъ сперва складываетъ слово изустно, а уже потомъ пишетъ его; другіе списываютъ въ то же время съ доски. Это продолжается первыя двѣ трети. Въ послѣднюю треть письмо замѣняется чтеніемъ и составленіемъ болѣе сложныхъ фразъ на выученныя слова, а внѣ класса ученики переписываютъ приготовляемый ими урокъ на бумагу».

Въ концѣ составленной директоромъ сводной программы помѣщенъ подсчетъ уроковъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса: ихъ насчитано для обучающихся греческому языку 140, при чемъ оба новыхъ языка считаются обязательными. Въ таблицѣ уроковъ 1828 года общее число ихъ было 160; слѣдовательно, таблица, проектированная нашей гимназіей на 1845—46 учебный годъ, значительно сократила число уроковъ противъ нормы устава [1]. Но, какъ мы видѣли, она не была приведена въ дѣйствіе, а замѣнена таблицей, присланной изъ округа, въ которой общее число уроковъ было 153. Хотя въ основу программъ преподаванія, проектированныхъ нашей гимназіей на 1845—46 годъ, легла таблица уроковъ, которая въ дѣйствительности не примѣнялась, но это почти не умаляетъ значенія этихъ программъ для характеристики преподаванія въ 1840-хъ годахъ. Дѣло въ томъ, что 1) сокращеніе числа уроковъ пало на предметы, либо даже не внесенные въ сводную программу (рисованіе и черченіе), либо такіе, для преподаванія которыхъ оно было мало чувствительно (древніе язы-

[1] Въ настоящее время желаніе сократить число уроковъ со стороны учителей показалось бы удивительнымъ, но, при меньшемъ объемѣ тогдашнихъ программъ и независимости содержанія отъ числа уроковъ, оно было понятно.

ки), исключеніе составляетъ географія, которую предполагалось начинать съ 3-го класса вмѣсто 1-го; 2) чтеніе программъ, составленныхъ отдѣльными учителями, ясно показываетъ, что ими излагались методы и пріемы преподаванія, дѣйствительно примѣнявшіеся въ нашей гимназіи (учителя обыкновенно и говорятъ въ настоящемъ или прошедшемъ времени: «проходится», «пройдено»); 3) указанные въ программахъ учебники дѣйствительно употреблялись въ гимназіи. Итакъ, будемъ разсматривать изложенныя программы, какъ *отчетъ* о состояніи преподаванія въ срединѣ 1840-хъ годовъ во Владимірской гимназіи, и сдѣлаемъ изъ нихъ нѣкоторые общіе выводы. Программы обнаруживаютъ слѣдующіе факты. 1. Составители ихъ—учителя—были люди развитые, хорошо понимавшіе значеніе преподаваемыхъ предметовъ въ ходѣ гимназическаго преподаванія и относившіеся къ нимъ серіозно. Особенно хорошее впечатлѣніе производитъ программа преподаванія русскаго языка и словесности въ III—VII классахъ. Старшій учитель Безсоновъ, видимо, былъ настоящій филологъ, любившій языкъ, какъ лучшее орудіе и могучій двигатель человѣческой мысли, и въ своемъ курсѣ не приносилъ его формъ въ жертву усиленному извлеченію историческихъ данныхъ изъ поэтическихъ произведеній словесности, какъ это склонны были дѣлать многіе словесники.

2. Преподаваніе въ общемъ шло согласно съ учебными планами 1832 года; изъ отступленій замѣтно отсутствіе французскихъ сочиненій въ VII классѣ, за которыя нѣкогда получилъ выговоръ баронъ де Грюше.

3. Письменныя работы представлялись учениками по всѣмъ языкамъ и по математикѣ,—но, за

исключеніемъ диктантовъ, исполнялись почти исключительно на дому, а не въ классѣ. Замѣтно, что имъ не придавалось рѣшающаго значенія для оцѣнки ученическихъ познаній, какъ это было въ эпоху Толстовскаго устава. Количество сочиненій по русскому языку было весьма значительно, а въ V классѣ даже огромно (одно въ недѣлю). Конечно, при маломъ количествѣ учениковъ учитель словесности могъ справиться съ работами, но тѣмъ не менѣе приходится думать, что тогдашнія сочиненія въ среднихъ классахъ были не велики по объему. Темы ихъ были, по большей части, литературныя.

4. Большая длина уроковъ (1½ часа) давала возможность преподавателямъ словесности, исторіи и географіи читать въ классѣ обширныя статьи изъ книгъ, и чтеніе это, видимо, широко практиковалось.

5. Необязательному греческому языку обучалось большинство учениковъ гимназіи: напримѣръ, въ VI классѣ на 1845—46 годъ не предвидѣлось учениковъ, не обучающихся этому предмету.

Таковы свѣдѣнія о состояніи преподаванія въ нашей гимназіи, получаемыя изъ главнаго документа 1840-хъ годовъ. Списки книгъ, выданныхъ пансіонерамъ, даютъ еще нѣсколько названій учебниковъ, употреблявшихся въ началѣ десятилѣтія; а изъ экзаменаціонныхъ вѣдомостей можно сдѣлать одинъ цѣнный выводъ, что учителя ставили много неудовлетворительныхъ балловъ (2 и 1) за годъ и на экзаменѣ, но эти баллы меньше препятствовали переходу въ высшіе классы, чѣмъ въ настоящее время.

8. Успѣшность учениковъ.

Формальная успѣшность учениковъ, выражающаяся въ получаемыхъ ими баллахъ и переходѣ въ высшіе классы или окончаніи курса, какъ показываютъ экзаменаціонныя вѣдомости и журналы совѣта, была не высока. Число окончившихъ курсъ въ десятилѣтіе 1835—1844 годовъ было поразительно мало: 3—5 человѣкъ въ годъ при общемъ числѣ учениковъ 130—160, т. е. 2 или 3% (1835 г.=2, 1836=5, 1837=3, 1838=4, 1839=3, 1840=3, 1841=5, 1842=2, 1843=3, 1844=5, тогда какъ въ настоящее время, при удлиненномъ курсѣ, оканчиваетъ 5—6%. Съ 1845 года % окончившихъ курсъ начинаетъ быстро повышаться: въ 1845 году окончило 7(=4,1%), въ 1846 году=7(3,8%), въ 1847 году=10(4,9%), въ 1848 году=14(7%), въ 1849 году=8(3,7%); въ среднемъ % окончившихъ курсъ=4,7, т. е. близокъ къ современному. Количество учениковъ, переводимыхъ въ высшіе классы, было въ описываемый періодъ тоже не велико, значительно ниже современнаго: въ 1840-хъ годахъ оно составляло 64—65% общаго числа учениковъ въ началѣ года или 68—69% числа учениковъ къ концу учебнаго года; теперь же это процентное отношеніе въ обоихъ случаяхъ доходитъ до 91%.

О дѣйствительной успѣшности учениковъ, т. е. о высотѣ ихъ познаній, въ изучаемый періодъ мы имѣемъ мало свѣдѣній, и не можемъ съ точностью рѣшить, насколько дѣйствительная успѣшность соотвѣтствовала формальной, насколько правильно оцѣнивались баллами познанія учениковъ. Въ протоколахъ засѣданій совѣта, посвященныхъ разсмотрѣнію «мѣсячныхъ вѣдомостей» объ успѣхахъ и поведеніи

учениковъ, обыкновенно указывается рядъ неуспѣшныхъ учениковъ, по отношенію къ которымъ совѣтъ принимаетъ исправительныя мѣры, а иногда помѣщается общее заключеніе совѣта о состояніи успѣшности во всей гимназіи, напримѣръ, въ такой формѣ: «успѣхи учениковъ вообще удовлетворительны» или: «много неуспѣшныхъ учениковъ». Такія указанія отчасти опирались на мнѣніе совѣта о дѣйствительной успѣшности учениковъ, т. е. ихъ познаніяхъ, но главнымъ основаніемъ для нихъ все-таки служили отмѣтки; значитъ, въ нихъ тоже главнымъ образомъ отражалась формальная успѣшность. Болѣе цѣннымъ источникомъ свѣдѣній о высотѣ познаній учениковъ могутъ служить отзывы представителей окружного начальства, ревизовавшихъ гимназію, но за изслѣдуемый періодъ такихъ отзывовъ въ архивѣ гимназіи не сохранилось, за исключеніемъ одного общаго указанія на впечатлѣніе попечителя Московскаго округа, графа Строганова, о которомъ есть извѣстіе, что, послѣ обозрѣнія гимназіи въ апрѣлѣ 1844 года, онъ изъявилъ благодарность какъ начальствующимъ, такъ и преподавателямъ «за найденный имъ порядокъ и надлежащее изложеніе предметовъ». Какихъ-нибудь отзывовъ о познаніяхъ учениковъ нашей гимназіи изъ источниковъ другого рода, оффиціальныхъ и частныхъ (донесенія, письма, воспоминанія), мы также не имѣемъ. Не сохранилось и ученическихъ работъ того времени.

Итакъ, прямыхъ указаній на дѣйствительную успѣшность учениковъ нашей гимназіи въ періодъ 1833—49 годовъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ, но немаловажное значеніе имѣетъ для разрѣшенія разбираемаго вопроса общее впечатлѣніе, получаемое при чтеніи рукописей гимназическаго архива. Про-

токолы, прошенія, резолюціи, доклады причастныхъ къ гимназіи лицъ въ началѣ и въ концѣ періода носятъ различный характеръ: въ 1830-хъ годахъ рукописи не только учащихся, но и учащихъ нѣсколько наивны и нерѣдко безграмотны; въ концѣ 1840-хъ годовъ онѣ становятся обработанными, серьезными и вполнѣ удовлетворительными по строю рѣчи и соблюденію орѳографіи. Ясно, что умственный уровень гимназической корпораціи—включая учащихъ и учащихся—быстро повышался. Отсюда можно сдѣлать довольно вѣроятный выводъ о состояніи познаній учениковъ въ отдѣльныя эпохи изучаемаго періода: знанія учениковъ были слабы въ 1830-хъ годахъ и стали удовлетворительными, а, можетъ быть, и хорошими,—въ 1840-хъ годахъ.

Поднятіе успѣшности учениковъ или, по крайней мѣрѣ, поддержаніе ея на должной высотѣ—составляло, конечно, всегда главную заботу педагогическаго персонала гимназіи, и проявленіе этой работы оставило не мало слѣдовъ въ документахъ гимназическаго архива, особенно въ журналахъ совѣта гимназіи. Мѣры для поднятія или поддержанія успѣшности были весьма разнообразны какъ по ихъ значенію въ гимназической жизни, такъ по ихъ авторамъ и объектамъ. Не говоря уже о самой основной мѣрѣ—совершенствованіи методовъ и пріемовъ преподаванія со стороны самихъ учителей, о чемъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній,—можно назвать такія категоріи мѣропріятій: 1) общія улучшенія въ постановкѣ преподаванія, производимыя совѣтомъ; 2) награды и поощренія; 3) исправительныя мѣры; 4) особыя мѣропріятія. Мѣры 2-й и 3-й категоріи различались по болѣе или менѣе общему характеру въ отношеніи учениковъ, а также по тому, отъ

кого онѣ исходили (совѣтъ, начальство, учителя). Большая часть названныхъ мѣропріятій будетъ разсмотрѣна въ другихъ главахъ (поведеніе учениковъ, дѣятельность совѣта)—по тѣсной связи ихъ съ другими вопросами; въ настоящей главѣ я разсмотрю только такія, которыя были направлены исключительно къ поднятію успѣшности учениковъ при данной постановкѣ учебнаго дѣла, т. е. нѣкоторыя мѣры 2-й, 3-й и 4-й категорій.

Награды и поощренія сводились къ слѣдующему. Въ теченіе учебнаго года отличные ученики въ срединѣ 1830-хъ годовъ поощрялись выраженіемъ имъ «благоволенія» совѣта; позднѣе они записывались, на основаніи мѣсячныхъ балловъ, на красную доску: таковая была заведена въ январѣ 1839 года. Ученики, отличившіеся успѣхами въ году и на переводныхъ испытаніяхъ, при переводѣ въ высшій классъ получали награды въ видѣ книгъ и похвальныхъ листовъ. Ученики, успѣшно прошедшіе курсъ VII класса и отлично сдавшіе окончательныя испытанія, кромѣ аттестата награждались медалями. Всѣ эти поощренія исходили отъ совѣта гимназіи; но, понятно, и отдѣльные представители педагогическаго персонала поощряли прилежныхъ учениковъ похвалой или прибавкой балла.

Исправительныя мѣры для поднятія успѣшности примѣнялись, конечно, только къ такимъ ученикамъ, которые плохо учились по лѣности или небрежности. Для лѣнивыхъ учениковъ младшихъ классовъ обычной исправительной мѣрой служили въ концѣ 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ розги, для учениковъ старшихъ классовъ—карцеръ или порицаніе отъ совѣта. Въ первые годы дѣйствія устава 1828 г., когда розги еще не получили широкаго примѣне-

нія, порицаніе или выговоръ совѣта примѣнялись и къ ученикамъ младшихъ классовъ. Всѣ перечисленныя исправительныя мѣры назначались совѣтомъ гимназіи, обыкновенно при разсмотрѣніи мѣсячныхъ вѣдомостей. Въ виду того, что эти мѣры были направлены собственно къ улучшенію поведенія учениковъ и черезъ его посредство къ поднятію успѣшности, притомъ обыкновенно примѣнялись къ ученикамъ шаловливымъ или плохо себя ведущимъ, то онѣ подробнѣе разсмотрѣны въ главѣ о поведеніи учениковъ, къ которой я и отсылаю читателя. Здѣсь же считаю нужнымъ сдѣлать одно дополнительное замѣчаніе. Въ описываемый періодъ совѣтъ нашей гимназіи смотрѣлъ на причины неуспѣшности отдѣльныхъ учениковъ иначе, чѣмъ въ настоящее время. Причиной неуспѣшности ученика въ то время считалась почти исключительно лѣность; недостатокъ способностей, неблагопріятная домашняя обстановка, качество преподаванія рѣдко принимались въ расчетъ. «Малоуспѣшный» и «лѣнивый» тогда въ глазахъ педагоговъ были почти синонимами, почему за малоуспѣшность и наказывали, какъ за дурное поведеніе. Хотя вообще такой взглядъ безусловно неправиленъ, но надо думать, что въ ходѣ учебнаго дѣла того времени для него было какое-нибудь основаніе, т. е., иными словами, требованія гимназическаго преподаванія тогда болѣе, чѣмъ теперь, соотвѣтствовали силамъ учениковъ.

Къ особымъ мѣрамъ для поднятія успѣшности учениковъ можно причислить такія, которыя не подходятъ подъ первыя три рубрики (улучшеніе преподаванія, поощрительныя и исправительныя мѣры). Таковы: предупрежденіе отъ совѣта гимназіи родителей неспособныхъ учениковъ, что ихъ дѣти

не подаютъ надежды на успѣшное прохожденіе курса (2 случая: 9 апрѣля 1839 г. и 10 мая 1846 г.); обращеніе совѣта къ родителямъ лѣнивыхъ учениковъ для принятія мѣръ къ ихъ исправленію (см. гл. о поведеніи); переведеніе неуспѣвающаго ученика въ низшій классъ: 14 ноября 1838 г.—Соколова изъ VI въ V кл., 12 апрѣля 1841 г.—Юнонина изъ II въ I кл; 14 ноября 1839 г. совѣтъ пригрозилъ нѣсколькимъ ученикамъ II кл. перевести ихъ въ I классъ, но угрозы не выполнилъ. Приведенные немногіе случаи «особыхъ мѣръ» показываютъ, что совѣтъ гимназіи признавалъ возможность существованія другихъ причинъ неуспѣшности, кромѣ лѣности, но только крайне рѣдко.

Къ числу мѣръ для поднятія успѣшности учениковъ можно въ извѣстномъ смыслѣ отнести и увольненіе учениковъ изъ гимназіи за малоуспѣшность. Въ періодъ 1833—49 гг. такая мѣра въ точномъ смыслѣ совсѣмъ не примѣнялась, т. к. въ уставѣ 1828 г. не было положенія, соотвѣтствующаго современному § 34 и дополняющимъ его циркулярамъ: можно было сидѣть въ одномъ классѣ по нѣскольку лѣтъ. Были, однако, и въ описываемый періодъ случаи, когда ученикъ увольнялся преимущественно за лѣность и неуспѣшность, но это значило, что данный ученикъ, какъ говорится, «отъ рукъ отбился», т. е. шалитъ, повѣсничаетъ, а учиться вовсе не хочетъ, и нѣтъ надежды на его исправленіе. Подобныхъ увольненій въ изучаемый періодъ я насчиталъ только 7; а именно, были уволены за лѣность и неуспѣшность: 1835 г. 26 февраля—уч. V кл. Іорданскій, 1839 г. 16 марта—IV кл. Переплетчиковъ, 1839 г. 10 мая—II кл. Михайловъ, 1840 г. 25 октября—I кл. Крутецкій; было предложено ро-

дителямъ взять изъ гимназіи: 1844 г. 16 октября— III кл. Лопухина, 1845 г. 27 апрѣля – учениковъ II кл. Штральборковъ 1-го и 2-го. Числа, въ которыя происходили эти увольненія, какъ видимъ, совершенно не связаны съ окончаніемъ учебнаго года, и потому ясно, что, несмотря на выставленный совѣтомъ мотивъ увольненія (лѣность и неуспѣшность), причиной его являлось собственно поведеніе ученика. Въ виду этого указанные случаи будутъ подробнѣе разсмотрѣны въ главѣ о поведеніи учениковъ.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ разсмотрѣнія данныхъ касательно успѣшности учениковъ и воздѣйствія на нее со стороны педагогическаго персонала въ періодъ 1833—1849 г.г., таково: гимназія серіозно заботилась объ успѣхахъ учениковъ, но главнымъ достоинствомъ считала въ ученикѣ его благонравіе, слѣдствіемъ котораго должна была быть и успѣшность; пока ученикъ грубыми проступками или полнымъ нежеланіемъ учиться не показалъ совершенной утраты благонравія,—его охотно держали въ гимназіи несмотря на малоуспѣшность.

9. Испытанія учениковъ.

Въ изучаемый періодъ, какъ и въ послѣдующіе, испытанія въ гимназіи дѣлились на окончательныя, переводныя и пріемныя. Правила объ испытаніяхъ по уставу 1828 г. были изданы министерствомъ только 29 января 1837 г., до тѣхъ поръ способъ производства испытаній устанавливался совѣтомъ гимназіи.

Окончательныя испытанія — для учениковъ VII класса—въ нашей гимназіи, какъ и въ другихъ, происходили передъ началомъ лѣтнихъ вакацій, въ

іюнѣ мѣсяцѣ, и продолжались различно: въ 1830-хъ годахъ=7—10 дней, въ 1840-хъ=18—24 дня. Разница въ продолжительности ихъ періода обусловливалась различнымъ распредѣленіемъ по днямъ испытаній изъ отдѣльныхъ предметовъ. Согласно правиламъ 1837 г., окончательныя испытанія должны производиться совѣтомъ гимназіи въ полномъ составѣ. Ученики испытываются по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, кромѣ графическихъ искусствъ, въ ихъ полномъ объемѣ, по языкамъ письменно и устно, по остальнымъ предметамъ только устно. Правила устанавливаютъ очень дробное дѣленіе предметовъ курса на отдѣлы, по каждому изъ которыхъ должна была ставиться ученику отмѣтка. Для полученія аттестата ученикъ долженъ имѣть въ среднемъ выводѣ изъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ на испытаніи, а также за поведеніе, не менѣе 3, и кромѣ того получить баллъ не менѣе 3 по слѣдующимъ «главнымъ» предметамъ: Закону Божію, русской словесности, латинскому языку, ариѳметикѣ и геометріи; по другимъ предметамъ съ ихъ подраздѣленіями допускались и неудовлетворительныя отмѣтки, если онѣ не мѣшали удовлетворительному среднему выводу. О дѣленіи предметовъ на отдѣлы можно судить по экзаменаціонной вѣдомости нашей гимназіи 1847 г., составленной согласно правиламъ 1837 г. Въ ней мы находимъ слѣдующее дѣленіе предметовъ.

1. *Законъ Божій*: отдѣлы: священная исторія, пространный катихизисъ, церковная исторія, черты дѣятельнаго ученія вѣры.

2. *Россійская словесность*: отдѣлы: русская грамматика, славянская грамматика, риторика, піитика и исторія литературы, сочиненіе.

3. *Иностранные языки*: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій: грамматика, переводъ на русскій языкъ, переводъ съ русскаго яз.

4. *Исторія литературы грековъ и римлянъ.*

5. *Математика*: ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія.

6. *Физика.*

7. *Космографія.*

8. *Исторія*: древняя, средняя, новая, Россійскаго государства.

9. *Географія*: физическая, политическая, Россійскаго государства.

Русское сочиненіе и переводы съ русскаго языка на иностранные представляли собою письменные отвѣты, по остальнымъ отдѣламъ отвѣты были устные.

Таблица предметовъ окончательнаго испытанія въ вѣдомости 1847 г. очень близка къ подобной таблицѣ въ правилахъ объ испытаніяхъ 1837 г., но не вполнѣ съ ней совпадаетъ: въ ней пропущены: сочиненія на иностранныхъ языкахъ (латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ), которыя на практикѣ видимо оказывались непосильными для учениковъ, а затѣмъ—испытанія по статистикѣ и логикѣ, такъ какъ преподаваніе этихъ предметовъ къ лѣту 1847 г. было отмѣнено: статистики—циркуляромъ министра н. п. отъ 17 ноября 1844 г., логики—отъ 9 января 1847 г. Въ экзаменаціонныхъ вѣдомостяхъ болѣе раннихъ годовъ эти предметы значатся. Въ общемъ же всѣ экзаменаціонныя вѣдомости 1837—1849 гг. по перечисленію предметовъ испытанія очень близки другъ къ другу и къ таблицѣ правилъ 1837 г.

Иное мы видимъ въ распредѣленіи экзаменовъ по днямъ за отдѣльные годы. Здѣсь мы находимъ большое разнообразіе въ отношеніи порядка предметовъ, ихъ соединенія и раздѣленія по днямъ. Отсюда проистекала и различная продолжительность времени испытаній. Для примѣра сравнимъ расписаніе испытаній VII класса за 1847 и 1848 гг.

1847 годъ.

Іюня 2. Законъ Божій.
" 4. Русскій языкъ.
" 6. Сочиненіе на русскомъ языкѣ.
" 7. Математика.
" 9. Математика и физика.
" 11. Латинскій языкъ.
" 13. Переводъ съ русскаго языка на латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій яз.
" 14. Греческій, французскій и нѣмецкій яз.
" 16. Исторія.
" 18. Исторія.
" 21. Географія и космографія.

Начало испытаній въ 4 часа пополудни.

1848 годъ.

Іюня 2 и 5. Законъ Божій.
" 4. Русское сочиненіе.
" 7 и 9. Русскій языкъ.
" 12 и 14. Математика и физика.
" 11. Переводъ съ русскаго языка на латинскій, греческій, франц. и нѣм.
" 16 и 19. Исторія всеобщая и русская.
" 21. Латинскій и греческій языки.
" 23 Нѣмецкій и французскій языки.
" 26. Географія и космографія.

Начало испытаній, кромѣ послѣдняго, въ 3½ ч. пополудни, а послѣдняго—въ 9 ч. утра.

Въ двухъ расписаніяхъ смежныхъ годовъ мы и то находимъ значительную разницу: въ первомъ испытанія по Закону Божію и русскому языку (устное) занимаютъ по одному дню, во второмъ— по два; въ первомъ греческій языкъ, какъ предметъ испытанія, присоединенъ къ новымъ языкамъ, во второмъ—къ латинскому языку, въ первомъ русское сочиненіе идетъ послѣ устнаго экзамена по рус. яз., во второмъ раньше. Много, однако, въ двухъ расписаніяхъ и сходныхъ чертъ, притомъ сильно отличающихъ ихъ отъ современныхъ расписаній окончательныхъ испытаній не только въ гимназіяхъ, но и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таковы: 1) отсутствіе рѣзкаго раздѣленія письменныхъ испытаній отъ устныхъ; теперь эти два рода испытаній составляютъ двѣ послѣдовательныя ступени, и подвергающійся испытаніямъ можетъ приступить ко второй ступени (устной), только благополучно пройдя первую (письменную): въ описываемый же періодъ испытанія двухъ родовъ были смѣшаны въ одну группу; 2) отсутствіе письменнаго испытанія по математикѣ и лишнія, по сравненію съ нынѣшнимъ кругомъ испытаній, устныя испытанія по физикѣ, космографіи и географіи; 3) раздѣленіе испытаній по одному предмету на два дня (математика, исторія); 4) соединеніе въ одинъ день письменныхъ испытаній по всѣмъ иностраннымъ языкамъ.

Всѣ эти черты, отличающія испытанія 1840-хъ годовъ отъ современныхъ, были характерными слѣдствіями господствовавшей тогда и отличной отъ нынѣшней системы гимназическаго преподаванія, системы, основанной на устныхъ отвѣтахъ учениковъ, а не на письменныхъ работахъ, и не признающей

столь рѣзкаго, какъ впослѣдствіи, дѣленія предметовъ курса на главные и второстепенные. Первое свойство системы преподаванія сказывалось на распредѣленіи экзаменовъ тѣмъ, что письменнымъ испытаніямъ не придавалось особаго, рѣшающаго значенія, а благодаря второму свойству—устныя испытанія производились по всѣмъ предметамъ курса и растягивались на два дня или соединялись въ одинъ день соотвѣтственно не чину предмета, а сложности провѣрки пріобрѣтенныхъ по нему учениками познаній (раздѣленіе испытанія по исторіи на два дня и соединеніе въ одинъ день испытаній по языкамъ).

Съ какою строгостью производились окончательныя испытанія, какія предъявлялись на нихъ требованія, мы не знаемъ, т. к. не сохранилось ученическихъ отвѣтовъ. По расписаніямъ экзаменовъ и выставленнымъ за нихъ балламъ можно думать, что устныя испытанія производились строже современнаго, а письменныя слабѣе.

Переводныя испытанія для учениковъ I—VI классовъ производились передъ началомъ учебнаго года, въ августѣ мѣсяцѣ, занимая обыкновенно 12—15 дней. Согласно §§ 17 и 18 правилъ объ испыт. 1837 года, переводныя испытанія производятся учителемъ соотвѣтственнаго предмета въ присутствіи директора и одного изъ старшихъ учителей—по выбору совѣта. По тѣмъ предметамъ, для которыхъ есть два учителя, экзаменуетъ всегда старшій по службѣ. Поэтому, начиная съ 1837 года, въ нашей гимназіи для переводныхъ испытаній совѣтъ назначалъ по каждому предмету для всѣхъ классовъ одного *экзаменатора* изъ учителей, который экзаменовалъ въ присутствіи другого учителя, называемаго

свидѣтелемъ. Свидѣтели для разныхъ классовъ могли быть разные. При производствѣ испытаній, согласно правиламъ, приглашался присутствовать почетный попечитель, повидимому, въ качествѣ только наблюдателя. По § 19 правилъ испытанія можно было производить одновременно въ двухъ классахъ, подъ предсѣдательствомъ въ одномъ директора, а въ другомъ—инспектора. Такъ, повидимому, и дѣлалось въ нашей гимназіи.—Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія мы имѣемъ о переводныхъ испытаніяхъ въ 1837 году. Согласно постановленію совѣта отъ 11 августа, эти «годичныя» испытанія начались 12 августа въ двухъ классныхъ комнатахъ: въ одной подъ предсѣдательствомъ директора (II, IV и V классы), въ другой—инспектора (I, III и VI классы). Экзаменаторы со свидѣтелями, смотря по предмету, по которому нужно было производить испытаніе, находились то въ комнатѣ директора, то въ комнатѣ инспектора. На испытаніяхъ присутствовалъ почетный попечитель. Испытанія производились въ каждомъ классѣ по всѣмъ предметамъ и, повидимому, только устно.

По окончаніи испытаній совѣтъ производилъ переводъ учениковъ въ высшіе классы «по соображеніи экзаменныхъ отмѣтокъ съ рекомендаціями гг. преподавателей», какъ сказано въ журналѣ совѣта отъ 27 августа 1837 г., т. е. съ годовыми баллами. Для перевода ученикъ долженъ былъ имѣть извѣстную минимальную сумму годовыхъ и экзаменаціонныхъ балловъ.

Общія пріемныя испытанія происходили одновременно съ переводными и, повидимому, по тѣмъ же правиламъ. Испытанія для пріема отдѣльныхъ учениковъ могли совершаться и въ другое время.

10. Поведеніе учащихся и исправительныя мѣры.

Въ журналахъ совѣта встрѣчается много указаній на поведеніе учениковъ въ изучаемый періодъ Почти въ каждомъ засѣданіи, посвященномъ разсмотрѣнію мѣсячныхъ вѣдомостей, совѣтъ обсуждалъ прилежаніе и поведеніе извѣстнаго числа учениковъ и принималъ по отношенію къ нимъ исправительныя мѣры. Иногда бывали и экстренныя засѣданія совѣта для обсужденія отдѣльныхъ проступковъ учащихся или рѣзко выраженнаго дурного направленія кого-либо изъ нихъ.

Общее впечатлѣніе отъ чтенія журналовъ совѣта, касающихся поведенія учениковъ, таково, что въ общемъ въ изучаемый періодъ оно было вполнѣ нормальнымъ. Распространенныя отрицательныя черты его заключались въ дѣтскихъ шалостяхъ, лѣни, пропускѣ уроковъ; весьма рѣдко встрѣчались крупные проступки.

Можно замѣтить, что въ 30-ыхъ годахъ начальство гимназіи и совѣтъ вели борьбу главнымъ образомъ съ лѣностью учениковъ и «нехожденіемъ» ихъ въ классъ, а въ 40-хъ—съ лѣностью и шалостями. Крупные проступки были одинаково рѣдки въ обѣихъ половинахъ изучаемаго періода.

Принимаемыя начальствомъ и совѣтомъ въ отношеніи учениковъ исправительныя мѣры были въ строгомъ согласіи съ уставомъ. Въ §§ 203, 204 и 205 устава перечислены исправительныя мѣры въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) выговоръ, 2) пристыженіе, 3) лишеніе высшаго мѣста въ классѣ. 4) выставленіе имени виновнаго ученика на черной доскѣ, 5) заключеніе въ запертомъ классѣ (карцеръ), 6) наказаніе розгами (для 3-хъ младшихъ классовъ)

или исключеніе изъ гимназіи (для 4-хъ старшихъ классовъ). Уставъ поясняетъ, что три низшія мѣры исправленія могутъ быть приняты учителемъ или инспекторомъ, 4 и 5—только директоромъ, а 6-я—только совѣтомъ гимназіи. Надзоръ за исполненіемъ наказаній порученъ инспектору.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ исправительныхъ мѣрахъ, которыя принимались самостоятельно учителями, директоромъ и инспекторомъ; въ журналахъ совѣта относительно ихъ встрѣчаются только неясныя общія указанія въ родѣ такого: «N N, несмотря ни на какія мѣры, не подаетъ надежды къ исправленію». Что же касается мѣръ, о принятіи которыхъ дѣлались постановленія совѣта, то онѣ были слѣдующихъ разрядовъ: 1) выговоръ совѣта, 2) заключеніе въ карцеръ, 3) наказаніе розгами и 4) исключеніе изъ гимназіи.

Выговоръ совѣта былъ очень распространенной мѣрой по отношенію къ лѣнивымъ и неаккуратнымъ ученикамъ въ 30-хъ годахъ; позднѣе его вытѣсняютъ другіе виды взысканій. Выговоры бывали простые и «строжайшіе» —съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ повторенія проступковъ (по ж. сов. 25 янв. 1834 г.—послѣ троекратнаго выговора, «при четвертомъ подобномъ замѣчаніи») «будетъ съ таковыми поступлено на основаніи § 205 устава», т. е. виновные подвергнутся наказанію розгами или исключенію.

Заключеніе въ карцеръ—по нынѣшней терминологіи—въ изучаемый періодъ именовалось «заключеніемъ въ запертомъ классѣ», если было непродолжительно=3—4 часа, и «задержаніемъ въ гимназіи на хлѣбѣ и водѣ», если оно длилось сутки и болѣе. Столь употребительныхъ нынѣ часовыхъ арестовъ

тогда, повидимому, не примѣняли. Карцерное заключеніе налагалось по преимуществу за упорную лѣность и притомъ обыкновенно на учениковъ старшихъ классовъ, тогда какъ маленькихъ за то же самое наказывали розгами. По мѣрѣ того, какъ выходятъ изъ употребленія выговоры совѣта (повидимому—вслѣдствіе разочарованія педагоговъ въ ихъ дѣйствительности) учащаются карцеръ и розги. Прямыхъ постановленій совѣта о наложеніи карцернаго заключенія встрѣчается немного. но, послѣ разсмотрѣнія мѣсячныхъ вѣдомостей, совѣтъ нерѣдко поручаетъ инспектору наказать лѣнивыхъ учениковъ «сообразно съ возрастомъ» или «сообразно съ уставомъ», что, надо думать, означало: для младшихъ розги, для старшихъ—карцеръ.

Наказаніе розгами разсматривается въ уставѣ, какъ высшая мѣра взысканія—передъ исключеніемъ изъ гимназіи—для учениковъ трехъ младшихъ классовъ: для учениковъ старшихъ классовъ соотвѣтственной мѣрой являлось прямо исключеніе. Повидимому. мысль устава такова, что учениковъ младшихъ классовъ можно исключать изъ заведенія только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда утрачена всякая надежда на ихъ исправленіе, а за крупные проступки достаточно наказывать ихъ тѣлесно. Такимъ образомъ, по духу устава, розги являются крайней, исключительной мѣрой исправленія. Въ первые годы по введеніи устава наша гимназія такъ и смотрѣла на розги, примѣняя ихъ только какъ наказаніе за грубое озорство, дерзкія шалости и воровство. Напр., въ 1834 г. 27 окт. совѣтъ постановилъ наказать розгами учениковъ I кл. Глѣбова и Григорова, замѣченныхъ и прежде въ шалостяхъ, за учиненную ими 26 октября, по выходѣ изъ клас-

са, драку, при чемъ Григоровъ, «бросивши камень въ обидѣвшаго его Глебова, попалъ въ голову ученику того же класса Арбузову и до крови просекъ кожу»; такому же наказанію подвергся уч. III кл. Степуринъ за то, что 20 ноября 1834 г. «бросилъ изъ за двери свернутою въ комъ бумагою въ законоучителя гимназіи прот. Смирнова»; 18 янв. 1835 г. наказанъ розгами уч. II кл. Кривченко за похищеніе у товарищей «нѣкоторыхъ къ классу принадлежащихъ вещей и книгъ». Постепенно, однако, взглядъ совѣта гимназіи на примѣненіе розогъ мѣняется. Въ 1836 г. 17 ноября совѣтомъ опредѣлено: «учениковъ II класса Эверса и Михайлова, лѣнивыхъ и резвыхъ, но подающихъ еще нѣкоторую надежду къ исправленію, наказать розгами безъ особыхъ замѣчаній». Въ этомъ постановленіи уже замѣтенъ взглядъ на розги, какъ на обычную мѣру исправленія; съ теченіемъ времени такой взглядъ укрѣплялся въ совѣтѣ все болѣе и болѣе, что ясно выражается въ постановленіяхъ, поручающихъ инспектору наказать учениковъ «сообразно съ возрастомъ».

Современному читателю можетъ показаться страннымъ, что столь старинная въ Европѣ исправительная мѣра, какъ розги, въ гимназіи 30-хъ годовъ только постепенно получала частое примѣненіе, тогда какъ скорѣе можно было бы ожидать, что, обратно, она постепенно выходила изъ употребленія. Такое странное на первый взглядъ явленіе однако не трудно объяснить. Дѣло въ томъ, что взглядъ на положеніе гимназіи, какъ представительницы извѣстной ступени образованія, въ теченіе 3 первыхъ десятилѣтій XIX в. постепенно измѣнялся въ обществѣ и педагогической корпораціи въ

духѣ пониженія. Въ 1804 г. на гимназію смотрѣли, какъ на заведеніе съ высокимъ образовательнымъ курсомъ, въ 1828 г. она уже стала представляться простымъ среднеучебнымъ заведеніемъ. Въ началѣ вѣка гимназисты считались чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ студентовъ, чему способствовалъ и ихъ солидный возрастъ; въ 30-хъ годахъ ихъ стали считать простыми учениками, дѣтьми. Наказывать розгами студентовъ—неловко, даже дико, наказывать мальчишекъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ,—почти необходимо. По мѣрѣ того, какъ взгляды педагоговъ испытывали указанное превращеніе, розги начинали казаться все болѣе и болѣе подходящимъ средствомъ для исправленія младшихъ учениковъ гимназіи.

Насколько дѣйствительными для исправленія учениковъ оказывались описанныя средства—выговоръ совѣта, карцеръ и розги, особенно послѣднія? Этотъ вопросъ представляетъ большой интересъ для современнаго общества—въ виду тѣхъ мнѣній, которыя нерѣдко встрѣчаются за послѣдніе годы въ частныхъ разговорахъ и въ литературѣ и сводятся къ тому, что старыя уваровскія гимназіи умѣли лучше современныхъ учить и воспитывать дѣтей, потому что гораздо меньшее количество ихъ выкидывали за бортъ, а причина послѣдняго явленія заключалась въ томъ, что въ старыхъ гимназіяхъ лѣнивыхъ и дурно направленныхъ учениковъ сѣкли, но не исключали. Такимъ образомъ, по мнѣнію многихъ, розги частью замѣняли, частью предупреждали распространенное теперь исключеніе

Чтобы разрѣшить эти вопросы, надо прежде всего познакомиться съ примѣненіемъ въ изучаемомъ періодѣ высшей карательной мѣры для учениковъ—исключенія изъ гимназіи. За время 1833—

49 гг. въ журналахъ совѣта насчитывается 22 случая постановленій объ исключеніи учениковъ, причемъ они имѣютъ двоякую форму: болѣе строгую («постановлено уволить изъ гимназіи такого-то») и менѣе строгую («предложено взять изъ гимназіи такого-то»). Строгая форма примѣнялась чаще (17 случаевъ изъ 22). Причинами исключенія являлись: «нехожденіе въ классъ» (по нынѣшнему—либо неявка безъ объясненія причинъ, либо чрезмѣрныя манкировки), малоуспѣшность—вслѣдствіе лѣности или крайне слабыхъ способностей—и дурное поведеніе. Исключенію подвергались не только ученики старшихъ классовъ (съ IV и выше), для которыхъ по уставу не полагалось сѣченія, но и младшихъ, послѣдніе даже чаще, но обыкновенно уже послѣ того, какъ надъ ними испробованы были другія мѣры исправленія, включая и розги.

22 случая исключенія (въ томъ числѣ 6—за «нехожденіе») за 17 лѣтъ (1833—49 гг.)—цифра небольшая и сама по себѣ: среднимъ числомъ въ годъ приходится менѣе одного исключенія за неуспѣшность и проступки (16 случаевъ), но она кажется совсѣмъ ничтожною при сравненіи съ числомъ исключеній въ нѣкоторыя позднѣйшія эпохи. При дѣйствіи толстовскаго устава за такой же періодъ времени въ 17 лѣтъ (1872—88 гг.) я насчиталъ исключеній: за проступки—22, за неуспѣшность—116, итого 138, не считая увольненій за неявку, которыя можно считать добровольнымъ уходомъ изъ гимназіи. Еще больше было количество увольненій при введеніи устава 1864 года: за 7 лѣтъ (1865—71) было уволено за неуспѣшность 88 учениковъ и 7 за проступки! Правда, въ концѣ 1890-хъ и началѣ 1900-хъ годовъ число увольненій было очень

мало, но все же съ 1891 по 1900 г. было уволено за неуспѣшность 23 ученика.

Итакъ, мнѣніе, что въ старыхъ гимназіяхъ мало увольняли учениковъ,—справедливо, но причину надо искать не въ розгахъ, а въ самомъ уставѣ и отношеніи къ дѣтямъ педагоговъ.

Конечно, могли быть случаи, когда наказаніе розгами замѣняло для ученика исключеніе, которому его подвергли бы въ современной гимназіи; но вѣдь по уставу 1828 г. розги допускались только для учениковъ младшихъ классовъ и, слѣдовательно, не спасали отъ увольненія учениковъ старшихъ классовъ въ случаѣ серіозныхъ проступковъ; кромѣ того, какъ прежде, такъ и теперь совѣтъ гимназіи почти всегда имѣлъ возможность замѣнить исключеніе ученика за проступокъ карой другого рода, напр. карцернымъ заключеніемъ. Значитъ, розги, какъ замѣна увольненія, не могли имѣть большого значенія, а малое число увольненій за проступки зависѣло отъ благодушія совѣта. Увольненія за малоуспѣшность розги совсѣмъ не могли замѣнять, и количество такого рода увольненій зависитъ отъ строгости оцѣнки ученическихъ познаній и отъ правилъ устава касательно перевода и оставленія учениковъ въ классѣ. По уставу 1828 г. ученикъ могъ сидѣть въ классѣ сколько угодно лѣтъ, если не надоѣстъ совѣту; съ 1864 г. на этотъ счетъ пошли строгія правила, требующія увольненія засиживающихся учениковъ; оцѣнка ученическихъ познаній въ новое время тоже стала строже, чѣмъ въ 1830—1840-хъ годахъ. Ясно, что въ новыхъ гимназіяхъ увольненій должно быть больше, чѣмъ въ старыхъ, независимо отъ розогъ, какъ замѣны увольненія.

Но можно еще предположить, что розги исправляли учениковъ отъ лѣности и дурныхъ наклонностей и такимъ образомъ предупреждали ихъ увольненіе. Исторія нашей гимназіи не даетъ намъ однако права утверждать это. Правда, поведеніе учениковъ въ описываемый періодъ представляется намъ, по сохранившимся документамъ, болѣе скромнымъ (какъ будетъ показано ниже), чѣмъ въ нѣкоторыя позднѣйшія эпохи, когда розги не примѣнялись; но трудно установить съ точностью значеніе розогъ въ этомъ отношеніи, и есть много основаній думать, что общая порядочность поведенія учениковъ поддерживалась въ то время главнымъ образомъ духомъ гимназіи, а не системой наказаній.

Зато мы уже увѣренно можемъ утверждать, что розги не предупреждали засиживанья учениковъ въ одномъ классѣ по 3, 4 года, бывшаго обычнымъ явленіемъ, стало быть, не представляли радикальнаго средства для исправленія учениковъ отъ лѣности и въ этомъ смыслѣ не предупреждали ихъ увольненія.

Итакъ, общее впечатлѣніе отъ жизни нашей гимназіи въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ склоняетъ насъ къ отрицательному рѣшенію вопроса о спасительности розогъ, какъ воспитательнаго средства, замѣняющаго и предупреждающаго увольненіе учениковъ. Правда, съ другой стороны, мы не видимъ въ жизни нашей гимназіи сколько-нибудь ясныхъ слѣдовъ и обратнаго—вреднаго вліянія сѣченія на успѣхи и поведеніе воспитанниковъ, вліянія, которое такъ рѣзко сказывалось на грубости нравовъ, господствовавшихъ среди питомцевъ старинныхъ кадетскихъ корпусовъ и духовныхъ училищъ; но это, вѣроятно, потому, что въ нашей гимназіи, какъ и

въ другихъ, сѣченіе примѣнялось въ очень слабыхъ размѣрахъ.

Обращаясь къ наблюденіямъ надъ судьбой отдѣльныхъ учениковъ, подвергавшихся сѣченію, мы видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи благополучно окончили курсъ, а иные, несмотря ни на какія мѣры исправленія, отбивались отъ рукъ и были наконецъ исключены. Такъ въ 1839 г. былъ исключенъ изъ II класса, послѣ 4-лѣтняго сидѣнія въ немъ, ученикъ *Михайловъ*, неоднократно сѣченный и наказанный другими способами, такъ какъ онъ «по тупости понятій и совершенной неспособности къ ученію не можетъ даже терпимъ быть въ гимназіи», и одновременно съ нимъ тоже неоднократно наказанный уч. I класса *Крутецкій*, который «несмотря ни на какія мѣры не подаетъ надежды къ исправленію».

Итакъ, насколько можно судить по доступнымъ для насъ наблюденіямъ надъ судьбою отдѣльныхъ учениковъ, розги не являлись радикальной мѣрой для исправленія лѣнивыхъ и безпорядочныхъ учениковъ, хотя, быть можетъ, на нѣкоторыхъ и оказывали благодѣтельное дѣйствіе.

О дѣйствіи другихъ исправительныхъ мѣръ, какъ выговоръ совѣта и карцеръ, нѣтъ нужды распространяться: онѣ примѣняются и въ настоящее время и, какъ показываетъ опытъ, иногда даютъ хорошіе результаты, а иногда оказываются недѣйствительными, и все это происходитъ въ зависимости отъ крайне сложныхъ условій развитія юноши.

Особаго рода мѣрой для исправленія лѣнивыхъ и озорныхъ учениковъ, которая впервые стала примѣняться въ гимназіяхъ въ изучаемый періодъ, было обращеніе совѣта къ родителямъ или воспитате-

лямъ ученика съ просьбой содѣйствовать его исправленію, напр.: «объ ученикѣ *Молчанковѣ* предоставить и. д. инспектора снестись съ его родителемъ, для принятія мѣръ къ его исправленію» (журн. сов. 25 окт. 1834 г.). Иногда такое обращеніе къ родителямъ имѣло форму предупрежденія о грозящемъ ихъ дѣтямъ исключеніи, если они не исправятся.

Для большей полноты картины поведенія учениковъ въ изучаемый періодъ и примѣненія къ нимъ мѣръ взысканія разсмотримъ дошедшія до насъ постановленія совѣта о наиболѣе крупныхъ проступкахъ учениковъ. Таковыми являются слѣдующія. 18 января 1835 г. ученика II кл. *Кривченко*, за похищеніе вещей у товарищей, постановлено наказать розгами. 16 октября 1835 г. уч. I кл. *Ил䡰аріоновъ* за воровство исключенъ изъ гимназіи. 20 ноября 1834 г. уч. III кл. *Степуринъ*, бросившій комкомъ бумаги въ законоучителя, наказанъ розгами. 25 октября 1840 г. предложено родителямъ взять уч. IV кл. *Эверса*, который «вовсе неявляется на уроки, заложилъ свое платье и куритъ безпрестанно табакъ».

Вотъ всѣ болѣе крупные проступки учениковъ, извѣстные намъ въ изучаемый періодъ. Какъ видимъ, ихъ немного, и наказанія за нихъ были не особенно строгія. Если Иларіоновъ и Эверсъ подверглись исключенію, то потому, что за ними и раньше числилось много проступковъ. Вообще въ заключеніе изслѣдованія о поведеніи учениковъ и примѣняемыхъ къ нимъ мѣрахъ взысканія можно сказать еще разъ, что поведеніе учениковъ въ общемъ было добропорядочнымъ, а отношеніе совѣта къ ихъ проступкамъ—внимательнымъ и благодушнымъ.

11. Дѣятельность совѣта гимназіи.

По уставу 1828 г. совѣтъ гимназіи является главнымъ органомъ управленія учебно-воспитательнымъ и хозяйственнымъ дѣломъ. Онъ вѣдаетъ: 1) всѣ важнѣйшія дѣла, касающіяся гимназіи (съ пансіономъ) и всѣхъ училищъ дирекціи; 2) установленіе подробностей управленія жизнью гимназіи и пансіона, не опредѣленныхъ въ уставѣ; 3) переводъ учениковъ въ высшіе классы, ихъ награжденіе, высшія наказанія имъ по § 205 (розги и исключеніе). Однако рядомъ съ совѣтомъ, въ качествѣ тоже носителя высшей власти по управленію гимназіей и всей дирекціей, уставъ ставитъ директора училищъ. Онъ именуется «хозяиномъ гимназіи» и «начальникомъ» всѣхъ казенныхъ училищъ губерніи (§ 166), ему поручается надзоръ за гимназіей и прочими училищами (§ 167), руководство учителями и служебная аттестація ихъ (§§ 168, 169, 170), непосредственное управленіе хозяйствомъ гимназіи (§ 183). Наконецъ, въ качествѣ помощника директора по надзору за ходомъ учебнаго дѣла въ гимназіи и дѣятельностью учителей, а также въ качествѣ заместителя директора при его отсутствіи, уставъ помѣщаетъ еще инспектора гимназіи (§§ 195, 196, 197 и 198); повидимому, онъ вмѣстѣ съ директоромъ именуется «начальствомъ гимназіи» (§ 213). Такимъ образомъ, управленіе гимназіей, согласно уставу, находится одновременно въ рукахъ совѣта и «начальства», т. е. директора, вспомоществуемаго инспекторомъ; при этомъ, какъ видитъ читатель изъ перечисленія относящихся сюда положеній устава, функціи совѣта не вполнѣ точно разграничены отъ функцій начальства. Болѣе точное разграниченіе

функцій должно было вырабатываться практикой гимназической жизни, направляемой распоряженіями окружного начальства и министерства. Всего важнѣе было опредѣлить іерархическое отношеніе власти директора къ власти совѣта. Въ этомъ отношеніи мысль устава, несмотря на нѣкоторую неполноту и неясность его выраженій, была ясна: власть совѣта въ важнѣйшихъ дѣлахъ по части учебно-воспитательной и хозяйственной выше власти директора, который въ этихъ случаяхъ является только членомъ—предсѣдателемъ совѣта и исполнителемъ его рѣшеній. Вторымъ по важности и самымъ запутаннымъ вопросомъ являлся такой: служебныя недоразумѣнія между чиновниками гимназіи и другихъ училищъ дирекціи и ихъ служебныя погрѣшности подлежатъ ли вѣдѣнію одного директора, или въ болѣе важныхъ случаяхъ должны быть разрѣшаемы и обсуждаемы совѣтомъ? Въ этомъ отношеніи мысль устава неясна. Въ силу его положеній, съ одной стороны, служебное руководство или начальствованіе всѣми чиновниками дирекціи принадлежитъ директору, а съ другой—важнѣйшія дѣла должны обсуждаться совѣтомъ. Практика 30-хъ годовъ разрѣшила этотъ вопросъ въ пользу совѣта, который поэтому въ началѣ изучаемаго періода и выступаетъ въ роли судьи по всѣмъ крупнымъ служебнымъ инцидентамъ въ гимназіи и прочихъ училищахъ дирекціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ является контролирующей инстанціей для чиновниковъ дирекціи вообще и гимназіи въ частности—за исключеніемъ своего главы, директора. О подобныхъ явленіяхъ въ 40-хъ годахъ мы не встрѣчаемъ извѣстій.

Разсмотрѣвъ въ теоріи функціи совѣта, сообщенныя ему уставомъ 1828 г. и послѣдующей прак-

тикой, обратимся теперь къ описанію видовъ дѣятельности совѣта нашей гимназіи, дѣйствительно проявленной имъ въ изучаемый періодъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются слѣдующіе: a) веденіе учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи; b) контроль надъ хозяйствомъ гимназіи и низшихъ училищъ дирекціи; c) производство экзаменовъ стороннимъ лицамъ для выдачи имъ различныхъ свидѣтельствъ; d) обсужденіе служебныхъ инцидентовъ въ гимназіи и другихъ училищахъ.

О веденіи совѣтомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи большая часть свѣдѣній уже сообщена въ главахъ 7, 8 и 9. Теперь остается сказать о мѣрахъ, которыя принимались совѣтомъ для улучшенія учебнаго дѣла. Я перечислю относящіеся сюда случаи въ хронологическомъ порядкѣ.

1834 г. 25 января совѣтъ постановилъ, «чтобы г. учитель словесности въ каждое засѣданіе представлялъ по нѣскольку сочиненій учениковъ VII и VI классовъ для соображенія, въ какой постепенности идутъ успѣхи по сему предмету».

1834 г. 12 февраля совѣтомъ опредѣлено: поставить учителямъ въ обязанность «заниматься сколько возможно чаще повтореніемъ пройденныхъ предметовъ».

1835 г. 18 марта совѣтъ предписалъ преподавателямъ представить къ слѣдующему засѣданію, каждому по своему предмету, мнѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ въ методахъ преподаванія.

Были ли исполнены приведенныя постановленія совѣта, мы не имѣемъ свѣдѣній.

1836 г. 30 апрѣля совѣтъ, по иниціативѣ почетнаго попечителя, рѣшился ходатайствовать пе-

редъ попечителемъ округа объ измѣненіяхъ въ таблицѣ уроковъ для Владимірской гимназіи. Почет. попечитель (Поливановъ) указалъ на то, что «судя и по современнымъ требованіямъ вѣка, и по дальнѣйшему образованію нѣкоторыхъ воспитанниковъ гимназіи, и по роду службы, избираемому большею частью ихъ по окончаніи гимназическаго курса» число уроковъ математики и французскаго языка слишкомъ мало, а число уроковъ греческаго языка «болѣе, нежели достаточно»... Согласившись съ мнѣніемъ почет. попечителя, совѣтъ постановилъ: «испросить позволенія у попечителя округа, сообразно съ мѣстною потребностію Владимірской гимназіи, отдѣлить отъ греческаго языка въ IV и V классахъ по два урока и по одному въ VI и VII и замѣнить ихъ въ VI и VII уроками французскаго языка, а въ IV и V уроками языка французскаго и математики, по одному для каждаго изъ сихъ предметовъ».

1837 г., 25 октября, совѣтъ, по предложенію инспектора, постановилъ ходатайствовать передъ попечителемъ округа о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи по классамъ отдѣловъ курса математики и географіи и объ увеличеніи числа уроковъ послѣдняго предмета.

Результатъ этихъ ходатайствъ съ точностью неизвѣстенъ, но есть основаніе думать, что они были уважены, хотя отчасти.*) 1845 г. 23 января совѣтъ долженъ былъ высказаться по поводу цирк. распоряженія министра нар. просв. отъ 17 ноября 1844 г.,

*) Переписки по возбужденнымъ совѣтомъ вопросамъ въ архивѣ гимназіи не сохранилось, но мы знаемъ, что къ началу 1835—39 уч. года въ нашей гимназіи дѣйствовала измѣненная въ духѣ постановленій совѣта таблица уроковъ.

которымъ отмѣнялось преподаванiе статистики, какъ особаго предмета, и предписывалось соединить этотъ предметъ съ географiей, а освободившiеся 2 урока въ VII классѣ употребить, соображаясь съ мѣстными требованiями, на усиленiе другихъ предметовъ. Совѣтъ постановилъ: 1) замѣнить уроки статистики въ VII кл. уроками географiи и математики; 2) возложить преподаванiе географiи въ V, VI и VII кл. на учителя исторiи, съ обязательствомъ сообщать ученикамъ важнѣйшiе выводы статистики; 3) одинъ изъ 2 уроковъ географiи въ V кл. назначить на чтенiе и разборъ классическихъ сочиненiй по географiи и статистикѣ, поручивъ этотъ урокъ учителю географiи.

1846 г. 10 мая совѣтъ принялъ довольно замѣчательное рѣшенiе относительно малоуспѣшныхъ учениковъ. Находя, что многiе ученики не успѣваютъ благодаря недостатку «природныхъ способностей» и что имъ «трудно и почти невозможно идти наряду съ хорошими учениками въ томъ объемѣ наукъ, который предположенъ для каждаго класса», совѣтъ постановилъ «отдѣлить малоуспѣшныхъ отъ другихъ учениковъ и вмѣнить г.г. преподавателямъ въ обязанность предлагать имъ послѣ общаго урока самыя простыя и сообразныя съ понятiями и свѣденiями вопросы, преимущественно въ то время, когда лучшiе ученики будутъ заняты письменными задачами». На первый разъ были отдѣлены: въ I кл. 10 уч., во II=4, въ III=4, въ IV=1.

Мы привели всѣ сколько-нибудь значительныя постановленiя совѣта, касающiяся улучшенiя постановки учебнаго дѣла въ гимназiи. Незначительное число ихъ и малая содержательность показываютъ,

что совѣтъ не считалъ важной для себя обязанностью заботы объ улучшенiи учебнаго дѣла въ гимназiи Что касается «изысканiя средствъ для улучшенiя состоянiя училищъ», которое возлагается на совѣтъ гимназiи § 211 устава, то это улучшенiе понималось совѣтомъ исключительно въ хозяйственномъ смыслѣ, а руководство учебнымъ дѣломъ въ нихъ предоставлялось директору.

Контроль надъ веденiемъ хозяйства въ гимназiи и др. училищахъ доставлялъ, напротивъ, совѣту гимназiи много дѣла. Хотя по уставу (§§ 191 и 214) на обязанности совѣта лежала только повѣрка счетовъ прихода и расхода суммъ гимназiи за каждый мѣсяцъ и за годъ, а самое расходованiе денегъ предоставлялось директору (за исключенiемъ крупныхъ расходовъ на поправки, разрѣшаемыхъ университетомъ), но директоры имѣли обыкновенiе обращаться къ совѣту за утвержденiемъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ расходовъ по гимназiи. Причиной такихъ обращенiй являлось съ одной стороны то, что самъ уставъ отдаетъ въ вѣдѣнiе совѣта «всѣ важнѣйшiя дѣла», а съ другой—желанiе директоровъ уменьшить свою отвѣтственность за веденiе хозяйства. Въ результатѣ получалось то, что болѣе половины засѣданiй совѣта было посвящено хозяйственнымъ дѣламъ. Въ началѣ каждаго мѣсяца—1 или 2 числа—совѣтъ повѣрялъ веденiе директоромъ (съ помощью бухгалтера) шнуровой приходо-расходной книги, отмѣчая въ журналѣ засѣданiя сумму денежнаго имущества гимназiи къ 1 числу мѣсяца. Затѣмъ въ началѣ каждаго гражданскаго года совѣтъ повѣрялъ и утверждалъ отчетъ о приходѣ и расходѣ за истекшiй годъ. Засѣданiя для утвержденiя отдѣльныхъ смѣтъ расходовъ составлялись по

мѣрѣ надобности. Къ числу такихъ засѣданій относятся и тѣ, на которыхъ производилась выписка книгъ для библіотеки.

Контроль надъ хозяйственнымъ дѣломъ низшихъ училищъ дирекціи отнималъ у совѣта гораздо меньше времени. Изъ сохранившихся журналовъ совѣта за изучаемый періодъ только въ 5 идетъ рѣчь о хозяйственныхъ дѣлахъ училищъ (уѣздныхъ). Болѣе крупными изъ такихъ дѣлъ были: дѣло о растратѣ библіотеки Шуйскаго уѣзднаго училища, дѣло о продажѣ дома уѣзд. училища въ г. Александровѣ и дѣло о продажѣ дома уѣзд. училища въ г. Юрьевѣ (всѣ три—1836 г.). Нѣкоторыя хозяйственныя дѣла отдѣльныхъ училищъ представляли собой общій вопросъ хозяйственнаго управленія дирекціи, а потому разсматривались совѣтомъ сообща для всѣхъ училищъ и гимназіи, таково, напр., дѣло о выборѣ книгъ для награжденія учениковъ изъ числа пожертвованныхъ «отъ благотворительныхъ особъ» (18 января 1835 г.).

Къ числу обязанностей совѣта гимназіи относилось, какъ и въ настоящее время, производство испытаній различнымъ лицамъ для выдачи имъ свидѣтельствъ разнаго рода, какъ-то: свидѣтельства на право поступленія въ университетъ, Глав. Педаг. институтъ или С.-Петербургскую медико-хирургическую академію (для семинаристовъ высшихъ классовъ), свидѣтельства на званіе: уѣзднаго учителя, домашняго учителя или учительницы, свидѣтельства на право обучать въ частныхъ домахъ *крестьянскихъ дѣтей*, свидѣтельства для поступленія въ Строительное училище, въ Академію художествъ и пр. Испытаніе семинаристовъ на право поступленія въ

высшія учебныя заведенія производилось серіозно, а въ 30-хъ годахъ даже торжественно. Такъ, въ іюлѣ 1835 г. производилось испытаніе на право поступленія въ Москов. университетъ 6 воспитанникамъ высшаго отдѣленія Владимірской семинаріи. Передъ началомъ испытанія они были освидѣтельствованы «въ здоровьи» въ присутствіи совѣта акушеромъ Владимірской врачебной управы Капацинскимъ; затѣмъ, въ теченіе 10 дней (5—17 іюля), имъ производилось испытаніе въ наукахъ при полномъ собраніи совѣта и въ присутствіи свидѣтеля со стороны правленія семинаріи (учит. математики Левицкаго). Программа испытанія не сохранилась; протоколъ указываетъ только, что совѣтъ призналъ отвѣты испытуемыхъ по всѣмъ предметамъ, даже по Закону Божію, слабыми, о чемъ черезъ директора было сообщено правленію Московскаго университета и Владимірской семинаріи. Менѣе торжественно, но столь же строго производились испытанія семинаристамъ въ послѣдующіе годы (1840, 1841, 1842): отвѣты почти всѣхъ экзаменовавшихся были признаны слабыми. Испытанія на званіе уѣзднаго учителя производились тоже довольно серьезно, но они были легче и оканчивались удачнѣе. Такимъ испытаніямъ обыкновенно подвергались лица, прошедшія вполнѣ или отчасти курсъ гимназіи, семинаріи или уѣзднаго училища. Сохранился подробный протоколъ испытанія на званіе уѣзднаго учителя исторіи и географіи Александра Иларіонова, писца Владимірской дирекціи училищъ, въ сентябрѣ 1837 г. Изъ этого протокола видно, что испытуемый отвѣчалъ устно по Закону Божію, ариѳметикѣ и географіи, устно и письменно—по исторіи русской и всеобщей и по географіи русской и всеоб-

щей (5 устныхъ и 2 письм. отвѣта по каждому отдѣлу), говорилъ пробную лекцію по исторіи (о Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ) и исполнилъ еще 5 письменныхъ работъ по словесности (одно разсужденіе, одно сочиненіе въ формѣ письма и 3 примѣра періодовъ). Несмотря на столь сложную программу, испытаніе было сдано вполнѣ успѣшно. Гораздо слабѣе производились испытанія на званіе домашняго учителя, и потому оканчивались обыкновенно благополучно. Впрочемъ, въ описываемый періодъ Владимірская гимназія выдавала обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельства не на званіе домашняго учителя или учительницы, а только на право преподавать въ частныхъ домахъ начальныя правила ариѳметики и чтеніе и письмо на какомъ-либо языкѣ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ), «безъ предоставленія правъ и преимуществъ, предоставляемыхъ домашнимъ учителямъ». Не мало такихъ свидѣтельствъ выдано было иностранцамъ и иностранкамъ.

Въ качествѣ *судебно-административной инстанціи*, постановляющей рѣшенія по служебнымъ инцидентамъ въ гимназіи и низшихъ училищахъ, совѣтъ выступаетъ нѣсколько разъ въ теченіе 30-хъ годовъ; въ 40-хъ годахъ такого рода дѣятельности со стороны совѣта незамѣтно—по крайней мѣрѣ по его журналамъ. Привожу разобранныя совѣтомъ дѣла въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1834 г. совѣту пришлось разбирать рядъ недоразумѣній между инспекторомъ Граціанскимъ, съ одной стороны, и остальнымъ совѣтомъ съ директоромъ Калайдовичемъ во главѣ—съ другой. Въ засѣданіи 21 февраля инспекторъ, за что—то

сердившійся на директора, отказался подписать заслушанный въ совѣтѣ денежный отчетъ за 1833 годъ, въ объясненіе чего подалъ въ засѣданіи 22 февраля рапортъ на имя совѣта (а не директора), въ которомъ указывалъ, что, будучи назначенъ инспекторомъ Владимірской гимназіи къ сентябрю 1833 г., до этого времени не присутствовалъ при ежемѣсячныхъ повѣркахъ суммъ, а потому и не можетъ подписать отчета. По прочтеніи рапорта совѣтъ постановилъ разъяснить инспектору, что по смыслу устава и согласно распоряженіямъ начальства назначаемые для прочтенія въ совѣтѣ доклады должны подаваться на имя директора.

Хотя въ данномъ случаѣ совѣтъ отстаивалъ права директора противъ самого себя, но производилъ это отстаиванье въ качествѣ высшей административной инстанціи въ гимназіи, могущей давать служебныя инструкціи чиновникамъ гимназіи.

Въ засѣданіи 2 апрѣля безпокойный инспекторъ досадилъ всему совѣту своими придирками и упрямствомъ. При повѣркѣ приходо-расходной книги онъ невѣрно высчиталъ итогъ и не хотѣлъ признать вѣрной цифру, вычисленную совѣтомъ. Для него два раза распечатывали казенный сундукъ, вынимали и пересчитывали цѣнныя бумаги и деньги, а онъ все упрямился. Когда стали подписывать журналъ о повѣркѣ, а также шнуровую книгу и вѣдомость о повѣркѣ, отправляемую въ казенную палату, Граціанскій, безъ объясненія причинъ, ушелъ домой, при чемъ бормоталъ, что за подобныя оплошности былъ пять лѣтъ подъ судомъ. Подождавъ 3/4 часа, совѣтъ послалъ за инспекторомъ ст. учителя Документова; инспекторъ пришелъ было въ

совѣтъ, но опять ушелъ, не подписавъ бумагъ; снова приглашенный отъ имени совѣта ст. учителемъ Волковымъ, Грацiанскiй заявилъ, что нездоровъ, и опять ушелъ въ свою квартиру. Призванный въ третiй разъ, онъ наконецъ подписалъ одинъ журналъ совѣта, но и то съ оговоркой, что сумма итога невѣрна. На другой день Грацiанскiй одумался, увидѣлъ свою ошибку, и, представивъ рапортъ, адресованный одновременно на имя директора и совѣта, просилъ совѣтъ уничтожить его оговорку въ журналѣ и дозволить ему подписать журналъ, шнуровую книгу и вѣдомость, но при этомъ невѣрно указалъ обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана оговорка. Совѣтъ, изложивъ въ протоколѣ (4 апрѣля) описанные поступки Грацiанскаго, сдѣлалъ такое постановленiе: «...дабы прекратить подобныя Г. Инспектора сомненiя... и дабы отвратить на будущее время подобныя безпорядки..., предоставить Г. Директору съ приложенiемъ въ подлинникѣ сего журнала довести до свѣденiя Высшаго Начальства съ своимъ замѣчанiемъ»... Однако грозное опредѣленiе совѣта не было приведено въ исполненiе, такъ какъ инспектору удалось сознанiемъ въ своей винѣ умилостивить директора и совѣтъ. На журналѣ 4 апрѣля рукою директора приписано, что, вслѣдствiе письменнаго сознанiя инспектора въ своей ошибкѣ, «исполненiя по сему опредѣленiю совѣта уже не числить».

Однако полнаго примиренiя между инспекторомъ и совѣтомъ не состоялось. Въ журналѣ совѣта отъ 16 мая указываются совѣтомъ инспектору его упущенiя по службѣ, состоявшiя въ томъ, что онъ оставлялъ иногда безъ надзора классы, въ которыхъ отсутствовалъ преподаватель, тогда какъ

по § 198 устава отсутствующій преподаватель долженъ быть замѣщенъ либо самимъ инспекторомъ, либо однимъ изъ учителей по порученію инспектора. Раздосадованный инспекторъ сдѣлалъ при подписываніи журнала весьма неграмотную оговорку, въ которой вину незамѣщенія уроковъ слагаетъ на совѣтъ, потому что послѣдній не обязалъ, несмотря на представленіе его, инспектора, учителей, имѣющихъ мало уроковъ, замѣщать своихъ отсутствующихъ товарищей, а затѣмъ проситъ назначить въ его распоряженіе служителя «для извѣщенія г.г. учителей къ занятію классовъ». Спустя мѣсяцъ (22 іюня), Граціанскій подалъ совѣту рапортъ, въ которомъ безтолково и безграмотно упрекалъ совѣтъ въ несправедливыхъ дѣйствіяхъ относительно себя и въ незаконныхъ пріемахъ составленія протокола 16 мая. Совѣтъ постановилъ сію бумагу оставить безъ дѣйствія и отдать на храненіе въ канцелярію директора.

Пререканія инспектора съ директоромъ и совѣтомъ повлекли за собой перемѣщеніе Граціанскаго въ концѣ 1834 г. (20 декабря) на должность инспектора въ Тульскую гимназію.

Въ описанныхъ инцидентахъ характерными чертами являются: письменное веденіе служебныхъ пререканій и постановленіе о нихъ совѣтомъ рѣшеній. То же видимъ и въ послѣдующихъ дѣлахъ.

Въ засѣданіи совѣта 27 января 1836 г. директоръ Калайдовичъ представилъ на разсмотрѣніе совѣта «отзывъ младшаго учителя Грюше на переданныя ему словесно ст. учителемъ Волковымъ по «порученію совѣта, въ слѣдствіе словеснаго же пред«ложенія Г. Инспектора, замѣчанія относительно

«неточнаго исполненія Г. Грюше его обязанностей. «Совѣтъ Гимназіи, разсмотрѣвъ мѣсячныя вѣдомости «по классу французскаго языка и отзывъ Г. Ин«спектора какъ относительно оныхъ, такъ и вооб«ще о методѣ преподаванія и исполненіи обязанно«стей Г. Грюше, нашелъ слѣдующіе: 1) Г. Грюше «въ преподаваніи не вполнѣ слѣдуетъ распредѣле«нію учебныхъ предметовъ въ Гимназіяхъ, такъ, «напримѣръ, въ VII классѣ опущены имъ изъ виду «сочиненія на французскомъ языкѣ... 3) причины, «отвлекающія его отъ классовъ, называемыя имъ «уважительными, какъ, напримѣръ, большіе обѣды «у здѣшняго Г. Вице-Губернатора, Совѣтомъ ни въ «какомъ случаѣ не могутъ быть уважены; 4) со«гласно съ донесеніемъ Г. Инспектора, членамъ Со«вѣта извѣстно, что Г. Грюше нерѣдко приходитъ «въ классъ за нѣсколько минутъ до окончанія урока. «5) Извѣтъ его на Г. Инспектора въ притесненіяхъ «не имѣетъ никакого основанія, поелику Г. Грюше «только исполненіе Г. Инспекторомъ своей должности «называетъ притесненіемъ... Вслѣдствіе чего Совѣ«томъ опредѣлено: предоставить Г. Директору пред«ложить Г. Младшему Учителю франц. яз. Августу «Грюше: 1-е, чтобы онъ преподавалъ свой предметъ «ни въ чемъ не отступая отъ распредѣленія учеб«ныхъ предметовъ въ Гимназіяхъ... руководствуясь «грамматикою Летелье. 2-е. Безъ истинно уважи«тельныхъ причинъ не уклонялся бы отъ точнаго «и срочнаго посѣщенія классовъ. 3-е. Чтобъ на бу«дущее время воздержался отъ обидныхъ и неосно«вательныхъ извѣтовъ на Г. Инспектора, какъ чи«новника, удостоеннаго довѣренностью отъ Высшаго «начальства и Высочайше утвержденнымъ Уставомъ «Учеб. заведеній облеченнаго свойственной должности

«его властью. Что же касается до отзыва Г. Грюше, «что ему, какъ иностранцу, не всѣ постановленія «извѣстны, то объявить ему, что по существующимъ «въ Россіи узаконеніямъ, никто невѣденіемъ закона, «тѣмъ болѣе постановленій относящихся до должно-«сти каждаго оправдываться не можетъ, а для точнаго «узнанія его обязанностей посовѣтовать ему съ пол-«нымъ вниманіемъ прочесть Высочайше утвержден-«ный Уставъ учебныхъ заведеній и распредѣленіе «учебныхъ предметовъ въ Гимназіяхъ, утвержден-«ное Министерствомъ Нар. Просв.»

Какъ видимъ, въ описанномъ засѣданіи Совѣта происходило настоящее судебное разбирательство по поводу столкновенія между инспекторомъ гимназіи и учителемъ Грюше, а въ результатѣ его было постановлено Совѣтомъ сдѣлать формальный выговоръ г. Грюше. Но этотъ выговоръ мало подѣйствовалъ на Грюше; онъ продолжалъ быть неаккуратнымъ и являлся на уроки за нѣсколько минутъ до окончанія ихъ, почему совѣтъ былъ вынужденъ 19 іюня 1836 г. сдѣлать новое постановленіе о предписаніи Грюше быть точнымъ въ исполненіи обязанностей, подъ угрозой вычетовъ изъ жалованья за опаздыванье на уроки, какъ за пропускъ ихъ, на основаніи распоряженія министра отъ 26 января 1836 г. Въ апрѣлѣ 1837 г. Грюше былъ перемѣщенъ въ Тульскую гимназію.

Въ томъ же 1836 году совѣту пришлось обсуждать рѣзкій случай столкновенія между учителемъ греческаго яз. Воскресенскимъ и остальными членами совѣта, особенно директоромъ Калайдовичемъ.

Въ засѣданіи совѣта 13 сентября 1836 г., при обсужденіи вопроса о переводѣ учениковъ въ выс-

шіе классы, учитель греческаго яз. Воскресенскій, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прочихъ членовъ совѣта, высказался противъ перевода въ V кл. ученика IV кл. Юговскаго и противъ награжденія книгами учениковъ Алексинскаго, Сахарова и Булыги—по причинѣ ихъ якобы предосудительнаго поведенія. При подписываньи журнала 13 сентября въ засѣданіи 15 сентября, возникли пренія, во время которыхъ Воскресенскій «въ неприличныхъ выраженіяхъ высказалъ ....неготовность свою служить съ г. Директоромъ», а журналъ подписалъ съ оговоркой, протестующей противъ перевода вышеупомянутыхъ учениковъ. Въ тотъ же день онъ подалъ на имя директора, для представленія высшему начальству, «объясненіе», въ которомъ указывалъ дурные поступки уч. Юговскаго на урокахъ греческаго яз. и характеризовалъ, какъ худое, поведеніе прочихъ учениковъ, возбуждавшихъ споръ. Въ засѣданіи 17 сентября совѣтъ, разсмотрѣвъ «объясненіе» г. Воскресенскаго, нашелъ, что оно переписано набѣло однимъ ученикомъ IV кл., что призналъ и самъ Воскресенскій. Такимъ образомъ, онъ, какъ оказалось, обнаружилъ передъ учениками тайну совѣщаній совѣта. Совѣтъ постановилъ предоставить директору на выборъ: или сдѣлать Воскресенскому «замѣчаніе» отъ имени совѣта за его проступки относительно директора и совѣта, или донести объ этихъ проступкахъ попечителю округа. Директоръ выбралъ послѣднее, и Воскресенскій былъ вскорѣ (въ октябрѣ того же года) перемѣщенъ въ Ярославскую гимназію.

Кромѣ служебныхъ инцидентовъ въ гимназіи, совѣтъ разбиралъ иногда служебные проступки лицъ, завѣдующихъ низшими училищами. Такъ,

въ журналахъ совѣта сохранилось постановленіе совѣта по дѣлу «о растратѣ библіотеки Шуйскаго уѣзднаго училища», которое было разсмотрѣно окончательно въ засѣданіи совѣта 2 января 1836 г. Ходъ дѣла таковъ.

Штатный смотритель шуйскихъ училищъ Богословскій, при вступленіи въ должность, расписался въ журналѣ, что принялъ все имущество училища въ цѣлости, а потомъ въ рапортѣ директору заявилъ, что въ библіотекѣ не оказалось трехъ книгъ Ученыхъ Записокъ, числящихся по каталогу. Еще нѣсколько раньше этого заявленія Богословскій подалъ два наивныхъ рапорта, въ которыхъ говорилъ о своей неопытности и просилъ времени для обозрѣнія библіотеки и канцелярскихъ дѣлъ, въ принятіи которыхъ уже расписался. Директоръ предложилъ дѣло на разсмотрѣніе совѣта. Совѣтъ положилъ (2 января 1836 г.) такую резолюцію: „предо-„ставить Г. Директору предписать Богословскому, „чтобы онъ пополнилъ недостатокъ библіотеки на „собственный свой счетъ, не утруждая болѣе по „сему предмету перепискою Дирекцію Училищъ; „въ противномъ же случаѣ донести о дѣйствіяхъ „Богословскаго высшему начальству, какъ несооб-„разныхъ не только съ общими Государственными „постановленіями, но и со степенью разсудка, ка-„кая требуется отъ чиновника, занимающаго сію „должнсоть“.

Такова была разносторонняя дѣятельность совѣта нашей гимназіи въ періодъ 1833—1849 г.г. Въ служебномъ отношеніи онъ стоялъ въ этотъ періодъ на такой высотѣ, какой не достигалъ ни раньше ни послѣ. Уже во второй половинѣ изучаемаго періода служебное значеніе совѣта замѣтно падаетъ; онъ пе-

рестаетъ играть роль высшаго правительственнаго органа дирекціи училищъ и нисходитъ до положенія совѣта только по учебному дѣлу гимназіи,—въ которомъ мы и застаемъ его въ началѣ слѣдующаго періода жизни гимназіи.

12. Благородный пансіонъ при Владимірской гимназіи.

Слова Высочайшаго указа 8 декабря 1828 года (коимъ утверждался новый уставъ гимназій), касавшіяся учрежденія при гимназіяхъ пансіоновъ, побудили дворянство Владимірской губерніи озаботиться открытіемъ при мѣстной гимназіи «благороднаго» пансіона. Согласно желанію дворянства, собраніе его предводителей и депутатовъ 16 мая 1833 года (передъ самымъ введеніемъ новаго устава въ нашей гимназіи) составило смѣту суммъ, потребныхъ для открытія и содержанія пансіона на 26 безплатныхъ воспитанниковъ изъ дворянскихъ дѣтей. Для полученія нужныхъ суммъ собраніе составило проектъ обложенія дворянскихъ имѣній сборами: единовременнымъ—по 20 коп. ас. съ души—и ежегоднымъ—по 7 коп. съ души, что должно было дать: единовременно—60000 р. ас. и ежегодно—болѣе 20000 р. ас. Общее дворянское собраніе утвердило проектъ и постановило ходатайствовать объ учрежденіи при Владимірской гимназіи дворянскаго пансіона на 26 воспитанниковъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) для помѣщенія пансіона пріобрѣтается домъ или мѣсто въ городѣ, на коемъ строится новый домъ; 2) постройка или передѣлка дома производится подрядчикомъ съ торговъ, подъ наблюденіемъ комиссіи, состоящей изъ директора гимназіи, по-

четнаго попечителя и депутата отъ дворянства, назначаемаго депутатскимъ собраніемъ; послѣднее потомъ даетъ отчетъ въ истраченныхъ суммахъ общему дворянскому собранію; 3) сумма на содержаніе пансіона собирается ежегодно вмѣстѣ съ земскими повинностями казенной палатой и отпускается изъ нея по третямъ года въ распоряженіе директора гимназіи; 4) о расходованіи суммъ на содержаніе пансіона директоръ и почетный попечитель даютъ отчетъ губернскому предводителю дворянства; 5) непосредственное веденіе хозяйства пансіона, которое по общему уставу поручается инспектору, въ виду исключительнаго положенія проектируемаго пансіона, какъ содержимаго исключительно на дворянскія средства, ввѣряется особому чиновнику, избираемому дворянствомъ на три года; ему же поручаются вообще всѣ обязанности инспектора по пансіону; 6) въ пансіонъ на полное содержаніе безплатно принимаются дѣти бѣдныхъ дворянъ Владимірской губерніи, по два отъ каждаго уѣзда; сверхъ этого могутъ быть принимаемы и своекоштные воспитанники изъ дворянъ Владимірской губерніи съ платой по 500 р. ас. въ годъ.

Ходатайство Владимірскаго дворянства имѣло успѣхъ: 11 декабря 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при Владимірской гимназіи благороднаго пансіона, согласно общему уставу таковыхъ пансіоновъ (отъ 8 декабря 1828 г.) и съ соблюденіемъ всѣхъ главныхъ условій касательно устроенія и содержанія пансіона, проектированныхъ дворянствомъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ издано было положеніе о благородномъ пансіонѣ при Владимірской гимназіи, утвержденное Министромъ Народнаго Просвѣщенія 27 апрѣля 1835 г.

Оно въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ уставомъ 1828 г. Частными особенностями его являются нѣкоторыя постановленія касательно числа воспитанниковъ, условій ихъ пріема на дворянское, казенное и своекоштное содержаніе, а также учрежденіе при пансіонѣ должности избираемаго дворянствомъ чиновника для завѣдыванія хозяйствомъ, которому однако не предоставлено правъ государственной службы.

Получивъ разрѣшеніе на устройство пансіона при Владимірской гимназіи, дворянство стало подготовлять его открытіе, для чего была составлена особая комиссія, завѣдующая устроеніемъ пансіона. Но приготовленія къ открытію шли медленно. Правда, домъ для помѣщенія пансіона, —а вмѣстѣ съ тѣмъ и гимназіи—былъ пріобрѣтенъ дворянствомъ (у купца Петровскаго, за 32500 руб. ас.) еще весною 1835 г., но его передѣлка затянулась до 1841 г. Между тѣмъ дворянство надумало расширить проектированный планъ устройства пансіона, измѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ способъ полученія суммъ для его содержанія. Поводомъ къ новому проекту послужило посѣщеніе Владимірской гимназіи Государемъ Наслѣдникомъ 10 августа 1837 г., память о которомъ дворянство пожелало увѣковѣчить увеличеніемъ числа пансіонеровъ, содержимыхъ на счетъ дворянства.

Новый проектъ, ходатайствовать о которомъ было постановлено на общемъ собраніи дворянства 19 января 1839 г., сводился къ слѣдующему. 1) Произвести заемъ 850000 р. ас. изъ приказа обществ. призрѣнія срокомъ на 37 лѣтъ, подъ залогъ 334370 душъ помѣщичьихъ крестьянъ Владимірской губерніи; для уплаты этого долга вносить ежегодно съ каждой души крестьянъ по 16 коп. ас., а прежде установленный сборъ по 7 коп. прекратить; 2) изъ

полученныхъ 850000 руб. ас. 106000 р. употребить на окончательное устроеніе пансіона; 55625 р. 82 к. возвратить въ дворянскую кассу для уплаты сдѣланнаго изъ нея займа; 600000 руб. положить въ Сохранную казну Владимірскаго приказа обществен. призрѣнія и на проценты съ нихъ содержать 26 воспитанниковъ пансіона; 88374 р. 18 коп. присоединить къ основному капиталу въ 600000 руб. съ тѣмъ, чтобы на получаемые съ нихъ проценты содержать въ пансіонѣ, сверхъ 26 воспитанниковъ, столько пансіонеровъ, сколько дозволитъ доходъ съ сей суммы,—въ ознаменованіе достопамятнаго посѣщенія Владимірской гимназіи Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ ходатайство Владимірскаго дворянства, нашелъ возможнымъ дать на него разрѣшеніе, съ тѣмъ только изъятіемъ, чтобы отвѣтственность за уплату долга приказу общественнаго призрѣнія возложить на само дворянство— въ виду того, что владѣльческія имѣнія большею частью уже находятся въ залогѣ. Положеніе Комитета Министровъ было Высочайше утверждено 14 ноября 1839 г.

По новому проекту оказалось возможнымъ увеличить число дворянскихъ пансіонеровъ до 34; сверхъ того, положеніе о пансіонѣ (27 апр. 1835 г.) устанавляло существованіе 7 казенныхъ пансіонеровъ и нѣкотораго числа своекоштныхъ—смотря по размѣрамъ помѣщенія и числу желающихъ.

Лѣтомъ 1841 года были закончены приготовленія къ открытію пансіона и переводу гимназіи въ новое помѣщеніе: передѣлка дома, устроеніе въ немъ домовой церкви во имя св. Александра Невскаго, покупка инвентаря, подборъ служебнаго персонала

и низшихъ служителей, наконецъ, выборъ дворянскихъ дѣтей для принятія въ пансіонеры на счетъ дворянства. 24 августа 1841 года состоялось освященіе пансіонской церкви, а 30 августа того же года совершено было торжественное открытіе пансіона—въ присутствіи высокопреосвященнаго Парѳенія, архіепископа Владимірскаго, губернатора, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства и инспектора казенныхъ училищъ Московскаго округа стат. сов. Бѣлякова.—Вмѣстѣ съ тѣмъ гимназія перешла въ новое помѣщеніе.

Въ теченіе перваго года своего существованія пансіонъ не имѣлъ опредѣленнаго устава и въ теченіе двухъ лѣтъ—опредѣленныхъ штатовъ. Уставъ пансіона, подъ названіемъ «Положенія о благородномъ пансіонѣ при Владимірской губернской гимназіи», былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 30 іюля 1842 года, а «примѣрный штатъ» его на 40 воспитанниковъ—6 апрѣля 1843 года.

Важнѣйшія черты положенія 1842 года слѣдующія:

1. Пансіонъ разсматривается какъ самостоятельное по существу учебно-воспитательное заведеніе, могущее доставить живущимъ во Владимірской губерніи дворянамъ и чиновникамъ «вѣрныя средства прилично воспитывать дѣтей своихъ, безъ значительныхъ на то издержекъ». Согласно такому взгляду, въ ст. 1-й сказано: «курсъ ученія въ семъ пансіонѣ раздѣляется на 7 классовъ, для каждаго назначается по одному году»; во 2-й ст. перечисляются предметы, которымъ обучаются пансіонеры, при чемъ не указано, что обученіе происходитъ въ гимназіи. Въ такомъ же духѣ перечисляются въ

ст. 6, 7 и 8 права и обязанности окончившихъ «полный курсъ ученія въ пансіонѣ», изъ коихъ первыя связаны съ гимназическимъ аттестатомъ.

2. Воспитанники пансіона раздѣляются на содержимыхъ на счетъ дворянства (34), на счетъ казны (7), своекоштныхъ (число не опредѣлено) и полупансіонеровъ (своекоштныхъ, число не опредѣлено).

3. Порядокъ дня опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ 5 или 5½ час. утра воспитанники встаютъ и къ 6 часамъ собираются на молитву.

Время до 9 часовъ опредѣляется на завтракъ и приготовленіе къ классамъ.

Отъ 9 до 12 часовъ продолжается ученіе въ классахъ.

Отъ 12 до 1 ч. отдыхъ, музыка или гимнастическія упражненія.

Отъ 1 ч. до 3 ч. обѣдъ, отдыхъ и приготовленіе къ классамъ.

Отъ 3 ч. до 6 снова ученіе въ классахъ.

Отъ 6 до 6½ ч. отдыхъ.

Отъ 6½ до 8 ч. повтореніе уроковъ.

Отъ 8 до 9½ ч. ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго воспитанники собираются на вечернюю молитву.

4. Должностными лицами при пансіонѣ состоятъ: почетный попечитель, директоръ и инспекторъ (гимназіи—всѣ трое), комнатные надзиратели (по одному на 15 пансіонеровъ) и экономъ.

5. Для воспитанниковъ пансіона установлена форма—въ пансіонѣ темно-зеленыя куртки съ краснымъ воротникомъ, а внѣ пансіона такихъ же цвѣтовъ мундиры и сѣрыя шинели.

Штатъ пансіона 1843 г. указываетъ слѣдующ. главныя статьи прихода и расхода.

Приходъ.

1. Процентовъ дворянской суммы	7867 р. 14 $^{2}/_{7}$ к. сер.
2. Въ теченіе 35 лѣтъ будетъ поступать	457 р.
3. Изъ штатной на содержаніе дома гимназической суммы . .	300 р.
4. Съ 6 своекоштныхъ пансіонеровъ по 150 р. серебромъ .	900 р.
	9524 р. 14 $^{2}/_{7}$ к. сер.

Расходъ.

1. Добавочнаго жалованья:

директору	300 р. сер.
инспектору	300 р.
письмоводителю дирекціи	50 р.
бухгалтеру	60 р.

2. Жалованье лицамъ, въ штатѣ гимназіи не положеннымъ:

учителю танцованія	200 р.
учителю музыки	200 р.
эконому	171 р.
врачу	115 р.
тремъ комнатн. надзирателямъ . .	855 р.
	1541 р.

3. На пищу пансіонеровъ (считая по 12 коп. въ сутки на каждаго и 40 воспитанниковъ) . . . . . 1752 р.

4. На содержаніе церкви:

жалованье священнику	200 р.
» причетнику	100 р.
расходъ церкви	157 р.
	457 р.

5. Разныя статьи расхода	5770 р. 60 к.
Итого .	9520 р. 60 к.

излишекъ прихода противъ расхода . . 3 р. $54^2/_7$ к. (поступаетъ въ экономическую сумму пансіона).

Надо думать, что послѣ введенія въ дѣйствіе штата 1843 г. пансіонеровъ кормили и содержали удовлетворительно, потому что число своекоштныхъ пансіонеровъ въ 1840-хъ годахъ быстро возрастало, а сверхъ того появились полупансіонеры,—получающіе въ пансіонѣ обѣдъ и ужинъ, но живущіе дома.

Возрастаніе числа своекоштныхъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ за время 1843—49 г.г. показываютъ слѣдующія цифры:

1843—44 уч. годъ:	пансіонеровъ	57	полупансіон.	3
1844—45 »	»	56	»	—
1845—46 »	»	65	»	5
1846—47 »	»	75	»	15
1847—48 »	»	70	»	—
1848—49 »	»	75	»	11

Увеличеніе числа пансіонеровъ вызвало потребность въ увеличеніи количества комнатныхъ надзирателей: въ 1843—4 г. ихъ стало 4, а въ 1847—8 г. — 5.

Штатъ пансіона развивался и въ другихъ отношеніяхъ. Съ самаго основанія пансіона воспитанникамъ его преподавались танцы (Соломони) и музыка (Рихардъ Деличъ), на что по штатамъ 1843 г. ассигновались особыя суммы; съ марта 1845 г. введено было для пансіонеровъ преподаваніе фехтованія (отставной капитанъ Николай Гречушниковъ). Гимнастикѣ они обучались, повидимому, вмѣстѣ съ приходящими (Турне).

Въ отношеніи обученія пансіонеры пользовались несомнѣннымъ преимуществомъ сравнительно съ приходящими, особенно въ отношеніи новыхъ языковъ: они могли постоянно практиковаться въ разговорѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, такъ какъ—именно съ этою цѣлью—комнатные надзиратели пансіона назначались въ то время исключительно изъ иностранцевъ, владѣющихъ по крайней мѣрѣ однимъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ языковъ (Ульричи, Геннихъ, Боданскій—съ 1841 года, потомъ Шульцъ (вмѣсто Генниха)—съ 1842 года, Грейлихъ—съ 1843 г. и т. д.). Конечно, на дѣлѣ эти практическія упражненія сводились, вѣроятно, почти къ нулю, но во всякомъ случаѣ возможность для нихъ была открыта.

Вообще, въ 1840-хъ годахъ Владимірскій благородный пансіонъ, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и въ отношеніи обученія пансіонеровъ, съ тогдашней точки зрѣнія былъ поставленъ образцово. Этому способствовалъ прежде всего интересъ дворянства къ своему новому дѣтищу, для котораго оно, на первыхъ порахъ, склонно было «ничего не жалѣть». Такая готовность дворянства сказалась не только въ щедрыхъ тратахъ на помѣщеніе и содержаніе пансіона, но и въ отпускѣ суммъ на не-

обязательные по обычному взгляду расходы, напр. на заведеніе пансіонской библіотеки, а всего болѣе — въ стремленіи улучшить матеріальное положеніе учителей Владимірской гимназіи, для того, чтобы имѣть возможно лучшихъ преподавателей для воспитанниковъ пансіона. Съ этою цѣлью, съ начала 1842—43 учебн. года дворянство стало отпускать квартирныя деньги, по 80 руб. сер. въ годъ каждому.

Прекраснымъ выразителемъ интереса дворянства къ пансіону былъ въ описываемую эпоху выбранный дворянствомъ его представитель въ гимназіи и пансіонѣ—почетный попечитель, флота капитанъ-лейтенантъ, Сергѣй Никаноровичъ Богдановъ (1839—1847 г.г.). Онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ и нерѣдко иниціаторомъ во всѣхъ главныхъ перипетіяхъ сложнаго дѣла открытія и устроенія пансіона, и его заботливое вниманіе къ пансіону было второй главной причиной процвѣтанія послѣдняго въ 1840-хъ годахъ.

Въ дѣятельности Богданова замѣтна черта, отличающая большинство попечителей и послѣдующихъ эпохъ жизни гимназіи, за исключеніемъ конца 1860-хъ годовъ, а именно та, что послѣ открытія пансіона, онъ сталъ смотрѣть на себя главнымъ образомъ какъ на попечителя пансіона, а не всей гимназіи, послѣдняя же въ его глазахъ являлась только какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ пансіону. Существованіе такого взгляда доказывается тѣмъ, что его интересъ и вниманіе (поскольку о нихъ свидѣтельствуютъ документы архива) направлялись исключительно къ пансіону.

Итакъ, Владимірскій пансіонъ въ 1840-хъ годахъ былъ поставленъ «образцово»—по понятіямъ того времени. Но современный историкъ можетъ усмо-

трѣть очень крупный недостатокъ въ его организаціи, который долженъ былъ постепенно вести его къ упадку. Такимъ недостаткомъ являлся слабый подборъ воспитательскаго персонала, т. е. самой основы духовной жизни заведенія. Комнатные надзиратели того времени, какъ уже было указано, выбирались исключительно изъ иностранцевъ и притомъ малограмотныхъ, едва сдавшихъ экзаменъ на званіе домашняго учителя, такъ какъ образованные иностранцы не шли на скудно оплачиваемую должность (285 р. въ годъ, при квартирѣ). Такіе воспитатели не могли достойно выполнять свою роль и въ лучшемъ случаѣ ограничивались внѣшнимъ наблюденіемъ за воспитанниками и разговоромъ съ ними на иностранныхъ языкахъ, самое же воспитаніе дѣтей предоставлялось на волю судьбы, если не считать общаго надзора за жизнью пансіонеровъ со стороны гимназическаго начальства и совѣта.

Такая постановка дѣла грозила пансіону въ будущемъ тяжелыми послѣдствіями—внутреннимъ разложеніемъ; но въ 1840-хъ годахъ—и даже, какъ увидимъ позднѣе, въ 1850-хъ—признаковъ послѣдняго еще не замѣчалось: повидимому, пансіонъ спасала извѣстная патріархальность нравовъ русскаго дворянскаго общества той эпохи, патріархальность, благодѣтельно сказывавшаяся на поведеніи воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Но, когда старые нравы стали рушиться вмѣстѣ со старыми традиціями, тогда безпомощность пансіонскаго строя въ отношеніи воспитательнаго воздѣйствія на дѣтей предстала во всей своей неприглядной наготѣ. Пока эта пора не настала, пансіонъ жилъ нормально, и его воспитанники въ 1840-хъ годахъ по ученію

и поведенію ничѣмъ не выдѣлялись изъ состава учениковъ гимназіи.

13. Собраніе книгъ и учебныхъ пособій въ 1833—49 г.г.

Къ началу описываемаго періода во Владимірской гимназіи было двѣ библіотеки: подвижная и неподвижная, или фундаментальная. Первая представляла собой книжный складъ, изъ котораго снабжались за деньги учебниками и учебными пособіями воспитанники всѣхъ училищъ Владимірской дирекціи. Запасъ книгъ въ ней поэтому постоянно колебался—въ отношеніи состава, количества экземпляровъ и общей ихъ стоимости. Около 1 числа каждаго мѣсяца совѣтъ гимназіи, повѣряя денежныя суммы гимназіи, повѣрялъ и наличный запасъ книгъ подвижной библіотеки. Продавалось ежегодно учебныхъ книгъ около 1000 экземпляровъ, на сумму около 1000 р. сер. *).

Фундаментальная библіотека гимназіи къ 1 января 1834 г. заключала въ себѣ 1096 названій книгъ. Въ 1830-хъ годахъ пополненіе ея шло быстро. По уставу 1828 г. на содержаніе и пополненіе библіотеки и кабинетовъ при гимназіи опредѣлялась сумма въ 750 р. асс. въ годъ. Но размѣры покупки книгъ выходили за предѣлы штатной суммы. Изъ служебной переписки видно, что въ концѣ 1830-хъ годовъ начальство Московскаго округа, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, доставляло Владимірской гимназіи возможность пріобрѣтать книги въ долгъ, при помощи средствъ Московскаго университета. Такимъ именно способомъ происходила

*) За 1850 г. продано 1123 экз. на 1007 р. 66 коп. сер.

усиленная выписка книгъ по латинской и греческой словесности въ 1837, 1838, 1839 и 1840 годахъ. Книги эти выписывались начальствомъ Московскаго округа изъ-за границы, при посредствѣ с.-петербургскаго книгопродавца Эгерсъ и К°, въ канцелярію округа и оттуда пересылались во Владимірскую гимназію. Какъ видно изъ предложенія помощника попечителя округа отъ 6 сентября 1840 года, за 1837—40 г.г. было доставлено означеннымъ способомъ во Владимірскую гимназію книгъ, считая съ переплетомъ, на 2460 р. 12 к. асс., а получено съ нея въ уплату только 1000 р., такъ что за гимназіей къ сентябрю 1840 г. оставалось долга Московскому университету за книги и ихъ пересылку 1524 р. 84 к. асс. Кромѣ пріобрѣтенія книгъ покупкою библіотека гимназіи получала иногда и небольшія пожертвованія. Такъ, въ 1834 г. гимназія получила въ даръ стихотворенія графа Хвостова. Въ 1835 году въ нее поступили книги, отобранныя изъ числа пожертвованныхъ разными лицами для раздачи въ награду ученикамъ—какъ неподходящія для учениковъ по содержанію.

Фундаментальная библіотека помѣщалась въ одной комнатѣ съ физическимъ кабинетомъ. Завѣдываніе ей по уставу 1828 г. возлагалось на одного изъ старшихъ учителей — по выбору директора. Въ началѣ описываемаго періода завѣдывалъ библіотекой учитель математики Сохансkій. Назначенный инспекторомъ гимназіи въ 1835 году, онъ около двухъ лѣтъ продолжалъ нести обязанности библіотекаря, но наконецъ сталъ тяготиться ими и просилъ директора передать завѣдыванье библіотекой кому-либо изъ старшихъ учителей. Директоръ (въ 1837 г.) предложилъ принять библіотеку учите-

лю высшихъ частей математики и физики—Небабѣ. Тотъ было сталъ возражать (все дѣло, по обычаю того времени, велось письменно), что ему неудобно соединять завѣдыванье библіотекой съ храненіемъ физическаго кабинета, и указывалъ еще на отсутствіе ключей въ библіотечныхъ шкафахъ. Но директоръ нашелъ отговорки Небабы неосновательными, указалъ на то, что онъ имѣетъ меньше уроковъ и вообще служебныхъ занятій, чѣмъ другіе старшіе учителя, и заставилъ принять библіотеку. Впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ февралѣ 1838 г.) Небабѣ удалось избавиться отъ завѣдыванья библіотекой, передавъ его учителю греческаго языка Деличу. Послѣдній былъ библіотекаремъ до 1842 г., когда его перевели инспекторомъ въ Смоленскую гимназію; библіотека была сдана Деличемъ инспектору Сохановскому, а затѣмъ была поручена учителю латинскаго языка Лыткину, въ рукахъ котораго оставалась до 1857 г.

Быстрый ростъ фундаментальной библіотеки былъ остановленъ пожаромъ въ главномъ домѣ гимназіи, происшедшемъ 29 марта 1840 года.

Сколько сгорѣло книгъ и сколько уцѣлѣло, свѣдѣній не сохранилось; есть извѣстіе о книгахъ по латинской и греческой словесности, что ихъ сгорѣло 125 названій, въ 272 томахъ, на сумму 1928 р. 98 к. асс. По цифрамъ послѣдующихъ лѣтъ можно думать, что пожаръ уничтожилъ болѣе половины библіотеки: такъ, къ началу 1844 г. въ библіотекѣ оказывается 485 названій въ 1358 томахъ, т. е. менѣе половины количества, числившагося въ 1834 г. Впрочемъ, потеря кажется большей отчасти потому, что въ 1834 г. въ числѣ книгъ показаны и журналы, а въ 1844 г. ихъ, повидимому, уже не считали.

Въ 1844—48 годахъ библіотека энергично пополнялась; на выписку книгъ тратилась почти вся сумма, положенная по штатамъ на библіотеку и кабинеты: въ 1845 г.=210 р. сер., въ 1846 г.=197 р., въ 1847 г.=75 р., въ 1848 г.=185 р. 76 к. сер. Въ 1850 г. въ библіотекѣ состояло уже 744 названія въ 2053 томахъ.

Одновременно съ возстановленіемъ фундаментальной библіотеки возникла особая библіотека при вновь открытомъ пансіонѣ гимназіи. Еще въ началѣ 1841 г., до открытія пансіона, дворянствомъ была ассигнована сумма въ 3000 р. асс. на заведеніе пансіонской библіотеки. Почетный попечитель гимназіи Богдановъ, въ отношеніи отъ 15 марта 1841 г., обратился къ и. д. директора училищъ Сохансkому съ просьбой озаботиться составленіемъ каталога книгъ для открываемой библіотеки, въ размѣрѣ всей ассигнованной дворянствомъ суммы. По порученію вновь назначеннаго директора Озерова, инспекторомъ и учителями гимназіи былъ составленъ примѣрный каталогъ русскихъ и иностранныхъ книгъ и представленъ на утвержденіе попечителю округа. Послѣдній, кромѣ того, поручилъ какимъ-то спеціалистамъ составить каталогъ русскихъ книгъ для Владимірскаго пансіона, который былъ даже напечатанъ, вѣроятно, въ видѣ образца для другихъ пансіоновъ. Онъ заключалъ въ себѣ 150 названій. На основаніи этихъ двухъ каталоговъ осенью 1841 г. произведена была канцеляріей попечителя округа выписка книгъ для библіотеки Владимірскаго пансіона. При предложеніи попечителя отъ 15 ноября 1841 г. присланъ директору владимірскихъ училищъ списокъ отправленныхъ ему книгъ для пансіонской библіотеки, въ количествѣ 153 названій, на языкахъ

русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и греческомъ.

Такъ основалась пансіонская библіотека. Нѣсколько мѣсяцевъ ей завѣдывалъ инспекторъ Сохандскій, но въ августѣ 1842 года, по предписанію директора, обѣ библіотеки—пансіонская и фундаментальная—перешли въ завѣдываніе учителя Лыткина. Позднѣе пансіонская библіотека, повидимому, слилась съ фундаментальной, т. к. упоминанія о ней прекращаются.

Физическій кабинетъ гимназіи въ описываемый періодъ пополнялся туго. Значительное приращеніе послѣ пожара 1840 г. онъ получилъ только въ 1843 г., когда попечитель округа прислалъ для него приборовъ на 200 р. сер.; тогда число приборовъ достигло 94. Къ концу періода прибавилось еще 4. Другихъ учебныхъ пособій въ гимназіи было мало: къ концу періода числилось: географическихъ картъ—12, атласовъ—12, глобусовъ—2.

14. Публичные акты въ 1833—49 г.г.

Въ изучаемый періодъ публичные акты гимназіи сохраняли въ общемъ тотъ характеръ, который они пріобрѣли въ концѣ предшествующаго періода, очевидно, подъ вліяніемъ устава 1828 г. Согласно § 155 этого устава, по окончаніи переводныхъ испытаній, производимыхъ въ августѣ, назначается день «торжественнаго акта, къ коему въ особенности приглашаются мѣстныя Начальства и родители обучающихся въ Гимназіи. На семъ актѣ учители и ученики произносятъ приличныя торжеству рѣчи, или читаютъ одобренныя къ сему свои сочиненія; потомъ провозглашаются имена удостоенныхъ къ

переводу въ высшіе классы, и раздаются аттестаты окончившимъ ученіе и награды отличившимся». Указанный здѣсь способъ производства актовъ и былъ принятъ въ нашей гимназіи въ послѣдніе годы передъ введеніемъ устава 1828 г. и прочно утвердился послѣ введенія его.

Обычно въ началѣ второго учебнаго полугодія директоръ давалъ письменное предписаніе одному или двумъ старшимъ учителямъ приготовить къ іюлю или къ августу рѣчи для произнесенія на актѣ, которыя должны были отсылаться для разсмотрѣнія въ училищный комитетъ университета.

На 31 августа обыкновенно назначался самый актъ. На него приглашались почетныя лица города и родители учениковъ, при чемъ, для поддержанія порядка во время торжества, въ гимназію командировались, по письменной просьбѣ директора, мѣстнымъ военнымъ начальствомъ, трое рядовыхъ подъ командой унтеръ офицера изъ мѣстной жандармской команды: такой обычай дѣйствовалъ въ 1830-хъ годахъ, позднѣе о немъ не упоминается въ документахъ архива. Порядокъ самаго акта, судя по краткимъ донесеніямъ директоровъ попечителю округа, былъ слѣдующій: секретарь совѣта читалъ записку о состояніи гимназіи за истекшій академическій годъ; говорили рѣчи учителя и иногда ученики; читались имена переведенныхъ въ высшіе классы учениковъ, раздавались награды и аттестаты. Были, вѣроятно, при началѣ акта – молебствіе, а при концѣ— пѣніе національнаго гимна, но о нихъ въ директорскихъ рапортахъ почему-то не говорится; можетъ быть, они подразумѣвались сами собой.

Рѣчи учителей, по взглядамъ тогдашняго учебнаго начальства, составляли самую существенную

часть акта. Онѣ, повидимому, должны были поддерживать ученый авторитетъ школы въ глазахъ общества и въ то же время содѣйствовать распространенію въ немъ просвѣщенія. Естественно, что при скудномъ числѣ просвѣтительныхъ учрежденій въ то время, актовыя рѣчи учителей гимназіи и даже уѣздныхъ училищъ играли роль нынѣшнихъ публичныхъ лекцій. Потому-то высшее учебное начальство неоднократно въ царствованіе Николая I высказывало требованія, чтобы директора представляли училищному комитету на просмотръ рѣчи учителей гимназіи и доносили о производствѣ актовъ (1827, 1839, 1850 г.г.). Въ свою очередь на учителей гимназіи возлагалась обязанность просматривать рѣчи учителей уѣздныхъ училищъ. Какого содержанія были актовыя рѣчи учителей нашей гимназіи, показываютъ слѣдующіе примѣры.

На актѣ 1833 г. (10 августа) учитель исторіи Богаславскій говорилъ рѣчъ «О вліяніи исторіи на человѣка въ умственномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи»; на актѣ 1838 года (31 августа) произнесены были рѣчи: учителемъ математики Небабой: «О началѣ и значеніи губернскихъ гимназій въ системѣ русскихъ учебныхъ заведеній» и учителемъ греческаго языка Деличемъ: «De utilitate ac laudibus veterum litterarum», на латинскомъ языкѣ; на актѣ 1845 г. (31 августа) говорили: учитель латинскаго языка Лыткинъ—«Объ образованіи», учитель математики Цвѣтковъ —«О пользѣ математики». Какъ видимъ, учительскія рѣчи изучаемаго періода имѣли характеръ общихъ разсужденій о значеніи образованія, и для составленія ихъ требовалось больше краснорѣчія, чѣмъ ученыхъ изслѣдованій.

Рѣчи учениковъ на актахъ играли менѣе видную роль, чѣмъ рѣчи учителей, и упоминаются не

во всѣхъ рапортахъ объ актахъ. Онѣ имѣли цѣлью показать въ извѣстномъ блескѣ развитіе и знанія учениковъ, показать плоды трудовъ школы въ лицѣ болѣе успѣшныхъ ея питомцевъ. Такимъ образомъ, эти рѣчи являются остаткомъ публичныхъ испытаній учениковъ, отмѣненныхъ уставомъ 1828 г. Вслѣдствіе такого назначенія, рѣчи эти составлялись не столько на русскомъ, сколько на новыхъ иностранныхъ языкахъ (акты 1833, 1845 г.г.) и даже на латинскомъ языкѣ (1833 г.). Такую же цѣль, какъ рѣчи, имѣла игра учениковъ на фортепьяно, упоминаемая въ нѣкоторыхъ описаніяхъ актовъ.

Подобный характеръ акты въ гимназіи сохраняли и въ началѣ слѣдующаго періода — въ 1850-хъ годахъ, вообще, пока прочно держались основныя положенія устава 1828 г. Въ началѣ 1860-хъ годовъ, когда началась подготовка къ введенію новаго устава гимназій, акты стали подвергаться сокращенію, лишились главнаго своего украшенія — рѣчей учителей и учениковъ, и обратились въ собраніе почетныхъ лицъ города, родителей и членовъ совѣта гимназіи, составляемое для заслушанія отчета о ходѣ учебнаго дѣла за истекшій годъ и для раздачи наградъ и аттестатовъ. Въ такомъ видѣ происходили акты и въ періодъ 1871—1904 г.г., при чемъ числа для нихъ выбирались разныя, обыкновенно — одно изъ воскресеній въ концѣ сентября или началѣ октября мѣсяца. Въ виду малаго значенія актовъ въ жизни гимназіи послѣ 1850-хъ годовъ, я уже больше не буду касаться этого вопроса.

15. Служебный персоналъ гимназіи 1833—49 г.г.

Послѣ введенія въ нашей гимназіи устава 1828 г. составъ ея служебнаго персонала быстро и сильно

измѣняется. Прежде всего онъ возрастаетъ количественно. Являются новыя должностныя лица: почетный попечитель, инспекторъ; увеличивается число штатныхъ учителей (на 3); въ 1838 г. учреждается должность надзирателя за приходящими учениками.

Съ открытіемъ пансіона въ 1841 г. къ служебному персоналу гимназіи прибавляется цѣлая новая группа должностныхъ лицъ: комнатные надзиратели (сначала 3, съ 1843 года=4), экономъ, врачъ, учителя музыки и танцевъ. Затѣмъ служебный персоналъ гимназіи улучшается качественно. Довольно быстро среди начальства и старшихъ учителей гимназіи исчезаютъ люди безъ высшаго образованія, составлявшіе прежде большинство: къ концу 1840-хъ годовъ въ нашей гимназіи былъ только одинъ старшій учитель со среднимъ (семинарскимъ), а не высшимъ образованіемъ—учитель греческаго языка Воскресенскій, уже кончавшій службу. Правда, младшіе учителя гимназіи, надзиратели пансіона и учителя искусствъ почти постоянно выбирались изъ лицъ со среднимъ или «домашнимъ» образованіемъ, такъ какъ на эти должности, низко поставленныя и плохо оплачиваемыя, рѣдко шли лица съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, но эти служащіе и не принадлежали къ полноправному ядру персонала, которое составляло совѣтъ гимназіи и руководило ея жизнью. Да, наконецъ, въ 1840-хъ годахъ и одна изъ младшихъ учительскихъ должностей (русскаго языка и географіи) нерѣдко замѣщалась людьми съ университетскимъ дипломомъ, которые на ней дожидались вакансіи должности старшаго учителя (кандидатъ Московскаго университета Яхонтовъ—въ 1847 г., дѣйств. студентъ Глав. педагогич. института Данилевскій—въ 1848 г.).

Повышеніе образовательнаго ценза среди главной группы служебнаго персонала гимназіи обусловливалось двумя причинами: созданнымъ уставомъ 1828 г. повышеніемъ окладовъ для служащихъ въ гимназіи, особенно учителей, и распространеніемъ образованія въ Россіи. Совпаденіе этихъ условій имѣло слѣдствіемъ то, что воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній по окончаніи курса охотно занимали должность старшаго учителя гимназіи, а временно довольствовались и положеніемъ младшаго учителя. Годовой окладъ старшаго учителя (1625 р. асс.) для 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ былъ довольно крупнымъ и позволялъ его обладателю свободно вращаться въ среднемъ, дворянско-чиновничьемъ кругѣ губернскаго общества, а университетскій дипломъ вызывалъ почтеніе къ учителю и, если нужно было, закрывалъ недочеты его происхожденія въ глазахъ щепетильной публики. Такимъ образомъ, общественное положеніе учителя оказывалось порядочнымъ, гораздо лучшимъ, чѣмъ въ предшествующій періодъ, и могло привлекать людей.

Описанныя перемѣны въ положеніи и составѣ педагогическаго персонала гимназіи оказали благотворное вліяніе на его бытъ и нравы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на служебную дѣятельность. Жизнь главныхъ его представителей — учителей — обставилась лучше въ матеріальномъ отношеніи и приняла болѣе культурныя формы; нравы учительской среды весьма повысились и смягчились. Теперь мы уже не слышимъ о случаяхъ пьянственнаго буйства среди учителей, которые были нерѣдки въ предшествующій періодъ: развлеченія сдѣлались болѣе культурными. Директоры и инспекторы гимназіи тѣмъ болѣе

должны были держать себя прилично. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ быта и нравовъ улучшалась и развивалась служебная дѣятельность педагоговъ. Читая журналы совѣта и другіе документы, отражающіе въ себѣ дѣятельность педагоговъ нашей гимназіи, мы получаемъ отъ 1830-хъ и – съ другой стороны— отъ 1840-хъ годовъ совершенно различныя впечатлѣнія. Педагоги 1830-хъ годовъ въ большинствѣ представляются намъ заурядными, малообразованными чиновниками, хорошо знающими формальныя тонкости государственной службы, умѣющими отстаивать свои служебныя права и уважать права другихъ, но малосвѣдущими въ преподаваемыхъ наукахъ и относящимися къ своей дѣятельности, какъ къ обыкновенной чиновничьей службѣ. Они вообще аккуратно ходили на службу, тщательно повѣряли въ засѣданіяхъ совѣта деньги и другое имущество гимназіи, по формамъ писали рапорты начальству, но невнимательно и безграмотно (съ нынѣшней точки зрѣнія) составляли журналы засѣданій совѣта и вообще нерѣдко обнаруживали недостаточное знакомство съ грамотной русской рѣчью. Характернымъ представителемъ такихъ педагоговъ является первый инспекторъ нашей гимназіи Гравіанскій, получившій только семинарское образованіе. Его выходки по отношенію къ директору и совѣту гимназіи хорошо обрисовываютъ степень его развитія и его взгляды на свои обязанности, которыя онъ понималъ очень узко. Довольно типиченъ какъ педагогъ—чиновникъ и учитель греческаго языка Воскресенскій, тоже семинаристъ и тоже странно понимавшій свои обязанности. Въ иномъ смыслѣ замѣчательна фигура учителя французскаго языка барона де-Грюше. Этотъ ех-аристократъ, втершійся

въ среду губернской знати и, ради развлеченій и вице-губернаторскихъ обѣдовъ, пропускавшій уроки, вообще не походилъ на тогдашнихъ русскихъ учителей, аккуратныхъ къ формальной сторонѣ службы, но и онъ пріобрѣлъ способность къ бумажному крючкотворству, подобно товарищамъ по службѣ, и кромѣ того характеренъ для учительской среды того времени, какъ образецъ преподавателя новыхъ языковъ изъ эмигрантовъ. Таковы представители педагоговъ 1830-хъ годовъ. Сороковые годы представляютъ совершенно иную картину дѣятельности педагоговъ. Здѣсь мы видимъ передъ собою уже не полуграмотныхъ чиновниковъ, а образованныхъ и усердныхъ учителей, которые, строго соблюдая правила службы, главной задачей своей считаютъ не исполненіе формальностей, а самое веденіе учебнаго дѣла, особенно преподаванія. Составленныя ими программы и различнаго рода служебные рапорты почти всегда написаны логично и грамотно и обнаруживаютъ знаніе своего предмета и усердное отношеніе къ преподаванію. Такіе преподаватели, какъ свящ. Богородицкій, уч. словесности Безсоновъ, уч. лат. яз. Лыткинъ, уч. математики Бѣлелюбскій — сдѣлали бы честь и любой современной гимназіи. — Таковъ былъ прогрессъ въ составѣ педагогическаго персонала и характерѣ его дѣятельности по прошествіи 10 лѣтъ со времени введенія новаго устава въ нашей гимназіи. Были, конечно, хорошіе преподаватели и въ 1830-хъ годахъ (Соханскій, Небаба), но они составляли меньшинство и не давали тона гимназической жизни, какъ это было въ 1840-хъ годахъ.

Въ должности директора Владимірской гимназіи (собственно – училищъ Владимірской губерніи) за

изучаемый періодъ смѣнились три лица: Ѳ. Ѳ. Калайдовичъ (до февраля 1838 г.), В. А. Озеровъ (съ іюля 1841 г. по августъ 1844 г.) и Н. И Сохансkій. Въ промежутокъ времени между увольненіемъ Калайдовича и назначеніемъ Озерова должность директора исправлялъ инспекторъ Сохансkій.

Калайдовичъ былъ дѣльный администраторъ и благодушный человѣкъ. Онъ добросовѣстно выполнялъ свои обязанности директора и, повидимому, хорошо относился къ сослуживцамъ и ученикамъ, но не обладалъ развитой инициативой, а потому не оставилъ глубокихъ слѣдовъ въ жизни гимназіи. Характерной чертой въ его управленіи гимназіей и др. училищами было то, что онъ предоставлялъ совѣту гимназіи широкое участіе въ рѣшеніи вопросовъ не только учебнаго дѣла, но и чисто служебнаго, чего могъ и не дѣлать. Благодаря этому, въ его время совѣтъ занималъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ въ какую-либо иную эпоху, и игралъ руководящую роль въ управленіи всей дирекціей училищъ.

О личности и дѣятельности Озерова сохранилось мало документальныхъ извѣстій, частью потому, что занималъ должность директора недолго, а частью вслѣдствіе потери журналовъ совѣта за время 1841—44 г.г. Повидимому, онъ былъ зауряднымъ человѣкомъ и администраторомъ.

Сохансkій—одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ лицъ въ исторіи нашей гимназіи, въ которой протекла вся его служебная дѣятельность, оставившая глубокіе и благодѣтельные слѣды. Онъ началъ службу учителемъ математики во Владимірской гимназіи (21 апрѣля 1829 г.), черезъ шесть лѣтъ (12 февраля

1835 г.) былъ назначенъ въ ней инспекторомъ, а еще черезъ десять лѣтъ (29 августа 1844 г.) директоромъ. Его директорская дѣятельность болѣе относится къ послѣдующему періоду и будетъ характеризована при описаніи его. Пока скажемъ коротко, что на всѣхъ трехъ пройденныхъ имъ ступеняхъ педагогической службы онъ оказывался прекраснымъ человѣкомъ и выдающимся дѣятелемъ. Онъ былъ отличнымъ преподавателемъ, а затѣмъ усерднымъ и разумнымъ инспекторомъ. Въ качествѣ послѣдняго, помимо неусыпнаго наблюденія за порядкомъ и правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла въ гимназіи, онъ является неоднократно иниціаторомъ педагогическихъ мѣръ, принимаемыхъ совѣтомъ гимназіи, а въ періодъ замѣщенія имъ директора (1838—41) былъ твердымъ и талантливымъ руководителемъ жизни гимназіи.

Инспекторы Владимірской гимназіи въ изучаемый періодъ (С. К. Граціанскій 1833—34 г., Н. И. Соханскій 1835—44 г., Н. Н. Титовъ 1844—45 г., А. Ѳ. Окатовъ 1845—47 г. и П. И. Петровъ 1847—49 г.), за исключеніемъ двухъ первыхъ, о которыхъ уже было сказано, извѣстны намъ почти только по фамиліямъ, потому что о нихъ не сохранилось характерныхъ документальныхъ данныхъ, а дошли до насъ только нѣкоторые ихъ рапорты по хозяйственной части. Приблизительно то же можно сказать и о большинствѣ учителей этого періода, изъ которыхъ мы сколько-нибудь знаемъ только нѣкоторыхъ—однихъ по особымъ случаямъ съ ними (Грюше, Воскресенскій, Небаба), другихъ по представленнымъ ими программамъ преподаванія на 1845—46 уч. годъ. О всѣхъ, болѣе намъ извѣстныхъ, уже было упомянуто; съ нѣкоторыми, долго служившими,

мы встрѣтимся еще въ слѣдующемъ отдѣлѣ (Лыткинъ, Розовъ).

16. Особыя происшествія въ 1833—1849 г.г.

Ревизіи гимназіи учебнымъ начальствомъ въ изучаемый періодъ производились довольно часто Сохранились извѣстія о слѣдующихъ.

Въ 1834 г. (8—15 сентября) ревизовалъ гимназію визитаторъ училищъ Владимірской губерніи, проф. Московскаго университета Н. С. Васильевъ. Онъ сначала осмотрѣлъ зданія и проч. имущество гимназіи (при чемъ указалъ на необходимость поправокъ), потомъ ревизовалъ веденіе классныхъ журналовъ, денежнаго хозяйства и канцелярскихъ дѣлъ (что оказалось «въ надлежащей цѣлости и исправности»). 10, 11, 12, 13 и 14 сентября ревизоръ производилъ испытаніе ученикамъ по всѣмъ предметамъ. 15 сентября онъ устроилъ «педагогическое совѣщаніе» съ членами совѣта гимназіи и дѣлалъ «замѣчанія и наставленія учителямъ въ способѣ преподаванія».

Нѣсколько разъ посѣщалъ гимназію попечитель округа графъ С. Г. Строгановъ: въ декабрѣ 1840 г., въ апрѣлѣ 1844 г., въ іюнѣ и октябрѣ 1846 г. Послѣ ревизіи 1844 г. попечитель выразилъ благодарность всѣмъ служащимъ въ гимназіи—«за найденный имъ порядокъ и надлежащее изложеніе предметовъ».

Кромѣ ревизій, гимназія удостоивалась и посѣщенія Высочайшими Особами. 14 октября 1834 г. ее посѣтилъ императоръ *Николай Павловичъ*: осмотрѣлъ классы, въ которыхъ шли уроки, библіотеку и залъ, при чемъ указалъ на ветхость послѣдняго.

10 августа 1837 г., въ 11 ч. утра, посѣтилъ гимназію наслѣдникъ-цесаревичъ *Александръ Николаевичъ*, въ сопровожденіи Жуковскаго: обходилъ классы спрашивалъ учениковъ, смотрѣлъ ихъ рисунки, былъ ко всѣмъ милостивъ*).

Изъ особыхъ происшествій въ собственномъ смыслѣ за описываемый періодъ въ жизни гимназіи выдѣляются два несчастныхъ случая: пожаръ въ гимназіи и самоубійство учителя Небабы.

О пожарѣ въ гимназіи первое документальное извѣстіе мы находимъ въ рапортѣ и. д. директора училищъ — инспектора гимназіи Соханскаго попечителю Московскаго учебнаго округа отъ 29 марта 1840 г. Въ немъ мы читаемъ слѣдующее.

«Съ величайшимъ прискорбіемъ честь имѣю донести Вашему Превосходительству о несчастіи, постигшемъ наше заведеніе. Въ началѣ 2-го часу пополуночи, съ 28 на 29 марта, въ бель-этажѣ гимназическаго корпуса въ экзаменной залѣ, въ углу близъ печи, подлѣ внутренней стѣны, изъ-подъ полу показалось пламя и въ самое короткое время распространилось по всей залѣ. Всѣ усилія подавить пожаръ въ самомъ его началѣ остались тщетными, потому что дымъ, наполнившій мгновенно залу и смежныя съ ней комнаты- библіотеку и физическій кабинетъ, — отнималъ возможность приблизиться къ горѣвшему полу. Оставалось спасать то, что можно было спасти. Первымъ предметомъ моего попеченія была библіотека, но она отдѣлялась отъ залы створчатыми, неплотно затворявшимися дверями, и входъ

*) Одному бѣдному ученику II кл. (Спасскому) онъ пожаловалъ 250 р. асс. Въ V кл., на урокѣ словесности, одинъ ученикъ продекламировалъ отрывокъ изъ „Ундины" Жуковскаго Государь-наслѣдникъ выразилъ свое удовольствіе.

въ нее былъ черезъ объятую пламенемъ залу. Покушались проникнуть въ нее съ другой стороны — черезъ физическій кабинетъ; задыхаясь отъ дыма едва успѣли спасти большую часть кабинета, но въ библіотеку проникнуть не было никакой возможности, а потому она вся сдѣлалась добычею пламени. Всѣ дѣла, документы и приходо-расходныя книги изъ канцеляріи спасены. Оба флигеля при главномъ корпусѣ пощажены огнемъ». Далѣе и. д. директора ходатайствуетъ о разрѣшеніи временно помѣстить гимназическіе классы въ домѣ, принадлежащемъ гимназіи, но занимаемомъ уѣзднымъ училищемъ, а послѣднее помѣстить въ квартирѣ и. д. директора во флигелѣ. О причинѣ пожара и. д. директора, до производства слѣдствія, не рѣшается говорить опредѣленно, но предполагаетъ, что онъ вызванъ трещиной въ дымовой трубѣ.

Слѣдствіе о пожарѣ, произведенное полиціей при участіи депутата отъ гимназіи (ст. учителя Троицкаго), подтвердило предположеніе и. д. директора о причинѣ пожара: послѣдній былъ вызванъ тѣмъ, что въ дымовой трубѣ, шедшей по капитальной стѣнѣ вверхъ изъ квартиры письмоводителя Орлова, образовалась трещина почти на уровнѣ пола актовой залы, отчего и загорѣлся полъ.

Результаты пожара были таковы: сгорѣлъ домъ, сгорѣла классная мебель, часть физическихъ приборовъ и вся библіотека: изъ послѣдней сохранилось только нѣсколько десятковъ книгъ, бывшихъ на дому у преподавателей.

Черезъ полтора года послѣ пожара гимназія перешла въ новое помѣщеніе—въ домъ, купленный дворянствомъ для пансіона. Новое помѣщеніе было лучше стараго, и въ общемъ ущербъ отъ пожара

свелся для гимназіи къ потерѣ библіотеки; но послѣдняя не была особенно цѣнной и притомъ стала быстро возобновляться.

О самоубійствѣ учителя Небабы, сохранилось особое дѣло, но въ немъ недостаетъ самаго важнаго документа—протокола произведеннаго объ этомъ происшествіи слѣдствія. Изъ находящихся при дѣлѣ бумагъ можно извлечь слѣдующіе факты.

11 февраля 1841 г. и. д. директора училищъ инспекторъ гимназіи Соханскій доноситъ попечителю округа, что «утромъ 10 числа сего февраля старшій учитель Владимірской гимназіи высшихъ частей математики Дмитрій Небаба—лишилъ себя жизни—застрѣлился. О причинѣ таковаго поступка г. Небабы, по окончаніи производящагося теперь слѣдствія, не премину донести Вашему Превосходительству особымъ рапортомъ».

Рапортъ о причинѣ самоубійства Небабы. съ приложеніемъ копіи слѣдственнаго протокола, отправленъ былъ 22 февраля. Въ немъ сказано: «о причинѣ самоубійства ст. учителя Владимірской гимназіи Небабы честь имѣю донести, что г. Небаба рѣшился на таковой поступокъ, какъ видно изъ слѣдствія, въ припадкѣ ипохондріи, которой онъ былъ постоянно подверженъ».

Дополненіемъ къ этимъ краткимъ сообщеніямъ являются слѣдующія извѣстія. Въ день происшествія и. д. директора послалъ отношеніе къ и. д. Владимірскаго полицмейстера съ извѣщеніемъ о томъ, что учитель Небаба «найденъ мертвымъ въ проулкѣ 1 части г. Владиміра близъ церкви Вознесенія», какъ сообщилъ священникъ этой церкви. и съ просьбой произвести слѣдствіе. Одновременно съ этимъ и. д. директора далъ предписаніе ст. учителю

Документову присутствовать въ качествѣ депутата отъ гимназіи при производствѣ слѣдствія и пріемѣ казенныхъ вещей на квартирѣ Небабы (въ домѣ Ракушина на Никольской улицѣ). 12 февраля производившій слѣдствіе о смерти Небабы и. д. полицмейстера частн. приставъ Веселовскій запросилъ и. д. директора: не былъ ли Небаба замѣчаемъ унылымъ или «въ изступленіи ума», не подлежалъ ли какой отвѣтственности по службѣ? Директоръ отвѣтилъ, что Небаба постоянно былъ унылъ и задумчивъ, признаковъ сумасшествія не обнаруживалъ, отвѣтственности по гимназіи никакой не подлежалъ, хотя, можетъ-быть, по своему меланхолическому характеру, предполагалъ какое-нибудь мнимое несчастіе; нерѣдко говаривалъ, что учительская должность ему несродна, и потому старался перемѣнить службу.

Изложенныя извѣстія вполнѣ согласуются со словами рапорта и. д. директора, указывающими, что Небаба лишилъ себя жизни въ припадкѣ ипохондріи. По частнымъ извѣстіямъ можно полагать, что обычная меланхолія Небабы обострилась въ эпоху его смерти вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ: будучи крайне некрасивъ наружностью, онъ за годъ до смерти женился на молодой дѣвицѣ и, повидимому, не чувствовалъ себя счастливымъ въ семейной жизни.

Небаба оставилъ послѣ себя вдову (Анну Захарьевну) съ 3-мѣсячнымъ сыномъ (Николаемъ). Вдовѣ директоръ выхлопоталъ единовременное пособіе въ размѣрѣ полуторагодового жалованья ея мужа.

Изъ журналовъ совѣта гимназіи можно вынести впечатлѣніе, что Небаба занималъ выдающееся положеніе среди товарищей и пользовался ихъ уваженіемъ.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ:

эпоха колебаній въ уставахъ (1849—1871 г.г.).

1. Характерныя черты періода и его раздѣленіе.

Уставъ 8 декабря 1828 года создалъ основу того строя гимназій, который существуетъ до сихъ поръ. Главныя положенія этого устава касательно служебнаго персонала гимназій и общей постановки въ нихъ учебнаго дѣла, пройдя черезъ рядъ несущественныхъ измѣненій, сохранились до сего времени. Короче говоря, опредѣленіе внѣшнихъ формъ гимназическаго быта въ уставѣ 1828 года оказалось необыкновенно прочнымъ. Иную судьбу имѣли положенія устава относительно состава курса гимназій, учебныхъ плановъ и правъ лицъ, получившихъ гимназическое образованіе. Таблица уроковъ—въ отношеніи числа часовъ, отведенныхъ на отдѣльные предметы, и распредѣленія ихъ по классамъ—стала подвергаться измѣненіямъ уже въ концѣ 1830-хъ годовъ. Министерскимъ циркуляромъ отъ 17 ноября 1844 г. объ отмѣнѣ преподаванія статистики было внесено прямое измѣненіе въ составъ гимназическаго курса; второе подобное измѣненіе произведено было циркуляромъ министра отъ 9 января 1847 г. — о пріостановленіи преподаванія логики въ гимназіяхъ. Но эти измѣненія были несущественны для общаго характера гимназическаго курса и не мѣшали ему сохранять духъ уваровскаго классицизма. Другой характеръ имѣли измѣненія въ уставѣ гимназій, начавшіяся съ 1849 года. Въ теченіе трехъ

лѣтъ министерство производитъ рядъ реформъ въ курсѣ гимназій, клонящихся къ тому, чтобы сообщить гимназическому образованію болѣе утилитарное направленіе. Эти реформы шли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Высочайше утвержденнымъ 21 марта 1849 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлялось: 1) ввести въ V, VI и VII классахъ гимназій преподаваніе русскаго законовѣдѣнія — вмѣсто латинскаго языка, для желающихъ по окончаніи гимназическаго курса поступить не въ университетъ, а прямо на гражданскую службу; 2) сократить продолжительность урока съ 1 ч. 30 м. до 1 ч. 15 минутъ; при этомъ намѣчено было раздѣленіе старшихъ классовъ гимназіи на три параллельныхъ отдѣла съ разными курсами, а именно, для поступающихъ: въ университетъ, на гражданскую и на военную службу.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 12 октября 1851 г., согласно представленію министра нар. просв., предписано: 1) ввести во всѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ преподается греческій языкъ, взамѣнъ этого языка, но въ качествѣ обязательнаго предмета, естественныя науки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ гимназій, гимназій Дерптскаго округа и одной гимназіи въ каждомъ университетскомъ городѣ; 2) вводить, по мѣрѣ открытія средствъ, преподаваніе естественныхъ наукъ и въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ греческій языкъ не преподавался.

Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 14 мая 1852 г. были введены: новая таблица уроковъ для гимназій и новые учебные планы предметовъ, при чемъ въ гимназіяхъ безъ греческаго языка устанавливалось, начиная съ IV класса,

два отдѣленія: первое, для поступающихъ въ университетъ, съ латинскимъ языкомъ, второе, для поступающихъ прямо на службу, съ законовѣдѣніемъ и большимъ числомъ уроковъ русскаго языка и математики; второе отдѣленіе въ свою очередь дѣлилось на два развѣтвленія, подготовляющихъ къ гражданской и военной службѣ

Послѣ этихъ реформъ въ большинствѣ гимназій классицизмъ былъ уничтоженъ и свелся къ 16 урокамъ латинскаго языка въ одномъ отдѣленіи четырехъ старшихъ классовъ. Гимназическій курсъ получилъ реально-утилитарный характеръ.

Въ такомъ видѣ гимназіи существовали около 13 лѣтъ. Въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ эпоху великихъ реформъ императора Александра II, намѣчены были и крупныя преобразованія всей системы народнаго просвѣщенія. Наряду съ открытіемъ начальныхъ народныхъ училищъ, женскихъ гимназій и съ преобразованіемъ университетовъ, правительство рѣшило кореннымъ образомъ реформировать уставъ мужскихъ гимназій, создавъ изъ нихъ школы двухъ типовъ: *общеобразовательнаго* (классическія гимназіи), для подготовленія къ университетскому образованію, и *утилитарнаго* (реальныя гимназіи)—для подготовленія къ практической дѣятельности или высшему техническому образованію. Учрежденіе этихъ двухъ типовъ средней школы совершено было уставомъ гимназій, Высочайше утвержденнымъ 19 ноября 1864 года.

Большинство прежнихъ гимназій было обращено въ классическія; реальными сдѣлались единичныя гимназіи въ столицахъ и большихъ городахъ, да нѣкоторыя вновь открытыя.

Уставъ 1864 г. затронулъ преобразованіями всѣ стороны гимназической жизни и придалъ гимназіямъ въ главныхъ чертахъ ихъ современный обликъ. Но онъ не вполнѣ осуществилъ главную мысль правительства относительно общеобразовательной средней школы—придать ея курсу вполнѣ классическій характеръ посредствомъ преподаванія въ широкихъ размѣрахъ обоихъ древнихъ языковъ,—кромѣ того, въ немъ оказались недомолвки и другія погрѣшности, требовавшія исправленія. Такимъ образомъ явилась необходимой *окончательная отдѣлка* устава средней школы, которая для классическихъ гимназій была совершена измѣненіями, Высочайше утвержденными **19 іюня 1871 года.**

Весь описанный періодъ 1849—1871 г.г., ознаменованный частыми реформами въ уставѣ гимназій, по направленію и духу реформъ естественно распадается на два отдѣла: 1) время утилитарныхъ реформъ (1849—1864 г.г.) и 2) время возстановленія классицизма въ гимназіяхъ (1864—1871 г.г.).

2. Общій строй жизни гимназіи въ 1849—65 г.г.

Реформы въ уставѣ гимназій, произведенныя законоположеніями 21 марта 1849 г., 3 и 12 октября 1851 г. и циркуляромъ министра нар. просв. 14 мая 1852 г., касались почти исключительно постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ и оставляли ея служебный и хозяйственный строй въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ созданъ уставомъ 1828 г. Правда, вслѣдствіе перемѣнъ въ составѣ гимназическаго курса, нѣсколько измѣнился списокъ учительскихъ должностей, но число ихъ осталось прежнее: учитель законовѣдѣнія замѣнилъ собою (съ начала

1849—50 уч. года) второго учителя латинскаго языка, учитель естественныхъ наукъ (съ 1852—53 г.)— учителя греческаго языка. Итакъ, гимназія, какъ казенное учрежденіе, послѣ реформъ 1849—1852 г. г. продолжала жить прежнею жизнью.

3. Учебное дѣло въ гимназіи 1849—1865 годовъ.

Составъ учебнаго курса и порядокъ его прохожденія быстро и радикально былъ измѣненъ реформами 1849—1852 гг. въ большинствѣ русскихъ гимназій, въ томъ числѣ и въ нашей. Съ начала 1849—50 уч. года въ ней введено было*) преподаваніе законовѣдѣнія въ V и VI классахъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ длины урока до 1 ч. 15 м. и нѣкоторыми измѣненіями въ таблицѣ уроковъ; въ слѣдующемъ году—законовѣдѣнія въ V, VI и VII кл., т. е. въ полномъ объемѣ; съ начала 1852—53 уч. года введены были естественныя науки, взамѣнъ греческаго языка, и вообще приняты были полностью таблица уроковъ и учебные планы 10 апрѣля 1852 г.**). Одновременно съ этимъ приведены были въ дѣйствіе новыя правила касательно распредѣленія учебныхъ занятій по часамъ дня, относительно производства выпускныхъ испытаній и выдачи аттестатовъ и пр. Послѣ этихъ преобразованій, учебное дѣло въ нашей гимназіи имѣло слѣдующую постановку.

а) Таблица уроковъ. Курсъ первыхъ трехъ классовъ былъ общій для всѣхъ учениковъ гимназіи; съ

*) Предлож. попечителя округа отъ 30 мая 1849 г. и 13 сент. 1849 г.

**) Предложенія попечителя отъ 15 декабря 1851 г. и 31 мая 1852 г. За это время учитель латинскаго яз. Лыткинъ былъ перемѣщенъ: сначала на должность учителя греческаго языка (сент. 1849 г.), потомъ на должность учителя законовѣдѣнія (май 1850 г.).

IV кл. ученики распадались на два отдѣленія: въ одномъ (для поступающихъ на службу) преподавались: законовѣдѣніе и въ усиленномъ размѣрѣ (въ IV кл.) русскій языкъ и математика, въ другомъ (для поступающихъ въ университетъ) преподавался латинскій языкъ, но было меньшее количество уроковъ русскаго языка и математики въ IV кл.; остальные уроки для обоихъ отдѣленій были общіе. Такимъ образомъ, таблица уроковъ дѣлилась на три отдѣла.

I отдѣлъ: общій курсъ I, II и III классовъ.

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	I кл.	II кл.	III кл.	ВСЕГО уроковъ.
Законъ Божій	2	2	2	6
Русскій языкъ	4	4	4	12
Географія	2	2	2	6
Исторія	—	—	2	2
Математика	4	4	4	12
Естественная исторія	2	2	2	6
Нѣмецкій языкъ	3	3	3	9
Французскій языкъ	3	3	3	9
Чистописаніе	3	3	1	7
Черченіе и рисованіе	1	1	1	3
ИТОГО уроковъ .	24	24	24	—

Отдѣлы II и III: спеціальныя отдѣленія IV—VII кл.

Учебные предметы.	II. Для готовящихся на службу.				III. Для готовящихся въ университетъ.			
	IV.	V	VI	VII	IV.	V	VI	VII
Законъ Божій	2	1	1	2	2	1	1	2
Русскій языкъ	5	3	3	3	3	3	3	3
Географія	2	2	—	1	2	2	—	1
Исторія	2	2	4	3	2	2	4	3
Математика	5	3	3	3	3	3	3	3
Физика, матема. и физич. географія	—	2	2	2	—	2	2	2
Естественная исторія	2	1	1	1	2	1	1	1
Нѣмецкій языкъ	3	3	3	2	3	3	3	2
Французскій языкъ	3	3	3	3	3	3	3	3
Черченіе и рисованіе	одинъ урокъ для желающихъ.							
Русское законовѣдѣніе	—	4	4	4	—	—	—	—
Латинскій языкъ	—	—	—	—	4	4	4	4
Итого уроковъ (безъ рисованія)	24	24	24	24	24	24	24	24

Продолжительность урока законоположеніемъ 21 марта 1849 г. опредѣлена въ 1 ч. 15 м.—вмѣсто 1 ч. 30 м., какъ было по уставу 1828 г. Такимъ образомъ, сравнивая таблицы уроковъ 1852 и 1828 г.г., мы видимъ, что онѣ различаются не только по выбору учебныхъ предметовъ и распредѣленію уроковъ между ними, но и по количеству еженедѣльныхъ учебныхъ часовъ. Въ таблицѣ 1828 г. для I, II и III кл. назначено еженедѣльно по 24 полуторачасовыхъ урока (36 часовъ), для IV—VII кл. по 22 уро-

ка (33 часа), а всего для гимназіи въ недѣлю=160 уроковъ или 240 часовъ; въ таблицѣ 1852 г. недѣльное число уроковъ для всѣхъ классовъ=24, что составляетъ 30 часовъ; для всей же гимназіи назначено въ недѣлю 168 уроковъ или 210 часовъ. Слѣдовательно, новая таблица, увеличивъ недѣльное число уроковъ (на 8), сократила недѣльное число учебныхъ часовъ (на 30).

Вслѣдствіе сокращенія недѣльнаго числа учебныхъ часовъ, уменьшилось и количество ихъ въ отдѣльные дни недѣли: вмѣсто 6-часовыхъ занятій въ пять дней недѣли и 3-часовыхъ по средамъ для старшихъ классовъ и 6-часовыхъ во всѣ дни для младшихъ—теперь установлено было ежедневно для всѣхъ классовъ 5 часовъ учебныхъ занятій.

При этомъ измѣнено было и распредѣленіе уроковъ по часамъ дня: уроки шли безъ обѣденнаго перерыва, а только съ короткими промежутками, отъ 9 ч. утра до $2^1/_2$ ч. дня.

b) *Учебные планы предметовъ.* По новымъ предметамъ курса учебные планы 1852 г. даютъ тоже распредѣленіе матеріала. *Естественная исторія*: въ I кл.: доступныя дѣтямъ свѣдѣнія о тѣлахъ природы; во II и III кл.: общая и описательная зоологія; въ IV кл.: общая ботаника; въ V кл.: описательная ботаника; въ VI кл.: общая и описательная минералогія; въ VII кл.: анатомія и физіологія человѣка и животныхъ, повтореніе курса. *Законовѣдѣніе:* V кл.: Россійскіе основные законы; учрежденія; законы о состояніяхъ; VI кл.: законы гражданскіе и гражданское судопроизводство; VII кл.: законы уголовные; уголовное судопроизводство. Изъ числа предметовъ, общихъ старому и новому уставу,

учебные планы 1852 г. сильно измѣнили курсъ математики и латинскаго языка. Первый былъ значительно расширенъ; алгебра и геометрія проведены съ III по VII кл., въ VI кл. прибавлена тригонометрія; второй — подвергся сокращенію въ отношеніи объема грамматическаго матеріала и размѣровъ чтенія авторовъ. Изъ латинскихъ авторовъ выбраны для чтенія многіе прозаики и поэты (Евтропій, Непотъ, Цезарь, Ливій, Овидій, Тибуллъ, Проперцій, Катуллъ, Виргилій, Горацій, Цицеронъ, Тацитъ), но безъ точнаго указанія читаемыхъ произведеній и способа чтенія, т.-е. безъ установленія опредѣленныхъ и серіозныхъ требованій для такого рода занятій.

с. *Система испытаній.* Въ описываемый періодъ система испытаній претерпѣла цѣлый рядъ измѣненій, какъ общихъ для большинства русскихъ гимназій, такъ и относящихся къ отдѣльнымъ округамъ или даже къ отдѣльнымъ гимназіямъ. Прослѣдимъ ихъ по отношенію къ нашей гимназіи.

Въ 1850—51 учебномъ году для окончательныхъ испытаній началась бифуркація, вызванная реформой 21 марта 1849 г. Ученики VII класса на испытаніяхъ стали дѣлиться на двѣ группы: изучавшихъ латинскій языкъ и изучавшихъ законовѣдѣніе. По сдачѣ испытаній, ученики первой группы получали право поступить въ университетъ (лучшіе безъ повѣрочнаго испытанія, прочіе—съ испытаніемъ), ученики 2-й группы—право поступить на гражданскую службу чиномъ XIV класса (такой же чинъ давался попрежнему и за успѣхи въ греческомъ языкѣ).

Въ 1852 —53 учебномъ году измѣненіе коснулось не только окончательныхъ, но и переводныхъ испы-

таній во всѣхъ классахъ. Помимо перемѣнъ въ предметахъ испытаній, вызванныхъ измѣненіемъ состава курса, произведено было перенесеніе переводныхъ испытаній съ начала учебнаго года (августъ) на конецъ его (май—іюнь)*) и были введены повѣрочныя и дополнительныя испытанія для нѣкоторыхъ учениковъ, сдавшихъ общія испытанія не вполнѣ удовлетворительно или не державшихъ ихъ по уважительной причинѣ; повѣрочныя и дополнительныя испытанія производились въ началѣ августа. Выработка подробныхъ правилъ о переводныхъ испытаніяхъ сначала была предоставлена совѣтамъ гимназій. Форма и пріемы производства испытаній (экзаменаціонныя комиссіи, дѣленіе предметовъ испытанія, письменныя работы) сохраняли въ общемъ прежній характеръ, насколько этому не препятствовали измѣненія въ составѣ курса. Въ силу послѣднихъ исчезли испытанія по греческому языку, явились испытанія во всѣхъ классахъ по естественной исторіи, а въ трехъ старшихъ—по законовѣдѣнію. Въ связи съ этимъ измѣнились виды аттестатовъ, выдаваемыхъ окончившимъ курсъ гимназіи. Ихъ стало три разряда: 1) съ правомъ поступленія въ университетъ безъ испытанія—для изучавшихъ латинскій языкъ, 2) съ правомъ на чинъ XIV кл., но безъ права поступить въ университетъ безъ испытанія—для оказавшихъ отличные успѣхи въ законовѣдѣніи при хорошихъ успѣхахъ въ другихъ предметахъ, 3) безъ права на чинъ и на поступленіе въ университетъ безъ испытанія для среднихъ учениковъ, изучавшихъ законовѣдѣніе.

Таковы были общія для большинства русскихъ гимназій правила испытаній, вошедшія въ силу съ

*) Это дѣлалось ежегодно съ особаго разрѣшенія попечителя Округа.

1853 года. Совѣтъ нашей гимназіи дополнялъ ихъ болѣе подробными постановленіями о дополнительныхъ испытаніяхъ въ августѣ. Такъ, въ засѣданіи 14 марта 1855 года совѣтъ выработалъ такія правила объ этихъ испытаніяхъ. Къ нимъ допускаются ученики I—VI классовъ: а) не явившіеся на общія испытанія въ іюнѣ по уважительной причинѣ, в) державшіе испытаніе въ іюнѣ, но получившіе неудовлетворительные баллы,—однако не болѣе, чѣмъ по двумъ предметамъ.

Пріемныя испытанія сохраняли прежній характеръ и послѣ реформы 1852 года, если не считать перемѣнъ въ выборѣ предметовъ курса; производились они въ августѣ мѣсяцѣ.

Въ 1858 году управляющій Московскимъ учебнымъ округомъ помощникъ попечителя графъ Уваровъ издалъ (4 апрѣля) циркуляръ, упорядочивающій производство испытаній въ гимназіяхъ округа. Онъ заслуживаетъ приведенія полностью.

«Въ видахъ установленія единообразнаго и правильнаго производства годичныхъ экзаменовъ въ Гимназіяхъ Московскаго Учебнаго Округа, Г. бывшій попечитель призналъ нужнымъ:

I. Экзамены въ Гимназіяхъ производить до каникулъ въ слѣдъ за окончаніемъ репетицій.

II. Преподаваніе предметовъ во всѣхъ классахъ должно быть по возможности закончено къ 1 Апрѣля. Съ 1-го Апрѣля по 10 Мая ученики VII класса освобождаются отъ классныхъ занятій для самостоятельнаго приготовленія къ выпускному экзамену, въ остальныхъ же 6-ти классахъ во все это время производятся репетиціи или повтореніе всего прой-

деннаго въ продолженіи года, подъ руководствомъ учителей, въ классное время и при классномъ же распредѣленіи часовъ. Послѣ чего т. е. отъ 10 Мая до 15 Іюня должны быть произведены экзамены для всѣхъ семи классовъ.

III. Порядокъ веденія экзаменовъ долженъ происходить на основаніи существующихъ правилъ, установленныхъ Министерствомъ.

IV. Признавши необходимымъ производить экзамены всѣмъ вообще воспитанникамъ до каникулъ, можно допустить однакожъ слѣдующія исключенія:

1) Экзаменуются послѣ вакаціи тѣ ученики, которые въ продолженіе года и на репетиціяхъ оказали слабые успѣхи по нѣкоторымъ предметамъ и не подаютъ надежды Начальству Гимназіи на успѣшное въ нихъ окончаніе экзамена до каникулъ.

2) Ученики всѣхъ 6-ти классовъ неявившіеся на экзаменъ до каникулъ по болѣзни, или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

Право же на переэкзаменовку послѣ каникулъ предоставить ближайшему усмотрѣнію Начальства Гимназіи, но ни въ какомъ случаѣ болѣе одного раза по каждому предмету.

Равнымъ образомъ не слѣдуетъ допускать къ экзамену и переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ воспитанниковъ содержимыхъ на счетъ казны, или иныхъ благотворительныхъ фондовъ и оставленныхъ на 2 года, дабы въ случаѣ неудовлетворительности испытанія сдѣлать заблаговременно распоряженіе о замѣщеніи ихъ новыми кандидатами. Переэкзаменовка

и экзамены для вновь вступающихъ учениковъ назначаются въ Августѣ, послѣ чего начинается преподаванiе учебныхъ предметовъ и продолжается до 1-го Апрѣля».

Приведенный циркуляръ, какъ видимъ, урегулировалъ главнымъ образомъ время производства испытанiй, которое до тѣхъ поръ испытывало колебанiя. Такъ, испытанiя VII кл. въ нашей гимназiи оканчивались: въ 1850, 1851, 1852, 1853 г.г.—20—22 iюня, въ 1854 г. (въ видѣ исключенiя, по случаю войны)—6 апрѣля, въ 1855—14 iюня, въ 1857 г.—22 iюня; теперь же для нихъ были назначены предѣльныя числа—10 мая и 15 iюня. То же относится и къ переводнымъ испытанiямъ: прежде они производились до каникулъ съ особаго каждый разъ разрѣшенiя Округа, а теперь и для нихъ были установлены тѣ же предѣльные сроки.

Въ 1859 году прекратились экзамены по законовѣдѣнiю въ V и VI классахъ, а съ 1860 г. и въ VII классѣ—сначала вслѣдствiе отсутствiя учителя законовѣдѣнiя, а потомъ—по распоряженiю управляющаго Московскимъ округомъ, который, въ предложенiи отъ 17 сентября 1859 г., приказалъ, якобы за неимѣнiемъ преподавателя, прекратить преподаванiе законовѣдѣнiя впредь до особаго распоряженiя, котораго такъ и не послѣдовало.

Въ 1860 г. 20 мая въ нашу гимназiю былъ присланъ циркуляръ попечителя Округа отъ 14 мая, сообщавшiй вновь установленныя министромъ народнаго просвѣщенiя правила объ оцѣнкѣ познанiй учениковъ, оканчивающихъ курсъ, словами («весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно») и о выдачѣ медалей—въ количе-

ствѣ не болѣе трехъ на выпускъ (одной золотой и двухъ серебряныхъ).

Таковы были важнѣйшія внѣшнія перемѣны, которымъ подвергалась система испытаній въ изучаемый періодъ. Что касается внутренней стороны ея, т. е. степени правильности опредѣленія ученическихъ познаній, то для рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ достаточно данныхъ. Можно только съ увѣренностью сказать, что испытанія, особено переводныя, производились строго: процентъ неудовлетворительныхъ балловъ на іюньскихъ испытаніяхъ I—VI кл. былъ очень высокъ (0,30—0,40 въ младшихъ классахъ); въ VII классѣ неудовлетворительныхъ балловъ ставилось меньше, но все-таки они бывали, даже по не особенно труднымъ предметамъ, напр. по физической географіи, и случаи провала выпускныхъ учениковъ не были рѣдкостью.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ министерство стало требовать усиленія строгости окончательныхъ испытаній для учениковъ, намѣревающихся поступить въ университетъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ циркуляръ попечителя Московскаго округа отъ 22 мая 1859 года, который, ссылаясь на сообщеніе министра народнаго просвѣщенія о Высочайшей волѣ, требуетъ, чтобы совѣтъ гимназіи на выпускныхъ экзаменахъ соблюдалъ «возможную строгость, безъ малѣйшаго отступленія отъ существующихъ для сего правилъ» и чтобы директоръ содѣйствовалъ этому «личнымъ наблюденіемъ» за производствомъ испытаній. Позволительно думать, что Владимірская гимназія не подавала повода къ такого рода распоряженіямъ.

d) *Характеръ преподаванія и учебники.* Если въ предшествующій періодъ по всѣмъ предметамъ кур-

са были болѣе или менѣе подходящіе учебники, то тѣмъ болѣе надо ожидать этого явленія въ описываемый періодъ, когда книжное дѣло въ Россіи сдѣлало большіе успѣхи. Задержка въ появленіи учебниковъ могла быть только по новымъ предметамъ, введеннымъ въ курсъ гимназій,—по законовѣдѣнію и естествовѣдѣнію, но на дѣлѣ и этого не случилось.

Полнаго списка учебниковъ, употреблявшихся въ нашей гимназіи въ изучаемый періодъ, не сохранилось, но есть перечень учебныхъ книгъ, выданныхъ пансіонерамъ въ началѣ 1856—57 учебнаго года. Судя по этому перечню, въ означенномъ году употреблялись въ гимназіи слѣдующія руководства и пособія.

По Закону Божію: краткій катихизисъ, пространный катихизисъ Филарета, священная исторія и исторія церкви Богданова, молитвословъ, псалтирь, чтенія изъ 4 евангелистовъ, чтеніе изъ книгъ Ветхаго Завѣта.

По русскому языку и словесности: учебникъ русскаго языка Смирнова, славянская грамматика (?), русская хрестоматія Пенинскаго, славянская хрестоматія Пенинскаго, піитика, риторика, исторія русской словесности (неизвѣстныхъ авторовъ); логика Рождественскаго.

По математикѣ: ариѳметика (Буссе?), алгебра Погорѣльскаго, геометрія Буссе, собраніе ариѳметическихъ задачъ Буссе.

По физикѣ: учебникъ Ленца.

По исторіи: древняя, средняя и новая исторія Зуева, русская исторія Устрялова (одинъ учебникъ для 3-го, другой для 6-го класса).

По географіи: всеобщая географія Ободовскаго, русская географія Кузнецова, физическая географія Талызина.

По законовѣдѣнію: Руководство къ русскимъ законамъ Рождественскаго.

По естественной исторіи: ботаника (?), зоологія Семашка.

По латинскому языку: грамматика Белюстина, басни Федра, К. Непотъ, Саллюстій, Овидій, Цицеронъ, словарь Кронеберга.

По французскому языку: Le livre de l'Enfance Куртенера. Précepteur français его же, грамматика Лемонда, книга Ренгартена.

По нѣмецкому языку: учебники: Зейденштюнера, Бейзерта, Лейбрехта, хрестоматія Геринга.

Къ концу періода въ выборѣ учебниковъ произошли нѣкоторыя перемѣны: по всеобщей исторіи былъ введенъ учебникъ Вебера, по географіи—учебники Пютца (всеобщая географія) и Телѣгина (русская).

О самомъ характерѣ преподаванія въ изучаемый періодъ—о его методахъ и пріемахъ—мы имѣемъ, кромѣ указаній въ учебныхъ планахъ, только немногія отрывочныя извѣстія. Таковы слѣдующія.

25 августа 1852 г. директоръ Соханскій разослалъ всѣмъ учителямъ новыя программы преподаванія предметовъ и письменно предложилъ имъ руководствоваться въ преподаваніи такимъ правиломъ: вести классное дѣло такъ, чтобы по окончаніи каждаго урока быть убѣжденнымъ, что большинство учениковъ усвоили объясненія учителя и могутъ дать сознательный отчетъ въ томъ, что происходило на урокѣ. Таковъ былъ взглядъ директора на классныя занятія, и въ проведеніи его онъ,

повидимому, встрѣтилъ поддержку учителей. Въ пользу такого мнѣнія говорятъ слѣдующіе факты. Въ засѣданіи совѣта 23 октября 1860 г. директоръ Сохансkій возбудилъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли по новымъ языкамъ разучивать уроки въ классѣ. Совѣтъ поручилъ учителямъ новыхъ языковъ (Бейзерту и Ренье) письменно изложить ихъ мнѣнія по этому вопросу. Мнѣнія эти были представлены совѣту въ засѣданіи 23 января 1861 г. и являлись развитіемъ мысли директора. Совѣтъ постановилъ принять ихъ къ руководству на будущее время.

Приведенные факты показываютъ, что педагогическій персоналъ гимназіи придавалъ большое значеніе сознательной и живой классной работѣ учителя и учениковъ, но мы не знаемъ, насколько полно примѣнялись такіе взгляды на практикѣ. Не знаемъ мы также, насколько точно выполнялись въ нашей гимназіи учебные планы министерства, но прямыхъ указаній на отступленія отъ нихъ мы не находимъ.

Относительно веденія письменныхъ упражненій учениковъ въ изучаемый періодъ мы не имѣемъ другихъ указаній, кромѣ помѣщенныхъ въ учебныхъ планахъ 1852 года. Послѣдніе устанавливаютъ письменныя работы только по языкамъ—русскому, латинскому, французскому и нѣмецкому, указывая ихъ характеръ, но не опредѣляя ихъ количества. По русскому языку указаны: диктантъ, переводы со славянскаго на русскій языкъ, сочиненія, по иностраннымъ языкамъ—переводы на русскій языкъ и обратно. По математикѣ письменныхъ работъ не указано. Вообще замѣтно, что учебные планы

1852 г. не придаютъ письменнымъ упражненіямъ первенствующаго значенія.

е) *Успѣшность занятій учениковъ и мѣры къ ея поднятію.* Въ заключеніяхъ совѣта по поводу мѣсячныхъ вѣдомостей нѣсколько разъ встрѣчаются указанія на удовлетворительность или, наоборотъ, слабость успѣховъ большихъ группъ учениковъ. Такъ, въ засѣданіяхъ 9 ноября 1849 г., 10 мая и 6 ноября 1850 г. совѣтъ призналъ успѣхи учениковъ въ общемъ удовлетворительными; наоборотъ, въ засѣданіи 1 марта 1851 г. совѣтъ нашелъ успѣхи учениковъ слабыми вообще, въ засѣданіи 7 марта 1857 г. отмѣчена неуспѣшность учениковъ III кл. по естественной исторіи и математикѣ, въ октябрѣ того же года въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ оказалось 44 единицы (на 203 ученика).

Средину между этими крайними заключеніями занимаетъ мнѣніе совѣта, высказанное 4 ноября 1852 г.,—что успѣхи старшихъ классовъ удовлетворительны, а младшихъ—слабы. Такимъ образомъ, совѣтъ гимназіи не всегда былъ доволенъ успѣхами учениковъ.

Что касается отзывовъ объ успѣшности учениковъ со стороны представителей высшаго начальства, посѣщавшихъ гимназію, то сохранилось свѣдѣніе только объ отзывѣ министра народ. просв. кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, посѣтившаго гимназію 25 сентября 1851 г. Министръ остался доволенъ успѣхами учениковъ.

Процентное отношеніе окончившихъ курсъ къ общему числу учениковъ въ изучаемую эпоху весьма значительно, что видно изъ слѣд. цифръ.

Въ 1852 г.	изъ 165 уч.	окончило курсъ 14,	или 8,5%
„ 1853	„ 175?	„ „ 11	„ 6,2%
„ 1854	„ 187	„ „ 11	„ 5,9%
„ 1855	„ 184	„ „ 15	„ 8,1%
„ 1856	„ 187	„ „ 10	„ 5,3%
„ 1857	„ 203	„ „ 13	„ 6,4%
„ 1858	„ 216	„ „ 16	„ 7,4%
„ 1859	„ 227	„ „ 11	„ 4,8%
„ 1860	„ 235	„ „ 13	„ 5,5%
„ 1861	„ 230	„ „ 13	„ 5,6%.

Въ среднемъ за десятилѣтіе 1852—1861 процентъ окончившихъ курсъ составляетъ 6,37—величина весьма значительная. Такимъ образомъ, судя по числу окончившихъ курсъ, успѣшность занятій учениковъ въ разбираемую эпоху стояла высоко. Но вотъ что говоритъ о занятіяхъ учениковъ въ эти годы составитель отчета за 1856—62 гг.: „Результаты экзаменовъ постоянно были довольно удовлетворительны, но, въ строгости, занятія учащихся въ теченіи года можно назвать мало соотвѣтствующими тѣмъ заботамъ какія прилагались съ цѣлью вселить въ учащихся любовь къ труду и наукѣ. Изъ годового числа учащихся едва можно указать человѣкъ на 10, въ которыхъ была замѣтна охота къ ученью. Прочіе, по преимуществу, приготовляли уроки только для избѣжанія низшей отмѣтки—единицы. Занятія дѣтей потомственныхъ дворянъ ниже занятій дѣтей дворянъ личныхъ, купцовъ и мѣщанъ“. Этотъ строгій отзывъ противорѣчитъ нѣкоторымъ другимъ, похвальнымъ, которые встрѣчаются въ сохранившихся отчетахъ за 1851—55 годы; но въ данномъ случаѣ охотнѣе вѣришь обличительному, чѣмъ хвалебному заявленію одного изъ членовъ совѣта гимназіи.

Мѣры для поднятія успѣшности учениковъ, которыя въ изучаемую эпоху принимались начальствомъ и совѣтомъ гимназіи, носятъ тотъ же характеръ и сводятся къ тѣмъ же категоріямъ, какъ и въ 40-хъ годахъ. Категоріи этихъ мѣръ таковы: 1) улучшенія въ способахъ преподаванія, 2) награды, 3) наказанія (исправительныя и карательныя мѣры), 4) обращеніе къ помощи семьи.

Мѣры для улучшенія преподаванія будутъ разсмотрѣны при обозрѣніи дѣятельности совѣта. Относительно мѣропріятій прочихъ разрядовъ прежде всего нужно заявить, что ихъ отдѣльные виды въ изучаемую эпоху оставались въ общемъ прежними, и только въ способѣ ихъ примѣненія замѣчается, особенно въ концѣ періода, нѣкоторая разница сравнительно съ 1840-ми годами. Изъ мѣръ, носящихъ характеръ награжденія, употреблялись: награжденіе окончившихъ курсъ медалями и правомъ на чинъ XIV кл., награжденіе при переводѣ въ высшій классъ книгами и похвальными листами, распредѣленіе учениковъ «по мѣстамъ» на основаніи отмѣтокъ въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ (съ 1849 года) и записыванье отличныхъ учениковъ на золотую доску (съ 1856 г., вмѣсто прежнихъ красныхъ и бѣлыхъ досокъ)*). Не встрѣчаемъ мы только «одобренія» или «благоволенія» совѣта: эта мѣра, очевидно, въ 1850-хъ годахъ казалась уже черезчуръ платонической. Изъ мѣръ, носящихъ характеръ наказанія, встрѣчаемъ: записыванье неуспѣшныхъ учениковъ на черную доску, задержаніе въ гимназіи или въ пансіонѣ въ праздничные дни, выговоръ совѣта,

*) Введено постановленіемъ совѣта 15 февраля 1856 года. Право на золотую доску давало 4½ въ сред. выводѣ за мѣсяцъ по всѣмъ предметамъ, при отсутствіи 3-къ (постановл. сов. 17 марта 1856 г.).

карцерное заключеніе, розги, перемѣщеніе въ низшій классъ и наконецъ—исключеніе изъ гимназіи въ строгой или смягченной формѣ (предложеніе «взять ученика»). Одинъ разъ встрѣчается указаніе на поставленіе ученика въ классѣ на колѣни (Лялина IV кл., журн. сов. 1 марта 1851 года). Изъ наказаній въ собственномъ смыслѣ чаще всего употреблялись: задержаніе въ гимназіи, карцеръ и розги. Но наказаніе розгами въ концѣ 1850-хъ годовъ употреблялось все рѣже и рѣже, а съ начала 1860-хъ годовъ постановленій совѣта о примѣненіи этого наказанія уже не встрѣчается: напротивъ, въ журналѣ совѣта отъ 15 февраля 1861 года занесено мнѣніе почетнаго попечителя (гр. Апраксина) о вредѣ тѣлесныхъ наказаній. Такимъ образомъ, въ концѣ 1850-хъ годовъ розги постепенно выходятъ изъ употребленія. Перемѣщеніе въ низшій классъ за малоуспѣшность въ изучаемый періодъ только числилось въ разрядѣ исправительныхъ мѣръ, но на практикѣ не примѣнялось; впрочемъ, однажды (1 марта 1851 г.) совѣтъ погрозилъ лѣнивымъ ученикамъ этой мѣрой. Выговоръ совѣта примѣнялся, но рѣдко, притомъ больше за проступки и пропускъ уроковъ, а не за малоуспѣшность, какъ въ 1830-хъ годахъ. Крайняя карательная мѣра—исключеніе изъ гимназіи—примѣнялась, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ за малоуспѣшность или продолжительное непосѣщеніе гимназіи безъ указанія уважительныхъ причинъ. За время 1849—1863 г.г. я насчиталъ всего 10 случаевъ исключенія учениковъ въ строгой и смягченной формѣ, не считая, конечно, увольненій за невзносъ платы за ученье. Болѣе характерные случаи примѣненія этой мѣры будутъ описаны ниже, при раз-

смотрѣніи вопроса о поведеніи учениковъ въ изучаемый періодъ.

Обращеніе къ родителямъ и воспитателямъ учениковъ за содѣйствіемъ поднятію ихъ успѣшности въ изучаемую эпоху все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, изъ мѣры исключительной становится обычнымъ пріемомъ. Съ 1855 года начинаютъ отсылать родителямъ малоуспѣшныхъ учениковъ списокъ мѣсячныхъ отмѣтокъ, полученныхъ послѣдними. Въ 1861 году (23 января) постановлено совѣтомъ, чтобы ученики имѣли особыя тетради для выставки въ нихъ полученныхъ балловъ. Такимъ образомъ, привлеченіе семьи на помощь школѣ въ дѣлѣ обученія постепенно принимаетъ современныя формы.

4. Поведеніе учащихся и воспитательныя мѣры въ эпоху 1849—1865 г.г.

Судя по оффиціальнымъ документамъ, особенно по протоколамъ совѣта, поведеніе учащихся въ изучаемую эпоху представляетъ, сравнительно съ 30—40-ми годами, нѣкоторыя особенности, главнымъ образомъ, отрицательнаго характера. Обычные недочеты въ поведеніи учениковъ—лѣность, мелкія шалости, пропускъ уроковъ—остаются все тѣ же, если не по количеству отдѣльныхъ проступковъ, которое вычислить крайне трудно, то, по крайней мѣрѣ, по числу видовъ; случаевъ воровства не замѣтно; зато дерзкія выходки относительно наставниковъ становятся нерѣдкимъ явленіемъ и къ концу періода все учащаются: видно, что патріархальные школьные нравы стараго времени исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ понятіямъ.

Мѣры для исправленія поведенія учениковъ, для возвышенія ихъ нравственнаго развитія, сводились,

съ одной стороны, къ нравственному воздѣйствію на нихъ—путемъ наградъ, увѣщаній, обращенія къ вліянію семьи,—а съ другой—къ формальнымъ наказаніямъ, кончая удаленіемъ изъ гимназіи. Виды наказаній, употребляемыхъ какъ мѣры для исправленія поведенія учениковъ, въ изучаемомъ періодѣ de iure оставались прежніе: заключеніе въ запертомъ классѣ, розги и исключеніе изъ гимназіи. Какъ извѣстно, практикой еще 30-хъ годовъ рядъ высшихъ наказаній пополнился «выговоромъ совѣта». Эти четыре вида наказаній признавались въ теоріи нашей гимназіи въ теченіе всего періода 1849—1865 г.г., но примѣненіе ихъ на практикѣ постепенно измѣнялось.

Въ 50-хъ годахъ, такъ же, какъ въ 40-хъ, самыми употребительными изъ исправительныхъ мѣръ были розги и карцеръ, первыя для учениковъ младшихъ (I—III) классовъ, второй—для всѣхъ классовъ. Оба вида наказаній примѣнялись какъ за проступки въ собственномъ смыслѣ, такъ и за лѣность Рѣже примѣнялся выговоръ совѣта. Наказанія назначались совѣтомъ почти исключительно при разсмотрѣніи мѣсячныхъ вѣдомостей: экстраординарныхъ засѣданій для обсужденія проступковъ учениковъ за это время мы почти не видимъ. Обыкновенно совѣтъ, усмотрѣвъ изъ мѣсячныхъ отчетовъ учителей и инспектора малоуспѣшность (по лѣности) и недочеты въ поведеніи со стороны нѣкоторыхъ учениковъ, предоставлялъ инспектору распорядиться съ виновными «сообразно возрасту», что, какъ уже извѣстно читателю, означало: для маленькихъ—розги, для большихъ - карцеръ. Изрѣдка дѣлалъ совѣтъ и болѣе опредѣленныя постановленія о взысканіяхъ; напр., 19 октября 1856 года совѣтъ постановилъ: лѣни-

выхъ воспитанниковъ пансіона лишить на нѣсколько недѣль отпусковъ, лѣнивыхъ приходящихъ учениковъ задержать въ теченіе 4 праздничныхъ дней въ гимназіи до 5 ч. вечера (начиная, повидимому, съ окончанія литургіи); 1 марта 1851 года постановлено было посадить нѣкоторыхъ учениковъ на хлѣбъ и воду, а одного (уч. IV кл. Лялина) поставить на колѣни въ классѣ. Понятно, что всегда требовалось опредѣленное постановленіе для произведенія выговора совѣта (напр. 18 октября 1854 года уч. VII кл. Рязанцеву—за „пропускъ классовъ", 15 февраля 1856 года—уч. Романовскому, Смирнову, Манькову).

Въ 60-хъ годахъ картина рѣзко мѣняется. Наказанія „сообразно съ возрастомъ" исчезаютъ со страницъ журналовъ совѣта, что означаетъ, прежде всего, прекращеніе примѣненія розогъ; заключеніе въ карцеръ или, по новой терминологіи, болѣе или менѣе продолжительный „арестъ" по опредѣленію совѣта, а также выговоръ совѣта примѣняется очень рѣдко; вообще совѣтъ перестаетъ назначать наказанія за обыкновенные проступки, а исправительныя мѣры по поводу ихъ передаются, повидимому, въ вѣдѣніе начальства гимназіи; въ роли карающаго судьи совѣтъ выступаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда приходится рѣшать вопросъ о томъ, возможно ли дальнѣйшее пребываніе ученика въ гимназіи.

Что касается примѣненія высшей карательной мѣры—исключенія изъ гимназіи, то оно встрѣчается въ теченіе всего періода, притомъ чаще въ концѣ, чѣмъ въ началѣ, что соотвѣтствуетъ указанному выше возрастанію подъ конецъ періода числа крупныхъ проступковъ учениковъ въ смыслѣ нарушенія дисциплины. Всего мною насчитано за весь

періодъ 1849—1865 г. 10 случаевъ увольненія учениковъ за неуспѣшность и проступки (не считая увольненій за невзносъ платы). Приведу нѣсколько случаевъ примѣненія этой карательной мѣры, могущихъ характеризовать и юрисдикцію совѣта и отрицательныя стороны поведенія учениковъ.

Въ февралѣ 1851 г. постановлено исключить изъ гимназіи ученика III кл. Астафьева, который не ходилъ въ классъ съ октября 1850 г. и на вопросъ о причинѣ отсутствія отвѣтилъ посѣтившему его надзирателю: „не хочется учиться“.

12 февраля 1855 г. совѣтъ предложилъ отцу ученика V кл. Хватова взять изъ гимназіи сына, „который не только дурно учится, но и рѣдко ходитъ въ классъ“.

10 августа 1863 г. совѣтъ обсуждалъ весьма рѣдкій въ педагогической практикѣ случай: попечитель округа получилъ доносъ на начальство гимназіи отъ ученика VI кл. Александра Шестакова и предписалъ совѣту рѣшить вопросъ о томъ, можетъ ли Шестаковъ оставаться въ гимназіи. Совѣтъ сдѣлалъ такое постановленіе. „Совѣтъ гимназіи, при-
„нимая въ соображеніе, что ученикъ VI кл. Але-
„ксандръ Шестаковъ въ теченіе цѣлаго года былъ
„небреженъ въ занятіяхъ и въ посѣщеніи уроковъ,
„на самыхъ урокахъ бывалъ постоянно невнимате-
„ленъ, передъ начальствомъ и наставниками былъ
„непочтителенъ, дерзокъ и непослушенъ, своимъ дур-
„нымъ примѣромъ и даже возбужденіемъ старался
„увлекать и другихъ товарищей къ неуваженію и
„дерзостямъ противъ гг. директора, преподавателей
„и комнатныхъ надзирателей, въ порывѣ злобы —
„вопреки кротости всякаго благовоспитаннаго юно-

„ши—рѣшился на неслыханный поступокъ въ учеб-
„номъ заведеніи—быть лживымъ доносчикомъ на
„свое ближайшее начальство,—мнѣніемъ своимъ по-
„ложилъ: считать дальнѣйшее пребываніе Александ-
„ра Шестакова въ гимназіи крайне вреднымъ и
„заразительнымъ для учебнаго заведенія и предо-
„ставилъ г. директору объ исключеніи изъ гимназіи
„вышеупомянутаго ученика ходатайствовать у Его
„Превосходительства г. попечителя Московскаго
„учебнаго округа".

Спустя нѣсколько недѣль, попечитель округа (ген. лейт. Левшинъ) предложилъ совѣту гимназіи вновь принять Шестакова въ число учениковъ, но совѣтъ, въ засѣданіи 10 октября 1863 г., представилъ возраженія противъ такого распоряженія, и Шестаковъ не былъ принятъ въ гимназію.

19 сентября 1863 г. совѣтъ обсуждалъ дерзкіе поступки нѣсколькихъ пансіонеровъ въ отношеніи комнатнаго надзирателя Мейера. По докладу послѣдняго въ совѣтѣ, дѣло происходило такъ. 14 сентября, во 2-мъ часу дня, когда Мейеръ, въ качествѣ дежурнаго надзирателя, былъ въ саду съ воспитанниками, пансіонеры: Храпицкій 1-й (VII кл.), Макаровъ, Прокудинъ-Горскій 1-й (V кл.) и Веденскій (II кл.) стали стрѣлять въ него картофелемъ изъ пера. Во время обѣда, въ столовой, Прокудинъ-Горскій повторилъ свою дерзкую шалость, а на замѣчаніе Мейера отвѣчалъ смѣхомъ и шутовствомъ. Послѣ обѣда въ саду стрѣльба картофелемъ повторилась со стороны цѣлой группы воспитанниковъ, руководимыхъ Храпицкимъ и Макаровымъ и поощряемыхъ смѣхомъ уч. VII кл. Кочегарова. По жалобѣ Мейера и. д. инспектора учителемъ Бодровымъ было сдѣлано внушеніе озорникамъ, но толку изъ него не вышло.

Когда Мейеръ привелъ пансіонеровъ въ общую залу и совершившіе проступокъ воспитанники разсказали все дѣло товарищамъ, то ученикъ V кл. Ильинскій закричалъ вслѣдъ Мейеру «подлецъ» и плюнулъ. Въ дортуарѣ, послѣ ухода и. д. инспектора, уч. Макаровъ въ присутствіи Мейера началъ бранить начальство гимназіи, «называя ее гнѣздомъ подлецовъ». Совѣтъ постановилъ: 1) ученика V кл. Ильинскаго (который и прежде былъ своеволенъ, упрямъ и дерзокъ) исключить изъ пансіона и гимназіи; 2) уч. VII кл. Кочегарову и Храпицкому («бывшему доселѣ кроткимъ и увлеченному дурными товарищами») сдѣлать строгій выговоръ отъ имени совѣта, заставивъ ихъ испросить прощенія у г. Мейера, и предупредить ихъ, что они подвергнутся исключенію за повтореніе проступковъ; 3) уч. Прокудина-Горскаго и Макарова подвергнуть пятидневному аресту на хлѣбѣ и водѣ, обязавъ ихъ также испросить прощеніе у г. Мейера.

Какъ видимъ, не за всякій дерзкій поступокъ подвергали ученика исключенію, а ограничивались иногда домашними мѣрами: такъ поступилъ совѣтъ съ нѣкоторыми виновниками происшествія 14 сентября 1863 г., такъ же ограничился онъ въ засѣданіи 5 ноября того же года выговоромъ и предупрежденіемъ относительно учениковъ VI кл. Ганкевича и Карякина и V кл. Кишкина, «которые позволяли себѣ дерзкія выходки противъ нѣкоторыхъ преподавателей». И не только въ 60-хъ годахъ, въ эпоху новыхъ вѣяній, совѣтъ миловалъ дерзкихъ учениковъ; мы знаемъ случаи и въ 50-хъ годахъ, когда ученики за дерзость подвергались только исправительнымъ мѣрамъ (напр., уч. VI кл. Васильевъ въ 1859 г.).

Приведенные факты показываютъ, что поведеніе учениковъ нашей гимназіи въ 1849—1865 г.г. не было безукоризненнымъ въ отношеніи дисциплины и стояло въ этомъ случаѣ ниже, чѣмъ поведеніе учениковъ въ 40-хъ годахъ. Ниже оно какъ будто бы стояло и въ смыслѣ прилежанія учениковъ, судя по вышеприведеннымъ (стр. 123) частымъ заявленіямъ совѣта о неуспѣшности значительныхъ группъ учащихся. Но по однѣмъ отрицательнымъ сторонамъ нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о поведеніи и настроеніи учащихся въ извѣстный періодъ; для этого нужно ознакомиться съ тѣмъ духомъ, который среди нихъ господствовалъ. По данному вопросу мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ сколько-нибудь опредѣленныхъ извѣстій; въ нашемъ распоряженіи есть только одинъ характерный фактъ, относящійся къ срединѣ 50-хъ годовъ. Въ 1854 г., во время Восточной войны, въ нашей гимназіи были необыкновенно ранніе выпускные экзамены (съ 22 марта по 6 апрѣля)—въ виду того, что нѣкоторые воспитанники VII кл. заявили желаніе поступить въ дѣйствующую армію, а начальство хотѣло дать имъ возможность получить права гимназическаго образованія. Отсюда мы видимъ, что простая и честная любовь къ родной странѣ крѣпко держалась въ душѣ питомцевъ нашей гимназіи 50-хъ годовъ, а, слѣдовательно, и настроеніе ихъ въ основѣ было разумнымъ и здоровымъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію состоянія учебно-воспитательнаго дѣла Владимірской гимназіи въ теченіе второго отдѣла изучаемаго періода (1865—1871 г.г.).

5. Характерныя черты устава 19 ноября 1864 года.

Недолговѣчный уставъ 1864 г. можно разсматривать какъ первоначальную форму практическаго примѣненія тѣхъ идей, которыя, немного спустя, съ большой полнотой и послѣдовательностью были осуществлены правительствомъ въ уставѣ 30 іюля 1871 года. Такое историческое соотношеніе двухъ уставовъ даетъ основаніе для двоякой оцѣнки ихъ относительной важности въ исторіи русской школы. Можно считать болѣе важнымъ историческимъ явленіемъ уставъ 1864 г., потому что онъ первый провелъ въ главныхъ чертахъ извѣстные принципы въ школьную жизнь; но вполнѣ законенъ и другой взглядъ, что появленіе устава 1871 г. представляетъ собою болѣе крупный историческій фактъ, такъ какъ только этотъ уставъ создалъ гимназіи современнаго типа, а уставъ 1864 г. представлялъ только попытку къ такому созданію. Я держусь послѣдняго взгляда, почему, съ одной стороны, за начало новѣйшаго періода жизни Владимірской гимназіи принялъ не 1865, а 1871 годъ, а съ другой—болѣе подробное ознакомленіе съ новымъ строемъ гимназій намѣренъ произвести при разсмотрѣніи устава 1871 г. Теперь же, для характеристики устава 1864 г., я укажу только самыя основныя черты введенныхъ имъ перемѣнъ въ строѣ гимназической жизни, ограничивая притомъ свое обозрѣніе одними «классическими» гимназіями.

Въ отношеніи опредѣленія государственнаго положенія русской средней школы уставъ 1864 г. отличается отъ прежнихъ тремя основными идеями, которыя могутъ быть формулированы такъ: 1) выдѣленіе средней школы изъ ряда административ-

ныхъ учрежденій (по учебному вѣдомству) и придание ей характера чисто учебнаго заведенія; 2) раздѣленіе средней школы на два типа—практической и ученой школы (реальныя гимназіи и гимназіи классическія или университетскія); 3) признаніе изученія древнихъ языковъ основой образованія въ ученой школѣ.

Основной типъ средней школы по уставу 1864 г. представляетъ «классическая» гимназія, которая въ огромномъ большинствѣ и явилась преемницей прежнихъ гимназій, особенно «губернскихъ». Строй этой новой гимназіи отличался отъ прежняго строя, созданнаго уставомъ 1828 г. съ дополненіями и измѣненіями 1849—1852 г.г., слѣдующими главными чертами

1. Измѣненъ служебный строй гимназіи: a) совѣтъ гимназіи, наименованный педагогическимъ, получилъ болѣе широкую компетенцію въ учебномъ и служебномъ дѣлѣ гимназіи (право устанавливать программы преподаванія предметовъ и правила о взысканіяхъ съ учениковъ, право представлять служащихъ къ денежнымъ пособіямъ); b) уничтожено раздѣленіе учителей на старшихъ и младшихъ; c) измѣненъ составъ учительскихъ должностей: отмѣнены должности учителя естественныхъ наукъ и законовѣдѣнія, увеличено число учителей латинскаго языка и установлены вновь должности учителей греческаго языка (всего до 4 должностей по древнимъ языкамъ); d) допущено порученіе обязанностей инспектора одному изъ учителей; e) предложено директору и инспектору участвовать въ преподаваніи (безплатно).

2. Измѣненъ уставъ пансіоновъ при гимназіяхъ: a) составъ воспитанниковъ пансіона ограниченъ уче-

никами четырехъ низшихъ классовъ; b) установленъ комплектъ числа пансіонеровъ=80; с) надзиратели пансіона переименованы въ воспитателей, и къ этой должности предложено привлекать учителей гимназіи.

3. Улучшено служебное и матеріальное положеніе чиновниковъ гимназіи: a) возвышенъ классъ должности: директора—до V, инспектора—до VI, учителей и воспитателей—до VIII; b) увеличены оклады жалованья чиновникамъ гимназіи: директору—до 2000 р. сер., инспектору—до 1500 р. сер., учителямъ—до 900 р. за 12 уроковъ, а за прочіе (дополнительные) уроки по 60 р. за 1 недѣльный урокъ.

4. Измѣненъ составъ учебнаго курса гимназіи: a) отмѣнено преподаваніе законовѣдѣнія, какъ особаго предмета, сокращенъ курсъ естественныхъ наукъ и уничтожена бифуркація курса гимназіи въ старшихъ классахъ; b) усилено преподаваніе математики и латинскаго языка, предположено введеніе греческаго языка; c) соотвѣтственно измѣненію состава курса измѣнены учебные планы предметовъ и таблица уроковъ (о ней подробнѣе—ниже).

5. Соотвѣтственно уничтоженію бифуркаціи курса, всѣмъ окончившимъ курсъ гимназіи предоставлено право поступать въ университетъ безъ испытанія.

6. Уставъ 1864 г. оставлялъ прежнюю продолжительность урока въ $1\frac{1}{4}$ часа. Но вскорѣ, согласно представленіямъ попечителей учебныхъ округовъ, Министерствомъ было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе (27 сент. 1865 г.) о сокращеніи длины урока до 1 часа.

Приведенный перечень измѣненій въ строѣ гимназій, произведенныхъ уставомъ 1864 г., показываетъ, что жизнь гимназій подверглась коренной реформѣ со стороны служебной и особенно учебной, и что въ послѣднемъ отношеніи реформированныя гимназіи ближе подходили къ уваровскимъ, чѣмъ къ гимназіямъ 50-хъ годовъ.

6. Введеніе во Владимірской гимназіи устава 1864 года.

Уставъ 1864 г. вводился въ нашей гимназіи довольно медленно и въ извѣстномъ смыслѣ постепенно. Еще до изданія устава, въ нашей гимназіи, предложеніемъ и. д. попечителя Московскаго округа отъ 17 сентября 1859 г., преподаваніе законовѣдѣнія, за неимѣніемъ учителя, было пріостановлено «впредь до особаго распоряженія», и фактически прекратилось надолго. Съ начала 1865—66 учеб. года учебное дѣло въ нашей гимназіи было въ значительной степени преобразовано согласно требованіямъ новаго устава. На основаніи распоряженія попечителя округа, заслушаннаго 18 августа 1865 г., педагогическій совѣтъ въ засѣданіи 23 августа произвелъ слѣдующія перемѣны въ составѣ курса и таблицѣ уроковъ. Преподаваніе естественныхъ наукъ въ старшихъ классахъ было отмѣнено; занятые этимъ предметомъ уроки въ IV—VII классахъ были отведены на латинскій яз. (кромѣ 1 урока въ IV кл., назначеннаго для французскаго яз., взамѣнъ убавки 1 ур. франц. яз. въ III кл.). Латинскій языкъ былъ введенъ и въ III кл. при 3 урокахъ взамѣнъ 2 ур. матем. и 1 ур. франц. яз.; всего на этотъ предметъ было отведено 23 урока (въ III кл.=3 ур., въ IV, V, VI и VII классахъ по 5 ур.). Для естественной

исторіи было оставлено 6 уроковъ въ первыхъ трехъ классахъ (по 2 въ каждомъ), но эти уроки были переданы учителю математики (Христичу), такъ какъ учитель естественныхъ наукъ былъ оставленъ за штатомъ. Число уроковъ математики было убавлено на 2 (22 вм. 24), такимъ способомъ: число уроковъ ариѳметики въ I—III кл. сокращено до 9 (вм. 12), а въ VI кл. прибавленъ 1 ур. алгебры. За остальными предметами было сохранено прежнее число уроковъ. Выработанная такимъ образомъ таблица уроковъ сохраняла прежнюю общую цифру уроковъ (168), но иначе раздѣляла ее между предметами, давая явный перевѣсъ надъ прочими латинскому языку. Продолжительность урока при этомъ имѣлась въ виду прежняя—1 ч. 15 м. Но, послѣ изданія Высочайшаго повелѣнія 27 сентября 1865 г. о сокращеніи длины урока до 1 часа, часовые уроки были введены въ нашей гимназіи уже въ ноябрѣ 1865 г. Въ засѣданіи педагогическаго совѣта 15 ноября было составлено новое распредѣленіе классныхъ занятій по часамъ дня, а сообразно съ нимъ — и новое распредѣленіе внѣкласснаго времени въ пансіонѣ. Распредѣленіе классныхъ занятій было таково:

отъ 9 ч.	утра до	10 ч. . . .	1-й урокъ.
» 10 ч.	»	10 ч. 15 м.	отдыхъ.
» 10 ч. 15 м.	»	11 ч. 15 м.	2-й урокъ.
» 11 ч. 15 м.	»	12 ч. . . .	завтракъ и отдыхъ.
» 12 ч.	»	1 ч. дня .	3-ій урокъ.
» 1 ч.	»	1 ч. 15 м.	отдыхъ.
» 1 ч. 15 м.	»	2 ч. 15 м.	4-й урокъ.

Въ засѣданіи 4 апрѣля 1866 г. педагог. совѣтъ, согласно § 20 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ

VII кл., постановилъ на апрѣль мѣсяцъ усилить занятія съ учениками VII кл. по исторіи, русской словесности, алгебрѣ и тригонометріи, для чего на этотъ мѣсяцъ составлено особое расписаніе уроковъ VII класса.

Въ засѣданіи 18 апрѣля 1866 г. совѣтомъ было заслушано письмо окружнаго инспектора де-Витте, предлагающее совѣту избрать на предстоящій учебный годъ (1866—67) одну изъ двухъ приложенныхъ таблицъ уроковъ, которыя должны были приблизить распредѣленіе уроковъ къ таблицѣ устава 1864 г. Первая таблица, проводя полностью требованія новаго устава въ I и II классахъ, отводила на латинскій языкъ 33 урока, а на всѣ предметы—169 ур. въ недѣлю; вторая таблица имѣла цѣлью привести въ согласіе съ новымъ уставомъ преподаваніе латинскаго языка во всѣхъ классахъ, не заботясь объ остальныхъ предметахъ, и отводила на латинскій языкъ 39 ур., а на всѣ предметы—175 ур. въ недѣлю. Совѣтъ принялъ первую таблицу, находя, что она облегчитъ постепенное введеніе нормальной таблицы уроковъ и потребуетъ меньшихъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ гимназіи, на счетъ которыхъ было предписано отнести оплату лишнихъ уроковъ противъ прежней таблицы. Введеніе новой таблицы вызвало назначенія съ начала 1866—67 учебнаго года второго учителя латинскаго языка.

Переводныя и окончательныя испытанія для учениковъ въ 1866 году производились примѣнительно къ требованіямъ новаго устава и съ большою строгостью: послѣ дополнительныхъ и повѣрочныхъ испытаній въ августѣ оказалось: переведенныхъ и окончившихъ курсъ учениковъ=111, оставленныхъ на 2-ой годъ=75 и уволенныхъ по § 63 устава

(не выдержавшихъ испытанія второгодниковъ)=29. Испытанія VII класса производились въ присутствіи депутата отъ округа, доцента Московскаго университета Бугаева.

Съ начала 1867—68 учебнаго года въ нашей гимназіи была введена полностью таблица уроковъ по уставу 1864 г. безъ греческаго языка; наконецъ въ 1870—71 г. введено было преподаваніе и греческаго языка въ III, IV и V классахъ, порученное вновь назначенному учителю К. И. Ширскому (для желающихъ греческій языкъ преподавался съ 1865 г.).

Такъ закончилось введеніе въ нашей гимназіи главныхъ положеній устава 1864 г.—какъ разъ къ тому времени, когда правительствомъ былъ уже выработанъ уставъ 1871 года.

Параллельно съ приведеніемъ въ дѣйствіе опредѣленныхъ положеній устава, гимназія принимала различныя мѣры по учебно-воспитательному дѣлу, которыя были намѣчены уставомъ въ общихъ чертахъ—какъ обязательныя или только какъ желательныя,—съ предоставленіемъ ихъ дальнѣйшей разработки педагогическому совѣту. Къ числу обязательныхъ мѣръ, принятыхъ согласно уставу совѣтомъ гимназіи, относятся: утвержденіе въ началѣ учебнаго года представленныхъ учителями программъ преподаванія и выработка правилъ о взысканіяхъ съ учениковъ (утверждены въ засѣданіи 24 октября 1865 г.); къ необязательнымъ мѣрамъ относится распредѣленіе классовъ между членами совѣта для надзора за поведеніемъ и успѣхами учениковъ (въ засѣданіи 8 октября 1865 г., по предложенію директора Львова). Наблюдающему за классомъ было присвоено названіе «попечителя класса».

7. Учебное дѣло въ 1865—71 г.г.

Изъ очерка постепеннаго введенія въ нашей гимназіи устава 1864 г. видно, что это *введеніе* заняло весь періодъ *дѣйствія* устава: введеніе устава 1864 г. закончилось въ 1870—71 учебномъ году, а со слѣдующаго (1871—72) года сталъ вводиться новый уставъ 1871 года. Поэтому строй гимназической жизни вообще, а учебнаго дѣла, преимущественно затронутаго перемѣнами въ уставѣ,—въ особенности—имѣетъ въ изучаемое шестилѣтіе переходный характеръ. Жизнь гимназіи быстро развивается, старыя формы смѣняются новыми, и эти перемѣны оставляютъ въ архивѣ гимназіи слѣды въ видѣ обширнаго и разнообразнаго матеріала, съ которымъ трудно справиться историку—въ смыслѣ приведенія его въ систему. Попытаюсь однако указать важнѣйшія явленія учебнаго дѣла за этотъ періодъ, придерживаясь прежнихъ рубрикъ.

a. *Распредѣленіе учебныхъ занятій.* Учебный годъ начинался осенними испытаніями, обыкновенно въ первыхъ числахъ августа (но въ 1867 году—21 августа), а оканчивался засѣданіями совѣта по поводу испытаній VII класса около 17—19 іюня. Собственно классныя занятія продолжались, съ обычными праздничными перерывами, отъ конца августа до первыхъ чиселъ мая. Ежедневное распредѣленіе классныхъ занятій было установлено 15 ноября 1865 г. и приведено выше; осенью 1867 года начало уроковъ было передвинуто получасомъ ранѣе (на $8^1/_2$ ч. вм. 9 ч.).

b. *Система испытаній*—окончательныхъ, переводныхъ и пріемныхъ—не успѣла принять прочно опредѣленной формы. На основаніи § 48 устава

правила испытаній вырабатываются въ каждомъ округѣ окружнымъ начальствомъ посредствомъ свода мнѣній педагогическихъ совѣтовъ гимназій. Для Московскаго округа подобныя правила въ изучаемый періодъ только вырабатывались, но не были окончательно установлены. Въ нашей гимназіи испытанія происходили слѣдующимъ образомъ.

Въ началѣ мая на засѣданіи педагогическаго совѣта обсуждались годичные успѣхи учениковъ и рѣшались вопросы: о допущеніи учениковъ къ испытаніямъ до вакаціи и послѣ вакаціи, объ оставленіи учениковъ на 2-ой годъ въ томъ же классѣ безъ испытанія и объ увольненіи учениковъ, безуспѣшно пробывшихъ два года въ одномъ классѣ (по § 63 устава).

Съ 10 мая по 9—10 іюня происходили довакаціонныя переводныя испытанія для учениковъ I—VI классовъ. Они занимали, почти ежедневно, и утро (съ 9 ч.) и вечеръ (съ 6 ч.). Съ 22—23 мая по 15 іюня, одновременно съ переводными испытаніями, производились окончательныя испытанія для учениковъ VII класса и стороннихъ «молодыхъ людей»: они назначались только утромъ. Экзаменаціонныя коммиссіи на переводныхъ испытаніяхъ состояли изъ двухъ учителей (экзаменатора и ассистента) и, надо думать, предсѣдателя—въ лицѣ директора или инспектора; на испытаніяхъ VII кл. въ коммиссію входили: директоръ, инспекторъ, четыре учителя (два экзаменатора и два ассистента) и депутатъ отъ округа (въ 1866 г. доцентъ Московскаго университета Бугаевъ, въ 1867 г.—доцентъ Герье). На испытаніи учениковъ VII кл. по Закону Божію присутствовалъ мѣстный епископъ и иногда еще соборный протоіерей.

По окончаніи переводныхъ испытаній, 10—11 іюня, совѣтъ рѣшалъ вопросы: о переводѣ въ высшіе классы и награжденіи учениковъ, успѣшно сдавшихъ экзаменъ, о допущеніи къ переэкзаменовкамъ въ августѣ мѣсяцѣ учениковъ, получившихъ неудовлетворительные баллы не болѣе какъ по тремъ предметамъ, объ оставленіи на 2-ой годъ или объ увольненіи учениковъ, не выдержавшихъ испытаній болѣе чѣмъ по тремъ предметамъ. 17—19 іюня Совѣтъ обсуждалъ результаты испытаній VII кл. Успѣшно выдержавшимъ выдавались аттестаты (ученикамъ) или свидѣтельства (стороннимъ лицамъ) съ правомъ поступленія въ университетъ; получившимъ неудовлетворительные баллы обыкновенно дозволяли держать дополнительныя испытанія въ августѣ.

Въ августѣ (обыкновенно въ первой половинѣ, а въ 1867 г.—съ 21 августа по 5 сентября) производились дополнительныя или повѣрочныя испытанія, переводныя и окончательныя, послѣ которыхъ окончательно рѣшалась судьба учениковъ.

Одновременно съ дополнительными испытаніями въ августѣ происходили пріемныя испытанія.

Всѣ виды испытаній въ описываемую эпоху производились по всѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, устно или съ помощью классной доски; по русскому языку были, повидимому, и письменныя испытанія: по крайней мѣрѣ, на окончательныхъ испытаніяхъ русское сочиненіе составляло особый предметъ испытанія. Несмотря на малое количество письменныхъ работъ, испытанія производились строго; по отношенію къ VII классу этому способствовали особыя предписанія начальства (напр. цирку-

ляръ департамента мин-ва н. п. отъ 9 августа 1865 г.), а также присутствіе депутата отъ округа. Доказательствомъ строгости испытаній служитъ огромное количество оставляемыхъ на 2-ой годъ и увольняемыхъ по § 63. Въ 1866 г. изъ 216 учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, было оставлено=76, уволено=29; въ VII классѣ изъ 17 уч. оставлено 5. Въ 1867 г. изъ 18 учениковъ VII кл. получили аттестатъ объ окончаніи курса только 5 человѣкъ.

c. *Таблица уроковъ* въ теченіе описываемаго шестилѣтія неоднократно мѣнялась, но основаніемъ ея была таблица, приложенная къ уставу 1864 г. и предназначавшаяся для гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ—латинскимъ. Эта таблица, примѣнявшаяся полностью въ нашей гимназіи только три года (съ августа 1867 г. по августъ 1870 г.) имѣла слѣдующій видъ.

Таблица уроковъ въ гимназіяхъ съ однимъ древнимъ языкомъ.

Предметы преподаванія.	Классы.							Всего уроковъ въ недѣлю.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	14
Русскій языкъ и словесность	4	3	3	4	4	3	3	24
Латинскій языкъ	4	5	6	6	6	6	6	39
Французскій языкъ		2	2	3	4	4	4	19
Нѣмецкій языкъ	3	2	2	2	3	3	4	19
Математика	3	3	3	3	3	4	3	22
Исторія			2	3	3	3	3	14
Географія	2	2	2	2				8
Естественная исторія	2	2	2					6
Физика и космографія					2	2	2	6
Чистописаніе, рисованіе, черченіе	4	4	3	2				13
Итого	24	25	27	27	27	27	27	184

Таблица, какъ мы видимъ, даетъ преобладаніе филологическимъ предметамъ надъ математическими, рѣзко отличается отъ таблицы 1852 г. и значительно напоминаетъ таблицу 1828 г. съ однимъ древнимъ языкомъ; но въ той не было естественной исторіи, число уроковъ было нѣсколько меньше (160 вм. 184), а число учебныхъ часовъ значительно больше (240 вм. 184).

d. *Учебные планы предметовъ* были намѣчены уставомъ 1864 г. только въ самыхъ общихъ чертахъ. близкихъ къ современнымъ, выработка же программы курса отдѣльныхъ предметовъ была предоставлена совѣтамъ гимназій, почему программы преподаванія у отдѣльныхъ преподавателей сильно разнились.

e. *Характеръ преподаванія и учебники.* Вторая половина 1860-хъ годовъ оставила въ архивѣ гимназіи обильный матеріалъ для характеристики учебнаго дѣла въ эту эпоху, въ особенности хода преподаванія. Въ годичныхъ отчетахъ гимназіи, въ протоколахъ совѣта встрѣчается много данныхъ по этому вопросу. Видно, что преподаваніе, ученіе составляли главный интересъ въ служебной дѣятельности педагогическаго персонала. Протоколы совѣта то и дѣло повѣствуютъ объ обсужденіи въ его засѣданіяхъ какого-нибудь учебнаго вопроса, а отчеты подводятъ потомъ итоги мѣропріятіямъ совѣта. Такое оживленіе педагогической дѣятельности въ нашей гимназіи, рѣзко бросающееся въ глаза послѣ соннаго періода 1850-хъ годовъ, было результатомъ, съ одной стороны, общаго обновленія русской жизни, а съ другой—крупныхъ перемѣнъ въ строѣ гимназіи и составѣ гимназическаго курса. Лучшая

оплата педагогическаго труда, расширеніе компетенціи совѣта, научная основа гимназическаго образованія—все это побуждало педагоговъ, особенно преподавателей, къ усиленной дѣятельности.

Обратимся къ обозрѣнію ея главныхъ сторонъ.

Характеръ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ послѣ введенія устава 1864 года виденъ изъ рапортовъ преподавателей, представленныхъ, по требованію директора, для отчета о состояніи гимназіи въ 1866 году въ декабрѣ этого года. Возьмемъ изъ нихъ болѣе интересныя черты.

Законъ Божій. Законоучитель, прот. Богородицкій въ своемъ рапортѣ сообщаетъ, что въ священной исторіи обращаетъ главное вниманіе на связь событій, на общую идею, отразившуюся въ нихъ, а для этого останавливается главнымъ образомъ на событіяхъ, изображаемыхъ въ богослуженіи; въ изложеніи исторіи церкви оттѣняетъ не борьбу церкви съ врагами ея, а результаты борьбы—завѣты, которые давала церковь своимъ чадамъ, почему передъ учениками являются гораздо рѣже еретики, чѣмъ ревнители христіанской истины; при изученіи катихизиса, путемъ вопросовъ и возраженій, старается вызвать въ ученикахъ сознательное отношеніе къ предмету и содѣйствовать ихъ умственному развитію. Учебники въ рапортѣ не указаны, но они извѣстны: катихизисъ Филарета, свящ. исторія Ветхаго Завѣта Богородицкаго, остальные учебники—Богданова.

Русскій языкъ и словесность. Учитель русскаго языка въ I, II и III классахъ Голицынскій сообщаетъ о слѣдующихъ занятіяхъ съ учениками: 1) объяснительномъ чтеніи статей, 2) заучиваньи стихотворе-

ній, 3) пересказѣ прочитаннаго по вопросамъ преподавателя, 4) объясненіи состава предложенія простого (1 и 2 кл.) и сложнаго (3 кл.), 5) объясненіи частей рѣчи (1 кл.), выводимомъ изъ разбора предложеній и ихъ измѣненій (2 и 3 кл.), 6) списываньи съ книги, диктантахъ, изложеніи содержанія статей (послѣднее—въ 3 кл.). Учебниками служили: «Практическая русская грамматика» Перевлѣсскаго, ч. 1, и «Элементарная грамматика» Говорова, курсъ 1 и 2 (для 3 кл.).

Учитель русскаго языка и словесности въ IV—VII классахъ Розовъ велъ преподаваніе слѣдующимъ образомъ. Въ IV кл. 2 урока въ недѣлю употреблялись на систематическое изученіе русскаго синтаксиса (по грамматикѣ Перевлѣсскаго, ч. 3), 1 урокъ—на изученіе славянской грамматики (по руководству Перевлѣсскаго), 1 урокъ—на чтеніе, разборъ и заучиваніе статей по методу, изложенному въ протоколахъ съѣзда учителей русскаго языка. Въ V кл. по тому же методу изучались русскія статьи и разбирались отрывки изъ Остромирова Евангелія. Въ VI классѣ разбирались «Капитанская дочка» и «Борисъ Годуновъ» Пушкина, при чемъ заучивались отдѣльныя сцены (Пименъ и Григорій, прощаніе Бориса съ сыномъ и др.); проходились главы изъ грамматики Буслаева (выраженіе представленія и понятія въ словѣ). Въ VII кл., въ виду позднягo полученія о немъ протоколовъ съѣзда, курсъ проходился по прежней программѣ: 2 отрывка лѣтописи Нестора, 2 отр. изъ Слова о полку Игоревѣ, Похвальное слово Петру I Ломоносова, его 8-я ода, Недоросль, ода на смерть князя Мещерскаго Державина.

Латинскій языкъ. Въ трехъ младшихъ классахъ преподавалъ латинскій языкъ изъ платы по найму г. Бѣляевъ («сторонній учитель», какъ называетъ его въ своей запискѣ инспекторъ Пермяковъ). Онъ проходилъ латинскую этимологію и—въ 3 кл.—основныя правила синтаксиса по краткой грамматикѣ Смирнова, переводилъ во 2 и 3 кл. басни Эзопа съ лат. на русскій языкъ и упражнялъ учениковъ въ переводѣ русскихъ фразъ на латинскій языкъ.

Въ IV—VII классахъ учитель Лыткинъ проходилъ подробную латинскую грамматику (Смирнова)—въ IV кл.—этимологію, въ V, VI и VII—синтаксисъ. упражнялъ учениковъ въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ (въ VII кл. по руководству Тишера и Зейфферта въ перев. Смирнова) и читалъ съ ними авторовъ: въ IV—К. Непота, въ V—Цезаря (о галльской в.), въ VI—Саллюстія и Овидія (Метаморфозы), въ VII—Цицерона (рѣчи противъ Катилины).

Математика. О преподаваніи ариѳметики, алгебры и тригонометріи рапорта нѣтъ: преподаватель этихъ предметовъ Христичъ (какъ сказано въ общихъ замѣчаніяхъ отчета) почти весь годъ былъ въ отпускѣ по болѣзни, а потомъ вышелъ въ отставку; отчасти его уроки замѣщали: надзиратель пансіона Соколовъ и временно прикомандированный учитель Шуйскаго уѣзднаго училища Шпаковскій, но не успѣли пройти курса*). По геометріи (преподаватель Бобылевъ) курсъ распредѣлялся такъ: въ IV кл. начало геометріи—до пропорціональныхъ линій въ кругѣ, въ V кл.—окончаніе планиметріи,

*) Изъ другихъ источниковъ извѣстны учебники по этимъ предметамъ: алгебра Давидова, ариѳметика и тригонометрія Малинина.

въ VI кл.—стереометрія, въ VII кл.—повтореніе всего курса. Учебникомъ служила геометрія Давидова. Прохожденіе курса сопровождалось рѣшеніемъ задачъ.

Физика (преподаватель Бобылевъ). Курсъ, близкій къ современному, проходился въ V, VI и VII классахъ, по учебнику Ленца. Въ VI и VII классахъ ученики пользовались въ дополненіе къ учебнику Ленца еще учебникомъ Любимова. Прохожденіе курса въ двухъ старшихъ классахъ сопровождалось рѣшеніемъ задачъ.

Математическая географія (преподаватель Бобылевъ). Курсъ ея въ современномъ объемѣ проходился въ VII классѣ по учебникамъ Талызина и Савича.

Естествовѣдѣніе (преподаватель Бобылевъ). Въ I и II классахъ проходилась зоологія и ботаника, въ III классѣ—минералогія и элементарныя свѣдѣнія изъ «физическаго» землевѣдѣнія: земная кора, вулканы, землетрясенія и пр. Учебниками служили: «Учебникъ естественной исторіи», составл. по Бауману Степановымъ, и «Физическое землевѣдѣніе» Печерина.

Географія (прподаватель Голицынскій). Курсъ распредѣлялся такъ: въ I классѣ—общія понятія изъ математической и физической географіи; физическое описаніе всѣхъ частей свѣта; во II кл.—государства внѣ-европейскихъ частей свѣта; въ III кл.—государства Европы; въ IV кл.—Россійская имперія; въ VII кл.—повтореніе географіи Европы и Россіи. Изъ учебниковъ указана только «Сравнительная географія» Пютца, перев. Телѣгина; по русской географіи, повидимому, употреблялся учебникъ Телѣгина*). Атласы употреблялись Сидова и Кузнецова.

*) Голицынскій видимо называетъ его „Географія Пютца", вып. 2.

Исторія. Преподаватель Шемякинъ много говоритъ о своихъ трудахъ по преподаванію этого предмета. Распредѣленіе курса и учебниковъ таково: III классъ—исторія древняго Востока и краткая русская исторія, по учебникамъ Иловайскаго; IV кл.—исторія Греціи и Рима, V кл.—исторія среднихъ вѣковъ, VI и VII классы—новая исторія и полный курсъ исторіи Россіи; всеобщая исторія въ IV—VII кл. проходится по учебнику Вебера, русская въ VI и VII—по учебнику Иловайскаго. Преподаватель старается оживлять учебникъ разсказами, которые заставляетъ записывать учениковъ; въ VI кл. даетъ имъ читать книги на русскомъ языкѣ. Для пополненія своихъ познаній преподаватель читаетъ нѣмецкія и французскія книги въ подлинникѣ, напр. *Wernicke*, Geschichte der Welt, *Ranke*, Französische und Englische Geschichte, *Gaillardin*, Histoire de Mogen—Age, и др.

Французскій языкъ (преподаватель Амштутцъ). II кл.: чтеніе, письмо, изученіе вспомогат. глаголовъ, упражненія по Марго; III—VII классы: изученіе грамматики по Бешерелю, переводы съ русскаго на французскій по книгѣ Марго; чтеніе французскихъ статей изъ Марго и Д'Емиліана, заучиванье наизусть отрывковъ (стихотворныхъ).

Нѣмецкій языкъ (преподаватель Герингъ). I и II классы: чтеніе и письмо, склоненіе члена опред. и неопред., глаголъ sein, упражненія въ составленіи фразъ по учебнику Фишера, устныя и письменныя; уроки разучиваются въ классѣ. III—V классы: чтеніе и разборъ нѣмецкихъ статей по сборнику Массона, сопровождаемые изученіемъ грамматики; переводы съ русскаго на нѣмецкій языкъ, устные и

письменные. VI—VII классы: чтеніе нѣмецкихъ статей изъ хрестоматіи Геринга; изученіе грамматики. Учебники для III—VII классовъ: грамматика Кейзера и курсъ грамматическихъ упражненій Топорова.

Приведенные рапорты учителей не содержатъ въ себѣ полной и всесторонней характеристики хода преподаванія во Владимірской гимназіи въ 1866 г., но все-таки даютъ весьма обстоятельную его картину. Первая рѣзкая черта этой картины, бросающаяся въ глаза наблюдателю,—признаки переходнаго состоянія учебнаго дѣла въ гимназіи: не хватаетъ одного учителя латинскаго языка, и его замѣщаетъ «сторонній учитель» Бѣляевъ; съ трудомъ подысканъ временный замѣститель больного учителя математики Христича; вырабатываются новые пріемы преподаванія русской словесности и—повидимому—латинскаго языка, курсъ котораго страшно увеличенъ противъ прежняго. Но иные преподаватели идутъ увѣреннымъ шагомъ по прочно установленному пути: таковы: законоучитель Богородицкій, учитель русскаго языка и географіи Голицынскій, учитель исторіи Шемякинъ; однако въ ихъ программахъ также замѣтно движеніе, стремленіе къ совершенствованію преподаванія. Видно, что реформа однихъ задѣла сильнѣе, другихъ слабѣе, но всѣхъ оживила.

Оживленіе преподаванія особенно ярко, хотя и неполно, отразилось въ протоколахъ совѣта гимназіи, дающихъ прекрасное дополненіе къ картинѣ, нарисованной отчетомъ 1866 г.

Протоколы въ особенности проливаютъ свѣтъ на двѣ стороны преподаванія, мало выясненныя въ отчетѣ 1866 г.: на пріемы устнаго преподаванія и

руководство письменными упражненіями учениковъ. Для выясненія перваго вопроса важно постановленіе совѣта отъ 31 августа 1866 г., обязывающее учителей спрашивать учениковъ возможно чаще, удѣлять достаточное время для повторенія курса, проходить курсъ по учебникамъ, а не по запискамъ, списыванье которыхъ обременительно для учениковъ. Любопытны также указанія протоколовъ совѣта (отчасти встрѣчаемыя и въ отчетахъ) на случаи раздѣленія преподаванія частей одного предмета въ какомъ-нибудь классѣ между двумя учителями. Такъ, въ 1865, 1866 и 1867 г.г. преподаваніе ариѳметики, алгебры и тригонометріи поручалось одному учителю, а геометріи—другому. По второму вопросу важны слѣдующія постановленія. 31 августа 1866 г. совѣтъ гимназіи, для облегченія учителя русскаго яз. и словесности Розова, обремененнаго тетрадями, освободилъ его отъ преподаванія грамматики въ III классѣ, поручивъ послѣднее, вмѣстѣ съ исправленіемъ тетрадей, учителю Голицынскому, преподававшему прежде русскій языкъ только въ двухъ младшихъ классахъ. Сдѣлано это было глав. образомъ съ цѣлью дать возможность Розову тщательнѣе поправлять работы старшихъ классовъ. Въ томъ же засѣданіи совѣта были опредѣлены количество и характеръ письменныхъ работъ по русскому языку во всѣхъ классахъ. Постановлено требовать отъ учениковъ: во II и III классахъ—изложенія содержанія статей, въ старшихъ классахъ—домашнихъ сочиненій, въ IV—VI по 2 въ мѣсяцъ, въ VII—по одному. При этомъ преподаватели обязывались представлять исправленныя работы совѣту гимназіи. Всѣ эти постановленія указываютъ на пробужденіе у совѣта сознанія важности письмен-

ныхъ упражненій для учениковъ. Оно развивалось и дальше. Съ января 1869 г. устанавливается обычай обсуждать темы для русскихъ сочиненій въ совѣтѣ. Въ томъ же году 10 февраля постановлено, чтобы ученики старшихъ классовъ разъ въ мѣсяцъ писали «въ присутствіи учителя сочиненіе на указанную имъ тему безъ приготовленія», для чего назначались особые вечерніе уроки. Таково было начало классныхъ сочиненій по русскому языку. 7 октября 1869 г. совѣтъ постановилъ задавать ученикамъ на домъ сочиненія по словесности и исторіи и переводы по латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, за удовлетворительное исполненіе которыхъ повышался баллъ въ 2-мѣсячной вѣдомости по данному предмету.

Почти всѣ эти постановленія дѣлались по предложенію директора Эмина, но видно, что и учителя все болѣе и болѣе придавали значенія письменнымъ работамъ.

Для представленія о характерѣ русскихъ сочиненій въ описываемую эпоху возьмемъ списокъ темъ на 2-е полугодіе 1868—69 г., представленный совѣту преподавателями Лебедевымъ и Заксомъ.

VII классъ (препод. Лебедевъ).

1. Характеристика древней русской литературы.
2. Русское общество по сатирамъ Кантемира.
3. Характеристика Ломоносова на основаніи его писемъ къ Шувалову.
4. Похвальное слово Петру В. Ломоносова.
5. Оды Державина и Ломоносова.
6. Характеристика Екатерины II и вельможъ на основаніи оды «Фелица».

VI классъ (препод. Лебедевъ).

1. Лѣтопись Нестора.
2. Изображеніе Ольги у Нестора.
3. Взглядъ Карамзина на исторію вообще и русскую въ особенности.
4. Различіе между лѣтописнымъ и историческимъ изложеніемъ.
5. Одиссей.
6. Ода Пиндара.

V классъ. а) исполненныя сочиненія: (препод. Заксъ).

1. Описаніе какой-либо видѣнной каждымъ изъ учащихся мѣстности.
2. Черты древняго русскаго быта — на основаніи пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ.
3. Изложеніе содерж. разсказа Тургенева «Пѣвцы», съ указаніемъ на характеръ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.
4. Описаніе характера Герасима (пов. «Муму»).
5. Поэтъ и пророкъ — сравненіе на основ. разобранныхъ въ классѣ стихотв. «Пророкъ» Пушкина, «Пророкъ» Лермонтова и «Поэтъ» Пушкина.
6. Характеристика поэта на основаніи стихотвореній Пушкина: «Поэтъ», «Эхо», «Осень», «Памятникъ», «Поэтъ и Чернь» и др.

b) вновь задаваемыя сочиненія:

7. Черты быта древнихъ грековъ на основаніи отрывка изъ Одиссеи — «Одиссей у Алкиноя».
8. Характеръ эпическаго пѣвца.

9. Талантъ и искусство — на основаніи разсказа: «Пѣвцы» Тургенева и «Моцартъ и Сальери» Пушкина.

Любопытны также взгляды на желательный характеръ ученическихъ сочиненій, высказанные при представленіи приведенныхъ списковъ темъ ихъ составителями. И. А. Лебедевъ высказалъ такое мнѣніе: «для письменныхъ упражненій могутъ быть предложены два рода темъ. Первый родъ, въ настоящее время вовсе оставленный, обнимаетъ собою всѣ темы, развивая кои ученикъ долженъ высказывать свои чувства, свои мысли по поводу предложеннаго вопроса. Таковы: раскрытіе смысла пословицъ, описаніе и т. п. Другой родъ темъ, господствующій въ настоящее время, берется изъ разбора образцовъ словесности. Развивая тему послѣдняго рода, ученикъ передаетъ только слышанное отъ учителя или рабски слѣдуетъ какой-нибудь добытой на сторонѣ книгѣ». По мнѣнію Лебедева, слѣдуетъ брать темы болѣе общаго содержанія изъ различныхъ отраслей науки, а также пользоваться и темами «перваго рода». Н. А. Заксъ также признавалъ, что развитію въ ученикахъ самостоятельнаго мышленія и умѣнья правильно и ясно излагать свои мысли «всего лучше могутъ способствовать темы общаго характера», но такія темы не по силамъ ученикамъ, только начинающимъ упражняться въ сочиненіяхъ, къ работѣ надъ ними надо приготовить учениковъ посредствомъ обработки ими въ сочиненіяхъ уже пріобрѣтеннаго матеріала, въ видѣ разобранныхъ образцовъ поэзіи и прозы.

Два приведенныхъ взгляда на сочиненія учениковъ, взаимно дополняя другъ-друга, настолько осно-

вательно развиваютъ вопросъ, что и для настоящаго времени являются не только интереснымъ эпизодомъ прошлаго, но и полезнымъ педагогическимъ указаніемъ.

Въ заключеніе характеристики преподаванія въ нашей гимназіи 60-хъ годовъ необходимо указать, что оно велось строго, что ясно показываютъ мѣсячные или двухмѣсячные подсчеты балловъ, которые прилагаются къ журналамъ совѣта, начиная съ 20 декабря 1867 года, а также данныя касательно производства испытаній. Но вопросъ объ этой сторонѣ преподаванія тѣсно переплетается съ болѣе общимъ вопросомъ объ успѣшности учащихся, и относящіеся сюда факты удобнѣе разсмотрѣть подъ второй рубрикой.

е) *Успѣшность занятій учениковъ* въ 1865—71 г.г. съ формальной стороны намъ хорошо извѣстна, и въ этомъ смыслѣ представляется не блестящей. Мѣсячныя (2—мѣсячныя) вѣдомости изобилуютъ неудовлетворительными баллами. Такъ, за ноябрь 1868 года получено учениками 29 единицъ и 211 двоекъ при общемъ числѣ воспитанниковъ=192. По числу неудовлетворительныхъ балловъ первое мѣсто занимала математика (66), потомъ нѣмецкій языкъ (31), естественная исторія (29), французскій языкъ (27), латинскій языкъ (24), исторія (19), географія (19), русскій языкъ (13), физика (11), Законъ Божій (3). За октябрь и ноябрь 1869 г. на всѣхъ воспитанниковъ гимназіи (194) пришлось 42 единицы (количество двоекъ не обозначено въ журналѣ), изъ этого числа по математикѣ=18, по латинскому языку=14, по русскому языку=2. Журналы совѣта, излагающіе назначеніе и результаты испытаній,

сообщаютъ *большія* цифры оставленныхъ на 2-й годъ безъ испытанія и по испытанію, еще большія цифры назначенныхъ переэкзаменовокъ и, наконецъ, сравнительно *огромныя* цифры уволенныхъ по § 63 устава, т. е. вслѣдствіе неуспѣшности послѣ 2-лѣтняго пребыванія въ классѣ. Между тѣмъ до 1870 г. минимальная цифра балловъ, дающая право на допущеніе къ испытаніямъ, а также—на переводъ въ высшій классъ была не высока: допускались къ экзамену имѣющіе въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ не менѣе 2 (позднѣе=$2^1/_2$), переводились тѣ, которые получили на испытаніяхъ не болѣе одной двойки (позднѣе—безъ двоекъ).

При такихъ-то, съ формальной стороны снисходительныхъ требованіяхъ, число уволенныхъ за неуспѣшность было огромно: въ 1866 г.=31 ученикъ, въ 1867 г.=17, въ 1868 г.=11, въ 1869 г.=7, въ 1870 г.=11, въ 1871 г.=8, а всего за шестилѣтіе 1865—1871 г.г.=88 учениковъ. Въ то же время замѣтно уменьшеніе процентнаго отношенія числа оканчивающихъ курсъ къ общему числу учениковъ:

въ 1869 г. оно=5,7
въ 1870 г. „ =4,6
въ 1871 г. „ =2,6

Обиліе двоекъ и единицъ въ мѣсячныхъ отчетахъ и неудачные результаты экзаменовъ могли имѣть двоякую причину: либо дѣйствительную слабость познаній учениковъ, ихъ неуспѣшность по существу, либо строгость оцѣнки со стороны преподавателей ученическихъ познаній; можно допустить и одновременное дѣйствіе обѣихъ причинъ. Которая же изъ этихъ причинъ была основной? Каково было ихъ соотношеніе? Точно рѣшить этотъ

вопросъ невозможно; сопоставленіе различныхъ фактовъ приводятъ однако къ такому взгляду на этотъ вопросъ. Оцѣнка познаній учениковъ послѣ введенія устава 1864 г. была несомнѣнно строгая, иначе не могло бы быть столь большого числа низкихъ балловъ въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ; между тѣмъ въ предшествующій періодъ (1849—1865 г.г.) требованія въ отношеніи познаній учениковъ и вообще правила гимназической жизни были снисходительны. Перемѣна въ требованіяхъ совершилась круто, ученики не сразу къ ней примѣнились, а потому и не успѣвали. Массовое увольненіе за неуспѣшность въ 1866 и 1867 г.г. прямо объясняется введеніемъ новаго правила (§ 63 устава), запрещающаго оставаться въ одномъ классѣ болѣе 2 лѣтъ: примѣненіе этого грознаго положенія заставило покинуть гимназію многихъ, до тѣхъ поръ благополучно «почивавшихъ на лаврахъ». Когда эта масса устарѣлыхъ лѣнтяевъ отхлынула, то увольненія становятся значительно рѣже, а при уставѣ 1871 г. число ихъ оказывается очень незначительнымъ. Пониженіе % окончившихъ курсъ можно объяснить только усиленіемъ требованій, предъявляемыхъ къ ученикамъ какъ въ году, такъ и на испытаніяхъ.

Такимъ образомъ, введеніе въ нашей гимназіи устава 1864 г. повлекло за собой усиленіе требованій отъ учениковъ и пониженіе *съ формальной стороны* ихъ успѣшности. Какова была *дѣйствительная* успѣшность учениковъ, т. е. степень пріобрѣтаемыхъ ими познаній, въ настоящее время рѣшить весьма трудно.

Совѣтъ гимназіи въ описываемый періодъ внимательнѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдилъ за успѣшно-

стью учениковъ и заботился о мѣрахъ къ ея поднятію. Кромѣ обычныхъ пріемовъ поощренія и исправленія (о послѣднихъ будетъ сказано при разсмотрѣніи поведенія учениковъ), совѣтъ проектировалъ и примѣнялъ на практикѣ разнообразныя улучшенія въ постановкѣ преподаванія, главнѣйшія изъ которыхъ будутъ изложены въ главѣ о дѣятельности совѣта. Надо думать, что такая заботливость совѣта объ успѣшности ученья не пропадала даромъ, что уровень познаній учениковъ гимназіи постепенно возвышался; косвеннымъ доказательствомъ такого предположенія является отсутствіе выраженій со стороны совѣта прямого недовольства успѣхами учениковъ.

8. Поведеніе учениковъ, исправительныя мѣры и взысканія въ 1865—1871 г.г.

О поведеніи учениковъ и о воздѣйствіи на него со стороны педагогическаго персонала въ періодъ 1865—71 г.г. мы имѣемъ извѣстія болѣе общаго характера, менѣе подробныя, чѣмъ за предыдущія эпохи, по той причинѣ, что главный источникъ подобнаго рода свѣдѣній—протоколы совѣта—гораздо рѣже упоминаютъ о поведеніи учениковъ, чѣмъ прежде, а притомъ усваиваютъ себѣ иной способъ изложенія относящихся сюда вопросовъ. Въ протоколахъ этой эпохи нерѣдко можно встрѣтить указанія на проступки учениковъ, выраженныя въ самой общей формѣ, напр. «неприличный поступокъ» (ж. сов. 6 мая 1866) или «предосудительный поступокъ» (ж. сов. 11 іюня 1866); о сущности проступка, по заявленію протокола, должна быть приложена особая записка, но такихъ записокъ не сохранилось. Иногда въ протоколѣ просто

перечисляются ученики, получившие низкій баллъ по поведенію, безъ объясненія причинъ и обстоятельствъ полученія балла (ж. сов. 18 декабря 1869 г.). Недостаточныя указанія протоколовъ совѣта на поведеніе учениковъ и принятыя исправительныя мѣры объясняются тѣмъ, что въ разсматриваемую эпоху, какъ и въ концѣ предыдущей, совѣтъ гимназіи рѣже, чѣмъ въ 40—50-хъ годахъ, налагалъ отдѣльныя взысканія на учениковъ, предоставляя это въ обыкновенныхъ случаяхъ начальству гимназіи, самъ же занимался принятіемъ общихъ мѣръ для исправленія поведенія учениковъ или обсуждалъ болѣе выдающіеся проступки. Что касается отрывочныхъ и странныхъ указаній на низкіе баллы, полученные учениками за поведеніе помимо совѣта, то дѣло объясняется тѣмъ, что по уставу 1864 г. была введена оцѣнка поведенія баллами, но точно не было установлено, когда и кѣмъ должны выставляться эти баллы. Въ нашей гимназіи ихъ выставляло, повидимому, начальство (т.-е. глав. обр. инспекторъ), но въ исключительныхъ случаяхъ сбавку или поднятіе балловъ производилъ совѣтъ. Выставленные начальствомъ баллы въ началѣ эпохи не всегда и сообщались совѣту; только 18 декабря 1869 г. совѣтъ постановилъ: «доводить до свѣдѣнія совѣта всякій разъ, когда баллъ за поведеніе ученику измѣняется до 3 или 2». Такъ какъ совѣтъ не выставлялъ періодически, какъ въ настоящее время, балловъ по поведенію, и даже часто не зналъ, кому и за что пониженъ баллъ, то въ журналахъ совѣта и нельзя ожидать систематическихъ обзоровъ поведенія учениковъ за опредѣленные промежутки времени. Прибавивъ къ этому выводу сказанное раньше о томъ, что наказанія за второстепенные

проступки въ описываемое время уже не назначались совѣтомъ, мы вполнѣ поймемъ причину недостаточности указаній на поведеніе учениковъ въ протоколахъ совѣта за 1865—71 г.г.

Такимъ образомъ мы не можемъ составить себѣ полнаго и яснаго представленія о поведеніи учениковъ въ данный періодъ и о воспитательномъ воздѣйствіи на нихъ. Тѣмъ не менѣе, въ нашихъ рукахъ есть немало характерныхъ фактовъ.

Передъ самымъ началомъ періода, 8 марта 1865 г., инспекторъ заявилъ совѣту, что въ гимназіи «происходятъ во время малыхъ перемѣнъ нерѣдко безпорядки и шалости». Въ послѣдующіе годы «безпорядки и шалости» продолжали случаться тоже нерѣдко, доходя иной разъ до крупныхъ нарушеній дисциплины. 16 сентября 1865 г. временно уволенъ изъ гимназіи (до августа 1866 г.) уч. V кл. Алексѣй Смирновъ за «предосудительный поступокъ» и вредное вліяніе на товарищей. 3 декабря 1865 г. подвергнутъ трехдневному карцерному заключенію уч. V кл. Димитрій Смирновъ за «необдуманный и опрометчивый поступокъ». 6 мая 1866 г. временно уволенъ уч. V кл. Лебедевъ «за неприличный поступокъ». 19 декабря былъ исключенъ уч. III кл. Андрей Бобарыкинъ, за которымъ числилось много грѣховъ. Состоя пансіонеромъ, онъ постоянно замѣчался въ уклоненіи отъ порядка и дисциплины, былъ непослушенъ и дерзокъ, учился дурно. Въ предшествующемъ году Бобарыкинъ былъ приговоренъ къ исключенію, но по просьбѣ матери его оставили въ пансіонѣ подвергнувъ тѣлесному наказанію. Въ текущемъ году, возвратясь послѣ вакаціи въ августѣ, Бобарыкинъ нанялъ себѣ, безъ вѣдома

родителей, квартиру и въ ней скрывался нѣкоторое время отъ начальства гимназіи. Затѣмъ, въ пансіонѣ, онъ подкупилъ служителя, чтобы тотъ принесъ ему «непозволительную вещь». Съ сентября по декабрь Бобарыкинъ 12 разъ былъ записанъ въ штрафную книгу за различныя шалости и проступки въ классѣ и вообще въ гимназіи (драка на ур. рисованія, непристойная шалость, держаніе въ столѣ коробки съ табакомъ и пр.). Поведеніе его было въ двухъ вѣдомостяхъ оцѣнено 1. Т.-к. никакія исправительныя мѣры не дѣйствовали на Бобарыкина, то совѣтъ, наконецъ, рѣшился его исключить

25 октября 1868 г. наказанъ 7-дневнымъ заключеніемъ на хлѣбѣ и водѣ уч. Загоскинъ (уже продержанный нѣкоторое время, въ видѣ удаленія изъ пансіона, въ помѣщеніи больницы), за дерзкій отвѣтъ комнатному надзирателю («что Вы на меня орете»). 30 октября 1869 г совѣтъ постановилъ исключить послѣ 3-дневнаго заключенія въ карцерѣ, уч. II кл. Борисоглѣбскаго, за «въ высшей степени грубую и дерзкую выходку» въ классѣ противъ учителя нѣмецкаго языка Геринга. Отецъ и мать Борисоглѣбскаго писали письма въ гимназію, прося совѣтъ и директора оставить ученика въ гимназіи, избравъ ему какое угодно наказаніе. Отецъ выражался энергически, предлагая сына его «высечь, не жалѣя розогъ», «дать сыну хорошихъ розогъ не менѣе 50». Мольбы родителей смягчили совѣтъ только въ томъ смыслѣ, что въ засѣданіи 10 ноября исключеніе уч. Борисоглѣбскаго замѣнено было предложеніемъ взять его. 17 февраля 1870 г. постановлено сдѣлать строгій выговоръ передъ всѣмъ заведеніемъ уч. V кл. Репреву и Яновскому, въ при-

сутствіи совѣта—уч. V кл. Рангу Владиміру, Рангу Евгенію и Шуберскому—за нарушенія дисциплины и невѣжливые отвѣты наставникамъ. Такой же выговоръ назначенъ уч. IV кл. Рюминскому, пропускавшему безъ уважительной причины множество уроковъ и дурно вліявшему на товарищей (13 апрѣля 1871 г. Рюминскій былъ исключенъ изъ V кл. за повтореніе манкировокъ). Въ докладѣ инспектора (Закса) совѣту о поведеніи означенныхъ учениковъ указано, что уч. Репревъ «былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ безпорядковъ во время урока латинскаго яз. и руководилъ ими». О самыхъ безпорядкахъ извѣстій не сохранилось. Въ 1871 г. 1 февраля былъ временно исключенъ (переданъ на 6 мѣсяцевъ родителямъ на исправленіе) уч. I кл. Прокудинъ-Горскій, который, кромѣ многихъ другихъ проступковъ, ударилъ товарища сапогомъ до крови; 6 марта былъ исключенъ уч. II кл. Пестрово, ранившій товарища ножомъ; 25 февраля былъ сдѣланъ выговоръ отъ совѣта уч. V кл. Лялину за невѣжливость относительно преподавателя. Кромѣ приведенныхъ случаевъ болѣе или менѣе серьезныхъ проступковъ и значительныхъ взысканій, намъ извѣстны 3 случая исключенія за неявку въ гимназію послѣ вакаціи (въ 1867 г.) и исключеніе 3 уч. III класса по предписанію попечителя округа (ж. сов. 17 іюня 1870 г.), по неизвѣстной намъ причинѣ.

Многочисленные случаи серьезныхъ проступковъ со стороны учениковъ показываютъ, что дисциплина въ нашей гимназіи въ періодъ 1865—1871 г.г. стояла не высоко, а поведеніе учениковъ, особенно пансіонеровъ, было далеко не безукоризненнымъ. Въ то же время мы видимъ, что совѣтъ терпѣливо и снисходительно относился къ проступкамъ учени-

ковъ, прибѣгая къ крайней мѣрѣ—исключенію изъ гимназіи—только въ выдающихся случаяхъ, обыкновенно послѣ того, когда оказались недѣйствительными въ отношеніи ученика исправительныя мѣры. Несмотря на это, число исключеній за дурное поведеніе было очень значительнымъ (7 случаевъ за 6 лѣтъ) сравнительно съ предыдущимъ и послѣдующимъ временемъ. Изъ исправительныхъ мѣръ въ серьезныхъ случаяхъ болѣе употребительными были, какъ видимъ: выговоръ совѣта, заключеніе въ карцеръ и, наконецъ, временное удаленіе изъ гимназіи или отдача родителямъ на исправленіе. Тѣлесныя наказанія, хотя допускались по желанію родителей, но вообще не примѣнялись, если не считать одного случая (съ Бобарыкинымъ въ 1865 г.).

Правила о взысканіяхъ съ учениковъ, согласно уставу 1864 г., должны были вырабатываться педагогическими совѣтами гимназій; для руководства же совѣтамъ начальства учебныхъ округовъ издавали инструкціи съ проектами таковыхъ правилъ. Совѣтъ нашей гимназіи, приступивъ къ разработкѣ вопроса о взысканіяхъ въ засѣданіи 24 октября 1865 г., рѣшилъ принять цѣликомъ правила, изложенныя въ инструкціи по Московскому уч. округу. Эти правила устанавливали слѣд. порядокъ взысканій и исправительныхъ мѣръ.

1. Выговоръ инспектора лично виновному.

2. Пристыженіе при цѣломъ классѣ.

3. Стояніе въ углу класса въ теченіе 1—2 час.

4. Оставленіе приходящихъ учениковъ въ гимназіи послѣ уроковъ не болѣе какъ на 2 часа.

5. Лишеніе отпуска (для пансіонеровъ) въ воскресные или праздничные дни.

6. Арестъ, т.-е. болѣе или менѣе продолжительное заключенiе въ карцеръ.

7. Выговоръ отъ совѣта.

8. Выставленiе имени виновнаго на черной доскѣ.

9. Устраненiе изъ заведенiя (временное) и совершенное изъ него исключенiе.

Этотъ списокъ мѣръ былъ нѣсколько измѣненъ и дополненъ въ засѣданiяхъ совѣта 9 и 11 марта 1871 г. Такъ какъ при дѣйствiи устава 1864 г. новыя правила не успѣли найти примѣненiя, то я ихъ и не привожу.

9. Дѣятельность совѣта гимназiи въ 1849—71 г.г.

Дѣятельность совѣта нашей гимназiи можно разсматривать сразу за весь перiодъ 1849—1871 г.г., такъ какъ введенiе устава 1864 г. не измѣнило существеннымъ образомъ компетенцiи совѣта и не повлiяло на характеръ его дѣятельности. Главными видами дѣятельности совѣта въ разсматриваемый перiодъ, какъ и въ предыдущiй, были: a) веденiе учебно-воспитательнаго дѣла гимназiи; b) принятiе мѣръ для улучшенiя постановки преподаванiя и воспитанiя; c) контроль надъ хозяйственнымъ дѣломъ гимназiи и отчасти низшихъ училищъ губернiи, d) производство испытанiй различнымъ лицамъ для полученiя правъ по образованiю. Что касается контроля надъ служебными дѣлами въ низшихъ училищахъ, а также обсужденiя служебныхъ инцидентовъ въ самой гимназiи, то проявленiя таковыхъ видовъ дѣятельности въ описываемый перiодъ со стороны совѣта не замѣчается.

а) О веденіи совѣтомъ *учебно-воспитательнаго дѣла* все главное уже сказано въ главахъ 3, 4 и 7; остается добавить одно замѣчаніе—о нѣкоторомъ различіи характера дѣятельности совѣта въ разбираемомъ отношеніи въ теченіе съ одной стороны 50-хъ, съ другой—60-хъ годовъ. Въ 50-хъ годахъ совѣтъ велъ учебно-воспитательное дѣло по шаблону, установившемуся въ 40-хъ годахъ. Слѣдя за ходомъ обученія и воспитанія по мѣсячнымъ вѣдомостямъ и результатамъ испытаній, онъ не задавался глубокомысленными педагогическими вопросами, не старался вникнуть въ физическія и нравственныя особенности отдѣльныхъ учениковъ, а раздавалъ награды и аттестаты, налагалъ наказанія согласно общимъ правиламъ устава и общимъ требованіямъ школьной традиціи. Говоря короче—онъ дѣйствовалъ по старинѣ, не мудрствуя лукаво. Съ начала 60-хъ годовъ—эпохи обновленія русской общественной жизни—дѣятельность совѣта нашей гимназіи въ отношеніи учебно-воспитательнаго дѣла чрезвычайно оживляется. Къ педагогическимъ вопросамъ совѣтъ начинаетъ относиться гораздо внимательнѣе, старыя традиціи подвергаются критикѣ, является стремленіе къ реформамъ въ учебномъ дѣлѣ, и это настроеніе отражается на дѣйствіяхъ совѣта тѣмъ, что обсужденіе текущихъ явленій школьной жизни производится тщательнѣе, чѣмъ прежде, что измѣняется способъ примѣненія исправительныхъ мѣръ, что учащаются постановленія, имѣющія въ виду улучшеніе постановки преподаванія и воспитанія. Введеніе новаго устава гимназій, которое служило отвѣтомъ на потребность въ реформѣ, вполнѣ соотвѣтствовало настроенію совѣта въ этомъ смыслѣ и еще болѣе оживило его дѣятель-

ность, чему способствовало и созданное этимъ уставомъ расширеніе компетенціи совѣта по устроенію учебно-воспитательнаго дѣла. Указанное различіе въ учебно-воспитательной дѣятельности совѣта 50-хъ и 60-хъ г.г. всего яснѣе обнаруживается при обозрѣніи въ хронологическомъ порядкѣ принятыхъ совѣтомъ мѣръ для улучшенія преподаванія и воспитанія.

b) *Относительно мѣръ для улучшенія преподаванія и воспитанія* 50-е годы были совершенно глухимъ временемъ: совѣтъ нашей гимназіи за эти годы не принялъ ни одной замѣтной мѣры улучшенія и сдѣлалъ только одно постановленіе общаго характера касательно учебнаго дѣла. Это постановленіе (14 марта 1855 г.) точнѣе опредѣляло, какіе ученики могутъ быть допускаемы къ испытаніямъ послѣ вакаціи, а именно—тѣ, которые по уважительнымъ причинамъ не явились на испытанія до вакаціи или же не выдержали послѣднихъ, получивъ неудовлетворительные баллы не болѣе какъ по двумъ предметамъ. Напротивъ, съ 1861 г. постановленія совѣта о мѣрахъ для улучшенія преподаванія и воспитанія становятся частыми.

1861 г. 9 января, согласно циркуляру попечителя округа, совѣтъ постановилъ замѣщать уроки отсутствующихъ преподавателей практическими занятіями по новымъ языкамъ, каковыя поручилъ комнатнымъ надзирателямъ—Грейлиху, Шнейдеру и Мейеру, съ платой по 75 коп. за урокъ.

1861 г. 23 января преподавателями новыхъ языковъ были представлены въ совѣтъ (согласно постановленію совѣта 23 окт. 1860 г.) мнѣнія о способахъ разучиванія уроковъ по новымъ языкамъ въ

классѣ; совѣтъ постановилъ примѣнять впредь методъ разучиванья въ классѣ уроковъ по новымъ языкамъ. Въ томъ же засѣданіи постановлено обязать учениковъ имѣть тетради для выставленія въ нихъ балловъ. 1861 г. 2 октября совѣтъ постановилъ выдавать ученикамъ для чтенія книги изъ фундаментальной библіотеки.

1861 г. 13 ноября совѣтъ, ради улучшенія преподаванія русскаго языка, постановилъ ходатайствовать о назначеніи особаго учителя русскаго языка въ младшихъ классахъ. 1862 г. 2 марта постановлено производить въ апрѣлѣ мѣсяцѣ годичныя репетиціи ученикамъ I—VI кл. по всѣмъ предметамъ, при чемъ сред. баллъ 4, выведенный изъ годовой и репетиц. отмѣтки освобождалъ уч. отъ экзамена по этому предмету.

Въ 1862—1866 гг. цѣлый рядъ засѣданій совѣта былъ посвященъ разсмотрѣнію вопросовъ, связанныхъ со введеніемъ новаго устава. Сначала разсматривался проектъ устава, составлялись программы курсовъ; потомъ принимались мѣры для введенія самаго устава (о чемъ сказано выше), вырабатывались способы надзора за успѣхами и поведеніемъ учениковъ (8 окт. 1865 г.), правила о взысканіяхъ съ учениковъ (24 окт. 1865 г.).

По введеніи новаго устава совѣтъ продолжалъ заботиться объ улучшеніи пріемовъ преподаванія и воспитательныхъ мѣръ. 1866 г. 31 августа сдѣлано постановленіе объ упорядоченіи и усиленіи занятій письменными работами по русскому языку.

1867 г. 30 ноября установлено болѣе удобное распредѣленіе уроковъ математики между двумя преподавателями (по классамъ, а не по отдѣламъ, какъ

прежде) и введено въ VI кл. изученіе общей словесности. 1868 г. 11 октября постановлено вызывать неуспѣшныхъ учениковъ по воскресеньямъ въ гимназію для спрашиванья уроковъ; 26 ноября того же года устроены вечерніе уроки математики. 1869 г. 10 февраля введены вечерніе уроки по русскому языку для писанія учениками старшихъ классовъ сочиненій «безъ приготовленія». 11 сентября того же года на учителя латинскаго яз. въ V кл. возложено преподаваніе ученикамъ этого класса миѳологіи. 7 октября постановлено усилить письменныя упражненія по русскому, латинскому и новымъ языкамъ, обязавъ учениковъ періодически составлять на дому сочиненія и переводы. 3 ноября выработаны правила для вновь учреждаемой ученической библіотеки.

Параллельно со введеніемъ новыхъ пріемовъ преподаванія шла замѣна старыхъ учебниковъ новыми; отмѣтимъ введеніе знаменитаго учебника всеобщей исторіи Иловайскаго на мѣсто учебника Вебера (1870 г. 22 сентября).

Совѣтъ не ограничивался для обсужденія педагогическихъ вопросовъ одними оффиціальными засѣданіями: рядомъ съ ними устраивались (въ 1864 и 1865 гг.) такъ называемыя «педагогическія бесѣды», на которыхъ обсуждались самые разнообразные вопросы, касающіеся жизни гимназіи (составленіе вѣдомостей объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, веденіе письменныхъ работъ, пріемы преподаванія Закона Божія и русской словесности, правила поведенія учениковъ въ гимназіи, правила жизни пансіона, литературныя бесѣды). Результатомъ «бесѣдъ» являлись постановленія совѣта, имѣющія цѣлью различныя улучшенія въ гимназической жиз-

ни. Къ числу ихъ принадлежитъ постановленіе о веденіи «литературныхъ бесѣдъ» съ учениками (постановл. въ журналѣ бесѣды 5 окт. 1864 г.)

Литературныя бесѣды, дѣйствительно, были устроены; сохранились извѣстія о ходѣ шести бесѣдъ. На первой руководителями были ст. учителя Розовъ (словесности) и Шемякинъ (исторіи). Розовъ прочелъ съ объясненіями «Мѣдный Всадникъ» Пушкина, ученики VI кл. Макаровъ и Кишкинъ читали «Русалку» и сцену изъ «Бориса Годунова»; въ заключеніе Розовъ прочелъ критику Бѣлинскаго на прочтенныя произведенія. На второй бесѣдѣ руководителями были ст. учителя Христичъ (матем.) и Чугаевъ (естеств. н.). Чугаевъ прочелъ статью Абашева (изъ Рус. Вѣст.) «объ агрономическомъ ученіи Либиха» и дѣлалъ надлежащія поясненія къ ней. На четвертой бесѣдѣ учит. Чугаевъ производилъ химическіе опыты. На шестой бесѣдѣ уч. Шемякинъ и Голицынскій прочли съ объясненіями «Антигону» Софокла въ переводѣ Водовозова.

с) *Хозяйственная дѣятельность совѣта* въ изучаемый періодъ носила въ общемъ тотъ же характеръ, какъ и въ предыдущій. Такъ же происходила ежемѣсячная повѣрка суммъ гимназіи, шнуровыхъ книгъ и годичнаго денежнаго отчета, такъ же обсуждались совѣтомъ смѣты расходовъ: на содержаніе и ремонтъ зданій и другого имущества гимназіи и пансіона, на покупку платья и учебныхъ пособій для пансіонеровъ, на пополненіе библіотеки и кабинетовъ. Нѣкоторое осложненіе въ хозяйственную дѣятельность совѣта было внесено съ начала 1864 года возложеніемъ на него обязанности рѣшать вопросъ объ освобожденіи учениковъ отъ платы за

ученіе. Для обсужденія этого вопроса совѣтъ собирался два раза въ годъ (въ началѣ учебныхъ полугодій—въ январѣ и сентябрѣ) въ нормальныя засѣданія, да сверхъ того нѣсколько разъ въ году принужденъ былъ особо обсуждать вопросъ о взиманіи платы съ учениковъ, не внесшихъ ее своевременно.

Изъ хозяйственныхъ предпріятій въ описываемый періодъ можно отмѣтить перестройку въ 1850 г. малаго гимназическаго дома для устроенія квартиръ директору и инспектору. Перестройка обошлась въ 8000 рублей. Затѣмъ былъ крупный ремонтъ зданія гимназіи въ 1867 г. Участіе совѣта въ хозяйственномъ управленіи низшими училищами сводилось къ производству торговъ по подрядамъ на постройки (напр.—на постройку дома для приходск. училища въ с. Васильевскомъ Шуйскаго уѣзда въ январѣ 1870 года).

d) *Производство испытаній на полученіе различныхъ свидѣтельствъ* совершалось въ описываемый періодъ столь же часто, какъ въ предыдущій, но разряды испытуемыхъ стали менѣе разнообразны. Держать экзаменъ являлись почти исключительно лица, ищущія званія начальнаго или уѣзднаго учителя и начальной учительницы, рѣдко экзаменовались на званіе аптекарскаго помощника (Казиміръ Орловскій, 3 марта 1870 г.). Испытанія на званіе уѣзднаго учителя производились серьезно и строго, а на званіе начальнаго учителя, особенно же учительницы—весьма слабо. Въ доказательство послѣдняго утвержденія можно привести слѣдующій фактъ. 9 марта 1866 г. совѣтъ выдалъ свидѣтельство на право первоначальнаго обученія въ частныхъ домахъ

чтенію и письму по русски и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики—дѣвицѣ изъ дворянъ, дочери маіора Вѣрѣ Ивановнѣ Нефедьевой. 16 апрѣля г-жа Нефедьева обратилась съ письмомъ къ исправл. должн. директора училищъ инспектору Пермякову, прося защитить ее отъ гоненія со стороны штатнаго смотрителя Шонакова, который не позволяетъ ей обучать стороннихъ дѣтей въ ея квартирѣ, а требуетъ, чтобы она ходила по частнымъ домамъ. Письмо это необыкновенно безграмотно: не говоря о грубыхъ погрѣшностяхъ въ составѣ предложеній, бросается въ глаза то, что авторъ не признаетъ буквы ѣ и совершенно зря ставитъ прописныя буквы. Достаточно для убѣжденія читателя привести первыя строчки письма. «Въ Минувшемъ Марте мѣсяце я утруждала прозьбою дирекцію училищъ о выдачѣ мнѣ свидетельство на право обученія дѣтей: въ слѣдствіе этой просимости мнѣ таковое свидетельство и выдано»... Г-жа Нефедьева пишетъ: «помещеніемъ», «встретить», «въ моей Квартире» и пр.

10. Пансіонъ въ 1849—1871 г.г.

Измѣненія въ уставѣ гимназій, произведенныя въ 1849—1852 г.г., слабо отразились на жизни пансіоновъ при гимназіяхъ, потому что касались почти исключительно состава гимназическаго курса, а не общаго строя гимназической жизни. Только новое распредѣленіе классныхъ занятій по часамъ дня, вызванное сокращеніемъ продолжительности урока съ 1½ ч. до 1¼ ч. (1849 г.), должно было вызвать измѣненіе внутренняго распорядка пансіонной жизни. Эти общія заключенія вполнѣ оправдываются относительно пансіона при нашей гимназіи. За исключеніемъ новаго порядка дневныхъ занятій, введен-

наго съ начала 1849—50 учебнаго года, жизнь его послѣ перемѣнъ въ учебномъ уставѣ въ 1849—52 г.г. не претерпѣла существенныхъ измѣненій. Составъ воспитанниковъ и служебнаго персонала, занятія, развлеченія пансіонеровъ и ихъ матеріальная обстановка—оставались въ 1850-хъ годахъ почти такими же, какими были въ 1840-хъ, если не принимать въ расчетъ извѣстной эволюціи подъ вліяніемъ общихъ условій русской жизни.

Итакъ, перемѣны въ учебномъ уставѣ, совершенно измѣнившія характеръ гимназическаго образованія, не измѣнили *строя* пансіонской жизни. Гимназія изъ учено-классической стала реально-практической, а пансіонъ все оставался попрежнему «благороднымъ» пансіономъ.

Но, какъ было замѣчено выше, эволюція русской жизни сказывалась и на жизни пансіона. Прежде всего она должна была сказаться въ измѣненіи вкусовъ, настроенія, вообще «духа» воспитанниковъ, а затѣмъ вызвать перемѣны въ служебномъ персоналѣ и матеріальной обстановкѣ пансіона. Относительно измѣненія «духа» пансіонеровъ надо замѣтить, что оно находилось въ тѣсной связи съ измѣненіемъ духа учениковъ всей гимназіи (см. главу о поведеніи учениковъ въ 1849—65 г.г.); были, вѣроятно, и нѣкоторыя особенности въ духовной жизни пансіона сравнительно съ остальной гимназіей, но указать ихъ съ полной опредѣленностью довольно трудно—за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. Къ числу немногихъ и неясныхъ указаній на духовную жизнь пансіона въ концѣ 1850-хъ годовъ можно отнести вышеприведенное мнѣніе составителя отчета за 1856—63 г.г. объ упадкѣ среди учениковъ гимназіи охоты къ ученью, при чемъ «занятія дѣтей потомственныхъ дворянъ

ниже занятій дѣтей дворянъ личныхъ, купцовъ и мѣщанъ». Такъ какъ пансіонъ наполнялся почти исключительно дѣтьми потомственныхъ дворянъ и они составляли главную массу дворянскихъ дѣтей въ гимназіи, то ясно, что слабыя занятія пансіонеровъ послужили главной основой приведеннаго заключенія о слабыхъ успѣхахъ дворянскихъ дѣтей. Подтвержденіемъ такого вывода являются извѣстія о томъ, что пансіонеры 1850-хъ годовъ теряли значительное количество выданныхъ имъ учебныхъ книгъ. Такъ, въ началѣ 1862—63 учебнаго года оказалось 37 пансіонеровъ разныхъ классовъ, затерявшихъ учебныя книги, при чемъ нѣкоторые затеряли книгъ на значительную сумму: Носовъ—14 книгъ, стоимостью на 6 р. 40 к., Рудневъ—9 книгъ, на 5 р. 40 к., Корякинъ Левъ—26 книгъ, на 21 р. 02 к., Корякинъ Митрофанъ—33 книги, на 25 р. 38 коп. Такое растериванье учебныхъ книгъ указываетъ на малую любовь къ ученью. Несмотря на слабую охоту пансіонеровъ къ занятіямъ, экзамены они выдерживали въ общемъ удовлетворительно. Просматривая списки отмѣтокъ, полученныхъ въ 1850-хъ годахъ на испытаніяхъ пансіонерами и приходящими учениками гимназіи, не видишь особенно рѣзкой разницы въ успѣшности этихъ двухъ разрядовъ учащихся: только отличные и хорошіе баллы у пансіонеровъ встрѣчаются рѣже. Надо думать, что педагогическій персоналъ пансіона въ общемъ умѣлъ заставлять большинство пансіонеровъ сносно приготовляться къ экзамену. Упадокъ любви къ ученію среди воспитанниковъ Владимірскаго пансіона, какъ и вообще среди учениковъ Владимірской гимназіи, въ концѣ 1850-хъ годовъ объяснить въ настоящее время довольно трудно,

особенно въ виду того, что составъ учителей въ гимназіи былъ тогда несомнѣнно хорошій. Можетъ быть, крупныя перемѣны въ русской жизни отвлекали тогда (какъ въ настоящее время) юношество отъ настойчивыхъ, регулярныхъ занятій; воспитанники же пансіона, принадлежащіе къ сословію, которое испытывало особенно сильную перемѣну въ соціальномъ положеніи, должны были сильнѣе прочихъ дѣтей чувствовать на себѣ вліяніе политическихъ событій.

Въ служебномъ строѣ пансіона вліяніе общаго хода русской жизни сказалось постепеннымъ измѣненіемъ состава комнатныхъ надзирателей. Въ 1840-хъ годахъ, когда одной изъ задачъ пансіонскаго воспитанія было сообщеніе воспитанникамъ практическаго знанія новыхъ иностранныхъ языковъ, въ комнатные надзиратели назначались исключительно иностранцы, какъ это отчасти предусмотрѣно и въ положеніи о пансіонѣ. Въ 1850-хъ такое правило стало соблюдаться менѣе строго: кромѣ штатныхъ надзирателей, назначаемыхъ попрежнему изъ иностранцевъ, надзирательскія обязанности стали исполнять изъ платы по найму учителя гимназіи чисто русскаго происхожденія, вѣроятно, совсѣмъ не владѣвшіе иностранными языками (Чижовъ—съ 1850 г., Лыткинъ съ 1853 г.). Очевидно, благодаря перемѣнамъ въ положеніи дворянства, которыя стали замѣчаться еще до наступленія «великихъ реформъ», измѣнялись у руководителей пансіона и взгляды на задачи воспитанія дворянскихъ дѣтей: знаніе иностранныхъ языковъ для юношества стало считаться менѣе необходимымъ, чѣмъ общая правильная постановка умственнаго и нравственнаго развитія, а послѣдней скорѣе можно было ожи-

дать отъ сознательной работы образованныхъ учителей гимназіи, чѣмъ отъ усердія безграмотныхъ иностранцевъ.—Число надзирателей, по причинѣ возрастанія числа воспитанниковъ, было въ 1855 г. увеличено до 5.

Въ матеріальной обстановкѣ пансіонской жизни въ 1850-хъ годахъ крупныхъ перемѣнъ не было, происходили только частичныя поправки и улучшенія, вызываемыя потребностями жизни. Но, судя по лестнымъ отзывамъ ревизоровъ о состояніи пансіона, директоръ Сохансkій умѣлъ поддерживать какъ матеріальную обстановку, такъ и весь строй пансіонской жизни на уровнѣ требованій времени. Слѣдуетъ замѣтить, что воспитанники пансіона обучались въ это время, кромѣ предметовъ гимназическаго курса, музыкѣ, танцамъ, пѣнію и маршировкѣ; обученіе двумъ послѣднимъ искусствамъ введено было въ началѣ изучаемаго періода: пѣнію—съ 1849 г. (учитель музыки Рих. Деличъ), маршировкѣ—съ 1850 г.

Штатъ пансіона въ 1850-хъ годахъ оставался прежній*), но число пансіонеровъ возрастало до 1854 г., когда достигло максимальной цифры=74, послѣ этого оно постепенно убываетъ: въ 1855 г.—67, въ 1856 г.=?, 1857 г.=64, 1858 г.=67, 1859 г.=68, 1860 г.=62.

Убываніе числа пансіонеровъ къ концу 1850-хъ годовъ не настолько значительно, чтобы на основаніи его можно было сдѣлать выводъ объ ухудшеніи общаго состоянія пансіона; но пансіонская пища къ концу 1850-хъ годовъ, какъ можно думать, дѣйствительно, стала хуже: по смѣтамъ на 1858 и 1859 г.

---

*) Въ 1858 г. попечитель М. У. О возбудилъ вопросъ о составленіи новаго штата пансіона, но дѣло кончилось одной перепиской.

ассигнуется ежедневно на прокормленіе пансіонера та же сумма (12 коп.), какъ по штату 1843 г., а между тѣмъ жизнь стала много дороже, о чемъ неоднократно заявляло и высшее учебное начальство.

Какъ бы то ни было, Владимірскій благородный пансіонъ въ 1850-хъ годахъ въ общемъ представлялъ вполнѣ благоустроенное заведеніе.

Иную картину представляетъ жизнь пансіона въ 1860-хъ годахъ. Эти годы были для него временемъ испытаній и упадка. Причины такихъ явленій коренились въ общемъ ходѣ русской жизни, и потому самыя явленія были болѣе или менѣе общими для всѣхъ русскихъ благородныхъ пансіоновъ. Русское дворянство, которое ихъ основало и содержало, само переживало нравственный и экономическій кризисъ, вслѣдствіе великихъ реформъ императора Александра II, и было не въ состояніи оказывать имъ нужную поддержку. Между тѣмъ быстрое развитіе русской жизни вызвало быстрое вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, и для содержанія пансіоновъ стали требоваться большія, чѣмъ прежде суммы. При сильномъ желаніи спасти свои дѣтища, дворянство, быть можетъ, могло бы сдѣлать героическое усиліе и найти нужныя средства, но такого желанія не было, потому что духъ времени былъ противъ него. Эпоха реформъ ознаменовалась упадкомъ сословнаго быта, ослабленіемъ сословныхъ отличій, и потому сословныя учебныя заведенія являлись противорѣчіемъ общему ходу жизни. А, такъ какъ закрытыя учебныя заведенія прежней эпохи были по большей части сословными, то въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ стало замѣчаться явное охлажденіе къ подобнымъ заведеніямъ вообще, а особенно къ гимназическимъ пансіонамъ.

Отраженіе такого настроенія мы находимъ въ уставѣ гимназій 1864 года: онъ ограничилъ составъ гимназическихъ пансіоновъ учениками 4-хъ низшихъ классовъ, считая, видимо, пансіонскую жизнь для болѣе взрослыхъ юношей вредною.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ дворянство въ большинствѣ случаевъ не имѣло сильнаго желанія во что бы то ни стало поддерживать благородные пансіоны, правительство тоже не стремилось къ этому, и въ результатѣ цѣлый рядъ благородныхъ пансіоновъ прекратилъ существованіе, а оставшіеся влачили его кое-какъ, перебиваясь со дня на день.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Владимірскій благородный пансіонъ. Онъ уцѣлѣлъ, потому что основной источникъ его содержанія былъ прочно обезпеченъ капиталомъ, пожертвованнымъ дворянствомъ въ 1839 г., къ нему даже не успѣли примѣнить требованія устава 1864 г. о закрытіи старшихъ классовъ, такъ какъ вскорѣ вышелъ новый уставъ гимназій (1871 г.), возстановлявшій пансіоны въ полномъ объемѣ. Тѣмъ не менѣе 1860-е годы были для него тяжелымъ временемъ. Для характеристики тогдашняго положенія пансіона приведемъ рядъ современныхъ свидѣтельствъ.

Въ 1863 г. директоръ Львовъ въ представляемыхъ попечителю округа «свѣдѣніяхъ» о гимназіи пишетъ черновую замѣтку: «Вслѣдствіе увеличенія цѣнъ на всѣ жизненныя потребности, сумма, получаемая на содержаніе воспитанниковъ пансіона оказывается достаточной только на удовлетвореніе обыкновенныхъ расходовъ по пансіону, сообразно штату, составленному въ 1842 году, при основаніи пансіона, но не представляетъ достаточныхъ средствъ для

введенія необходимыхъ улучшеній по воспитательной части. Жалованье, получаемое комнатными надзирателями, ничтожно—285 р. и квартирныхъ 80 р. За такое вознагражденіе невозможно найти просвѣщенныхъ и опытныхъ воспитателей, которые бы имѣли нравственное вліяніе на воспитанниковъ и посвящали имъ все время. Невозможны и другія улучшенія, требуемыя раціональнымъ воспитаніемъ, основаннымъ на здравыхъ педагогическихъ началахъ».

Главныя мысли этой замѣтки повторяются въ отчетѣ о гимназіи за 1866 г. Инспекторъ Пермяковъ, исправлявшій должность директора съ января по май мѣсяцъ 1866 г. (послѣ перемѣщенія дир. Львова до назначенія дир. Эмина), пишетъ слѣд. замѣчанія о пансіонѣ.

«Пансіонъ при Владимірской гимназіи въ нравственномъ отношеніи находится въ очень удовлетворительномъ состояніи. Воспитанники ведутъ себя весьма прилично, и, кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей, никакихъ важныхъ безпорядковъ, которые бы заслуживали серіозныхъ мѣръ взысканія, въ теченіе всего отчетнаго года не случалось. Уволенные изъ пансіона десять воспитанниковъ (послѣ экзамена и въ другое время) заслужили это наказаніе единственно неуспѣшностью и лѣнью, а отнюдь не какими-либо важными проступками. Вообще учебная и воспитательная часть пансіона требуетъ еще многихъ улучшеній. Въ учебномъ отношеніи необходимо имѣть въ запасѣ большее собраніе учебниковъ... необходимо пріобрѣсти хорошія географическія и историческія карты... Скудное жалованье надзирателя не даетъ возможности привлечь на службу въ пансіонъ болѣе опытныхъ и образованныхъ

людей, которые бы все время свое посвящали одной только службѣ; всѣ трое комнатныхъ надзирателей пансіона для увеличенія своихъ средствъ принуждены принимать на себя постороннія обязанности, отчего, конечно, много терпѣла пансіонская служба». Далѣе говорится, что изъ трехъ комнатныхъ надзирателей одинъ (Гиршъ) исполнялъ свои обязанности вполнѣ хорошо, а двое другихъ (Соколовъ и Петровъ), хотя старались, но оказывались не вполнѣ опытными; указано на богослуженіе въ пансіонской церкви, на обученіе воспитанниковъ церковному пѣнію. «Обученіе музыкѣ, по опредѣленію дворянства, имѣетъ быть прекращено съ будущаго года. Хозяйственная часть пансіона была въ удовлетворительномъ состояніи; столомъ воспитанники довольствовались въ достаточномъ количествѣ, и пища была хорошаго качества.. Въ послѣднее время комплектъ бѣлья увеличенъ вдвое, а равно увеличено количество и другихъ принадлежностей; зданіе пансіона приведено въ большій порядокъ исполненіемъ поправокъ, замѣченныхъ въ прошлогоднемъ отчетѣ, и устроенъ водопроводъ... Передѣлка классной и комнатной мебели... также окончена въ августѣ мѣсяцѣ».

Въ этомъ докладѣ начальству авторъ явно старается показать, что администрація пансіона сдѣлала все возможное для поддержанія и даже для улучшенія его состоянія, но полному успѣху ея заботъ препятствовалъ недостатокъ средствъ. Такимъ образомъ, волей—неволей, авторъ подтверждаетъ высказанную дир. Львовымъ мысль объ оскудѣніи пансіона. Кромѣ этой главной мысли здѣсь встрѣчается случайное—съ виду неважное, но по существу характерное—указаніе на измѣнившееся отношеніе къ

пансіону дворянства: прежде заботившееся о внѣшнемъ блескѣ пансіона оно теперь отмѣняетъ—видимо, какъ излишнюю роскошь—преподаваніе музыки. Наконецъ, въ докладѣ инспектора, несмотря на всѣ стилистическія ухищренія, употребленныя для смягченія красокъ, ясно обнаруживается неудовлетворительная постановка пансіонскаго воспитанія, особенно въ фактѣ увольненія 10 воспитанниковъ за неуспѣшность. Правда, изъ очерка учебнаго дѣла въ нашей гимназіи въ эпоху введенія устава 1864 г. видно, что требованія новаго устава вызвали увольненіе за неуспѣшность вообще многихъ учениковъ—и приходящихъ, однако это смягчающее обстоятельство не снимаетъ съ пансіонскихъ педагоговъ отвѣтственности за неуспѣшность ихъ питомцевъ.

Таковы заключенія, къ которымъ приводитъ критика доклада инспектора, взятаго отдѣльно. Но другія свидѣтельства могутъ показать, что нѣкоторые положительные отзывы инспектора о состояніи пансіонскаго хозяйства слишкомъ оптимистичны.

При отношеніи на имя директора училищъ (Эмина) и. д. владим. губерн. предводителя дворянства (у. предв. Рейнвальда) отъ 6 февраля 1867 г. приложена копія постановленія дворянства отъ 28 ноября 1866 г. Въ ней мы находимъ слѣдующія указанія.

Дворянство избрало особую коммиссію («редакціонную») для разработки вопроса о томъ, какого типа желательна во Владимірѣ гимназія—классическаго или реальнаго. На засѣданія этой коммиссіи былъ приглашаемъ директоръ училищъ Эминъ, который, между прочимъ, обратился къ коммиссіи съ просьбой «обратить вниманіе дворянства на край-

не скудныя средства пансіона, вслѣдствіе чего домъ дворянскаго пансіона, капитально не ремонтируясь въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ, начинаетъ приходить въ совершенную ветхость и разрушеніе и требуетъ въ настоящее время безотлагательныхъ капитальныхъ исправленій и перестроекъ, а пансіонеры лишены многихъ необходимыхъ *потребностей*». Въ числѣ недочетовъ пансіонской обстановки директоръ указалъ: ветхость оконныхъ рамъ, мебели; недостатокъ мебели въ больницѣ, отсутствіе: помѣщенія для цейхауза, квартиръ для комнатныхъ надзирателей и проч.

Мы видимъ, что указанія директора Эмина, признанныя дворянствомъ справедливыми, заставляютъ принимать оптимистическіе отзывы инспектора Пермякова о матеріальной обстановкѣ пансіона въ ограниченномъ смыслѣ—въ примѣненіи главнымъ образомъ къ пищѣ и одеждѣ пансіонеровъ.

Приведенные отзывы современниковъ рисуютъ состояніе пансіона въ 1860-хъ годахъ далеко не блестящимъ отъ конца 1860-хъ годовъ. Есть, правда, и болѣе благопріятные отзывы, но касающіеся только нѣкоторыхъ сторонъ жизни пансіона и имѣющіе главною цѣлью указать заслуги директора Эмина въ устроеніи пансіона. Такіе отзывы мы находимъ въ двухъ документахъ: отношеніи директора Эмина къ губернскому предводителю дворянства графу Апраксину отъ 24 октября 1868 г. и отвѣтномъ отношеніи гр. Апраксина къ Эмину отъ 4 ноября 1868 года.

Въ своемъ отношеніи Эминъ сообщаетъ, что въ теченіе двухлѣтняго управленія гимназіей ему

удалось «привести въ надлежащій порядокъ хозяйственную часть пансіона во всѣхъ отношеніяхъ ея и прійти къ убѣжденію, что отнынѣ возможно на поступающіе съ дворянскаго капитала проценты вмѣсто 34 пансіонеровъ содержать 40»; что онъ, зная горячее желаніе графа распространить выгоды безплатнаго образованія на возможно большее число дворянскихъ дѣтей, проситъ его обратить вниманіе на изложенное соображеніе и высказать свой взглядъ по поводу его. Графъ Апраксинъ въ своемъ отвѣтѣ говоритъ, что ему остается только благодарить г. Эмина за его труды по пансіону, благодаря которымъ и хозяйство приведено въ порядокъ и явилась возможность давать въ пансіонѣ воспитаніе большему числу дворянскихъ дѣтей, и желаетъ приведенія въ исполненіе проекта Эмина.

Проектъ Эмина о содержаніи на проценты дворянскаго капитала 40 воспитанниковъ вмѣсто 34, послѣ указаній на скудость средствъ пансіона, которыя дѣлались какъ предшественниками Эмина, такъ и имъ самимъ, представляется крайне страннымъ: онъ заставляетъ думать, что съ 1841-го по 1868 годъ завѣдующіе пансіономъ зря тратили деньги, не умѣя или не желая наблюсти разумной экономіи. Но, такъ какъ извѣстно, что Сохансқій, управлявшій пансіономъ около 20 лѣтъ, былъ прекраснымъ хозяиномъ, то проще предположить, что проектъ Эмина есть плодъ его самонадѣянной мечты. Послѣдующія событія вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе. Что касается заявленія Эмина о приведеніи имъ хозяйства пансіона въ порядокъ «во всѣхъ отношеніяхъ», то оно—какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія—въ основѣ справедливо, но все же не свободно отъ преувеличенія.

Итакъ, изъ разобранныхъ благопріятныхъ отзывовъ можно сдѣлать одинъ прочный выводъ—что къ концу 1860-хъ годовъ матеріальная обстановка пансіона улучшилась по сравненію съ началомъ этого десятилѣтія. Но прогресса въ постановкѣ воспитанія за это время мы не видимъ и изъ этихъ отзывовъ. Слѣдовательно, мысль объ упадкѣ пансіона въ 1860-хъ годахъ остается не опровергнутой.

Я приводилъ до сихъ поръ извѣстные мнѣ общіе отзывы о состояніи пансіона въ 1860-хъ годахъ, и они, на мой взглядъ, ясно показываютъ неудовлетворительность общаго хода пансіонской жизни. Но архивъ гимназіи даетъ намъ еще рядъ отдѣльныхъ фактовъ, подтверждающихъ мою мысль.

Въ мартѣ 1863 г. (въ концѣ директорской службы Соханскаго, когда онъ, по болѣзни, уже собирался выходить въ отставку) Владимірскій губернаторъ Самсоновъ, по своимъ соображеніямъ, произвелъ внезапную ревизію гимназіи, открывшую крупныя неправильности въ веденіи пансіонскаго хозяйства инспекторомъ Кудряшовымъ. Послѣдній былъ наказанъ перемѣщеніемъ на должность учителя Тульской гимназіи.

Въ теченіе 1860-хъ годовъ учащаются случаи дерзкихъ выходокъ и другихъ крупныхъ проступковъ со стороны воспитанниковъ пансіона (см. главу о поведеніи учащихся въ 1849—71 г.г.), что указываетъ на распатанность дисциплины въ пансіонѣ. Въ мартѣ 1870 г. произошелъ изъ ряда выходящій, возмутительный случай: нанесеніе директору Эмину двумя пансіонерами побоевъ—передъ лицомъ всего пансіона, послѣ вечерней молитвы.

Наконецъ весьма характерно для состоянія пансіона постепенное убываніе числа его воспитанниковъ въ 1860-хъ годахъ. Въ 1860 году ихъ было 68, въ 1861=62, въ 1862=59, въ 1863=55, въ 1864=56, въ 1865=54, въ 1866=50, въ 1867=50, въ 1870=42, въ 1871=45. Это убываніе зависѣло отъ уменьшенія числа своекоштныхъ пансіонеровъ, которыхъ въ 1861 г. было 16, а въ 1871 г.=1. Уменьшеніе же числа своекоштныхъ пансіонеровъ ясно показываетъ охлажденіе общества къ пансіону, т. е. недовѣріе къ его благоустройству.

Итакъ, къ концу изучаемаго періода пансіонъ былъ наполненъ почти исключительно казенными (въ широкомъ смыслѣ) воспитанниками, а этотъ фактъ, характеризуя отношеніе общества къ пансіону, даетъ сверхъ того основаніе для невыгоднаго сужденія о составѣ воспитанниковъ. Вакансіи стипендіатовъ, особенно дворянскихъ—какъ показываетъ наблюденіе—весьма часто замѣщаются дѣтьми изъ разорившихся дворянскихъ семействъ, сыновьями отцовъ—неудачниковъ, которые не умѣли ни сами сдѣлаться хорошими работниками, ни сообщить дѣтямъ склонности къ порядку и серіозному труду. Очень понятно, что мало подготовленнымъ воспитателямъ было трудно справляться съ воспитанниками такого подбора.

Приведенныхъ указаній, на мой взглядъ, достаточно для общей характеристики неутѣшительнаго состоянія, въ какомъ находился Владимірскій благородный пансіонъ въ 1860-хъ годахъ. Посмотримъ теперь, какія мѣры принимались правительствомъ, дворянствомъ и гимназическимъ начальствомъ для улучшенія или, по крайней мѣрѣ, поддержанія пансіонскаго быта?

Министерство Нар. Просв. уже въ концѣ 1850-хъ годовъ пришло къ заключенію, что, вслѣдствіе вздорожанія жизни, гимназическимъ пансіонамъ трудно обходиться прежними источниками содержанія. Однако оно не имѣло возможности оказывать денежныя субсидіи дворянскимъ пансіонамъ, и потому, какъ выходъ изъ затрудненій, рѣшило допустить повышеніе платы со своекоштныхъ пансіонеровъ (Высочайше утвержденное 15 октября 1857 г. положеніе главнаго правленія училищъ) до 200 рублей. Кромѣ того, вѣроятно, съ одобренія Министерства, нѣкоторые попечители округовъ стали вести переписку съ начальствомъ пансіоновъ и содержащимъ ихъ дворянствомъ о составленіи новыхъ возвышенныхъ штатовъ пансіоновъ, что являлось со стороны Министерства какъ бы косвеннымъ призывомъ дворянству принять на себя новые расходы по содержанію пансіоновъ. Такой выводъ можно сдѣлать изъ переписки попечителя Московскаго округа съ директоромъ Владимірской гимназіи въ 1858—1860 г.г. о выработкѣ новаго штата пансіона. Какъ сказано было выше, эта переписка не дала реальныхъ результатовъ.

Что касается мѣръ, принятыхъ высшимъ учебнымъ начальствомъ въ описываемое время для оказанія поддержки пансіону Владимірской гимназіи, то онѣ свелись только къ повышенію платы со своекоштныхъ пансіонеровъ. Попечитель Московскаго округа (Исаковъ) предложеніемъ отъ 13 января 1861 г. сообщилъ директору Владимірской гимназіи, что министръ нар. пр. на основаніи вышеуказаннаго положенія глав. правл. училищъ 1857 г., разрѣшилъ во всѣхъ благородныхъ пансіонахъ гимназій губернскихъ городовъ Московскаго округа

повысить съ 1 января 1861 г. плату со своекоштныхъ воспитанниковъ до 200 р.

Другія правительственныя вѣдомства оказывали нашему пансіону поддержку, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ, несмотря на пониженіе процентовъ съ цѣнныхъ бумагъ, въ которыхъ былъ помѣщенъ пожертвованный дворянствомъ на содержаніе Владимірскаго пансіона капиталъ, Владимірскій приказъ общественнаго призрѣнія въ 1857 г. нашелъ возможнымъ выдавать пансіону прежнюю сумму процентовъ и, получивъ на это согласіе министра внутр. дѣлъ, извѣстилъ объ этомъ директора Владимірской гимназіи (22 сентября 1858 г.). Тотъ же приказъ общ. призр. въ 1858 г. выдавалъ 150 р. на содержаніе одного воспитанника въ пансіонѣ. Съ 1861 г. въ пансіонѣ появляются два пансіонера Кабинета Его Величества, за которыхъ платилось по 150 р.; съ 1862 по 1865 г. мы находимъ въ смѣтахъ содержанія пансіона 1 пансіонера Министерства финансовъ; съ 1864 г. въ этихъ смѣтахъ появляется 1 пансіонеръ на стипендіи Митькова (100 р. 60 к.), выдаваемой съ капитала 2515 р., который хранился въ приказѣ общ. призр. *), при чемъ приказъ дѣлалъ доплату къ процентамъ, повышая ихъ до 4 въ годъ. Стипендія мин-ва финансовъ вскорѣ прекратилась, прочія существуютъ до сихъ поръ.

Такова была помощь пансіону со стороны казенныхъ учрежденій; что же сдѣлало для поддержки его владимірское дворянство?

Съ начала 1862 года дворянство, въ виду вздорожанія жизни, увеличило сумму, ежегодно отпу-

*) Капиталъ составился изъ пожертвованій, сдѣланныхъ Ѳ. Митьковымъ и сыномъ его въ 1818, 1817 и 1823 г.г.

скаемую, въ качествѣ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, на содержаніе 34 воспитанниковъ, съ 7867 р. до 9000 р. Это увеличеніе дало возможность начальству пансіона удовлетворительно кормить и одѣвать пансіонеровъ, но было недостаточно для улучшенія пансіонской жизни въ другихъ существенныхъ сторонахъ, на недочеты въ которыхъ указывали отзывы директоровъ и отдѣльные характерные случаи. Въ виду этого директоръ Эминъ въ 1866 году, чрезъ посредство дворянской редакціонной коммиссіи, довелъ до свѣдѣнія дворянства (какъ мы видѣли выше, стр. 181—182), что зданіе и мебель пансіона нуждаются въ немедленномъ и серіозномъ ремонтѣ. Дворянское собраніе въ засѣданіи 28 ноября 1866 г. постановило отпустить единовременно на ремонтъ зданія пансіона сумму, какая окажется нужной по смѣтѣ. изъ принадлежащаго дворянству институтскаго капитала, а затѣмъ ежегодно отпускать на ремонтъ зданія 600 р., которые платились за отмѣняемые теперь уроки музыки для пансіонеровъ. Въ послѣдующіе два года капитальный ремонтъ зданія былъ, дѣйствительно, произведенъ и, кромѣ того, въ 1868 г. были устроены въ надворныхъ строеніяхъ пансіона двѣ квартиры для комнатныхъ надзирателей.

Такова была помощь пансіону отъ владимірскаго дворянства. Благодаря ей, матеріальная обстановка пансіона къ концу 1860-хъ годовъ пришла въ нормальное состояніе, и директоръ Эминъ, какъ мы видѣли, въ письмѣ къ губ. предводителю гр. Апраксину отъ 24 октября 1868 г. даже хвалился, что «ему удалось привести хозяйственную часть пансіона въ надлежащій порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ». Но для улучшенія самой важной стороны пансіон-

ской жизни—постановки воспитанія—дворянство не сдѣлало ни одного замѣтнаго шага, ни одного значительнаго пожертвованія. Жалованье комнатныхъ надзирателей осталось прежнее (285 р.) до конца періода, улучшилось только положеніе двухъ изъ нихъ назначеніемъ имъ квартиры натурой вмѣсто 80 р. квартирныхъ денегъ, за которые нельзя было нанять сносной квартиры; содержаніе въ общемъ было такъ ничтожно, что на должность комнатныхъ надзирателей нельзя было пріискать образованныхъ и вполнѣ надежныхъ людей, а потому и воспитаніе въ пансіонѣ не могло итти на уровнѣ требованій времени. Не принято было также мѣръ для улучшенія состоянія пансіонской больницы и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе важныхъ сторонъ пансіонскаго быта.

Несомнѣнно, что въ этихъ недочетахъ пансіонской жизни было значительно виновато пансіонское начальство, не дѣлавшее серіозныхъ попытокъ добиться отъ дворянства отпуска суммъ на улучшеніе указанныхъ сторонъ жизни пансіона; однако ясно и то, что дворянство не заботилось о процвѣтаніи пансіона такъ, какъ прежде, и не хотѣло дѣлать новыхъ значительныхъ жертвъ для улучшенія его состоянія. Можно сказать, что оно только терпѣло его существованіе, будучи связано прежними обязательствами.—Такъ сказывался духъ времени въ отношеніи дворянства къ пансіону.

Пансіонское начальство, т. е. директоръ, инспекторъ и совѣтъ гимназіи, прилагали много усилій для поднятія пансіона изъ упадка и приведенія его на уровень требованій времени. Но ихъ дѣятельность, съ одной стороны, встрѣчала препятствіе

въ постоянномъ недостаткѣ средствъ, а съ другой—ослаблялась вліяніемъ духа времени и не была особенно энергичной. По донесеніямъ и письмамъ директоровъ можно замѣтить, что они и ихъ помощники смотрѣли на пансіонъ, какъ на тяжелую обузу для себя и для гимназіи, но должны были заботиться о немъ по обязанностямъ службы. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что всѣ директоры 1860-хъ годовъ, часто заявляя и начальству округа и дворянству о неудовлетворительной постановкѣ воспитанія въ пансіонѣ, не дѣлали энергическихъ попытокъ улучшить содержаніе пансіонскихъ надзирателей и, слѣдовательно, подборъ ихъ, а добивались главнымъ образомъ улучшеній въ матеріальной обстановкѣ пансіона, т. е. во внѣшней, показной сторонѣ его жизни; о внутренней же сторонѣ этой жизни они, очевидно, считали достаточнымъ проявлять заботу заявленіями въ годичныхъ отчетахъ окружному начальству и иногда въ докладахъ дворянству—о томъ, что сія часть по скудости средствъ не вполнѣ благоустроена. Характернымъ примѣромъ такой политики директоровъ является дѣятельность Эмина, который привелъ въ порядокъ «хозяйственную часть» пансіона и просмотрѣлъ полный упадокъ въ немъ дисциплины.

Итакъ, и правительство, и дворянство, и непосредственное начальство въ 1860-хъ годахъ оказывали помощь Владимірскому благородному пансіону, но только въ такой мѣрѣ, что дали ему возможность пережить самый опасный періодъ безъ особыхъ потрясеній, далеко не обезпечивъ ему благополучное состояніе въ будущемъ.

Очень понятно, что при описанныхъ условіяхъ жизни пансіона, а въ особенности—при указанномъ

отношенiи къ нему общества —дѣятельность почетныхъ попечителей гимназiи въ отношенiи пансiона не могла быть широкой и энергичной. Они, повидимому, ограничивались общимъ наблюденiемъ за его жизнью, не выказывая интереса къ частностямъ. Зато они какъ будто больше, чѣмъ прежде, интересуются жизнью гимназiи вообще, особенно экзаменами, такъ что можно думать, что духъ времени заставилъ ихъ видѣть въ себѣ прежде всего попечителей гимназiи, а потомъ уже пансiона при ней.

11. Собранiе книгъ и учебныхъ пособiй въ 1849—71 г.г.

Въ описываемый перiодъ библiотека благороднаго пансiона сливается въ одно цѣлое съ фундаментальной библiотекой гимназiи, которая продолжаетъ пополняться. Въ началѣ 1856 года въ ней числилось 904 назв. въ 2453 томахъ, въ сентябрѣ 1863 г.—1286 назв. въ 3034 томахъ, къ началу 1867 г.—1487 назв. въ 4541 т. Наиболѣе богатымъ отдѣломъ ея былъ историческiй. Въ 1866 г. былъ впервые составленъ для нея правильный систематическiй каталогъ (библiотекаремъ Шемякинымъ).

Въ августѣ 1863 г. была учреждена въ гимназiи библiотека для учениковъ, или ученическая. Вначалѣ она состояла изъ 102 назв. въ 177 т. и помѣщалась вмѣстѣ съ фундаментальной библiотекой, находясь въ завѣдыванiи библiотекаря послѣдней (до 1868 г.).

До учрежденiя ученической библiотеки правильной выдачи ученикамъ книгъ для чтенiя не было, но совѣтъ гимназiи, сознавъ необходимость домаш-

няго чтенія для учениковъ, въ засѣданіи 2 октября 1861 г. сдѣлалъ постановленіе о томъ, чтобы желающимъ ученикамъ выдавать книги изъ фундаментальной библіотеки. Но подобная выдача книгъ не могла, конечно, замѣнить спеціально-ученическую библіотеку.

Во вновь учрежденную библіотеку стали притекать пожертвованія, хотя и не обильныя; въ 1866 г., напримѣръ, въ нее пожертвовали: учитель Герингъ—11 названій, учитель Шемякинъ—1, ученики старшихъ классовъ—27 назв., большею частью изъ области беллетристики.

Въ 1868 г. дѣятельность педаг. совѣта гимназіи по завѣдыванію библіотеками замѣтно оживилась. Толчокъ къ такому оживленію дали циркуляры г. попечителя Москов. учебн. округа за ноябрь 1867 г. подъ №№ 21 и 22, которые требовали пересмотра библіотекъ и перечисленія изъ одной въ другую нѣкоторыхъ рязрядовъ книгъ. Подъ вліяніемъ этихъ циркуляровъ, совѣтъ гимназіи въ засѣданіи 20 декабря 1867 г. избралъ для пересмотра библіотекъ коммиссію изъ трехъ учителей: Тюлеліева, Кочубинскаго и Лебедева. Пересмотрѣвъ библіотеки, коммиссія пришла къ заключенію о желательности слѣдующихъ мѣропріятій: 1) перевести изъ ученической библіотеки въ фундаментальную 15 названій книгъ, какъ не подходящихъ по содержанію для чтенія учениковъ; 2) перевести изъ фундаментальной библіотеки въ ученическую 31 названіе книгъ, полезныхъ для учениковъ; 3) исключить изъ фундаментальной библіотеки 43 названія книгъ—какъ неполныхъ изданій или вторыхъ экземпляровъ одного сочиненія. Всѣ постановленія коммиссіи были

приведены въ исполненіе. Въ октябрѣ 1868 г. указанныя комиссіей книги были перечислены изъ одной библіотеки въ другую, а затѣмъ совѣтъ, въ засѣданіи 18 октября 1868 г., постановилъ ходатайствовать передъ попечителемъ округа о разрѣшеніи продать книги, назначенныя комиссіей къ исключенію изъ фундаментальной библіотеки. Попечитель округа предложеніемъ отъ 20 ноября 1868 г. далъ согласіе на таковую продажу.

Одновременно съ этими мѣропріятіями директоръ Эминъ испросилъ (въ октябрѣ 1868 г.) разрѣшенія попечителя округа употребить 300 руб. изъ сбора денегъ за ученіе на пополненіе ученической библіотеки. Списокъ нужныхъ для этого книгъ былъ составленъ комиссіей изъ четырехъ учителей (Лебедевъ, Заксъ, Тюлеліевъ, Никифоровъ), избранной совѣтомъ въ засѣданіи 15 октября 1868 г.

Въ томъ же 1868 г., по распоряженію учебнаго начальства, при Владимірской гимназіи была учреждена „библіотека о мѣстномъ краѣ“, входящая, какъ особый отдѣлъ, въ составъ фундаментальной библіотеки. Для составленія вышеназванной библіотеки директоръ училищъ въ апрѣлѣ 1868 г. разослалъ предписанія штатнымъ смотрителямъ училищъ въ уѣздахъ съ требованіемъ доставить свѣдѣнія о сочиненіяхъ, изданныхъ въ мѣстныхъ типографіяхъ и знакомящихъ съ жизнью Владимірской губерніи, а затѣмъ—отношенія къ городскимъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ и другимъ общественнымъ учрежденіямъ, съ просьбой о присылкѣ протоколовъ ихъ засѣданій и другихъ ихъ печатныхъ изданій, касающихся мѣстной жизни. Въ томъ же или слѣдующемъ мѣсяцѣ на эти предписанія и отношенія ди-

ректора училищъ послѣдовали отвѣты—частью отрицательные, частью положительные. Къ первымъ относятся: рапорты суздальскаго и юрьевскаго смотрителя училищъ (первый—по отсутствію типографіи въ г. Суздалѣ, второй—просто—не могли собрать требуемыхъ свѣдѣній) и отношенія нѣкоторыхъ городскихъ управъ, ко вторымъ—большинство рапортовъ и отношеній, доставлявшихъ списки сочиненій и даже препровождавшихъ извѣстное количество печатныхъ изданій. При этомъ секретарь Владим. губерн. статистическаго комитета над. сов. Константинъ Тихонравовъ пожертвовалъ 15 брошюръ, нѣкоторыя своего сочиненія. Въ общемъ къ ноябрю 1868 г. количество пожертвованныхъ сочиненій достигло 46.

Къ концу изучаемаго періода фундаментальная и ученическая библіотеки достигли слѣдующихъ размѣровъ: къ 1 января 1872 г. числилось книгъ: въ фундаментальной—1987 назв., 5272 тома, въ ученической—334 назв., 587 томовъ. Въ самомъ концѣ періода были выработаны педагогическимъ совѣтомъ правила о выдачѣ и храненіи книгъ ученической библіотеки (9 марта 1871 г.) и фундаментальной (20 марта 1871 г.).

Завѣдываніе фундаментальной библіотекой въ изучаемомъ періодѣ поручалось учителямъ, сначала—по назначенію отъ директора (Лыткинъ—1842-1857, Чижовъ—1857-1858, Шемякинъ—1858-1868 гг.), потомъ—по избранію въ библіотекари педагогическимъ совѣтомъ (Розовъ—съ 1868 г.). Ученической библіотекой сначала завѣдывалъ учитель Шемякинъ (до 1868 г.), а потомъ инспекторы (Пермяковъ—до 1870 г., Заксъ—до января 1872 г.).

Въ изучаемую эпоху временно (отъ сентября 1855 г. до августа 1859 г.) была передана на храненіе въ гимназію Владимірская публичная библіотека, пришедшая въ указанное время въ упадокъ и возстановленная позднѣе. Въ ней числилось 189 названій.

Для фундаментальной библіотеки гимназіи выписывались «*повременныя*» изданія; напр. въ 1866 году: Журналъ Министерства Нар. Пр. (2 экз.), Русскій Вѣстникъ, Отечественныя Записки, Московскія Вѣдомости, Сѣверная Почта.

Физическій кабинетъ въ изучаемый періодъ пополнялся сравнительно медленно: къ концу періода (въ 1871 г.) въ немъ числилось 212 приборовъ.

Собраніе картъ, атласовъ и глобусовъ въ изучаемомъ періодѣ значительно увеличилось: къ концу 1871 г. числилось такого рода пособій 88. Значительное пріобрѣтеніе представляли собою историческія карты (Зуева и Киперта), которыхъ раньше не было. Географическія карты были, почти всѣ, работы Сидова.

Въ изучаемый періодъ возникъ при нашей гимназіи *кабинетъ естественныхъ наукъ*.

Въ началѣ 1858 г. директоръ училищъ (Сохансkій), съ разрѣшенія попечителя округа, устроилъ при физическомъ кабинетѣ шкафъ «для храненія минераловъ и сухихъ растеній».

Въ 1860 г., при предложеніи отъ 13 мая, и. д. попечителя Московскаго У. округа генер.-майоръ Исаковъ препроводилъ директору училищъ Владимірской губерніи (Соханскому) собраніе минераловъ (30 родовъ, 228 штуфовъ=экземпляровъ), пожертво-

ванныхъ почет. гражд. Молошниковымъ, при чемъ предписывалъ вмѣнить въ обязанность учителю естественной исторіи составить ихъ систематическій каталогъ. По полученіи означеннаго предложенія и посылки, директоръ предписалъ учителю естественныхъ наукъ Солярскому принять минералы, привести ихъ въ порядокъ и составить имъ систематическій каталогъ.

Коллекція минераловъ составила основу естественно-историческаго кабинета; но, благодаря колебаніямъ въ учебномъ уставѣ гимназіи, онъ въ данный періодъ не упрочилъ за собой самостоятельнаго положенія и къ концу періода перешелъ въ завѣдываніе учителя математики и физики, являясь какъ бы отдѣломъ физическаго кабинета. Тѣмъ не менѣе за время съ 1860 по 1871 годъ естественно-историческій кабинетъ значительно пополнился. Къ концу 1871 г. (по рапорту завѣдующаго имъ учителя математики и физики Свиридова) въ немъ числилось: 1) скелетъ человѣка, 2) 10 чучелъ животныхъ, 3) коллекція насѣкомыхъ изъ 34 экземпл., 4) гербарій изъ 136 экз., 5) минералогическая и геологическая коллекціи изъ 429 экз., 6) модели кристалловъ изъ 107 экз. и 7) картонныя геометрическія модели Ожеровскаго.

12. Служебный персоналъ гимназіи 1849—71 г.г.

Составъ служебнаго персонала Владимірской гимназіи въ изучаемый періодъ подвергался частымъ перемѣнамъ, между прочимъ, по причинѣ измѣненій въ уставѣ, но общій характеръ его все время оставался одинаковымъ. Уже въ срединѣ предъидущаго періода стало общимъ правиломъ, что начальство

гимназіи и всѣ старшіе учителя должны быть высшаго образованія; но тогда бывали исключенія изъ этого правила; теперь такихъ не видно, и даже младшіе учителя русскаго языка и географіи оказываются съ высшимъ дипломомъ. Безъ высшаго образованія были только учителя новыхъ языковъ и чистописанія, надзиратели пансіона и гимназіи и служащіе не по учебной части: отъ нихъ требовалось только среднее образованіе, а отъ послѣдней категоріи довольствовались и меньшимъ образовательнымъ цензомъ. Большая часть педагоговъ съ высшимъ дипломомъ выходила, естественно, изъ Московскаго университета, но бывали и окончившіе курсъ въ другихъ заведеніяхъ, напр. въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ (Лыткинъ), въ Демидовскомъ лицеѣ (Шемякинъ). Сказанное не относится къ почетнымъ попечителямъ гимназіи: назначаемые по выбору дворянства, они могли быть самаго различнаго образованія, всего чаще, конечно, военнаго. Въ общемъ можно сказать, что за рѣдкими исключеніями, образовательный цензъ служащихъ въ гимназіи лицъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ устава, т. е., иными словами, служебному положенію каждаго. Въ этомъ отношеніи прочно установилась извѣстная норма. Менѣе прочно установился составъ служащихъ въ отношеніи національности: должности учителей всѣхъ предметовъ, кромѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, занимаются вообще русскими, но въ составѣ надзирателей пансіона въ 1850-хъ годахъ преобладаютъ иностранцы. Позднѣе и они вытѣсняются русскими.

Въ должности директора училищъ въ изучаемый періодъ смѣнились слѣдующія лица: Н. И. Сохансеій (августъ 1844 г.—сентябрь 1863 г.), А. Е.

Львовъ (сентябрь 1863 г.—мартъ 1866 г.), Н. О. Эминъ (мартъ 1866 г.—іюль 1870 г.), А. А. Кривоносовъ (іюль 1870 г.—августъ 1871 г.).

Въ теченіе большей части періода, какъ видимъ, должность директора занималъ Соханскій, старый дѣятель Владимірской гимназіи и одинъ изъ самыхъ выдающихся ея представителей за весь столѣтній періодъ. Соханскій управлялъ гимназіей 19 лѣтъ въ эпоху частой смѣны учебныхъ уставовъ и крупныхъ перемѣнъ въ общественной жизни—въ эпоху тревожную, и управлялъ съ честью. Въ дѣлахъ гимназическаго архива сохранилось много слѣдовъ его дѣятельности, особенно въ видѣ писанныхъ имъ начерно донесеній начальству округа, отношеній къ представителямъ дворянства и предписаній къ подчиненнымъ. Пріятно читать строки, вышедшія изъ-подъ его пера: написанныя свободно-спокойнымъ, размашистымъ стариннымъ почеркомъ, онѣ въ каждой фразѣ отражаютъ дѣятельность серіознаго и даровитаго ума. Рѣчь его проста и немногословна, но всегда дѣловита, а въ нѣкоторыхъ предписаніяхъ подчиненнымъ, напр. учителямъ, проникнута деликатностью и благожелательностью, несмотря на оффиціальную форму. Черновыя бумаги Соханскаго рисуютъ намъ общій характеръ его отношеній къ представителямъ дворянства и къ подчиненнымъ сослуживцамъ—отношеній, исполненныхъ достоинства и доброжелательности, и даютъ понятіе о его административной дѣятельности, хотя и неполное, но онѣ содержатъ въ себѣ очень мало данныхъ для характеристики ихъ автора, какъ педагога. Изъ административныхъ дѣйствій Соханскаго въ его бумагахъ запечатлѣлись главнымъ образомъ мало интересныя сношенія по денежнымъ дѣламъ и по на-

значенію должностныхъ лицъ, изъ дѣйствій, имѣющихъ педагогическій характеръ—предписанія учителямъ касательно перемѣнъ въ учебныхъ планахъ или таблицѣ уроковъ, какія бывали въ 1845, 1849, 1851 и 1852 годахъ; но въ такихъ предписаніяхъ директору приходится говорить не отъ себя, а отъ лица новыхъ статей устава. Гораздо болѣе интересныя свѣдѣнія объ административно—педагогической дѣятельности Соханскаго мы могли бы получить изъ журналовъ совѣта гимназіи; но они за его время отличаются поразительной краткостью, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ годовъ (1861—63), такъ что въ нихъ не указаны ни инициаторы педагогическихъ мѣръ, ни ходъ обсужденія послѣднихъ. Только гадательно мы можемъ предположить, что большинство принимаемыхъ совѣтомъ мѣръ исходили отъ директора; впрочемъ, и мѣръ такихъ въ 1850-хъ годахъ было сравнительно очень немного. По всему видно, что Соханскій былъ простой и скромный труженикъ, не любившій мудрить и выставлять себя на показъ хитрыми изобрѣтеніями, а еще менѣе—увѣковѣчивать свои дѣйствія въ протоколахъ совѣта,—о чемъ вправѣ пожалѣть историкъ гимназіи. Но, хотя подробности его дѣятельности отъ насъ сокрыты временемъ, результаты ея достаточно извѣстны. Гимназія и пансіонъ при немъ почти всегда оказывались въ образцовомъ порядкѣ. Ревизоры и почетныя лица, посѣщавшія гимназію за время его управленія, всегда оставались довольны постановкой въ ней учебнаго дѣла, а особенно хвалили замѣченный во всемъ порядокъ. Еще въ 1849 г. Соханскій былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія за усердную службу. Послѣ капитальной перестройки въ помѣщеніи пансіона въ 1849—1850 г.г.,

гимназію посѣтилъ въ 1851 г. министръ нар. просв. князь Ширинскій-Шихматовъ; онъ очень хвалилъ опрятность и чистоту въ пансіонѣ и остался доволенъ успѣхами учениковъ. Въ 1852 г. попечитель округа Назимовъ нашелъ гимназію «въ блистательномъ состояніи». Охотно вѣришь искренности такихъ отзывовъ, когда видишь, что даже канцелярскія дѣла и приходо-расходныя книги времени Соханскаго блестятъ чистотой и порядливостью. Одинъ только разъ при Соханскомъ гимназія нѣсколько сконфузилась при высокомъ посѣтителѣ: 24 августа 1858 года Государь Императоръ, осматривая гимназію, замѣтилъ тяжелый запахъ въ одной комнатѣ, происшедшій отъ порчи клозетныхъ трубъ. Но этотъ недостатокъ былъ скоро исправленъ.

Поддерживая на должной высотѣ состояніе гимназіи и пансіона, Соханскій умѣлъ внушать окружающимъ искреннее къ себѣ расположеніе: «отецъ былъ»—такъ характеризовалъ его отношеніе къ подчиненнымъ одинъ изъ его бывшихъ сослуживцевъ.

Преемникъ Соханскаго А. Е. Львовъ, бывшій профессоръ Демидовскаго лицея, управлялъ гимназіей 2½ года (1863—1866) въ переходное время, когда уставъ 1828 г. смѣнялся уставомъ 1864 года. Судя по черновымъ бумагамъ и протоколамъ совѣта, онъ усердно работалъ надъ устроеніемъ гимназіи, но многаго сдѣлать не успѣлъ, какъ по причинѣ недолгаго пребыванія въ должности директора, такъ и вслѣдствіе разнообразія дѣлъ, выпавшихъ на его долю. Самыми сложными изъ нихъ были: примѣненіе новаго устава въ гимназіи и исправленіе обветшавшаго хозяйства въ пансіонѣ. Въ первомъ дѣлѣ Львовъ положилъ начало; второе по внѣшнимъ обстоятельствамъ, а отчасти, можетъ быть, и по лич-

нымъ качествамъ директора, оказалось ему не подъ силу. Въ общемъ Львовъ оставилъ по себѣ хорошую память—какъ скромный и добродушный человѣкъ.

Смѣнившій Львова Н. О. Эминъ (1866—1870 г.) былъ хорошо образованный, дѣятельный и энергичный человѣкъ, но нѣсколько самонадѣянный, благодаря чему иной разъ односторонне и невѣрно оцѣнивалъ окружающія явленія. Онъ ревностно принялся за выполненіе тѣхъ задачъ, которыя достались ему отъ предшественниковъ. Во первыхъ, онъ энергично проводилъ въ жизнь гимназіи требованія новаго устава (1864 г.) относительно учебнаго дѣла: рекомендовалъ новые способы преподаванія, особенно въ смыслѣ усиленія письменныхъ упражненій по русскому языку и математикѣ, мужественно (и, можетъ быть, нѣсколько жестко) настаивалъ на примѣненіи грознаго § 63 устава о недопущеніи засиживанья учениковъ въ одномъ классѣ, слѣдствіемъ чего было изгнаніе изъ гимназіи нѣсколькихъ десятковъ слабыхъ учениковъ. Благодаря энергіи Эмина постановка учебнаго дѣла въ нашей гимназіи въ короткій срокъ поднялась высоко, но въ то же время гимназія пріобрѣла репутацію крайне строгой въ отношеніи оцѣнки познаній учениковъ, и число послѣднихъ значительно уменьшилось (въ іюнѣ 1865 г.=244, въ іюнѣ 1870 г.=194). Столь же энергично занимался Эминъ другимъ, болѣе безобиднымъ дѣломъ—улучшеніемъ матеріальной обстановки пансіона. При помощи разумной экономіи онъ сначала улучшилъ столъ и одежду пансіонеровъ, а затѣмъ добился отъ дворянства (что было не легко при тогдашнемъ разочарованіи общества въ пансіонахъ) отпуска 12000 р. на ремонтъ всего зданія гимназіи

и пансіона и старательно произвелъ исправленія. Онъ же устроилъ двѣ квартиры для воспитателей. Свои заслуги въ этомъ отношеніи Эминъ любилъ указывать дворянству, равно какъ о своихъ предложеніяхъ совѣту гимназіи по учебному дѣлу не забывалъ упоминать въ протоколахъ. Эминъ, видимо, думалъ, что привелъ гимназію въ образцовый порядокъ, но оказалось, что внутренняя жизнь пансіона была далека отъ нормальной. Воспитатели были не всѣ на высотѣ призванія, пансіонеры—распущены и сверхъ того озлоблены на директора за увольненіе многихъ товарищей по § 63. И вотъ разразилась катастрофа: 5 апрѣля 1869 года Эминъ былъ избитъ пансіонерами во время вечерней молитвы. Однако онъ пробылъ во Владимірской гимназіи еще болѣе года—до іюля 1870 г., когда былъ переведенъ въ директоры 5-ой московской гимназіи.

Преемникъ Эмина А. А Кривоносовъ управлялъ гимназіей только годъ (1870—1871) и не оставилъ по себѣ сколько-нибудь яркихъ слѣдовъ и воспоминаній. Повидимому, онъ былъ человѣкъ заурядный.

Въ должности инспектора въ изучаемый періодъ смѣнились: Г. И. Забѣлинъ (1849—50 г.г.), И. А. Коссовичъ (1850—61 г.г.), П. Н. Кудряшовъ (1861—62 г.г.), П. И. Пермяковъ (1863—70 г.г.) и Н. А. Заксъ (1870—72 г.г.) Кромѣ Закса и отчасти Кудряшова, они не оставили яркихъ слѣдовъ въ документахъ архива. О Заксѣ будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ. О Кудряшовѣ извѣстно, что для него оказалась неблагопріятной внезапная ревизія пансіона губернаторомъ Самсоновымъ въ мартѣ 1863 г., въ то же время онъ поссорился съ совѣтомъ гимназіи и тотчасъ же былъ переведенъ учителемъ въ Тульскую гимназію.

Въ должностяхъ учителей за время 1849—1871 г. смѣнилось очень много лицъ. Этому способствовали частыя измѣненія въ уставѣ: однѣ должности закрывались, другія учреждались вновь. На новыя должности являлись обыкновенно новые учителя—спеціалисты (учитель законовѣдѣнія Латышевъ въ 1849 г., учитель естественныхъ наукъ Макаровъ въ 1852 г.). Учителя же, оставшіеся за штатомъ, обыкновенно пристраивались на другую должность въ нашей же гимназіи. Учитель Лыткинъ, которому грозило оставленіе за штатомъ вслѣдствіе отмѣны одной должности учителя латинскаго языка въ 1849 г., перешелъ на освободившуюся должность учителя греческаго языка, а затѣмъ, въ томъ же учебномъ году (1849—50), на должность учителя законовѣдѣнія, ставшую вакантной за переходомъ въ Пензенскую гимназію Латышева. Оставшійся въ 1852 г. за штатомъ учитель греческаго языка Малиновскій черезъ годъ (въ 1853 г.) поступилъ на должность учителя исторіи. Такимъ образомъ, получалась смѣна не столько лицъ, сколько должностей между ними. Подобной смѣнѣ должностей содѣйствовали, кромѣ перемѣнъ въ уставахъ, и другія причины. Благодаря дѣленію учителей на старшихъ и младшихъ, случалось нерѣдко, что кандидатъ университета или вообще человѣкъ съ высшимъ образованіемъ поступалъ на должность младшаго учителя русскаго яз. и географіи, надѣясь вскорѣ перейти на должность старшаго учителя, и, при первой вакансіи въ той же или другой гимназіи, опредѣлялся въ старшіе учителя. Въ изучаемый періодъ въ нашей гимназіи должность учителя русскаго языка и географіи постоянно занимали такіе временные преподаватели (Бодровъ, Шемякинъ, Го-

лицынскій, Малининъ), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были спеціалистами совсѣмъ другой области наукъ (Бодровъ—кандидатъ математическаго факультета, Шемякинъ, Голицынскій—юристы). Наконецъ надо замѣтить, что въ 1850—1860-хъ годахъ переходъ съ одной учительской должности на другую, особенно, родственную по спеціальности, совершался значительно легче, чѣмъ въ настоящее время, потому что не такъ строго и дробно разграничивались тогда и спеціальности высшаго образованія. Поэтому и безъ особо-уважительныхъ причинъ не трудно было перемѣнить учительскую спеціальность: такъ дѣлали въ нашей гимназіи Лыткинъ, переходившій отъ древнихъ языковъ на законовѣдѣніе и потомъ обратно на латинскій языкъ, и Розовъ, перемѣнившій русскій языкъ на древніе.

При частой смѣнѣ учителей были однако лица, прошедшія всю служебную карьеру въ нашей гимназіи: таковы только что упомянутые Лыткинъ (1842—1865?) и Розовъ (1845—1872).

До введенія въ нашей гимназіи устава 1864 г. (съ начала 1865—6 уч. года), хотя учителя нерѣдко мѣняли должности, но зато соединенные съ извѣстной должностью уроки представляли нѣкоторое неприкосновенное цѣлое и не подвергались дѣленію между нѣсколькими преподавателями, даже ради временнаго замѣщенія вакантной должности. Если случалась долговременная вакансія учительской должности (что въ нашей гимназіи въ изучаемый періодъ было рѣдкостью), то для нея назначали одного временнаго замѣстителя. Исключеніе допускалось только для двойственной должности мл. учителя русскаго яз. и географіи: въ 1848 г. замѣщеніе ея было раздѣлено между учителями Розовымъ (рус-

скій языкъ) и Цвѣтковымъ, учителемъ математики (географія).

Основаніемъ для такого порядка замѣщенія было существованіе опредѣленныхъ окладовъ по должностямъ и отсутствіе поурочной платы. Замѣщеніе должности оплачивалось половиннымъ ея окладомъ. Послѣ введенія устава 1864 г. граница между должностями въ отношеніи уроковъ стала довольно подвижной, и съ этого времени мы видимъ дѣленіе уроковъ одного предмета между нѣсколькими учителями и обратно—соединеніе въ однихъ рукахъ уроковъ по разнымъ предметамъ (у Лебедева—исторія и русскій яз., у Закса—латинскій и русскій языки). Причиной перемѣны было введеніе поурочной платы.

Для характеристики качествъ преподавателей изучаемаго періода мы почти не имѣемъ документальныхъ данныхъ. Мы знаемъ, что многіе учителя получали за усердную службу денежныя награды въ размѣрѣ 150 - 250 р., но такія награжденія имѣли до извѣстной степени характеръ очередныхъ, и потому не представляютъ собой существенныхъ данныхъ по разбираемому вопросу. Большее значеніе имѣетъ «признательность высшаго начальства», полученная за усердную службу учителемъ Розовымъ въ 1852 г., но изъ этого факта нельзя сдѣлать значительныхъ выводовъ. Въ протоколахъ совѣта за 1860-е годы есть существенныя указанія на общій ходъ преподаванія (который и былъ разсмотрѣнъ въ особой главѣ), но на индивидуальныя свойства преподавателей тамъ указываютъ развѣ только предложенныя для русскихъ сочиненій темы и сопровождающія ихъ разсужденія преподавателей. Послѣдній источникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что

учителя Лебедевъ и Заксъ разумно понимали задачи преподаванія русскаго языка. Такихъ отрывочныхъ свѣдѣній, конечно, мало для характеристики преподавателей. Изъ нихъ, какъ и вообще изъ хода учебнаго дѣла въ нашей гимназіи можно сдѣлать только нѣкоторые общіе выводы относительно преподавателей, а именно, что они въ общемъ усердно занимались своимъ дѣломъ, что между ними было немало способныхъ людей и т. п. Нѣкоторый свѣтъ на отдѣльныя личности могутъ пролить устныя сообщенія людей, помнящихъ гимназію въ описываемый періодъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что выдающимися преподавателями въ 1860-хъ годахъ считались: математики Бодровъ, Бобылевъ, учитель исторіи Шемякинъ и учитель латин. и рус. языковъ Заксъ.

Въ заключеніе нашей краткой характеристики служебнаго персонала гимназіи 1849—1871 г.г. отмѣтимъ черты, отличающія его отъ персонала предшествующаго и послѣдующаго періодовъ. Отъ персонала 1833—49 г.г. онъ отличался тѣмъ, что среди учителей и начальства гимназіи (не считая учителей новыхъ языковъ и искусствъ) вывелись лица безъ высшаго образованія; отъ персонала 1871—1904 г.г. его отличаетъ чисто русскій составъ педагоговъ на всѣхъ главныхъ должностяхъ, между тѣмъ какъ позднѣе является немало учителей древнихъ языковъ изъ иностранцевъ.

Матерьяльное положеніе служебнаго персонала гимназіи въ началѣ періода было плохо. Штаты 1828 г., хорошо обезпечивавшіе служащихъ въ 1830-хъ годахъ, въ 1850-хъ годахъ, благодаря вздорожанію жизни, оказались совершенно недостаточными. Учителя, а отчасти и начальство гимназіи,

должны были изыскивать сторонніе источники доходовъ—въ родѣ уроковъ, содержанія пансіонеровъ и т. п. Уставъ 1864 г. сразу измѣнилъ это положеніе, увеличивъ содержаніе служащихъ въ гимназіи лицъ въ 2—3 раза, а при случаѣ и болѣе. На нѣкоторое время педагоги оказались хорошо обезпеченными.

Въ частной жизни служебный персоналъ гимназіи въ значительной степени сливался съ городскимъ обществомъ, но въ то же время имѣлъ и свой кружковый бытъ, который, судя по разсказамъ старожиловъ, особенно процвѣталъ въ 1860-хъ годахъ. Тогда гимназическіе служащіе, особенно учителя, по нѣскольку разъ въ недѣлю собирались другъ у друга, развлекаясь бесѣдой и игрой въ карты. На такихъ собраніяхъ употреблялись и подкрѣпительные напитки, но, повидимому, въ скромныхъ размѣрахъ: о пьянствѣ среди педагоговъ воспоминаній и документальныхъ указаній не сохранилось. Жили вообще мирно и по-своему весело, да и дѣла не забывали.

13. Особыя происшествія въ 1849—1871 г.г.

Ревизія Владимірской гимназіи учебнымъ начальствомъ въ описываемый періодъ производилась часто, но не оставляла замѣтныхъ слѣдовъ въ документахъ гимназическаго архива, такъ какъ не имѣла важныхъ послѣдствій для службы чиновниковъ гимназіи и вообще для гимназическаго быта. Изъ такихъ ревизій мнѣ извѣстны слѣдующія.

Въ мартѣ 1850 г. обозрѣвалъ гимназію попечитель Московскаго учебнаго округа, генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ; въ мартѣ и маѣ того

же года—инспекторъ казенныхъ училищъ Московскаго у. округа с. с. С. И. Протопоповъ.

Въ 1851 г., 25 сентября, обозрѣвалъ гимназію министръ нар. просв. князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ: похвалилъ порядокъ и чистоту въ пансіонѣ и остался доволенъ познаніями учениковъ.

Въ 1852 г., 29 мая, ревизовалъ гимназію попечитель округа В. И. Назимовъ въ сопровожденіи инспектора каз. училищъ Похвиснева и чиновника особыхъ порученій князя Ширинскаго-Шихматова.

Въ маѣ 1855 г. ревизовали гимназію попечитель округа В. И. Назимовъ и инспекторъ каз. уч. Похвисневъ. 30 сентября того же года обозрѣвалъ гимназію министръ нар. просв. А. С. Норовъ.

Въ 1858 г. обозрѣвалъ гимназію министръ нар. просв. Е. П. Ковалевскій.

Въ 1860 г. ревизовалъ гимназію попечитель Московскаго у. округа генералъ-майоръ Исаковъ. Въ февралѣ 1862 г. ревизовалъ гимназію окружный инспекторъ с. с. Шестаковъ. Въ мартѣ 1863 г. (15 и 16 числа) обозрѣвалъ гимназію членъ главнаго правленія училищъ д. с. с. А. С. Вороновъ.

Въ 1869 г. 20, 21, 22 сентября обозрѣвалъ гимназію министръ нар. просв. графъ Д. А. Толстой, въ сопровожденіи попечителя Московскаго учеб. округа, кн. Ширинскаго-Шихматова.

Всѣ перечисленныя ревизіи оканчивались, повидимому, для Владимірской гимназіи благополучно. Но, кромѣ ревизій со стороны учебнаго начальства, наша гимназія подверглась однажды (4 марта 1863 года) внезапной ревизіи со стороны Владимірскаго губернатора, генералъ-майора Самсонова. Ревизія

была вызвана неблагопріятными слухами о состояніи пансіона и, дѣйствительно, обнаружила неправильное веденіе пансіонскаго хозяйства инспекторомъ Кудряшовымъ, который былъ наказанъ перемѣщеніемъ на должность учителя Тульской гимназіи.

Въ теченіе описываемаго періода гимназія удостоилась посѣщенія Высочайшими Особами: въ 1850 г. 16 августа—великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, а въ 1858 г. 24 августа—Его Императорскимъ Величествомъ, Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Особыхъ происшествій въ собственномъ смыслѣ въ теченіе изучаемаго періода гимназія не испытывала, за исключеніемъ развѣ неоднократно упомянутаго мною печальнаго случая съ директоромъ Эминымъ, который подвергся оскорбленію дѣйствіемъ со стороны пансіонеровъ 5 апрѣля 1869 года.

Указатель личныхъ именъ *).

*) Указатель составленъ А. В. Смирновымъ.—Имена и отчества учителей и надзирателей см. въ кн. XII, въ приложеніи къ очерку гимназіи.

А. В. Захаровъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О

Владимірской губернской гимназіи

за 1833—1904 года.

2-я половина: 1871—1904 гг.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ:

эпоха новаго классицизма (1871—1904 г.).

1. Характеръ періода и его раздѣленіе.

19 іюня 1871 г. состоялось Высочайшее повелѣніе «объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ гимназій и прогимназій», т. е. въ уставѣ 19 ноября 1864 года, иначе говоря, былъ утвержденъ новый уставъ гимназій, извѣстный въ исторіи русской школы подъ именемъ «Толстовскаго». Такое названіе ему присвоивается потому, что его главнымъ иниціаторомъ былъ графъ Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія съ 1866 г. Новый уставъ, благодаря энергіи его автора, сталъ вводиться во всѣхъ русскихъ гимназіяхъ съ непривычной для нихъ быстротой: министерскія предписанія заставили совѣты гимназій примѣнять главныя положенія новаго устава уже съ начала 1871—1872 учебн. года, т. е. спустя $1^1/_2$ мѣсяца послѣ его утвержденія. Во Владимірской гимназіи начало его введенію было положено распоряженіемъ попечителя Московскаго округа отъ 29 іюня 1871 г.

Уставъ 1871 г. въ главныхъ чертахъ дѣйствуетъ въ русскихъ гимназіяхъ, въ томъ числѣ и во Вла-

димірской, до настоящаго времени; но за 34-лѣтній періодъ существованія онъ успѣлъ претерпѣть не мало измѣненій, значительно вліявшихъ на характеръ школьной жизни: поэтому обозрѣніе жизни Владимірской гимназіи за время отъ 1871 до 1904 г. въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ придется дробить на отдѣлы. Границами для этихъ отдѣловъ послужатъ годы 1890 и 1901, ознаменованные довольно крупными измѣненіями въ составѣ гимназическаго курса, таблицѣ уроковъ и вообще въ постановкѣ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, изучаемый періодъ при обзорѣ нѣкоторыхъ явленій раздѣлится на три отдѣла, которые можно обозначить слѣдующими названіями: 1) эпоха Толстовскаго устава или строгаго классицизма (1871—1890 г.г.), 2) эпоха Толстовскаго—Деляновскаго устава или смягченнаго классицизма (1890—1901 г.г.); 3) эпоха паденія классическаго устава (1901—1904 г.г.).

Несмотря на значительныя перемѣны въ строѣ гимназической жизни, происходившія въ теченіе изучаемаго періода, нѣкоторыя весьма характерныя черты свойственны ему на всемъ его продолженіи и служатъ его отличительными признаками для всѣхъ русскихъ гимназій вообще и для нашей въ частности; таковы: 1) подробная регламентація гимназической жизни распоряженіями министерства и попечителя округа; 2) бо́льшая опредѣленность въ положеніи служащихъ въ гимназіи лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе значенія директора насчетъ коллегіи учителей и вообще совѣта гимназіи; 3) преобладающее значеніе въ гимназическомъ курсѣ древнихъ языковъ и математики и 4)—самая характерная черта: преобладаніе формы надъ содержаніемъ во всемъ строѣ гимназической жизни.

2. Характерныя черты устава 1871 года.

Какъ показываетъ самая форма выраженія Высочайшаго повелѣнія, вводившаго уставъ 1871 г., этотъ послѣдній представляетъ собою не что-либо совершенно новое, а переработку устава 1864 года, но переработку такую, которая, мало измѣняя форму законоположеній, значительно измѣнила общій духъ ихъ. Это измѣненіе духа нагляднѣе скажется при разсмотрѣніи положеній новаго устава въ отношеніи трехъ сторонъ жизни гимназій: a) служебнаго строя, b) учебно-воспитательнаго дѣла и c) хозяйственнаго управленія.

a) *Служебный строй гимназій по уставу 1871 г.* Новый уставъ сохранилъ въ главныхъ чертахъ прежній составъ служебнаго персонала гимназій и прежніе оклады его содержанія, допустивъ только слѣд. измѣненія: учрежденіе, взамѣнъ должностей 2 воспитателей, должностей классныхъ наставниковъ (соотвѣтственно числу классныхъ отдѣленій), исправленіе которыхъ поручалось директору, инспектору и нѣсколькимъ учителямъ; учрежденіе должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ (нормальныхъ двѣ) и—въ случаѣ надобности—должности учителя приготовительнаго класса; раздѣленіе окладовъ жалованья учителямъ за 12 уроковъ на 4 разряда (750 р., 900 р., 1250 р., 1500 р. въ годъ); введеніе платы за исполненіе должности классныхъ наставниковъ*) (учителямъ) и за исправленіе ученическихъ работъ по русскому и древнимъ языкамъ**).

Въ составѣ административныхъ учрежденій гимназіи новый уставъ произвелъ такую перемѣну: для

*) 160 р. въ годъ.
**) 100 р. въ годъ.

руководства хозяйственными дѣлами гимназіи, выдѣленными изъ области вѣдѣнія педагогическаго совѣта, былъ учрежденъ «хозяйственный комитетъ», состоящій изъ директора, инспектора и трехъ выбранныхъ педагогическимъ совѣтомъ членовъ.

Такимъ образомъ, перемѣны *въ составѣ* должностныхъ лицъ и учрежденій гимназіи были невелики, но ихъ взаимныя отношенія и служебная компетенція значительно измѣнились. Сущность этого измѣненія сводится къ ослабленію самостоятельности педагогическаго совѣта въ управленіи гимназіей и къ усиленію власти директора гимназіи насчетъ компетенціи совѣта. Уставъ 1871 г. лишилъ педагогическій совѣтъ слѣдующихъ весьма существенныхъ правъ (предоставленныхъ ему § 72 уст. 1864 г.): 1) права составленія программъ преподаванія предметовъ, 2)—составленія правилъ о взысканіяхъ съ учащихся, 3) права дѣлать постановленія о порядкѣ преподаванія и воспитанія, которыя не могутъ быть опредѣлены въ уставѣ. По новому уставу во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ совѣтъ долженъ руководиться министерскими постановленіями, что и вызвало ослабленіе его самостоятельности. Съ другой стороны, уставъ 1871 г. объявилъ директора «начальникомъ гимназіи, на которомъ лежитъ полная отвѣтственность по всѣмъ частямъ благоустройства заведенія» (§ 41), чего не было въ уставѣ 1864 г., затѣмъ предоставилъ ему право представлять служащихъ въ гимназіи не только къ наградамъ, но и къ денежнымъ пособіямъ изъ спеціальныхъ средствъ (§ 43), тогда какъ по уставу 1864 г. представленіе къ пособіямъ дѣлалось по опредѣленію совѣта: такія положенія устава, наряду съ общимъ пониженіемъ значенія педагогическаго совѣта, явно усилива-

ли власть директора въ ущербъ компетенціи совѣта.

Относительно пансіона при гимназіи уставъ 1871 г. вводитъ только одно существенное измѣненіе, а именно—дозволяетъ пребываніе въ пансіонѣ ученикамъ и старшихъ классовъ, т. е. способствуетъ количественному расширенію пансіоновъ и увеличенію числа воспитателей.

b) *Постановка учебно-воспитательнаго дѣла по уставу 1871 г.* Положеніе учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ не было подробно и точно опредѣлено уставомъ 30 іюня 1871 г.: здѣсь оно было намѣчено въ главныхъ чертахъ, а подробная разработка его совершалась посредствомъ министерскихъ распоряженій послѣдующихъ годовъ. Такъ 31 іюля 1872 г. изданы были учебные планы предметовъ, 8 декабря 1872 г. изданы были правила объ испытаніяхъ, 4 мая 1874 г.—правила о поведеніи учениковъ и правила о взысканіяхъ и т. д. Одновременно съ такими министерскими разъясненіями устава дѣлались, на основаніи Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, поправки въ самомъ уставѣ: напр. учрежденіе VIII кл., взамѣнъ 2-хъ-лѣтняго курса VII кл. (13 мая 1875 г.). Понимая уставъ 1871 г. со всѣми этими дополненіями, вводимую имъ постановку учебно-воспитательнаго дѣла можно охарактеризовать слѣд. чертами.

Продолжительность гимназическаго курса была увеличена до 8 лѣтъ (сначала установленъ 2-хъ-годичный курсъ VII кл., потомъ учрежденъ VIII кл.). Въ составѣ курса сдѣланы обязательными оба древнихъ языка, при огромномъ числѣ уроковъ (при 7 классахъ—72, при 8—85 ур.), но необязательнымъ

одинъ изъ новыхъ (франц. или нѣмецкій яз.), отмѣнено естествовѣдѣніе въ 3-хъ младшихъ классахъ и уменьшено число уроковъ исторіи—какъ по классамъ, такъ и вообще (12 вм. 14)—и русскаго языка—по классамъ.

Предметы курса раздѣлены на главные (древніе языки и математика) и второстепенные, и это раздѣленіе получило важное значеніе въ смыслѣ перевода учениковъ въ высшіе классы и награжденія ихъ. Точно опредѣленъ порядокъ и способъ производства испытаній. Окончательныя испытанія, наименованныя «испытаніями зрѣлости», обставлены особою торжественностью; они производятся не по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, а только по болѣе важнымъ (Законъ Божій, рус. и древніе языки, математика, исторія). Переводныя испытанія для I, II, III, V (позднѣе и VII) классовъ установлены только письменныя (по всѣмъ языкамъ и математикѣ), а для IV и VI классовъ (дающихъ важныя права по образованію) сверхъ того и устныя по всѣмъ предметамъ. Письменнымъ работамъ и на переводныхъ испытаніяхъ и особенно на испытаніяхъ зрѣлости придано преобладающее значеніе для опредѣленія успѣшности учениковъ; это отразилось и на всей системѣ гимназическаго преподаванія, принудивъ учителей языковъ и математики обращать главное вниманіе на выработку въ ученикахъ умѣнья исполнять письменныя работы. Это обстоятельство и было главной причиной утвержденія въ нашихъ гимназіяхъ грамматическаго метода преподаванія языковъ, особенно древнихъ, и «задачнаго» метода преподаванія математики.

Общій выводъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ по уставу 1871 г. съ его дополненіями

можетъ быть таковъ: этотъ уставъ далъ для всѣхъ русскихъ гимназій подробно опредѣленную, законченную систему учебнаго дѣла, сущность которой составляли грамматическій методъ преподаванія языковъ, практическій методъ преподаванія математики, опирающіеся на письменныя работы, и почти полное отсутствіе философскаго элемента въ гимназическомъ курсѣ.

Постановка воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ подробно и точно опредѣлена «Правилами для учениковъ гимназій», «Правилами о взысканіяхъ», «Инструкціей для классныхъ наставниковъ», «Правилами по завѣдыванію пансіонами». Въ общемъ всѣ эти собранія правилъ отличаются слишкомъ большой детальностью, стѣсняющей и учениковъ и педагоговъ и приводящей къ формальному выполненію или даже къ неисполненію многихъ постановленій. Инструкція класснымъ наставникамъ, правда, отличается болѣе широкимъ взглядомъ на дѣло и даетъ главнымъ образомъ только руководящія и большею частью весьма плодотворныя мысли, но, по свойствамъ общей постановки гимназической жизни, и этой инструкціи суждено было оставаться либо не выполняемой, либо примѣняемой формально. Такимъ образомъ, сущность постановки воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ по уставу 1871 г. сводится къ излишней формулировкѣ, не сообразованной съ дѣйствительными условіями школьной жизни.

c) *Хозяйственное управленіе гимназіей по уставу 1871 г.* Въ отношеніи хозяйственнаго управленія гимназіями уставъ 1871 г. ввелъ одно существенное измѣненіе, но имѣвшее важныя послѣдствія: веденіе хозяйства поручено имъ не всему совѣту гимназіи, какъ прежде, а только выдѣленному совѣтомъ ко-

митету—«хозяйственному». Слѣдствіемъ такой перемѣны было то, что хозяйственное управленіе гимназіей фактически переходило въ руки одного директора, предсѣдателя комитета, т. к. остальные 4 члена комитета, представляя собою малолюдную коллегію лицъ, подчиненныхъ директору, не могли въ дѣйствительности существеннымъ образомъ ограничивать распоряженія послѣдняго, особенно въ виду общаго возвышенія власти директора по уставу 1871 г. (§ 41). А преобладающее положеніе директора въ завѣдываніи гимназическимъ хозяйствомъ, особенно же спеціальными средствами гимназіи, изъ которыхъ выдаются награды и пособія служащимъ, должно было въ значительной степени содѣйствовать превращенію управленія гимназіей изъ коллегіальнаго въ единоличное, для котораго почву составляли общія положенія касательно служебнаго строя гимназіи.

3. Введеніе во Владимірской гимназіи устава 1871 года.

Уставъ 1871 г., какъ мы видѣли, съ формальной стороны представлялъ переработку устава 1864 г.; поэтому введеніе его не представляло для совѣта нашей гимназіи особыхъ затрудненій. Нужный контингентъ преподавателей и классныхъ наставниковъ имѣлся налицо; предстояло подумать надъ вопросами объ устроеніи курса VII кл. и объ открытіи приготовительнаго класса, да еще выбрать членовъ хозяйственнаго комитета. Это и было сдѣлано въ засѣданіяхъ совѣта 7 и 9 августа 1871 года. Здѣсь были сначала прочитаны два распоряженія министра нар. просв. отъ 26 іюня 1871 г., касательно введенія новаго устава, затѣмъ относя-

щіяся къ этому вопросу предложенія попечителя Московскаго округа. Послѣ этого совѣтъ занялся вопросомъ объ устроеніи курса VII кл. Такъ какъ перешедшіе въ этотъ классъ ученики не обучались раньше греческому яз., то постановлено было устроить курсъ VII кл. на 1871—72 уч. годъ согласно таблицѣ уроковъ для гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ (латинскимъ), а изученіе греческаго языка довести до VI кл. включительно; на слѣдующій же 1872—73 уч. годъ ввести греческій языкъ и въ VII классѣ, но только для пребывающихъ въ немъ первый годъ. Затѣмъ сдѣлано было распредѣленіе уроковъ и класснаго наставничества между преподавателями, разрѣшенъ вопросъ объ устройствѣ приготовительнаго класса и выбраны члены хозяйственнаго комитета.

Распредѣленіе уроковъ носило черты, характерныя для начала изучаемаго періода, почему позволю себѣ привести его цѣликомъ.

Директоръ Кривоносовъ—1 ур. матем. въ IV кл.

Инспекторъ Заксъ—латин. яз. въ VII кл. . 7 ур.

Свящ. Херасковъ—Законъ Божій въ I—VII кл. . . . . 12 ур.

А. А. Розовъ—рус. и лат. яз. въ I кл. . . 12 ур.

Н. П. Завьяловъ—рус. яз. во II, V, VI, VII кл. и лат. яз. во II кл. . . . . . . 18 ур.

Ф. Ю. Целестинъ—лат. яз. въ IV и VI и греч. яз. въ VI кл. . . . . 17 ур.

К. И. Ширскій—лат. яз. въ V кл., греч. яз. въ IV и V кл. . . . . 18 ур.

М. П. Полянскій—рус. яз. въ III и IV кл., лат. и греч. яз. въ III кл. . . . . 17 ур.

А. В. Свиридовъ - математика въ I, III, V и VII кл. . . . . 15 ур.
А. Н. Никифоровъ — математика во II, IV и VI кл., физика и мат. геогр. въ VI и VII кл. . . . . 15 ур.
П. А. Соколовскій — исторія и географія во всѣхъ классахъ . . . . 19 ур.
А. И. де-Сево—франц. яз. } во всѣхъ . . 19 ур.
Г. Ѳ. Герингъ—нѣм. яз. } классахъ . 19 ур.
Ѳ. Д. Дмитріевъ—чистописаніе (I и II кл). 5 ур.

Въ этой таблицѣ уроковъ характерны: 1) выдѣленіе одного урока математики въ IV кл. для директора; 2) соединеніе большого числа уроковъ въ извѣстномъ классѣ въ рукахъ одного преподавателя (Полянскій въ III кл.—14 ур., Целестинъ въ VI кл.—12 ур.); 3) малое вообще число уроковъ, приходящееся на одного преподавателя. Подобныя явленія замѣчались въ жизни многихъ гимназій и проистекали изъ общихъ причинъ. Малое число уроковъ у отдѣльныхъ преподавателей объяснялось отсутствіемъ параллелей; раздѣленіе уроковъ одного предмета въ извѣстномъ классѣ между разными лицами было слѣдствіемъ частью малаго числа уроковъ вообще, частью свойственнаго тому времени взгляда на составъ предметовъ, въ силу котораго отдѣлы предмета (напр. въ математикѣ—алгебра, геометрія и пр.) считались какъ бы за особые предметы; наконецъ, соединеніе нѣсколькихъ предметовъ въ извѣстномъ классѣ въ рукахъ одного преподавателя объяснялось стремленіемъ создать прочное положеніе для классныхъ наставника. Послѣднее обстоятельство ясно видно изъ распредѣленія класснаго наставничества, сдѣланнаго на разбираемомъ засѣданіи совѣта.

Въ VII кл.	клас.	настав.	инсп. Заксъ	(7 ур. въ кл.)
VI	"	"	Целестинъ	(12 ур. ")
V	"	"	Ширскій	(12 ур. ")
IV	"	"	директоръ	(1 ур. ")
III	"	"	Полянскій	(14 ур. ")
II	"	"	Завьяловъ	(11 ур. ")
I	"	"	Розовъ	(12 ур. ").

Какъ видимъ, кромѣ директора, для котораго не хватало уроковъ, всѣ остальные классные наставники имѣли въ своихъ классахъ большое число уроковъ.

Устроеніе приготовительнаго класса не потребовало большихъ хлопотъ: помѣщеніе имѣлось, средства на содержаніе должны были, согласно уставу, войти въ штатную сумму, отпускаемую изъ казны, оставалось распредѣлить уроки. Это и было сдѣлано совѣтомъ: уроки Закона Божія были поручены свящ. Хераскову, уроки чистописанія—Дмитріеву, а уроки русскаго яз. и ариѳметики—и. д. воспитателя В. И. Кондратову.

Были, наконецъ, произведены выборы въ члены хозяйственнаго комитета; избранными оказались: Херасковъ, Ширскій и Герингъ.

4. Учебное дѣло во Владимірской гимназіи въ эпоху 1871—1904 гг.

По отношенію къ ходу учебнаго дѣла разбираемый періодъ жизни гимназіи долженъ быть раздѣленъ на три отдѣла—согласно перемѣнамъ въ уставѣ. Эти отдѣлы слѣдующіе: 1871-1890 гг.—эпоха строгаго классицизма, 1890—1901 гг.—эпоха смягченнаго классицизма, 1901—1904 гг.—эпоха колебаній въ уставахъ или паденія классицизма.

А) *Первый отдѣлъ—эпоха строгаго классицизма* (1871—1890 г.г.). а) *Ходъ учебныхъ занятій въ первые годы.* Новый уставъ гимназіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ Высочайше утвержденъ 30 іюня 1871 г., въ отношеніи постановки учебнаго дѣла былъ, какъ уже показано выше, весьма не полонъ, но, въ силу нѣкоторыхъ его положеній (§§ 15 и 18), долженъ былъ пополняться правилами, издаваемыми министерствомъ народнаго просвѣщенія. Важнѣйшія изъ такихъ дополненій—учебные планы предметовъ и правила объ испытаніяхъ—вышли въ 1872 г. (31 іюля и 8 декабря), такъ что въ первый годъ своего существованія (1871—1872) новый уставъ еще не могъ проявиться во всей силѣ. Изъ положеній его по части учебнаго дѣла могли и стали дѣйствовать съ перваго года—удвоеніе курса VII кл. и новая таблица уроковъ. Послѣдняя имѣла такой видъ.

Предметы курса.	Классы.								Итого уроковъ безъ приг. кл.
	Приготовит.	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	12
Русскій языкъ съ ц.-славянскимъ и логика . . .	6	4	4	4	3	3	2	2+1	23
Латинскій языкъ		8	7	5	5	6	6	6	43
Греческій языкъ				5	6	6	6	6	29
Математика (съ физикой, мат. геогр. и естествовѣд.)	6	5	4	3	3	4	6	6	31
Географія		2	2	2	2			1	9
Исторія				2	2	2	2	2	10
Французскій или нѣмецкій языкъ			3	3	3	3	3	2	17
Чистописаніе	6	3	2						
Итого	22	23	24	27	27	26	26	27	
при двухъ новыхъ языкахъ			27	30	30	29	29	29	

Во Владимірской гимназіи эта таблица была примѣнена на первый годъ съ нѣкоторыми отступленіями, какъ это можно замѣтить изъ вышеприведеннаго распредѣленія уроковъ между преподавателями (4 урока вмѣсто 2 по новымъ языкамъ въ VII классѣ).

Таблица уроковъ 1871 г. дѣйствовала 4 учебныхъ года; послѣ учрежденія при гимназіяхъ VIII кл. (взамѣнъ двухлѣтняго курса VII кл.) 13 мая 1875 г. она подверглась измѣненіямъ, впрочемъ, несущественнымъ для учащихся, т. к. количество уроковъ по каждому предмету въ теченіе 8-лѣтняго курса осталось прежнимъ и только немного измѣнилось распредѣленіе ихъ по классамъ (именно—уроковъ математическихъ наукъ*). Для преподавателей учрежденіе 8 класса имѣло важное значеніе, такъ какъ увеличивало число уроковъ для каждаго и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчало преподаваніе въ VII классѣ. Во Владимірской гимназіи VIII классъ былъ открытъ съ начала 1876—77 учебнаго года. Впрочемъ, еще до учрежденія VIII класса, въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ попечители выхлопотали у министра разрѣшеніе раздѣлить VII классъ на 2 отдѣленія съ особыми уроками по болѣе важнымъ предметамъ. Попечитель Московскаго округа циркуляромъ отъ октября 1873 г. предложилъ устроить такое раздѣленіе въ гимназіяхъ этого округа. Въ нашей гимназіи 2 отдѣленія въ VII классѣ были открыты съ начала 1875—76 учебнаго года, т. е. послѣ учрежденія VIII класса.

Итакъ, въ первый годъ своего существованія новый уставъ *прямо* проявилъ свое дѣйствіе на ходъ

---

*) Въ I—V кл. по 4 ур., въ VII=5 ур., въ VI и VIII=6 ур.

учебныхъ занятій въ гимназіяхъ только новой таблицей уроковъ и удвоеніемъ курса VII класса. Зато въ этотъ же годъ обнаружилось его разностороннее *косвенное* воздѣйствіе на положеніе учебной части въ гимназіяхъ. Съ одной стороны, должны были чѣмъ-нибудь проявить себя въ учебномъ дѣлѣ созданныя имъ учрежденія — классное наставничество и классныя комиссіи, и, дѣйствительно, проявили; съ другой стороны, министерство народнаго просвѣщенія, въ ожиданіи выхода въ свѣтъ составляемыхъ имъ учебныхъ плановъ и правилъ объ испытаніяхъ, которыя должны были полно и точно опредѣлить требованія устава по учебной части, своими предварительными распоряженіями уже намѣтило тотъ путь, какого оно намѣрено было держаться при разработкѣ основныхъ положеній устава, показало, въ какомъ духѣ должны дѣйствовать гимназіи, чтобы подготовить себя къ принятію устава во всей его полнотѣ. Такъ, министерскими распоряженіями было указано, что 1) древніе языки и математика суть *главные* предметы гимназическаго курса и должны занимать въ немъ первенствующее положеніе, 2) практическія, особенно письменныя упражненія должны составлять главный пріемъ гимназическаго обученія, 3) занятія учениковъ по отдѣльнымъ предметамъ должны находиться въ связи между собою и поддержаніе такой связи лежитъ главн. обр. на обязанности классныхъ коммиссій.

Описанное косвенное вліяніе новаго устава на учебное дѣло стало проявляться во Владимірской гимназіи почти съ самаго начала 1871—72 учебн. года. Начались засѣданія классныхъ коммиссій подъ предсѣдательствомъ классныхъ наставниковъ, и на нихъ обсуждались „учебные планы“ для извѣстна-

го класса на предстоящіе 2—3 мѣсяца, при чемъ въ основу веденія учебнаго дѣла полагались указанные министерствомъ принципы.

Первое засѣданіе классной коммиссіи въ нашей гимназіи состоялось 30 сентября 1871 года. Это была коммиссія VII кл.—подъ предсѣдательствомъ классснаго наставника, инспектора Закса (исправлявшаго должность директора). Коммиссія постановила вести преподаваніе въ VII кл. такимъ образомъ, чтобы отдѣльные предметы курса находились въ связи между собой и помогали другъ другу, а основой всего круга предметовъ являлись древніе языки и математика. Однимъ изъ средствъ для поддержанія взаимной связи предметовъ, по мнѣнію коммиссіи, должны были являться домашнія письменныя работы учениковъ по всѣмъ предметамъ, почему и постановлено было ежемѣсячно назначать ученикамъ двѣ письменныхъ работы: одну по русской словесности, а другую—по одному изъ прочихъ предметовъ по очереди.

5—7 октября 1871 г. засѣдали коммиссіи VI—I классовъ съ классными наставниками во главѣ. Онѣ обсуждали главнымъ образомъ „учебные планы", но отчасти затрогивали и вопросы о причинахъ неуспѣшности учениковъ или ихъ обремененіи занятіями. При обсужденіи способовъ преподаванія всѣ коммиссіи обращали особое вниманіе на такъ называемыя „практическія упражненія" по разнымъ предметамъ, подъ которыми разумѣлись письменныя работы, домашнее чтеніе учениковъ и рѣшеніе математическихъ задачъ. Хотя почти всѣ преподаватели считали письменныя работы однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія прочнаго усвоенія учащи-

мися изучаемыхъ предметовъ и для возвышенія ихъ умственнаго развитія, однако коммиссіи VI—I кл. не рѣшились назначать ученикамъ письменныхъ работъ по всѣмъ предметамъ, а ограничивались языками и математикой, при чемъ домашнія работы постановлено было давать только по русскому и древнимъ языкамъ, классныя же—по всѣмъ указаннымъ предметамъ. Такъ положено было начало знаменитымъ extemporalia въ нашей гимназіи. Преподаватели (вновь назначенные) исторіи и географіи—Михайловскій—и физики—Хмыровъ—предложили по своимъ предметамъ, вмѣсто письменныхъ работъ, ввести домашнее чтеніе учениками книгъ и контролировать его вопросами въ классѣ.

Описанныя засѣданія классныхъ комиссій опредѣлили общій характеръ учебныхъ занятій въ текущемъ году, при чемъ придали небывалое до того времени значеніе письменнымъ работамъ учениковъ. Но подробныя программы преподаванія выработаны были позднѣе—онѣ были заслушаны и утверждены педагогическимъ совѣтомъ въ засѣданіяхъ 27 октября и 5 ноября. По общему характеру содержанія эти программы близко подходятъ къ учебнымъ планамъ, изданнымъ министерствомъ нар. пр. въ 1872 г. Обращаетъ на себя вниманіе программа по русскому языку и словесности для VII и VI классовъ, содержащая въ себѣ необычныя для нынѣшняго времени явленія. Такъ, она намѣчаетъ для изученія въ VI классѣ не только обычные образцы русской словесности, но и нѣкоторые изъ иностранныхъ (въ переводѣ), какъ-то: Рейнеке-Лисъ, Эдипъ—царь, Король Лиръ. Съ другой стороны она предполагаетъ въ старшихъ классахъ, даже въ VII, занятія грамматикой и письмомъ подъ диктовку.

Одновременно съ программами для семи нормальныхъ классовъ выработаны были и програмы для приготовительнаго класса. Онѣ предполагаютъ изученіе учениками молитвъ и происхожденія праздниковъ, занятія съ ними объяснительнымъ чтеніемъ, разучиваньемъ отрывковъ изъ русской христоматіи, съ элементарнымъ грамматическимъ разборомъ, и рѣшеніемъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ, а кромѣ того—письмомъ подъ диктовку.

Въ описанныхъ программахъ указаны учебныя руководства и пособія, которыя предположено было употреблять въ текущемъ году. Огромное большинство ихъ введено было раньше описываемаго учебнаго года, и очень многія указаны уже въ отчетѣ 1866 г.; вновь введенныхъ было незначительное количество.

Сравнительно съ отчетомъ 1866 г. новыми являются слѣдующія руководства и пособія. По Закону Божію—учебники Рудакова (свящ. исторія, исторія церкви, объясненіе Богослуженія). По русскому языку—«Пособіе для изученія образцовъ» Попова. По греческому языку (введенному въ предшествующемъ году) всѣ книги новыя, но ихъ было только двѣ: грамматика Кюнера (съ упражненіями) и Анабасисъ Ксенофонта, изд. Кремера. По математическимъ наукамъ—физика и космографія Малинина и Буренина. По исторіи—всеобщая исторія Иловайскаго (съ 1870 г.), по географіи—всеобщая географія Смирнова.

Таковы были болѣе или менѣе новые учебники для семи нормальныхъ классовъ, но совѣтъ долженъ былъ выбрать и учебники для вновь открытаго приготовительнаго класса. Они были выбраны еще

раньше обсужденія программъ, въ засѣданіяхъ совѣта 23 и 31 августа 1871 г., а именно слѣдующіе: Краткіе начатки христіанскаго ученія Соколова. Толковый молитвенникъ—его же, Русская христоматія Паульсона и ариѳметическій задачникъ Томаса.

Такъ устанавливалось веденіе учебнаго дѣла по уставу 1871 г. Немало труда и заботъ потребовало оно со стороны педагогическаго персонала гимназіи. Прежде всего потребовалось много усидчивой домашней работы со стороны отдѣльныхъ преподавателей и цѣлыхъ коммиссій для составленія плановъ, программъ, методовъ преподаванія примѣнительно къ новому уставу; затѣмъ сколько вечеровъ пришлось провести тѣмъ же преподавателямъ въ засѣданіяхъ классныхъ коммиссій и педагогическаго совѣта для обсужденія и утвержденія составленныхъ программъ и плановъ! Кромѣ того, сколько лишней работы, лишняго напряженія силъ пришлось въ это переходное время испытать преподавателямъ въ классахъ, на урокахъ—ради установленія новыхъ требованій отъ учениковъ и новыхъ методовъ преподаванія. Такой напряженной работы потребовало реформированіе только учебнаго дѣла, но много труда должны были затратить педагоги нашей гимназіи и на установленіе на новый ладъ воспитательнаго дѣла. Въ общемъ, изучая эту эпоху жизни нашей гимназіи, приходишь къ заключенію, что никогда—ни раньше, ни послѣ—начальству и учителямъ гимназіи не приходилось нести такой тяжелой служебной работы, какъ въ это время. Прежнія перемѣны въ уставахъ вводились съ гораздо меньшимъ трудомъ для служебнаго персонала, такъ какъ нравы вообще были патріархальнѣе, а высшее на-

чальство—менѣе требовательно съ формальной стороны.

Благодаря усиленной работѣ педагогическаго персонала, ходъ ученья въ духѣ новаго устава былъ съ формальной стороны налаженъ уже къ концу перваго полугодія 1871—72 учебнаго года. Было утверждено господствующее положеніе «главныхъ» предметовъ курса—древнихъ языковъ и математики—и широкое примѣненіе письменныхъ работъ по разнымъ предметамъ. При этомъ введенъ былъ въ употребленіе характерный для первыхъ годовъ дѣйствія новаго устава обычай—задавать ученикамъ VI и VII классовъ на время рождественскихъ каникулъ домашнія письменныя работы по русскому и древнимъ языкамъ и математикѣ, а просмотръ ихъ поручать особымъ коммиссіямъ.

Извѣстное приспособленіе преподаванія къ новому уставу далеко не было окончаніемъ требуемой имъ реформы учебнаго дѣла. Въ концѣ апрѣля 1872 г. наступило время производства испытаній—окончательныхъ и переводныхъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ—новыхъ затрудненій, новой работы для совѣта гимназіи по согласованію производства испытаній съ духомъ новаго устава. Прочно установленныхъ правилъ объ испытаніяхъ еще не было, ихъ надо было производить на основаніи временнаго распоряженія министра народ. просвѣщен. отъ 12 апрѣля 1872 г.

Окончательныя испытанія («зрѣлости») были обставлены въ этотъ годъ тяжелыми условіями для подвергавшихся имъ. Къ испытаніямъ могли быть допущены лучшіе изъ учениковъ VII кл., а также стороннія лица; для тѣхъ и другихъ поставлены были высокія требованія касательно выполненія письменныхъ работъ. Темы для работъ (русское сочи-

неніе, переводъ съ русскаго языка на латинскій, 4 задачи по математикѣ) присланы были въ запечатанныхъ пакетахъ окружнымъ начальствомъ и, для полученія права быть допущеннымъ къ устнымъ испытаніямъ, испытуемый долженъ былъ получить за каждую письменную работу баллъ не менѣе 4. Такія требованія оказались непосильными для подвергавшихся экзамену учениковъ VII кл. и стороннихъ лицъ (4): они не могли исполнить надлежащимъ образомъ работъ по русскому языку (25 апрѣля) и латинскому языку (2 мая). Въ виду нѣкоторой неясности въ редакціи распоряженія министра, на основаніи котораго производились испытанія, педагогическому совѣту въ засѣданіи 3 мая пришлось рѣшать вопросъ, какъ поступить съ тѣми изъ испытуемыхъ, которые получили баллъ ниже 4 за письменныя работы. Относительно гимназистовъ указанія временныхъ правилъ были ясны, и имъ всѣмъ было отказано въ правѣ продолжать испытаніе. Но вопросъ о стороннихъ лицахъ былъ гораздо сложнѣе и не былъ достаточно разъясненъ правилами: послѣ долгихъ преній совѣтъ отказалъ и имъ въ продолженіи испытанія, однако немедленно представилъ свое рѣшеніе на усмотрѣніе попечителя округа. На другой день (4 мая) двое стороннихъ лицъ (Фитингофъ и Соколовъ) подали прошеніе о допущеніи ихъ къ продолженію испытанія безъ древнихъ языковъ. На этотъ разъ совѣтъ оказался снисходительнѣе, и, въ противорѣчіе съ предыдущимъ рѣшеніемъ, допустилъ просителей къ письменному испытанію по математикѣ. Но благопріятнаго результата для экстерновъ не вышло: прослушавъ текстъ задачъ, они заявили, что не въ состояніи рѣшить ихъ, и экзаменъ кончился.

Вскорѣ получилось разъясненіе попечителя округа относительно окончательныхъ испытаній, которое проводило взгляды, согласные съ дѣйствіями совѣта. Руководствоваться имъ, понятно, уже не пришлось.

Производство испытаній въ VI—I кл. и приготовительномъ не вызывало какихъ-либо недоразумѣній и прошло гладко. Учебный годъ закончился, какъ и прежде, переэкзаменовками.

Второй учебный годъ при дѣйствіи новаго устава (1872—73 г.) проходилъ для учебнаго персонала нашей гимназіи значительно легче, чѣмъ первый. Дѣло примѣненія новаго устава уже было налажено; затѣмъ министерство народнаго просвѣщенія успѣло къ началу второго учебнаго года издать новые учебные планы предметовъ съ объяснительными записками касательно ихъ выполненія; наконецъ, къ началу второго полугодія этого года изданы были и новыя правила объ испытаніяхъ. Короче говоря, на второй годъ дѣйствія устава учебное дѣло въ гимназіяхъ получило съ формальной стороны опредѣленную и прочную постановку, а наша гимназія въ частности за предшествующій годъ достаточно приготовилась къ усвоенію выработанныхъ министерствомъ формъ гимназической жизни. Такимъ образомъ дѣятелямъ нашей гимназіи въ 1872—73 учебн. году уже почти не приходилось пролагать новыхъ путей, создавать новыхъ формъ и преодолѣвать связанныхъ съ этимъ затрудненій и недоразумѣній, а только поддерживать и направлять заключенное въ опредѣленное русло теченіе гимназической жизни. Кое-какіе мелкіе, частичные вопросы при окончательномъ введеніи новой системы

ученья еще приходилось разбирать педагогическому совѣту, но это уже была незначительная работа сравнительно съ той, какую онъ несъ въ предшествующемъ году.

Важнѣйшимъ дѣломъ совѣта, въ смыслѣ окончательнаго приспособленія учебнаго дѣла къ требованіямъ новаго устава, въ 1872—73 году было рѣшеніе вопроса о примѣненіи новыхъ учебныхъ плановъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 31 іюля 1872 г. Съ цѣлью болѣе тщательнаго обсужденія этого вопроса, учебные планы были раздѣлены на двѣ группы: 1) планы второстепенныхъ предметовъ (Законъ Божій, Русскій языкъ, новые языки, исторія, географія) и 2) планы главныхъ предметовъ (древніе языки и математическія науки, включая физику и матем. географію). Каждая группа плановъ обсуждалась сначала особой коммиссіей преподавателей подъ предсѣдательствомъ и. д. директора (первая группа—1 сентября, вторая—11 сент.), а потомъ постановленія коммиссіей были разсмотрѣны и утверждены совѣтомъ въ полномъ составѣ (18 сент.). Въ результатѣ оказалось, по мнѣнію совѣта, что новые учебные планы, за небольшими исключеніями, примѣнимы въ нашей гимназіи начиная уже съ текущаго учебнаго года. Необходимыя отступленія сводились къ слѣдующему: къ нѣкоторому сокращенію учебнаго матеріала по древнимъ языкамъ въ старшихъ классахъ и къ перемѣщенію изъ одного класса въ другой нѣкоторыхъ отдѣловъ курса математики, Закона Божія и исторіи. Напримѣръ объясненіе Богослуженія оказалось нужнымъ проходить въ III и IV классахъ, эпизодическій курсъ древней исторіи—также, кромѣ III, и въ IV классѣ.

Послѣ сентябрскихъ засѣданій коммиссіи и совѣта, дѣйствіе учебной части новаго устава, можно сказать, вошло въ нашей гимназіи въ полную силу: курсъ гимназическаго ученія принялъ характеръ классико-математическаго, основаннаго на изученіи грамматики и письменныхъ упражненіяхъ по древнимъ языкамъ и математикѣ, при полномъ почти пренебреженіи къ прочимъ предметамъ. Займемся теперь, насколько позволяетъ сохранившійся архивный матеріалъ, изслѣдованіемъ вопроса: какъ отражался новый характеръ курса въ разбираемый періодъ (1871—1890 г.г.) на характерѣ преподаванія и успѣшности учениковъ—дѣйствительной (развитіи и знаніи) и формальной (полученныхъ ими баллахъ).

b) *Характеръ преподаванія* въ нашей гимназіи въ описываемый періодъ находился въ тѣсной связи съ общей постановкой курса и съ требованіями, которыя уставъ—послѣ обработки его министерскими разъясненіями и дополненіями—предъявлялъ къ оканчивающимъ гимназическій курсъ - на «испытаніяхъ зрѣлости». А общая постановка курса и правила испытаній зрѣлости требовали отъ воспитанниковъ гимназіи прежде всего умѣнья выполнять письменныя работы по древнимъ языкамъ, математикѣ и русскому языку, т. е. дѣлать переводы съ русскаго языка на латинскій и греческій, письменно рѣшать математическія задачи и грамотно излагать мысли на русскомъ языкѣ. Другія стороны въ изученіи поименованныхъ предметовъ, а также всѣ прочіе предметы курса имѣли второстепенное значеніе для успѣшнаго прохожденія гимназическаго курса. Слѣдствіемъ такой постановки учебнаго дѣла «по уставу» было то, что 1) веденіе гимназиче-

скаго обученія сосредоточилось въ рукахъ преподавателей древнихъ языковъ и математики, къ главенствующей группѣ которыхъ иногда могли примыкать учителя русскаго языка, 2) всѣ эти преподаватели главное вниманіе обращали на пріученіе учениковъ къ выполненію письменныхъ работъ вышеуказаннаго характера, для чего, въ свою очередь, необходимо было усиленно обучать ихъ грамматикѣ—латинской, греческой и русской—и математическимъ формуламъ. Далѣе, высокія требованія, предъявляемыя правилами объ испытаніяхъ зрѣлости къ письменнымъ работамъ оканчивающихъ курсъ, трудныя темы, которыя присылались для этихъ работъ окружнымъ начальствомъ, постоянныя напоминанія совѣтамъ гимназій со стороны министерства и окружного начальства о «благоразумной строгости», которую слѣдовало примѣнять при переводѣ учениковъ въ высшіе классы и особенно при производствѣ испытаній зрѣлости—все это вызвало установленіе въ гимназіяхъ строгихъ требованій къ познаніямъ учениковъ въ тѣхъ предметахъ или отдѣлахъ предметовъ, которые имѣли существенное значеніе въ гимназическомъ курсѣ. Наконецъ, какъ слѣдствіе всѣхъ указанныхъ явленій въ ходѣ гимназическаго преподаванія, а отчасти и самихъ учебныхъ плановъ министерства, въ учебномъ дѣлѣ гимназій повсемѣстно утвердилась основная, характерная черта—преподаваніе исключительно (или почти исключительно) *по учебникамъ*, при которомъ преподавательская работа сводилась къ объясненію текста учебника, указанію способовъ пользованія имъ при выполненіи письменныхъ работъ и къ повѣркѣ пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ познаній учащихся. Такая система преподаванія,

при которой учитель былъ—по выраженію одной журнальной статьи—«вѣчнымъ экзаменаторомъ», была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ высокихъ и односторонних требованій устава касательно ученических познаній по главнымъ предметамъ: для удовлетворенія этимъ требованіямъ гимназіи должны были налагать на учениковъ такую огромную работу по усвоенію грамматикъ и математическихъ формулъ, что учащіеся не имѣли ни времени, ни силъ для обстоятельнаго изученія другихъ частей гимназическаго курса и учителя волей—неволей должны были стремиться къ возможному сокращенію этихъ «второстепенныхъ» въ системѣ отдѣловъ, а самымъ простымъ средствомъ для достиженія такой цѣли являлось ограниченіе преподаванія учебникомъ, да еще «съ благоразумнымъ опущеніемъ излишнихъ подробностей», которое рекомендуется объяснительными записками при учебныхъ планахъ министерства и правилами объ испытаніяхъ зрѣлости.

Указанныя черты преподаванія были до извѣстной степени общими для всѣхъ русскихъ гимназій, подчиненныхъ уставу 1871 г., т. к. онѣ были слѣдствіемъ этого устава. Различія между гимназіями разныхъ округовъ и отчасти между гимназіями одного округа сводились въ отношеніи преподаванія только къ большей или меньшей строгости требованій отъ учениковъ—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ взглядовъ окружного начальства—и къ большему или меньшему искусству преподаванія—сообразно подбору учителей.

Во Владимірской гимназіи указанныя черты преподаванія сказались весьма рельефно, чему способствовали: принадлежность ея къ Московскому, сто-

личному округу, близость къ столицѣ и, наконецъ, самыя традиціи ея исторіи. Московскій округъ, благодаря его центральному положенію и особенно вліянію Московскаго университета, всегда былъ передовымъ въ учебномъ дѣлѣ, а въ данную эпоху—въ особенности, т. к. мысль о новомъ классицизмѣ въ значительной степени исходила изъ среды московскихъ ученыхъ; понятно, что въ его предѣлахъ новый уставъ сталъ примѣняться быстрѣе и полнѣе, чѣмъ въ округахъ окраинныхъ. Съ другой стороны, Владимірская гимназія по своимъ традиціямъ всегда была гимназіей серіозной и строгой, усердной исполнительницей уставовъ. Такимъ образомъ, здѣсь была весьма благопріятная обстановка для процвѣтанія новаго устава и его послѣдствій.

Вліяніе новаго устава на ходъ преподаванія ярко обнаружилось въ нашей гимназіи уже въ первый годъ его дѣйствія. Мы видѣли, что осенью 1871 г. классныя коммиссіи постановили считать основными предметами курса древніе языки и математику, увеличили число письменныхъ работъ для учениковъ и ввели новый ихъ видъ—extemporalia, т. е. классные переводы съ русскаго языка на древніе. Въ томъ же году замѣтно возросла строгость требованій по главнымъ предметамъ. Уже во второй половинѣ 60-хъ годовъ Владимірская гимназія была строгой и скупой на баллы, но тогда строгость была примѣняема болѣе или менѣе равномѣрно къ преподаванію всѣхъ предметовъ, теперь же она сдѣлалась характернымъ признакомъ преподаванія трехъ главныхъ предметовъ и только отчасти русскаго языка. Въ этой области строгость требованій въ первые годы дѣйствія новаго устава достигла невѣроятныхъ размѣровъ, тогда какъ по

второстепеннымъ предметамъ требованія явно понизились. Указанные факты ярко обнаруживаются въ отчетахъ объ успѣхахъ учениковъ по четвертямъ года, а также въ результатахъ испытаній переводныхъ и окончательныхъ; подтверждаются они также и особыми извѣстіями—въ родѣ заключеній ревизоровъ.

Относящіяся къ этому вопросу данныя будутъ подробно разсмотрѣны при изслѣдованіи хода успѣшности учениковъ въ описываемый періодъ, пока же достаточно дать нѣсколько отрывочныхъ указаній. Въ отчетѣ объ успѣхахъ учениковъ за декабрь—январь 1871—72 уч. года % неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ VII кл. по латинскому яз.=30, по геометріи=40, по матем. географіи=50, въ III кл. по ариѳметикѣ=52,2 (23 изъ 44); въ отчетѣ за августъ—октябрь 1872 г. находимъ % неудовлетворит. отмѣтокъ: въ VII кл. по латин. яз.=47, по алгебрѣ=53, а въ IV кл. преподаватель математики ухитрился вывести на 28 учениковъ 22 неудовлетвор. отмѣтки, т. е. 78%! Даже привыкшій къ строгости, суровый педагогическій совѣтъ того времени былъ пораженъ такими цифрами, особенно послѣдней, и высказалъ черезчуръ усердному насадителю математическихъ знаній такое мнѣніе «...что такой плачевный результатъ можетъ отбить у учениковъ всякую охоту къ занятіямъ и труду». Однако къ 47% неуспѣвающихъ по латинскому языку въ VII кл. совѣтъ отнесся спокойно и удовлетворился объясненіемъ преподавателя (инспектора Новоселова), что онъ возвысилъ требованія съ цѣлью болѣе примѣниться къ требованіямъ новой программы. По греческому языку на первыхъ порахъ требованія были не очень строги (въ VII кл. за августъ—

октябрь 72 г. неудовлетвор.=12,5%, въ III кл.=35%=максимальная цифра). Значительное количество неудовлетворительныхъ балловъ оказывалось иногда по русскому языку (за августъ—октябрь 1872 г. въ I кл.=42,5, въ V=35%, зато въ VII=0). Наряду съ этимъ по второстепеннымъ предметамъ % неуспѣшныхъ очень незначителенъ: за августъ—октябрь 1872 г. по исторіи въ трехъ старшихъ классахъ=0, въ III кл. (maximum)=18,7; по географіи maximum неудовлетворит. въ I кл.=25%, по франц. и нѣмецк. яз. maximum въ V кл.=33% и 25%, въ другихъ классахъ значительно меньше.

На приведенныхъ цифрахъ несомнѣнно сказалось вліяніе системы, хотя, конечно, степень строгости требованій сильно зависѣла и отъ личности преподавателя. Наряду со строгимъ математикомъ Свиридовымъ мы видимъ благодушнаго классика Розенквиста, который за августъ—октябрь 1872 г. въ VI кл. не вывелъ по двумъ древнимъ языкамъ ни одной неудовлетворит. отмѣтки, въ V кл. по греческому языку—1 на весь классъ въ 17 человѣкъ (5,8%). Въ общемъ, однако, система была сильнѣе отдѣльныхъ личностей: несмотря на нѣкоторыя исключенія мы можемъ выставить для описываемаго времени какъ правило, что математики и классики были строги, законоучители, преподаватели исторіи, географіи и новыхъ языковъ—добры, а преподаватели русскаго языка занимали середину между двумя крайними направленіями.

Въ теченіе всего описываемаго періода строгость требованій по главнымъ предметамъ курса была характерной чертой преподаванія въ нашей гимназіи, но всего рѣзче она проявлялась въ первые годы дѣйствія новаго устава—въ 1871—1875 г.г. Позд-

нѣе мы уже не встрѣчаемъ въ четвертныхъ отчетахъ столь поразительныхъ цифръ, указывающихъ на высоту требованій отъ учениковъ, какъ вышеприведенныя изъ отчета 1872 г. Выражаясь метафорически, можно сказать, что бурная строгость постепенно перешла въ методически—спокойную. Это вполнѣ понятно. На первыхъ порахъ, съ одной стороны, учителя болѣе ревностно относились къ требованіямъ новаго устава и старались поставить въ уровень съ ними знанія учениковъ, съ другой стороны—ученики не примѣнились къ новой системѣ учебныхъ занятій и чаще оказывались не удовлетворяющими ея требованій, что и подавало поводъ къ проявленію учительской строгости; позднѣе учителя стали относиться къ уставу холоднѣе, а ученики болѣе къ нему приспособились—и дѣло пошло глаже.

Въ первые года дѣйствія новаго устава даже представители окружного начальства, вообще не склонные къ снисходительной оцѣнкѣ ученическихъ познаній, поражались строгостью Владимірской гимназіи. Такъ, инспекторъ Москов. округа Я. И. Вейнбергъ, ревизовавшій Владимірскую гимназію въ октябрѣ 1872 г., высказалъ совѣту (въ засѣданіи 28 октября), что при разсматриваньи классныхъ журналовъ его поразила низкость оцѣнки ученическихъ отвѣтовъ: въ IV кл. за письменныя работы по геометріи преобладающая отмѣтка—единица (на 31 работу 21 единица), въ VII кл. по греческому языку нѣтъ балла выше 3, и т. п. Позднѣе ревизоры уже не дѣлаютъ Владимірской гимназіи упрековъ за строгость.

Вторая характерная черта преподаванія по уставу 1871 г.—предпочтительное обращеніе вниманія

на письменныя работы—рѣзко проявлялась въ жизни нашей гимназіи въ теченіе всего періода. Въ этомъ отношеніи не замѣчалось со стороны учителей постепеннаго охлажденія къ дѣлу; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается уменьшеніе возлагаемой на учениковъ работы, то это проистекало отъ измѣненій во взглядахъ высшаго начальства.

Система письменныхъ упражненій для учениковъ въ духѣ новаго устава была введена въ нашей гимназіи еще въ 1871 году. Мы видѣли, что классныя коммиссіи постановили задавать ученикамъ домашнія и классныя работы, кромѣ русскаго языка, также и по многимъ другимъ предметамъ: въ VII кл.—по всѣмъ, въ прочихъ—по языкамъ и математикѣ. Кромѣ обычныхъ работъ черезъ извѣстное количество дней и недѣль, съ этого же года установился обычай, державшійся нѣсколько лѣтъ, въ срединѣ декабря производить ученикамъ VI и VII классовъ нѣчто въ родѣ письменнаго испытанія по всѣмъ или по нѣсколькимъ предметамъ (языки, математика). Впослѣдствіи (съ 1876 г.) вмѣсто этого стали производиться (согласно распоряженію попечителя округа отъ 31 января 1876 г.) *примѣрныя письменныя испытанія зрѣлости* для старшаго отдѣленія VII кл. или для замѣнившаго его VIII кл. Далѣе задавались письменныя работы по русскому и древнимъ языкамъ, а также по математикѣ ученикамъ VII кл., не державшимъ испытаній зрѣлости, на время производства послѣднихъ (половина мая—половина іюня). Существованіе этого обычая прекратилось послѣ учрежденія въ VII кл. двухъ отдѣленій съ особыми уроками (1875 г.). Наконецъ, начиная съ лѣта 1873 г., стали задаваться ученикамъ

лѣтнія вакаціонныя работы, въ томъ числѣ и письменныя—по языкамъ и математикѣ.

О количествѣ обычныхъ письменныхъ работъ въ теченіе учебныхъ мѣсяцевъ мы можемъ судить по нѣкоторымъ таблицамъ, сохранившимся въ протоколахъ совѣта.

За августъ, сентябрь и октябрь 1873 г. было исполнено учениками работъ:

Предметы.	КЛАССЫ.						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
По русскому яз. . . .	5	8	8	6	3	3	2
„ латинскому яз. . .	2	6	6	11	7	5	7
„ греческому яз. . .			4	8	6	4	4
„ математикѣ		3				4	5
„ нѣмецкому яз. . .		7	4	7	8	6	?

Почему въ этой таблицѣ недостаетъ указаній на работы по французскому языку и въ нѣкоторыхъ классахъ—по математикѣ, свѣдѣній не сохранилось.

Полнѣе таблица письменныхъ работъ за 2-ю четверть 1874—75 учебн. года.

Предметы.	КЛАССЫ.						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
По русскому яз. . . .	5	6	4	5	5	3	2
„ латинскому яз. . .	5	7	5	6	7	4	7
„ греческому яз. . .			4	6	7	7	6
„ математикѣ. . . .	2	2	1	1	3	2	3
„ нѣмецкому яз. . .		5	5	6	4	7	7
„ французск. яз. . .		1	2	2	2	3	1

Въ приведенныхъ таблицахъ бросается въ глаза большое количество работъ по русскому, латинскому, греческому и нѣмецкому языкамъ и сравнительно малое—по математикѣ. Послѣднее однако не

ниже обычной въ настоящее время нормы и находится въ зависимости отъ свойствъ предмета и количества отведенныхъ на него уроковъ.

Норма ежемѣсячнаго количества письменныхъ работъ, установившаяся въ первые годы дѣйствія Толстовскаго устава, съ небольшими колебаніями сохранялась до конца изучаемаго періода.

Характеръ письменныхъ работъ за это время также почти не измѣнялся. Наиболѣе существенную перемѣну составляло введеніе съ начала 1886—87 уч. года, сверхъ т. наз. «extemporalia», классныхъ письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій въ старшихъ классахъ (въ силу цирк. министра отъ 4 сент. 1885 г.). По русскому яз. въ теченіе всего періода въ IV—VIII классахъ писались сочиненія классныя и домашнія; темы для нихъ выбирались совѣтомъ и были преимущественно т. наз. «отвлеченныя», рѣже историческія и литературныя.

Какъ было сказано выше, характерной чертой преподаванія въ гимназіяхъ, въ томъ числѣ и въ нашей, въ изучаемый періодъ можетъ считаться прохожденіе курса почти исключительно по учебнику. Изслѣдовать вопросъ объ этой сторонѣ преподаванія обстоятельно, на основаніи документальныхъ данныхъ, весьма трудно, если не невозможно, т. к. гимназическіе документы вообще не способны отражать въ себѣ ходъ отдѣльныхъ уроковъ и могутъ сообщать о нихъ въ лучшемъ случаѣ отрывочныя, случайныя указанія. Однако мы имѣемъ нѣсколько документальныхъ данныхъ, позволяющихъ въ общихъ чертахъ обрисовать эту сторону дѣла.

Въ протоколахъ совѣта, относящихся къ началу 70-ыхъ годовъ попадаются указанія на то, что

нѣкоторые преподаватели при прохожденіи курса не ограничивались учебникомъ. Такъ, въ засѣданіи классной коммиссіи II кл. въ ноябрѣ 1872 г. классн. наставн. (М. Полянскій) поставилъ вопросъ: «не затрудняютъ ли учениковъ тѣ измѣненія и дополненія къ учебнику, которыя дѣлаетъ преподаватель географіи г. Михайловскій?» Послѣдній отвѣтилъ «что, дѣйствительно, прежде подобныя отступленія затрудняли нѣкоторыхъ изъ учениковъ, но что теперь эти затрудненія устраняются тѣмъ, что каждый урокъ, задаваемый къ слѣдующему классу, разучивается и репетируется имъ тутъ же въ классѣ».

Въ засѣданіяхъ классныхъ коммиссій за 1873 г. неоднократно указывалось, что по исторіи ученикамъ назначаются книги для домашняго чтенія (напр. въ V кл.—соч. Соловьева, Бѣляева, Бестужева-Рюмина, въ VI кл.—Соловьева, въ VII кл.—Соловьева и т. п.). Въ протоколѣ засѣданія классн. коммиссіи IV кл. въ ноябрѣ 1873 г. сказано, что успѣшнѣе всѣхъ предметовъ идутъ исторія и географія, вслѣдствіе любви учениковъ къ этимъ предметамъ: «... ни одинъ изъ учениковъ не ограничивается учебникомъ, но готовится къ классу по тѣмъ историческимъ сочиненіямъ, которыя указалъ г. преподаватель» (Михайловскій). Въ протоколѣ засѣд. классн. коммиссіи VII класса въ октябрѣ 1874 г. читаемъ: «... было замѣчено, что содержаніе учебниковъ по нѣкоторымъ предметамъ г.г. преподаватели находятъ необходимымъ пополнять»... и коммиссія обязала учениковъ записывать такія пополненія и вообще преподавательскія объясненія.

Приведенные факты показываютъ, что въ началѣ 70-ыхъ годовъ преподаваніе въ нашей гимна-

зіи еще не по всѣмъ предметамъ свелось къ разучиванію съ учениками учебника, но выходъ преподавателя за предѣлы послѣдняго уже разсматривался большинствомъ членовъ совѣта, какъ явленіе исключительное, даже, пожалуй, ненормальное (заявленіе кл. настав. II кл. относительно географіи). Правда, совѣтъ вполнѣ сочувствовалъ развитію домашняго чтенія учениками книгъ, по назначенію и подъ контролемъ преподавателя; но это чтеніе, сдѣланное по нѣкоторымъ предметамъ обязательнымъ, являлось по существу только прибавкой къ задаваемому по учебнику уроку, не измѣняя общаго характера преподаванія «по учебнику»: учитель все-таки оставался по преимуществу «экзаменаторомъ». Судя по многимъ фактамъ, можно сказать, что совѣтъ нашей гимназіи (какъ, вѣроятно, и многихъ другихъ) разсматривалъ учителя не какъ строителя системы знаній по извѣстному предмету въ умѣ учениковъ, а какъ надсмотрщика за строительной работой самихъ учащихся, который обычно только ревизовалъ постройку и лишь въ особо важныхъ случаяхъ выступалъ въ роли руководителя и помощника. Сохранилось одно постановленіе классной коммиссіи (VI кл., въ октябрѣ 1874 г.), ясно и полно отражающее указанный взглядъ. Приведу его дословно.

«Степень развитія учениковъ обусловливается въ старшихъ классахъ самостоятельнымъ трудомъ, обнаруживаемымъ особенно чтеніемъ книгъ, относящихся къ предметамъ ученія, помимо учебника, и занятіемъ по учебнику безъ помощи преподавателя, но подъ его руководствомъ. Послѣднее необходимо для ученика въ томъ лишь случаѣ, когда онъ самъ не въ силахъ разрѣшить предложенный

вопросъ; при ограниченномъ количествѣ уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ, даже и невозможно останавливаться на подробныхъ объясненіяхъ безъ ущерба исполненію назначенной въ этомъ классѣ програмы. Между тѣмъ ученики VI класса не привыкли работать самостоятельно, они приготовляютъ урокъ тогда, когда онъ подробно объясненъ имъ преподавателемъ, книги же, относящіяся къ предмету ученья, читаютъ неохотно. Поэтому постановили: руководствуя занятіями учениковъ, прибѣгать по возможности къ объясненію задаваемаго урока лишь въ томъ случаѣ, когда по ихъ (?) способностямъ можно смѣло предположить, что они не въ состояніи исполнить сами, безъ помощи, предложенной работы и обязательно назначать для прочтенія сочиненія, имѣющія отношеніе къ проходимому курсу, особенно по предметамъ русской словесности и исторіи, на извѣстный срокъ, съ тѣмъ чтобы учениками былъ отданъ отчетъ въ прочитанномъ—или въ видѣ письменнаго изложенія (конспекта) или устной передачи содержанія».

Итакъ, по взгляду совѣта въ началѣ 70-хъ годовъ, преподаватель въ старшихъ классахъ есть руководитель самостоятельной работы учениковъ, заключающейся въ изученіи учебника и чтеніи научныхъ книгъ. Въ теоріи такой взглядъ можетъ казаться глубокимъ, вѣрнымъ и плодотворнымъ, но на практикѣ, подъ вліяніемъ общей постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ, онъ приводилъ къ результатамъ совсѣмъ неожиданнымъ. При обширныхъ программахъ и маломъ числѣ уроковъ по второстепеннымъ предметамъ (словесность, исторія, физика), которые въ данномъ случаѣ преимущественно имѣлись въ виду, учитель не успѣвалъ провѣрять одновременно за-

нятія учениковъ и по учебнику и по книгамъ, а тѣмъ болѣе систематизировать пріобрѣтенныхъ учениками знаній. Въ результатѣ преподаваніе сводилось къ постояннымъ, но отрывочнымъ спросамъ, надоѣдавшимъ и учителю и ученикамъ; домашняя работа учениковъ принимала характеръ исключительно подневольный, а потому была тяжелой и мало производительной: на мѣсто интереса, любознательности, которыя могли бы быть вызваны живымъ и оригинальнымъ изложеніемъ предмета преподавателемъ, становился страхъ передъ низкой отмѣткой... Говоря короче, высказанный коммиссіей взглядъ на преподаваніе приводилъ именно къ тому результату, котораго коммиссія хотѣла, повидимому, избѣгнуть: къ механической работѣ учениковъ надъ учебникомъ и пособіями, подъ надзоромъ учителя—экзаменатора. Что такъ *должно было быть*, согласится всякій, хорошо знающій условія гимназической жизни 70-хъ годовъ, что такъ *было* у насъ и въ другихъ гимназіяхъ, видно изъ воспоминаній бывшихъ учениковъ гимназій и ихъ формальной оцѣнки ихъ успѣшности. Все дѣло въ томъ, что при дѣйствіи устава 1871 г. «неумолимая логика фактовъ» вела къ утвержденію преподаванія «по учебнику», и всякія попытки выйти за черту такого курса—силою вещей оказывались безплодными.

Какъ бы то ни было, но въ первые годы дѣйствія новаго устава Владимірская гимназія не хотѣла примириться съ исключительнымъ разучиваньемъ учебника, а стремилась расширить преподаваніе, особенно путемъ домашняго чтенія учениковъ. Это были отголоски конца 50-хъ и 60-хъ годовъ, когда гимназіи жили болѣе самостоятельно и

преподаванiе въ нихъ велось свободнѣе. Въ учителяхъ начала 70-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ русскихъ по происхожденiю и воспитанiю, сохранялись традицiи прежней гимназической жизни: они высоко смотрѣли на роль преподавателя и сначала идеализировали уставъ 1871 года, какъ идеализировало и создавшее его министерство. Учителя думали, повидимому, что сущность новаго устава составляетъ усиленiе серьезности гимназическаго ученья, возвышенiе требованiй отъ учениковъ, особенно въ смыслѣ общаго ихъ развитiя, при концентрацiи занятiй на древнихъ языкахъ и математикѣ. Они проглядѣли то, что громадное количество мелочно-формальныхъ знанiй по главнымъ предметамъ, требуемое уставомъ отъ учениковъ, должно измѣнить весь характеръ ихъ учебной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ всю систему преподаванiя...

Но жизнь постепенно отрезвляла идеально настроенныхъ педагоговъ, показывала неосуществимость ихъ мечтанiй о широкой постановкѣ преподаванiя и заставляла мириться съ разучиваньемъ учебника. Съ другой стороны, старое поколѣнiе учителей, помнившее обычаи прежней школы, смѣнялось новымъ поколѣнiемъ, воспитаннымъ въ школѣ толстовской и имѣвшимъ иныя воспоминанiя. Все это вмѣстѣ взятое вело все къ большему и большему торжеству учебника надъ вольнымъ преподаванiемъ. Уже съ конца 1870-хъ годовъ замѣчается въ нашей гимназiи охлажденiе учителей къ развитiю, совершенствованiю системы преподаванiя, къ расширенiю его задачъ. Прекращаются (съ 1877 г.) засѣданiя классныхъ коммиссiй для обсужденiя учебныхъ плановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще разсужденiя о методахъ преподаванiя, такъ какъ въ общихъ засѣданiяхъ со-

вѣта подобные вопросы поднимаются крайне рѣдко и притомъ исключительно по поводу примѣненія новыхъ учебныхъ распоряженій высшаго начальства. Правда, послѣ неблагопріятной для Владимірской гимназіи ревизіи окружн. инспектора Киндлера въ ноябрѣ 1885 г. засѣданія классныхъ коммиссій возобновились и продолжались отъ начала 1886 г. до весны 1888 г., составляясь еженедѣльно, но на нихъ, подъ именемъ учебныхъ плановъ, обсуждались только размѣры матеріала, который предполагалось пройти въ предстоящую недѣлю, общіе же вопросы не поднимались. Вообще, въ 1880-хъ годахъ выработка новыхъ методовъ преподаванія (если не считать нѣкоторыхъ распоряженій высшаго начальства) прекратилась, и въ нашей гимназіи вполнѣ утвердилось однообразное изъ года въ годъ преподаваніе по учебникамъ. Случались небольшія исключенія изъ этого правила—въ видѣ самостоятельнаго изложенія преподавателями какого-либо отдѣла своего предмета, но они были совершенно незамѣтны въ общемъ ходѣ преподаванія. Личность преподавателя скрылась за страницами программъ и учебниковъ, и изъ-за нихъ выглядывало только суровое лицо контролера—экзаменатора, ежеминутно готоваго покарать нерадиваго ученика двойкой или единицей.

При такихъ условіяхъ выборъ учебниковъ долженъ былъ имѣть огромное значеніе для хода преподаванія, а потому понятно, что какъ отдѣльные преподаватели, такъ и весь совѣтъ слѣдили весьма внимательно за пригодностью прежнихъ учебниковъ и за появленіемъ новыхъ, которыми и старались замѣнять учебники, оказавшіеся «непригодными». Пригодность учебниковъ понималась, конечно, отдѣльными преподавателями различно, но, въ силу об-

щаго строя гимназической жизни, пониманіе пригодности учебниковъ различалось не столько по лицамъ, сколько по должностямъ, т. е. преподаватели одного предмета имѣли приблизительно одинаковое представленіе о приличествующихъ учебнику даннаго предмета качествахъ. Причиной такой группировки мнѣній было то, что каждый преподаватель прежде всего обязанъ былъ выполнить опредѣленную программу при опредѣленномъ количествѣ учебныхъ часовъ и старался найти такой учебникъ, который облегчалъ бы достиженіе именно этой цѣли.

Но мы знаемъ, что уставъ 1871 г. съ его дополненіями создалъ совершенно различное положеніе для предметовъ главныхъ и неглавныхъ. На первые отводилось много времени, и за познаніями въ нихъ учениковъ высшее начальство зорко слѣдило; на предметы второй группы, послѣ неудачныхъ попытокъ, въ первые годы дѣйствія новаго устава, поддержать ихъ преподаваніе на уровнѣ *дѣйствительныхъ* требованій программъ, махнули рукой и ограничили требованія по нимъ *номинальнымъ* выполненіемъ программъ, такъ какъ на иное не хватало времени и силъ у воспитанниковъ гимназій и ихъ преподавателей. Вслѣдствіе различія въ положеніи главныхъ и второстепенныхъ предметовъ, получилась у преподавателей ихъ различная тенденція въ выборѣ учебниковъ: по главнымъ предметамъ, особенно по древнимъ языкамъ, искали все болѣе и болѣе подробныхъ руководствъ, могущихъ сообщить ученикамъ всѣ грамматическія тонкости, по второстепеннымъ предметамъ, особенно по исторіи и географіи, стремились найти учебники возможно болѣе краткіе, чтобы какъ-нибудь выполнить программу. Правда, въ этомъ процессѣ замѣны учеб-

никовъ иногда замѣчаются временныя колебанія и по нѣкоторымъ предметамъ онъ нѣсколько выходитъ за предѣлы періода 1871—1890 г.г., но существованіе его очевидно. Такъ, по латинскому языку грамматики Смирнова были вытѣснены, сначала въ старшихъ, потомъ и въ младшихъ классахъ, болѣе обширной грамматикой Шульца-Ходобая съ добавленіемъ стилистики Бергера для высшихъ классовъ (1877 и 1878 г.г.). По греческому языку короткая грамматика Кюнера замѣнена была болѣе подробными руководствами: Григоревскаго и Курціуса—Кремера (1872 г.), потомъ—Нидерле (1877—1879 г.г.), наконецъ—Чернаго (1887 г.). Наоборотъ, по исторіи еще въ 1870 г., когда только приготовлялись ко введенію настоящаго классицизма, учебники всеобщей исторіи Вебера были замѣнены болѣе краткими—Иловайскаго; по русской исторіи учебникъ послѣдняго былъ принятъ еще раньше. Въ 1877 г. (послѣ измѣненія учебныхъ плановъ по исторіи) ввели было для V и VIII классовъ болѣе обширный учебникъ древней исторіи Гуревича, но вскорѣ (съ 1879 г.) его сталъ опять вытѣснять Иловайскій, а въ нѣкоторыхъ классахъ введены были въ это время краткіе и дрянные учебники: Беллярминова—для III и IV классовъ (эпизодическій курсъ) и для VI кл. (средняя исторія) и Рождественскаго—для VI кл. (русская исторія); въ 1889 г. они опять стали замѣняться Иловайскимъ, который господствовалъ потомъ до 1900-хъ годовъ.

Въ смѣнѣ учебниковъ по географіи замѣчается подобная же тенденція. Въ 1871 г. подробный учебникъ всеобщей географіи Пютца былъ замѣненъ краткимъ учебникомъ Смирнова, въ 1872 г. учебникъ русской географіи Телѣгина—учебникомъ Лебе-

дева. Смирновъ временно былъ вытѣсненъ Семеновымъ, потомъ опять возстановленъ (1886), наконецъ (въ 1890 г.) замѣненъ подробнымъ учебникомъ Турчаковскаго; но этотъ прекрасный учебникъ, конечно, оказался «непригоднымъ», и въ 1895 г. замѣненъ былъ кратчайшимъ и плохимъ учебникомъ Воронецкаго. Учебникъ Лебедева держался до 1889 г., когда смѣненъ былъ болѣе легкимъ учебникомъ Баранова-Горѣлова.

По другимъ предметамъ смѣна учебниковъ менѣе характерна. По Закону Божію все время держались: катихизисъ Филарета и учебники Рудакова (свящ. исторія, богослуженіе, исторія церкви). По русскому языку смѣнилось много грамматикъ: Говорова, Поливанова, Кирпичникова, Преображенскаго и др., изъ которыхъ иныя употреблялись одновременно, но въ разныхъ классахъ; ц.-славянская грамматика Перевлѣсскаго смѣнилась грамм. Буслаева, а потомъ Бѣлявскаго; по словесности употреблялись: сначала «Пособіе» Попова, потомъ исторія словесности Галахова, теорія словесности Филонова и Бѣлоруссова, кромѣ того христоматіи: Басистова, Галахова (русская и историческая) и Буслаева. По математикѣ, физикѣ и математической географіи почти все время держались одни и тѣ же руководства: Давыдова—алгебра и геометрія; Малинина-Буренина: ариѳметика, физика, космографія; тригонометрія Малинина; изъ нихъ только послѣдняя была замѣнена въ 1886 г. тригонометріей Шапошникова. По французскому яз. смѣнялись руководства: Марго, Шапсаля, Шаланда (употреблявшіяся одновременно) и, наконецъ, Игнатовича; по нѣмецкому языку все время держалась грамматика Кейзера.

Кромѣ учебниковъ въ собственномъ смыслѣ, употреблялось много пособій (христоматіи и сборники статей по языкамъ, задачники, изданія иностранныхъ авторовъ), которыя часто смѣняли другъ—друга. Изъ нихъ русскія христоматіи уже указаны, а остальныя перечислять не стоитъ. Замѣтимъ только, что цѣльныя изданія авторовъ употреблялись по древнимъ языкамъ (тексты Тейбнера, для греческихъ авторовъ—со словарями Кремера, и нѣкоторыя комментированныя изданія) и по французскому языку (изданія Кутузова); по нѣмецкому языку они замѣнялись христоматіями. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что въ 1885 г совѣтъ постановилъ принять за руководство для правописанія извѣстную книгу Грота, но съ нѣсколькими оговорками: такъ, онъ рѣшилъ писать имя «Владиміръ» по-старинному.

c) *Успѣшность учениковъ.* Требованія, предъявляемыя къ познаніямъ учениковъ учебными планами и правилами объ испытаніяхъ 1872 года были высоки, особенно по тремъ «главнымъ» предметамъ. Между тѣмъ въ первые годы дѣйствія новаго устава педагоги нашей гимназіи старались добросовѣстно проводить его требованія по всѣмъ предметамъ. Въ результатѣ получалось то, что ученики, недостаточно подготовленные занятіями прежнихъ лѣтъ къ выполненію требованій устава по главнымъ предметамъ и принужденные пополнять пробѣлы въ познаніяхъ по нимъ, не успѣвали одновременно съ этой работой усваивать и новые курсы по всѣмъ предметамъ, а потому ихъ формальная успѣшность въ это время (какъ отчасти указано выше) была крайне слаба. Прежде всего это выражалось въ огромномъ количествѣ неудовлетворительныхъ бал-

ловъ въ 2-мѣсячныхъ вѣдомостяхъ. Въ первый годъ дѣйствія новаго устава, въ вѣдомости за октябрь и ноябрь 1871 г. оказался слѣд. процентъ неудовлетворительныхъ балловъ: по русскому языку: VII кл.=20, VI=7,6, V=13, IV=20, III=9, II=4,7, I=25,5; по латинскому языку: VII кл.=30, VI=30,7, V=30,4, IV=32, III=25,2, II=9,5, I=18,6; по греческому языку: VI=15,3, V=26, IV=*40*, III=16; по математикѣ: VII кл.=20, VI=19,5, V=41,2, IV=26, III=*46*,5, II=14,2, I=*44*,1; по исторіи: въ VII и VI кл.=0, V=8,6, IV=12, III=9; по географіи: VII=*20*, IV=16,6, III=9, II=7,1, I=*35*,7; по нѣмецкому языку: VII и VI кл.=0, V=4,7, IV=11, III=13, II=2,8. Въ этой таблицѣ бросается въ глаза большое число неудовлетв. балловъ по греч. яз. въ IV кл., по математикѣ—въ III и I кл., по географіи—въ VII и I кл. Но это еще не ужасныя цифры. Въ томъ же учебномъ году, за февраль и мартъ 1872 г. мы находимъ по нѣкоторымъ предметамъ большій процентъ неуспѣшныхъ: по греч. яз. въ IV кл.=51, по математикѣ: въ V=42,7, IV=40,3, III=51. На второй годъ дѣйствія устава (1872—73) количество неудовлетворительныхъ балловъ еще увеличивается и достигаетъ по-истинѣ ужасныхъ цифръ. На 204 ученика семи нормальныхъ классовъ въ вѣдомости за августъ—октябрь 1872 г. было выведено неудовлетворительныхъ балловъ: по русскому языку=52, по латинскому=71, по математикѣ=114 (56%). Въ IV кл. процентъ неуспѣвающихъ по геометріи равнялся 78. Вполнѣ удовлетворительныхъ учениковъ (т. е. не получившихъ 2-къ и 1-цъ) на всѣ семь классовъ оказалось 46 (22,5%). На третій годъ дѣйствія устава (1873—74) количество неудовлетворительныхъ четвертныхъ балловъ значи-

тельно понижается, особенно по древнимъ языкамъ: за 4-ю четверть (мартъ—іюнь) по лат. и греч. яз. въ VII, VI и V кл. мы вовсе не находимъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, въ прочихъ классахъ онѣ есть, но не превышаютъ 27,5% (по латинск. яз. во II кл.). Математика, однако, и въ этомъ году давала иногда значительный процентъ неудовлетворительныхъ балловъ, напр. за 2-ю четв. во II кл.=55. Въ среднемъ для всѣхъ семи классовъ въ 1873—74 учеб. году процентъ неуспѣвающихъ по четвертямъ былъ: по латинскому яз.=17, по греческому яз.=11, по математикѣ=21; по второстепеннымъ предметамъ—еще ниже: по русскому яз.=16, по исторіи=3,5, по географіи=6, по нѣмецкому языку=1,5. Съ небольшими варіаціями эти цифры неудовлетворительныхъ балловъ въ четвертяхъ сохраняются и въ послѣдующіе годы изучаемаго періода, т. е. процентъ неуспѣвающихъ учениковъ въ 1873—74 году является нормальнымъ для всего періода.

Изъ приведенныхъ цифръ мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы: въ первые два года дѣйствія новаго устава, пока учителя и ученики къ нему не примѣнились, успѣшность учениковъ по четвертямъ была крайне слаба; на третій годъ она приблизилась къ нормальной; во все время труднѣйшимъ предметомъ для учениковъ была *математика*.

Менѣе детальнымъ, но еще болѣе точнымъ показателемъ формальной успѣшности учениковъ является число переведенныхъ въ высшіе классы, окончившихъ курсъ и уволенныхъ по неуспѣшности. Число переводимыхъ учениковъ характеризуется слѣдующими примѣрами. Въ 1872 г. изъ 193 уч. I—VII кл., бывшихъ къ экзамену, переведено 119

(61,6%), въ 1874 г.—изъ 189 уч.=132 (70%), въ 1879 г.—изъ 186 уч.=122 (65,6%), въ 1889 г. изъ 188 уч.=137 (72,9%). Средній процентъ переведенныхъ=67,5; къ концу періода онъ повышается и приближается къ нормѣ.

Число уволенныхъ за неуспѣшность за 1872—90 годы достигаетъ 119 челов., около 6 въ годъ, или 2—3% числа учениковъ; цифра эта можетъ считаться огромной.

Число окончившихъ курсъ показываетъ слѣдующая таблица.

1872 г...нѣтъ	1876 г...5	1880 г... 8	1884 г...10	1888 г... 8
1873 г... 3	1877 г...7	1881 г... 9	1885 г... 7	1889 г...10
1874 г... 4	1878 г...8	1882 г...17	1886 г...14	1890 г...12
1875 г... 6	1879 г...9	1883 г...10	1887 г... 8	

Въ приведенной таблицѣ обращаютъ на себя вниманіе два явленія: 1) малое число оканчивающихъ курсъ за весь вообще періодъ и 2) увеличеніе числа окончившихъ курсъ въ 1880-хъ годахъ сравнительно съ 1870-ми годами. Эти явленія можно иными словами опредѣлить такъ: формальная успѣшность учениковъ, въ самомъ важномъ своемъ проявленіи, была слаба во весь періодъ, а особенно—въ первую его половину. Такой выводъ вполнѣ согласуется съ наблюденіями, которыя мы сдѣлали выше относительно цифръ, показывающихъ успѣшность учениковъ по четвертямъ учебныхъ годовъ и при окончаніи ихъ. Нетрудно указать и причины этихъ явленій. Формальная успѣшность учениковъ нашей гимназіи была не высока во весь періодъ 1871—1890 г.г. потому, что гимназія старалась по возможности выполнять требованія устава, которыя налагали на учениковъ тяжелое бремя; успѣшность стала выше въ 80-хъ годахъ потому, что ученики

постепенно болѣе приспособились къ выполненію требованій устава, а учителя (и начальство) нѣсколько охладѣли въ своемъ рвеніи касательно этого выполненія, при чемъ второстепенные предметы курса были окончательно принесены въ жертву главнымъ: цѣною ослабленія требованій въ однихъ была достигнута бо́льшая успѣшность учениковъ по другимъ.

На этомъ можно покончить съ изслѣдованіемъ хода формальной успѣшности учащихся и обратиться къ вопросу о состояніи ихъ дѣйствительной успѣшности въ изучаемый періодъ.

Дѣйствительная успѣшность учениковъ, т. е. состояніе ихъ познаній, въ эпоху болѣе или менѣе удаленную отъ времени изслѣдованія можетъ быть обстоятельно опредѣлена только въ томъ случаѣ, когда о ней сохранились подробные, всесторонніе отзывы, или же когда сохранились многочисленныя и разнообразныя письменныя работы учениковъ. Относительно изслѣдуемаго періода такихъ документовъ сохранилось въ нашей гимназіи больше, чѣмъ относительно предшествующихъ, но все же подборъ ихъ недостаточно полонъ для составленія всесторонней, систематической характеристики ученическихъ познаній. Сохранившіеся документы касаются почти исключительно познаній учениковъ, обнаруженныхъ на испытаніяхъ зрѣлости и притомъ только письменныхъ (самыя работы учениковъ, отзывы назначенныхъ округомъ рецензентовъ); по другимъ сторонамъ вопроса имѣются только случайныя, отрывочныя свѣдѣнія. Въ виду этого, я не претендую дать полную и всестороннюю картину состоянія успѣшности учениковъ за время 1871—1890 гг., а попытаюсь указать только рядъ наибо-

лѣе замѣтныхъ и характерныхъ явленій, относящихся къ этому вопросу.

Прежде всего отмѣчу хорошо извѣстный въ педагогическомъ мірѣ Московскаго округа фактъ, что въ 1880-хъ годахъ письменныя работы, исполненныя учениками Владимірской гимназіи на испытаніяхъ зрѣлости, занимали почетное положеніе среди работъ другихъ гимназій округа. Работы учениковъ нашей гимназіи по древнимъ языкамъ нѣсколько разъ занимали даже—по отзывамъ окружныхъ рецензентовъ—первое мѣсто въ округѣ. Такимъ образомъ, кончавшіе курсъ въ нашей гимназіи обладали, съ точки зрѣнія устава, солидными познаніями по главнымъ предметамъ курса, ибо, по духу системы, письменныя испытанія и были лучшимъ показателемъ ученическихъ познаній въ основахъ гимназической науки. Для опредѣленія степени познаній выпускныхъ учениковъ Владимірской гимназіи во второстепенныхъ предметахъ мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. На испытаніяхъ зрѣлости изъ этихъ предметовъ ученики давали отвѣтъ только по двумъ—по Закону Божію и исторіи (русское сочиненіе нельзя считать испытаніемъ по какому-либо отдѣльному предмету, т. к. оно главн. обр. опредѣляетъ степень развитія ученика); прочіе предметы—физика, географія, космографія, логика, русская словесность, новые языки—не спрашивались. Притомъ результатъ испытаній по Закону Божію и исторіи намъ извѣстенъ только формально: извѣстны предложенные экзаменующимся вопросы и балловая оцѣнка полученныхъ отвѣтовъ, т. к. они заносились въ протоколы устныхъ испытаній; но мы не знаемъ, на какіе вопросы и какъ испытуемые отвѣтили, на какіе не могли дать отвѣта. Общій харак-

теръ вопросовъ—насколько можно судить по ихъ редакціи въ протоколахъ испытаній—показываетъ, что курсъ Закона Божія и исторіи спрашивался въ предѣлахъ учебниковъ (исторія церкви, катихизисъ, исторія Россіи, Греціи и Рима, иногда съ добавленіемъ отрывочныхъ данныхъ изъ ученія о Богослуженіи, изъ всеобщей исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ). Въ этихъ предѣлахъ, повидимому, познанія учениковъ оказывались удовлетворительными, т. к. оцѣнивались баллами не ниже 3. Впрочемъ я, на основаніи, во-первыхъ, собственнаго служебнаго опыта, а во-вторыхъ—результатовъ испытаній зрѣлости въ нашей гимназіи за много лѣтъ, склоненъ думать, что во Владимірской гимназіи, какъ и въ другихъ, устнымъ испытаніямъ зрѣлости въ 1880-хъ годахъ придавалось второстепенное значеніе сравнительно съ письменными и требованія на нихъ не были особенно строгими. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ особенно то обстоятельство, что ученики гимназіи (объ экстернахъ я не говорю), прошедшіе на письменныхъ испытаніяхъ, *никогда* не проваливались на устныхъ. Такимъ образомъ, благополучные результаты устныхъ испытаній зрѣлости по Закону Божію и исторіи еще не служатъ доказательствомъ прочныхъ познаній испытуемыхъ по этимъ предметамъ.

Какъ бы то ни было, остается внѣ сомнѣнія тотъ выводъ, что знанія выпускныхъ учениковъ Владимірской гимназіи по основнымъ предметамъ курса въ 1880-хъ годахъ стояли довольно высоко. Этотъ выводъ имѣетъ для насъ очень важное значеніе въ отношеніи характеристики успѣшности ученія въ нашей гимназіи *вообще*. Мы почти не имѣемъ прямыхъ указаній на степень познаній дру-

гихъ классовъ кромѣ VIII въ изучаемый періодъ, и приведенный выводъ даетъ намъ извѣстную почву для заключеній объ успѣшности учениковъ I—VII классовъ. Если письменныя работы учениковъ VIII кл. Владимірской гимназіи были однѣми изъ лучшихъ въ округѣ, то, значитъ, ученики предшествующихъ классовъ, признанные гимназіей удовлетворительными, имѣли, по крайней мѣрѣ, по главнымъ предметамъ, дѣйствительно удовлетворительныя познанія, иными словами—формальная успѣшность учениковъ Владимірской гимназіи была *не ниже* дѣйствительной. Такой выводъ значитъ много. Благодаря ему, отмѣтки—сухія цифры—становятся краснорѣчивыми свидѣтелями прошлой жизни гимназіи, онѣ пріобрѣтаютъ наше довѣріе, хотя бы одностороннее. Видя, что ученикъ получилъ въ выводѣ за четверть или за годъ по главному предмету отмѣтку 3, мы можемъ быть увѣрены, что онъ своими познаніями въ данномъ отдѣлѣ гимназической науки *удовлетворяетъ* требованіямъ устава и вообще системы, а, можетъ быть, даже стоитъ и нѣсколько выше ихъ. Изъ изслѣдованія формальной успѣшности учащихся мы знаемъ, что въ результатѣ учебнаго года въ 1880-хъ годахъ оказывалось обыкновенно около 70% переведенныхъ въ высшіе классы и окончившихъ курсъ—т. е. удовлетворительныхъ учениковъ: эта же цифра показываетъ, какое число учащихся дѣйствительно усвоило то, что требовалось программами.

Трудно рѣшить, насколько такой результатъ нормаленъ по существу; думается, что при лучшей постановкѣ гимназическаго ученья % усвоившихъ необходимыя свѣдѣнія могъ бы быть значительно

выше; но при господствѣ Толстовской системы указанный % считался нормальнымъ.

До такого состоянія успѣшности, которое при тогдашней постановкѣ учебнаго дѣла въ гимназіяхъ могло считаться хорошимъ и даже съ извѣстной стороны (по качеству письменныхъ работъ выпускныхъ учениковъ) блестящимъ, Владимірская гимназія дошла тяжелымъ, говоря метафорически,—кровавымъ путемъ, путемъ нещаднаго «избіенія младенцевъ». Вспомнимъ, какая масса учениковъ въ первые годы дѣйствія устава 1871 г. была признаваема неудовлетворительными учениками, сколько ихъ было оставляемо на 2-й годъ въ классѣ и даже изгоняемо изъ гимназіи по § 34. Этимъ способомъ, съ одной стороны, фильтровался составъ учениковъ, съ другой—уцѣлѣвшіе ученики доводились до высшаго изощренія своихъ «учебныхъ» способностей—конечно, въ духѣ учебной системы. Можетъ показаться страннымъ, что отъ гимназіи потребовались такія жестокія мѣры, такія печально-героическія усилія, чтобы подвести подъ требованія устава 1871 г. питомцевъ школы 60-хъ годовъ, которая въ нашей гимназіи—какъ мы видѣли раньше—далеко не была снисходительной и балующей. Но дѣло объясняется просто: школа 60-хъ годовъ, требуя отъ учениковъ знаній, провѣряемыхъ устными отвѣтами и отчасти домашними письменными работами, почти не знала классныхъ письменныхъ работъ, особенно латинскихъ и греческихъ «extemporalia» и класснаго рѣшенія на бумагѣ математическихъ задачъ, а при новомъ уставѣ классныя письменныя работы считались главнымъ, иногда даже единственнымъ мѣриломъ ученическихъ познаній.

Для удачнаго выполненія классныхъ письмен-

ныхъ работъ нужны, помимо навыка, и болѣе прочныя знанія и нѣсколько иной подборъ ихъ, чѣмъ для удачныхъ устныхъ отвѣтовъ и домашнихъ упражненій. По языкамъ въ этомъ случаѣ всего нужнѣе твердое знаніе наиболѣе *употребительныхъ* (а не важныхъ въ теоріи) грамматическихъ формъ, по математикѣ—знаніе употребительныхъ формулъ и теоремъ, хотя бы безъ пониманія ихъ логическихъ основаній. Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько фактовъ, прочно устанавливающихъ справедливость высказаннаго мнѣнія,—что весь трудъ подведенія учениковъ подъ требованія новаго устава сводился къ пріученію ихъ выполнять классныя письменныя работы и что въ этихъ работахъ заключались и причина и орудіе «избіенія младенцевъ». Вспомнимъ такія явленія: окруж. инсп. Вейнбергъ былъ пораженъ огромнымъ числомъ единицъ за письм. классныя работы по геометріи въ IV кл. въ 1-ю четв. 1872—73 уч. года; при испытаніи зрѣлости въ 1872 г. ученики не могли выполнить письм. перевода съ русскаго на латинскій языкъ, почему и не кончили курса. Но особенно ярко рисуется картина тяжелаго процесса превращенія воспитанниковъ нашей гимназіи въ классиковъ новой формаціи въ одномъ любопытномъ документѣ, случайно сохранившемся въ протоколахъ совѣта за 1871 годъ. Я разумѣю письменный споръ между двумя преподавателями латинскаго языка—учителемъ Целестиномъ и инспекторомъ Заксомъ. Начался этотъ споръ устно и слѣд. образомъ. При распредѣленіи уроковъ по новому уставу въ августѣ 1871 г., инсп. Заксу поручено было преподаваніе латин. яз. въ VII кл., который раньше велъ по этому предмету учитель (изъ иностранцевъ) Целестинъ. Заксъ, для ознакомленія съ

познаніями принятаго класса, въ самомъ началѣ учебнаго года далъ ученикамъ для класснаго перевода съ русскаго на латинскій яз. небольшой отрывокъ, переведенный изъ Корнелія Непота. Ученики исполнили переводъ крайне слабо. Тогда Заксъ предложилъ совѣту (23 августа) отвести 7-й дополнительный урокъ латинскаго яз. въ VII кл., который, по уставу, временно замѣнялъ урокъ логики и долженъ былъ посвящаться чтенію философскихъ сочиненій Цицерона,—исключительно на письменныя упражненія, въ виду того, что ученики показали «совершенное отсутствіе навыка» въ письм. переводахъ съ рус. на лат. яз. Совѣтъ принялъ предложеніе Закса. Целестинъ обидѣлся за неодобрительный отзывъ о познаніяхъ бывшихъ его учениковъ и заявилъ протестъ противъ отзыва Закса, но почему-то не на этомъ, а на слѣдующемъ засѣданіи совѣта—31 августа. Совѣтъ постановилъ: разсмотрѣть написанную учениками работу, которая вызвала неодобреніе Закса, и потомъ разсудить пришедшихъ въ столкновеніе педагоговъ.

Работы были, повидимому, разсмотрѣны совѣтомъ и оказались, дѣйствительно, изъ рукъ вонъ плохими. Целестинъ до нѣкоторой степени смирился и только просилъ Закса (который уже былъ испр. должность директора), чтобы онъ согласился смягчить занесенное въ протоколъ заявленіе объ отсутствіи у VII класса навыка къ переводамъ прибавкой слова «почти». Заксъ не согласился. Тогда Целестинъ подалъ совѣту весьма неграмотный докладъ, въ которомъ изложилъ ходъ пререканій съ Заксомъ и старался доказать, что послѣдній придирчиво оцѣниваетъ работы и предъявляетъ ученикамъ требованія, неправильныя по существу и не со-

отвѣтствующія тѣмъ условіямъ, при которыхъ шли занятія учениковъ латинскимъ языкомъ раньше. Целестинъ указывалъ, что ученики нынѣшняго VII класса до VI класса вовсе не писали extemporalia на латинскомъ языкѣ, а въ VI классѣ переводили только отдѣльныя фразы, между тѣмъ Заксъ далъ имъ для перевода связный отрывокъ. Въ оправданіе своей оцѣнки познаній класса въ предшествующемъ году Целестинъ говоритъ, что тогда при оцѣнкѣ работъ учениковъ онъ не принималъ въ расчетъ ошибки въ выборѣ словъ и ихъ написаніи, а также неточности перевода: съ этими ограниченіями работы въ общемъ оказывались удовлетворительными; данная Заксомъ работа исполнена хуже прежнихъ, но это объясняется какъ характеромъ работы, такъ и тѣмъ, что она дана тотчасъ послѣ каникулъ.

Неуклюжій и наивный докладъ Целестина вызвалъ литературно изложенный, остроумный отвѣтъ Закса. Сущность его сводится къ опроверженію главной мысли доклада Целестина—что неудача учениковъ VII класса въ исполненіи предложенной Заксомъ работы есть явленіе случайное и что въ предшествующемъ году тѣ же ученики писали болѣе или менѣе удовлетворительно. Заксъ разбираетъ представленные Целестиномъ латинскіе переводы прошлогодняго VI класса и ясно показываетъ глубокое невѣжество учениковъ въ области латинской грамматики и фразеологіи, невнимательность учителя въ исправленіи работъ и крайнюю снисходительность ихъ балловой оцѣнки. Для человѣка нашего поколѣнія, прошедшаго школу 1870-хъ годовъ, выписываемыя Заксомъ ошибки учениковъ кажутся прямо невѣроятными для VI класса. Таковы, напр.,

безсмысленныя фразы: «Nos paremur leges amoris bonum quam metus»; «Solon tulit tales optimae leges», или отдѣльныя выраженія: «captem urbem», «aliquo civitati», «pro patriae» и т. п.

Описанный споръ обнаруживаетъ передъ нами такіе факты: 1) латинскія extemporalia впервые были введены въ нашей гимназіи въ 1870—71 г. для VI класса, и имъ сначала не придавали большого значенія; 2) при введеніи устава 1871 г. ученики VII класса оказались плохо знающими латинскую грамматику и неспособными дѣлать сколько-нибудь порядочныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ; 3) съ начала 1871—72 учеб. года къ ученикамъ сразу были предъявлены строгія требованія въ отношеніи грамматическихъ знаній и навыка въ переводѣ на латинскій языкъ.

Учившійся древнимъ языкамъ знаетъ, какъ трудно дается умѣнье правильно переводить съ русскаго языка на древніе, а потому пойметъ, какихъ усилій стоило злосчастнымъ ученикамъ VII кл. въ 1871—72 уч. году добиться того, чтобы быть въ состояніи выполнить предлагаемую окружнымъ начальствомъ для испытаній зрѣлости латинскую работу. Понятно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ въ этомъ году сдать выпускного экзамена.

Первому выпуску учениковъ по новому уставу пришлось всего тяжеле; слѣдующія поколѣнія учениковъ имѣли больше времени для приспособленія къ новымъ требованіямъ, а педагоги проводили ихъ, «не щадя ученическаго живота»; ученикамъ нельзя было дремать, и уровень ихъ классико-математическихъ познаній быстро повышался... Все это понятно. Но нельзя не подивиться быстротѣ, съ

какой владимірскіе гимназисты отъ несвязнаго латинскаго лепета въ 1871 г. дошли до такого блестящаго знанія античныхъ грамматикъ, что въ 1880-хъ годахъ ихъ переводы были первыми въ округѣ! Ясно, что безъ жестокой энергіи педагоговъ, безъ героическихъ усилій со стороны и учащей и учащейся такой результатъ былъ бы немыслимъ.

Приведенныя разсужденія объ успѣшности учениковъ имѣли главною цѣлью выяснить два обстоятельства: 1) высокое состояніе познаній по главнымъ предметамъ учениковъ Владимірской гимназіи въ 1880-хъ годахъ и 2) тяжелый путь дрессировки въ письменныхъ упражненіяхъ, которымъ ученики были доведены до такого состоянія. Но было бы несправедливымъ по отношенію къ дѣятельности нашей гимназіи въ 1860-хъ годахъ—упускать изъ вида то значеніе, которое имѣла созданная въ то время постановка учебнаго дѣла для будущаго преуспѣянія гимназіи на поприщѣ новой системы ученья. Гимназія 1860-хъ годовъ не была образцовой школой дрессировки по части письменныхъ работъ, но она была все-таки серьезной и строгой школой, развивала учениковъ и пріучала ихъ къ работѣ: плоды такой закваски и сказались въ быстромъ приспособленіи нашей гимназіи къ требованіямъ новаго устава.

Выше было указано на неполноту нашихъ свѣдѣній о дѣйствительной успѣшности учениковъ въ изучаемый періодъ. По отношенію къ главнымъ предметамъ курса мы еще располагаемъ такимъ количествомъ фактовъ, что съ помощью нѣкоторыхъ соображеній и вѣроятныхъ заключеній могли въ общихъ чертахъ обрисовать успѣхи учениковъ

въ ихъ изученіи, но относительно второстепенныхъ предметовъ мы находимся въ области почти исключительно однѣхъ догадокъ. Протоколы испытаній зрѣлости даютъ намъ указанія неопредѣленныя и ненадежныя. отзывовъ ревизоровъ объ этихъ предметахъ не сохранилось, кромѣ одного (Киндлера въ 1885 г.), который скоро оказался пристрастнымъ: педагогическій совѣтъ на эти предметы мало обращалъ вниманія, и сужденія о ихъ положеніи встрѣчаются въ протоколахъ совѣта только за первые годы періода, притомъ крайне отрывочные (они почти всѣ были приведены при обозрѣніи хода преподаванія).

Для поднятія успѣшности учениковъ, кромѣ особыхъ мѣръ со стороны совѣта, служили поощренія и награды: разрядные списки по четвертямъ, запись на красную доску, награды 1-ой и 2-ой степени при переводѣ въ высшіе классы, награжденіе медалями окончившихъ курсъ.

B) *Второй отдѣлъ — эпоха смягченнаго классицизма* (1890—1901 г.г.). а) *Учебная реформа Делянова.* Въ теченіе 1890—91 учеб. года, при министрѣ нар. просв. Деляновѣ, послѣдовало важное по существу, хотя не рѣзкое по формѣ, измѣненіе учебной части устава 1871 года. Высочайше утвержденнымъ 12 іюня 1890 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта измѣнялись: таблица уроковъ для гимназій, учебные планы предметовъ и распредѣленіе ихъ по классамъ, а отчасти и самый составъ учебнаго курса. Одновременно съ этимъ министерствомъ н. пр. были выработаны (20 іюля 1890 г.) новыя программы преподаванія предметовъ, а въ концѣ 1890—91 уч. года изданы новыя «правила объ испытаніяхъ учени-

ковъ гимназій и прогимназій» (утвержд. министромъ 12 марта 1891 г.).

Было бы слишкомъ долго, да и безполезно—въ виду существованія оффиціальныхъ сборниковъ постановленій и распоряженій—подробно излагать измѣненія въ учебномъ уставѣ гимназій, произведенныя разбираемой реформой. Согласно цѣли настоящаго изслѣдованія мнѣ достаточно выяснить общій характеръ вышеуказанныхъ измѣненій и привести новую таблицу уроковъ, которая всегда составляетъ основную черту въ постановкѣ учебнаго дѣла.

Главныя измѣненія, внесенныя въ учебное дѣло гимназій реформой 1890—91 г., суть слѣдующія.

1) Исключено изъ состава гимназическаго курса естествовѣдѣніе (которое въ дѣйствительности почти нигдѣ не преподавалось—какъ указано въ министерскомъ проектѣ реформы).

2) Отмѣнено повтореніе географіи въ VII и VIII кл.

3) Измѣнено распредѣленіе по классамъ частей предметовъ: русской словесности и исторіи, а именно: теорія словесности перенесена изъ V въ VIII кл., исторія словесности раздѣлена между V, VI и VII классами (въ прежнемъ объемѣ, кончая Гоголемъ); эпизодическій курсъ всеобщей и русской исторіи въ III и IV кл. замѣненъ краткимъ курсомъ русской исторіи въ III кл., систематическій курсъ исторіи всеобщей и русской проведенъ черезъ IV, V, VI и VII классы; въ VIII кл. назначено повтореніе исторіи Греціи и Рима съ дополненіями.

4) Расширена программа Закона Божія—внесеніемъ въ нее (VII и VIII кл.) нѣкоторыхъ отдѣловъ

Богословія (при увеличеніи числа уроковъ З. Б. въ VI, VII и VIII кл. на одинъ въ каждомъ классѣ).

5) Измѣненъ характеръ преподаванія древнихъ языковъ въ VII и VIII классахъ—отмѣной особыхъ уроковъ грамматики и переводовъ съ русскаго яз. на древніе и усиленіемъ, взамѣнъ этого, чтенія авторовъ. Въ V—VIII кл. введены классныя упражненія въ переводѣ съ древнихъ языковъ на русскій.

6) Къ числу «основныхъ» предметовъ гимназическаго курса отнесены, кромѣ древнихъ языковъ и математики, Законъ Божій и русскій языкъ, при чемъ по обоимъ этимъ предметамъ увеличено число уроковъ.

7) Уменьшено общее количество уроковъ по древнимъ языкамъ на 10: по латинскому языку установлено 42 ур. вм. 49, по греческому яз.—33 вм. 36.

8) Введено въ I, II и III кл. преподаваніе, въ качествѣ обязательнаго предмета, рисованія.

9) Сильно измѣнена система переводныхъ и окончательныхъ испытаній. По отношенію къ первымъ нарушена стройность распредѣленія устныхъ испытаній: вмѣсто пріуроченія ихъ только къ IV и VI кл., они разбиты теперь по всѣмъ классамъ, при помощи раздѣленія сдаваемыхъ предметовъ на болѣе мелкіе отдѣлы. Окончательныя испытанія—зрѣлости—измѣнены слѣдующимъ образомъ: а) письменныя: переводы съ русскаго яз. на древніе замѣнены переводами съ древнихъ языковъ на русскій; число математическихъ задачъ сокращено до двухъ (одна по алгебрѣ, другая по геометріи съ прибавкой тригонометрическихъ данныхъ); в) устныя: введены испытанія по словесности и новымъ языкамъ,

облегчено испытанiе по исторiи—почти полнымъ исключенiемъ изъ программы испытанiя всеобщей исторiи среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Таблица уроковъ 1890 г.

	При-гот.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего уроковъ*).
1. Законъ Божiй . .	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
2. Русскiй яз. и логика	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
3. Латинскiй яз . .		6	6	5	5	5	5	5	5	42
4. Греческiй яз. . .				4	5	6	6	6	6	33
5. Математика . . .	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
6. Физика							2	3	2	7
7. Исторiя				2	2	3	2	2	2	13
8. Географiя		2	2	2	2					8
9. Французскiй яз. .			3	2	3	3	2	3	3	19
10. Нѣмецкiй яз. . .			3	3	3	3	3	2	2	19
11. Чистописанiе и рисованiе	6	4	4	2						10
ИТОГО .	22	23	28	29	29	29	29	29	29	225

Общiй смыслъ перечисленныхъ измѣненiй сводится къ слѣдующему: господствующее положенiе въ гимназическомъ курсѣ двухъ древнихъ языковъ и математики ослаблено усиленiемъ значенiя русскаго языка; знанiе грамматики древнихъ языковъ потеряло значенiе конечной цѣли гимназическаго образованiя, и окончательное испытанiе учениковъ въ этомъ знанiи перенесено съ экзамена зрѣлости на экзаменъ при переходѣ изъ VI въ VII классъ

*) въ 8 нормальныхъ классахъ.

(для котораго окружное начальство получило право присылать свои темы классическихъ «экстемпоралій»); слѣдствіемъ всего этого было ослабленіе преподаванія древнихъ грамматикъ, что на практикѣ равнялось смягченію требованій по древнимъ языкамъ вообще; разрушена стройная система испытаній, и введенъ безпорядочный наборъ отрывочныхъ переводныхъ экзаменовъ «по отдѣламъ». Въ общемъ, реформа производила впечатлѣніе полумѣры, наскоро сдѣланной починки въ такомъ зданіи, основное строеніе котораго оказалось ненадежнымъ. Реформа 1890—91 г. явно стремилась оправдать въ главныхъ чертахъ уставъ 1871 г. съ его дополненіями, но въ каждомъ ея положеніи слышалось осужденіе этого устава и безсознательное влеченіе къ Уваровскому строю гимназій, къ старому русскому классицизму.

b) *Введеніе реформы 1890—91 г. во Владимірской гимназіи.* Введеніе описанной реформы учебнаго дѣла въ нашей гимназіи совершилось—какъ и въ другихъ русскихъ гимназіяхъ, согласно распоряженію Министерства—немедленно послѣ законодательнаго утвержденія ея частей, конечно, съ соблюденіемъ извѣстной постепенности въ отношеніи распредѣленія отдѣловъ учебныхъ предметовъ по классамъ. Примѣненіе новаго учебнаго устава не вызвало ломки въ строѣ гимназической жизни и усиленныхъ трудовъ со стороны педагогическаго персонала гимназіи, какъ это было при введеніи устава 1871 года,—не вызвало потому, что сущность реформы составляло—какъ было выяснено при ея характеристикѣ—не введеніе чего-либо новаго, а поправленіе стараго, главн. образ. смягченіе строгостей грамматическаго классицизма. Конечно, идеа-

лизируя систему школьнаго классицизма, можно было прійти къ заключенію, что теперь по крайней мѣрѣ въ двухъ старшихъ классахъ можно и должно утвердить настоящій литературный классицизмъ, т. е. изученіе античной жизни по античной литературѣ, но къ такой идеализаціи учителя—классики 1890-хъ годовъ, умудренные опытомъ либо своей педагогической дѣятельности, либо своей ученической жизни, за рѣдкими исключеніями врядъ ли были способны. Они смотрѣли на реформу просто и прозаично. Для нихъ она сводилась къ тому, что нужно сократить и ускорить прохожденіе грамматики древнихъ языковъ въ первыхъ шести классахъ, ослабить это прохожденіе въ VII и VIII классахъ, отмѣнить въ этихъ двухъ классахъ переводы съ русскаго языка на древніе и ввести во всѣхъ старшихъ—или даже и младшихъ—классахъ переводы съ древнихъ языковъ на русскій. Найти время и силы для выполненія этихъ требованій при уменьшенномъ числѣ уроковъ, не ослабляя въ то же время чтенія авторовъ въ среднихъ классахъ и усиливая его въ двухъ старшихъ—вотъ въ чемъ заключалась для нихъ ближайшая и неотложная въ служебномъ смыслѣ задача. Для учителей, владѣвшихъ русскимъ языкомъ, какъ роднымъ (а таковыми въ нашей гимназіи въ описываемый моментъ были всѣ лица, преподававшія древніе языки), указанная задача была при извѣстныхъ усиліяхъ выполнима, но она приводила въ уныніе, близкое къ отчаянію, классиковъ—иностранцевъ, какъ это знаетъ авторъ изслѣдованія по личнымъ наблюденіямъ въ другой гимназіи.

Ходъ введенія реформы въ нашей гимназіи былъ слѣдующій.

Въ засѣданіи 25 мая 1890 г. педагогическій совѣтъ заслушалъ цирк. предложеніе попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 16 мая 1890 г. за № 5620—касательно распредѣленія учебныхъ занятій въ предстоящемъ учебномъ году: это было первое извѣщеніе о реформѣ.

Въ засѣданіи 14 августа 1890 г. совѣтъ заслушалъ цѣлый рядъ узаконеній и министерскихъ распоряженій, вводящихъ описываемую реформу (которыя присланы были, конечно, при предложеніяхъ попечителя округа), а именно: a) предложеніе министра народ. просвѣщенія отъ 24 іюня 1890 г. за № 10501—касательно измѣненій въ таблицѣ уроковъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ учебнаго дѣла; b) Высочайше утвержденную 12 іюня 1890 г. таблицу уроковъ и c) предложеніе министра народ. просвѣщенія отъ 8 августа 1890 г. за № 12522, препровождающее новые учебные планы и примѣрныя программы предметовъ гимназическаго курса.

Отвѣтными дѣйствіями со стороны совѣта на заслушанныя распоряженія были слѣдующія. 24 августа 1890 г. было засѣданіе комиссіи преподавателей древнихъ языковъ и русскаго—для обсужденія различныхъ вопросовъ, вызываемыхъ введеніемъ новыхъ учебныхъ плановъ. Комиссія, состоявшая изъ предсѣдателя—директора Студенецкаго, инспектора Греве и учителей: русск. яз.—Полянскаго, Ильенкова, древнихъ языковъ—Мухина, Березовскаго, Устенка и секретаря совѣта, учителя математики Михайлова, сдѣлала слѣд. постановленія: a) сократить курсъ латинской грамматики - опущеніемъ нѣкоторыхъ подробностей; b) ускорить прохожденіе курса латинской грамматики, особенно въ V классѣ, гдѣ, для выполненія новыхъ учебныхъ

плановъ къ концу курса VI класса, придется пройти почти двойной курсъ (прежняго IV и V классовъ); с) въ виду требованія учебнаго плана по русскому языку, чтобы въ VI, VII и VIII кл. на урокахъ, отведенныхъ для классныхъ письменныхъ упражненій, ученики между прочимъ дѣлали переводы на русскій языкъ отрывковъ изъ древнихъ авторовъ,— обязать учителей древнихъ языковъ еженедѣльно представлять директору отрывки изъ древнихъ авторовъ, уже разобранные съ учениками въ классѣ, въ переводѣ на русскій языкъ, хотя бы дословномъ.

31 августа 1890 г. было второе засѣданіе той же комиссіи. Сначала комиссія разрѣшила довольно мелочный вопросъ: слѣдуетъ ли на урокахъ древнихъ языковъ, при переводѣ авторовъ, спрашивать вызванныхъ учениковъ о значеніи всѣхъ новыхъ словъ, встрѣчающихся въ заданномъ отрывкѣ, или ограничиваться частью ихъ, относящеюся къ переведенному ученикомъ мѣсту. Вопросъ разрѣшенъ въ первомъ смыслѣ. Далѣе комиссія тщательно обсудила вопросы о свойствахъ и количествѣ письменныхъ работъ по русскому яз. и древнимъ языкамъ, которыя должны быть исполняемы учениками всѣхъ классовъ (I—VIII), и сдѣлала рядъ подробныхъ постановленій. Сущность ихъ слѣдующая.

По русскому языку во всѣхъ классахъ еженедѣльно даются классныя работы, въ VI, VII и VIII кл., кромѣ того, разъ въ 4 недѣли—домашнія. Классныя работы въ 5 низшихъ классахъ состоятъ изъ диктантовъ, изложеній (начиная со 2-го полугодія II кл.), составленія плановъ статей, періодовъ (въ IV и—на нынѣшній годъ—въ V классѣ) и

описаній (въ V кл.). О характерѣ работъ для VI, VII и VIII классовъ комиссія не сдѣлала вполнѣ яснаго постановленія, находя, повидимому, достаточными указанія учебныхъ плановъ, которыми рекомендуются: изложеніе содержанія произведеній, письменный разборъ ихъ, сочиненія въ видѣ описаній, повѣствованій, разсужденій и, наконецъ, переводы съ древнихъ языковъ на русскій.

По латинскому языку установлены: въ 4 младшихъ классахъ: еженедѣльныя классныя упражненія въ переводѣ съ русскаго на латин. яз. и одинъ разъ въ 3—4 недѣли переводъ съ латин. яз. на русскій; въ V—VI классахъ: въ 4 недѣли 3 перевода съ русск. на лат. яз. и 1 переводъ съ лат. на русск. яз.; въ VII и VIII классахъ: въ 2 недѣли одинъ переводъ съ лат. на русскій языкъ.

По греческому языку установлены: въ III и IV классахъ: еженедѣльные переводы съ русскаго языка на греческій; въ V и VI классахъ: въ 2 недѣли 1 переводъ съ русскаго яз. на греческій и 1 переводъ съ греч. яз. на русскій; въ VII и VIII классахъ: въ 2 недѣли 1 переводъ съ греческаго яз. на русскій.

Комиссія точно опредѣлила количество минутъ, отводимое на письменныя работы по древнимъ языкамъ, а именно: для I—VI кл. отъ 25 до 40 мин., для VII и VIII кл. —полное время урока.

Наконецъ комиссія обсуждала заявленіе преподавателя греческаго яз. въ VII кл. о томъ, что ученики VII кл. въ предшествующемъ году не закончили изученіе греческаго синтаксиса и потому представляется нужнымъ въ настоящемъ году въ VII кл. отдѣлить

1 урокъ отъ чтенія авторовъ на грамматическія занятія. Комиссія постановила возбудить въ этомъ смыслѣ ходатайство передъ попечителемъ округа.

Двумя описанными засѣданіями комиссіи были рѣшены въ теоріи главныя задачи, поставленныя вводимой реформой педагогическому персоналу нашей гимназіи. Но практика скоро открыла затрудненія для точнаго выполненія намѣченныхъ комиссіей положеній. Для устраненія этихъ затрудненій комиссіи пришлось собраться еще разъ—2 ноября 1890 г. Составъ ея былъ тотъ же, за исключеніемъ учителя Устенка. Комиссія обсуждала заявленія преподавателей: русскаго яз въ VI, VII и VIII классахъ и древнихъ яз. въ V и VI кл. Преподаватель русскаго яз. указывалъ на необходимость во время уроковъ, еженедѣльно отводимыхъ учебными планами для классныхъ письменныхъ упражненій, занимать учениковъ не только переводами и изложеніями, но и сочиненіями. Комиссія нашла, что такое мнѣніе вполнѣ согласуется съ требованіями учебныхъ плановъ и можетъ быть примѣнено на дѣлѣ. Преподаватели древнихъ языковъ ходатайствовали о разрѣшеніи имъ удѣлять на выдачу и объясненіе исправленныхъ письменныхъ работъ ученикамъ время не отъ уроковъ грамматики, а отъ уроковъ, посвященныхъ чтенію авторовъ, т. к. въ V и особенно въ VI классѣ времени, отведеннаго на грамматику, и безъ того едва достаточно для надлежащаго ея усвоенія учениками. Комиссія нашла ходатайство преподавателей древнихъ языковъ основательнымъ и постановила представить его на утвержденіе попечителя округа.

Въ отвѣтъ на это ходатайство попечитель округа въ предложеніи отъ 22 ноября 1890 г., за

№ 13946, указалъ, что отдѣлять на исправленіе письменныхъ работъ время отъ чтенія авторовъ неудобно, но зато гимназія можетъ ходатайствовать о введеніи дополнительныхъ уроковъ по древнимъ языкамъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ не хватаетъ класснаго времени для исправленія работъ. Заслушавъ это предложеніе въ засѣданіи 13 декабря 1890 г., совѣтъ постановилъ ходатайствовать передъ попечителемъ округа о введеніи съ начала слѣдующаго полугодія дополнительныхъ уроковъ по латинскому яз. въ V и VI классахъ, по одному въ недѣлю. Что касается ходатайства, возбужденнаго предметной комиссіей 31 августа 1890 г., то попечитель округа предложеніемъ отъ 13 сентября того же года разрѣшилъ отдѣлить въ VII кл. одинъ урокъ греческаго языка на грамматическія занятія.

Предметная комиссія по древнимъ языкамъ принуждена была собраться еще разъ—17 декабря 1890 г.—по поводу затрудненій въ прохожденіи латинскаго синтаксиса въ IV кл., гдѣ, для выполненія новыхъ учебныхъ плановъ, нужно было пройти, сверхъ курса класса, нѣкоторые отдѣлы грамматики, которые по новымъ планамъ предполагались пройденными въ III кл., а на дѣлѣ, согласно старымъ планамъ, пройдены не были. Комиссія, на основаніи вышеприведеннаго предложенія попечителя отъ 22 ноября, нашла выходъ изъ затрудненія въ ходатайствѣ о введеніи съ будущаго полугодія одного дополнительнаго урока по латинскому яз. въ IV кл.

Этимъ засѣданіемъ закончились труды предметныхъ комиссій по введенію новыхъ учебныхъ плановъ въ нашей гимназіи. Читатель видитъ, что теоретическія и практическія затрудненія при введе-

нiи новыхъ плановъ возникали почти исключительно въ отношенiи древнихъ языковъ. Это объясняется во-первыхъ особеннымъ вниманiемъ со стороны учебнаго персонала къ этимъ первенствующимъ предметамъ, а во-вторыхъ тѣмъ, что во введенiи новыхъ плановъ по древнимъ языкамъ министерское распоряженiе меньше заботилось о постепенности, чѣмъ въ отношенiи другихъ предметовъ.

Во второе полугодiе 1890—91 г. вышли въ свѣтъ новыя правила объ испытанiяхъ учениковъ гимназiй, утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенiя 12 марта 1891 г. Въ нашу гимназiю они присланы были вмѣстѣ съ копiей предложенiя министра нар. пр. попечителю М. У. О. отъ 20 марта 1891 года за № 5171, при предложенiи попечителя округа отъ 22 марта, и заслушаны совѣтомъ въ засѣданiи 1 апрѣля 1891 г. Въ министерскомъ предложенiи за № 5171 предусмотрѣна необходимость постепеннаго введенiя новыхъ правилъ объ испытанiяхъ и тщательно разработанъ планъ этого введенiя въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1891 г. На долю педагогическаго совѣта гимназiи оставалась, такимъ образомъ, сравнительно нетрудная работа— внимательно изучить преподанныя министерствомъ указанiя и точно примѣнять ихъ. При соблюденiи этихъ двухъ условiй, примѣненiе новыхъ правилъ не могло вызвать затрудненiй: такъ и было во Владимiрской гимназiи. Но автору изслѣдованiя извѣстно изъ личнаго опыта, что при нѣкоторомъ ослабленiи вниманiя легко было запутаться въ сложной и нестройной системѣ испытанiй и допустить ошибку.

Въ первый годъ своего примѣненiя новыя правила объ испытанiяхъ сильнѣе всего отразились на

судьбѣ учениковъ младшихъ классовъ (I—IV) и VIII класса. По новымъ правиламъ допускались къ переводнымъ испытаніямъ *всѣ* ученики первыхъ 4 классовъ, независимо отъ ихъ годовыхъ отмѣтокъ, тогда какъ по правиламъ 1872 г. къ переводнымъ испытаніямъ допускались только ученики, имѣвшіе извѣстный minimum годичныхъ отмѣтокъ, а остальные прямо оставлялись на 2-ой годъ или увольнялись изъ заведенія. Такъ какъ удовлетворительная отмѣтка на испытаніи покрывала недочетъ въ годовой отмѣткѣ, то возможность перехода въ слѣдующій классъ новыми правилами для учениковъ младшихъ классовъ была, несомнѣнно, увеличена, притомъ начиная съ перваго года дѣйствія правилъ. Для учениковъ VIII класса съ перваго же года дѣйствія новыхъ правилъ были облегчены письменныя испытанія зрѣлости, наиболѣе опасныя,—отмѣной задачи по ариѳметикѣ и введеніемъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій. Число устныхъ испытаній зрѣлости увеличилось уже въ 1891 году испытаніемъ по новому языку, но оно—какъ хорошо извѣстно автору изслѣдованія изъ личнаго опыта—въ гимназіяхъ не имѣло практическаго значенія. Въ общемъ испытанія зрѣлости оказались облегченными уже для перваго выпуска учениковъ по новымъ правиламъ. Изъ всѣхъ классовъ отъ новыхъ правилъ пострадалъ на 1-й годъ только VI классъ, т. к. къ исполненнымъ учениками этого класса на испытаніи переводамъ на древніе языки предъявлены были болѣе строгія требованія; впрочемъ и для этого класса былъ нѣсколько облегченъ въ 1891 г. экзаменъ по алгебрѣ (только за курсъ V кл., а не V и VI, какъ прежде). Въ общемъ новыя правила объ испытаніяхъ, несмотря на введеніе лишнихъ

противъ прежняго устныхъ экзаменовъ во II и въ нечетныхъ классахъ, *облегчали* ученикамъ переходъ въ высшіе классы —частью допущеніемъ къ испытанію всѣхъ учениковъ младшихъ классовъ, частью облегченіемъ трудныхъ экзаменовъ для IV, VI и VIII классовъ (посредствомъ перенесенія отдѣловъ сдаваемыхъ предметовъ на испытанія въ другихъ классахъ), наконецъ, замѣною въ двухъ высшихъ классахъ экзаменаціонныхъ переводовъ съ русскаго яз. на древніе—болѣе легкими обратными переводами. Облегченіе перехода въ высшіе классы сказалось уже въ первомъ году примѣненія новыхъ правилъ, при всей неполнотѣ этого примѣненія; но обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса будетъ сдѣлано ниже.

c) *Общій ходъ учебныхъ занятій въ 1890—1901 г.г. Успѣшность учениковъ.* Мы видѣли, что Деляновская реформа учебнаго дѣла вводилась въ нашей гимназіи легко и спокойно, безъ потрясеній въ гимназической жизни, безъ особыхъ усилій со стороны учебнаго персонала. Когда учебная машина была пущена по новому пути, или, точнѣе, по подновленной старой колеѣ, то дальнѣйшій ея ходъ, направляемый опытными техниками—учителями, былъ тѣмъ болѣе спокоенъ и ровенъ. Съ формальной стороны точно приспособляясь къ новымъ учебнымъ планамъ, учителя въ сущности учили такъ, какъ привыкли учить, и ученики въ общемъ учились такъ же, какъ прежде. Старыя привычки въ учебныхъ занятіяхъ сохранились тѣмъ легче, что новые учебные планы и правила по формѣ вводили мало новаго. Гораздо важнѣе—какъ было разъяснено выше—было внутреннее, нравственное значеніе новыхъ правилъ, но оно во всей силѣ выяснилось не сразу, а постепенно, притомъ въ различной степени и въ различные

сроки для отдѣльныхъ представителей школы, въ томъ числѣ учителей нашей гимназіи. Одно впечатлѣніе должно было быть всеобщимъ, должно было явиться у всякаго преподавателя гимназіи при чтеніи новыхъ правилъ,—то, что высшее учебное начальство уже не считаетъ главнымъ пробнымъ камнемъ гимназической выучки переводъ съ русскаго языка на древніе, т. е., иными словами, знаніе грамматическихъ тонкостей по древнимъ языкамъ не есть главная цѣль гимназическаго преподаванія. Но, если не въ этомъ, то въ чемъ же заключается названная цѣль? На такой вопросъ новыя правила не давали отвѣта, и здѣсь открывалось обширное поле для разнорѣчивыхъ мнѣній о задачахъ гимназическаго обученія. Документы архива не говорятъ намъ о томъ, какъ рѣшался этотъ вопросъ учителями нашей гимназіи, но ясно показываютъ, что количество неудовлетворительныхъ четвертныхъ балловъ вообще, а особенно по древнимъ языкамъ, замѣтно уменьшилось послѣ реформы 1890 года. Сравнимъ, напр. отчеты за 2-ю четверть 1888/9 и 1890/1 г.г.

1888—89	учебн. годъ:	VIII кл.	VII кл.	VI кл.	V кл.	IV кл.	III кл.	II кл.	I кл.
% успѣвающихъ.	по древн. яз.	92.	92.	86.	75.	73.	74.	77.	76.
	по математикѣ	100.	100.	81.	70.	69.	74.	63.	82.
	по русск. яз.	92.	85.	91.	80.	75.	76.	77.	82.

1890—91	учебн. годъ:	VIII кл.	VII кл	VI кл.	V кл.	IV кл.	III кл.	II кл.	I кл.
% успѣвающихъ.	по древн. яз.	100.	94.	92.	88.	85.	81.	80.	83.
	по математикѣ	100.	76.	100.	79.	81.	78.	80.	88.
	по русск. яз.	100.	88	100.	83.	89.	92.	88.	98.

За исключеніемъ математики въ VII кл., % успѣвающихъ въ 1890—91 г. повысился во всѣхъ классахъ, и притомъ весьма значительно. Правда, за это время произошли перемѣны въ составѣ пре-

подавателей, но въ большинствѣ остались прежніе, стало быть, баллы повысились и у нихъ. Да и вообще повышеніе балловъ во всѣхъ классахъ гимназіи врядъ ли можно объяснять особенностями отдѣльныхъ преподавателей: должна была существовать общая причина такого повышенія. Общими причинами въ данномъ случаѣ могли быть: измѣненіе методовъ или пріемовъ преподаванія и измѣненіе въ предъявляемыхъ ученикамъ требованіяхъ или въ оцѣнкѣ ихъ познаній. Сколько-нибудь значительныя измѣненія въ методахъ и пріемахъ преподаванія, общія для всей гимназіи, необходимо должны были отразиться въ протоколахъ педагогическаго совѣта, но въ нихъ мы находимъ только тѣ постановленія предметныхъ комиссій о веденіи письменныхъ работъ и изученіи лат. и греч. грамматики въ старшихъ классахъ, которыя были приведены выше. Въ отношеніи методовъ и пріемовъ преподаванія въ этихъ постановленіяхъ очень мало новаго—развѣ только нѣкоторое увеличеніе количества письменныхъ работъ по русскому и древнимъ языкамъ, да введеніе переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій въ младшихъ классахъ. Къ этому надо прибавить установленную учебными планами замѣну для VII и VIII классовъ переводовъ съ русскаго языка на древніе обратными. Перечисленныя измѣненія въ пріемахъ преподаванія чувствительны для нѣкоторыхъ классовъ (VII и VIII), но не настолько значительны, чтобы могли повліять на общее повышеніе отмѣтокъ въ гимназіи. Очевидно, что въ повышеніи балловъ главную роль сыграла другая причина—измѣненіе требованій или оцѣнки. Косвенное подтвержденіе этого вывода можно найти въ измѣненіи по годамъ процента

переведенныхъ въ высшіе классы и окончившихъ курсъ учениковъ. Процентъ этотъ былъ: a) до реформы: 1889 г.=73, 1890=70; b) послѣ реформы: въ 1891 г.=80, 1892=75, 1893=71,1, 1894=74,5, 1895=81,5. Мы видимъ, что успѣшность дѣлаетъ сильный скачекъ вверхъ въ первый годъ дѣйствія реформы, въ послѣдующіе годы сначала опускается, потомъ поднимается, но уже медленно. Такую неровность поднятія успѣшности нельзя объяснить вліяніемъ основныхъ свойствъ реформы: послѣднія могли вызвать только постепенное поднятіе успѣшности, а быстрый скачекъ ея вверхъ въ 1891 г. приходится считать слѣдствіемъ увлеченія преподавателей въ сторону повышенія оцѣнки.

Такое увлеченіе подъ свѣжимъ вліяніемъ реформы есть фактъ знаменательный. Въ немъ можно видѣть отраженіе общаго впечатлѣнія, произведеннаго Деляновской реформой на педагоговъ нашей гимназіи. Оно, надо думать, сводилось къ тому, что прежняя классико-математическая система гимназическаго образованія самимъ начальствомъ признана несостоятельной, что пока сдѣлана наскоро ея поправка, а потомъ надо ждать полнаго ея измѣненія. Такой взглядъ на Деляновскую реформу, какъ на временную поправку, смягчающую строгость Толстовскаго устава, но не вводящую новыхъ задачъ и пріемовъ гимназическаго обученія,—хорошо объясняетъ общій ходъ учебнаго дѣла въ нашей гимназіи въ изучаемый періодъ.

Приведемъ теперь въ надлежащую связь три главныхъ положенія, высказанныхъ въ началѣ настоящей главы: 1) ходъ учебной машины послѣ реформы былъ спокоенъ и ровенъ; 2) учителя учи-

ли, какъ привыкли; 3) отмѣтки послѣ реформы замѣтно повысились.

Какъ скоро въ сознаніи преподавателей утвердилась мысль, что реформа не устанавливаетъ опредѣленной новой системы гимназическаго образованія, а только обезличиваетъ старую, чтобы сдѣлать ее сносной на время, то у нихъ, особенно у классиковъ и математиковъ, на свирѣпомъ усердіи которыхъ держалась прежняя система, пропала охота усердствовать въ прежнемъ духѣ —отсюда ослабленіе требованій и *повышеніе оцѣнки*. Не могло явиться у преподавателей и желанія вводить новые методы и пріемы преподаванія для осуществленія требованій непрочной реформы: поэтому учителя *учили, какъ привыкли*. Если же преподаваніе шло привычнымъ путемъ, а требованія учителей притомъ смягчились, то не было причинъ—по крайней мѣрѣ, въ самомъ учебномъ дѣлѣ,—которыя бы мѣшали *учебной машинѣ итти спокойно и ровно*.

Такой характеръ учебнаго дѣла держался въ нашей гимназіи, въ общемъ, въ теченіе всего періода 1890—1901 г.г., но вторая его половина, благодаря одному обстоятельству, въ частностяхъ учебнаго дѣла нѣсколько отличается отъ первой. Измѣненіе было внесено постепенной отмѣной переводныхъ испытаній. Въ 1896 г., въ видѣ царской милости къ учащимся, по случаю коронованія Ихъ Величествъ, были во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ переведены въ высшіе классы безъ испытаній всѣ удовлетворительные ученики, а имѣвшіе неудовлетворительные годовые баллы, но не лишенные по уставу 1890 г. права держать переводныя испытанія, подверглись таковымъ послѣ

лѣтней вакаціи, въ сентябрѣ (циркуляръ министра отъ 15 декабря 1895 г. № 26802). Въ 1897 г. переводныя испытанія производились обычнымъ порядкомъ, по правиламъ 1891 г., но въ 1898 г. управл. министерствомъ Боголѣповъ циркуляромъ отъ 8-го марта установилъ въ видѣ опыта на 3 года новыя правила переводныхъ испытаній. Согласно имъ освобождались отъ испытаній ученики, имѣвшіе, при удовлетворительныхъ баллахъ за годъ по всѣмъ предметамъ, баллъ 4 по двумъ изъ главныхъ предметовъ: русскаго, латинскаго, греческаго языковъ и математики. Такой льготой могло пользоваться значительное количество учениковъ, въ нашей гимназіи ½ или ¼ класса. Въ 1901 г., по истеченіи трехлѣтняго срока, временныя правила объ испытаніяхъ были удержаны еще на одинъ годъ, а въ 1902 г. министерскимъ циркуляромъ были отмѣнены переводныя испытанія для всѣхъ удовлетворительныхъ учениковъ уже въ видѣ постояннаго правила.

Итакъ, во второй половинѣ изучаемаго періода хорошіе и порядочные ученики были освобождены отъ переводныхъ испытаній; это не могло не отразиться на ходѣ учебнаго дѣла. Совѣтъ нашей гимназіи, обсуждая въ засѣданіи 31 мая 1900 г. результаты 3-лѣтняго примѣненія новаго правила, нашелъ общее его вліяніе на ходъ учебнаго дѣла благотворнымъ, но указалъ и нѣкоторыя отрицательныя слѣдствія отмѣны испытаній для части учениковъ, а именно: развитіе въ старшихъ классахъ погони за отмѣтками по главнымъ предметамъ, въ ущербъ пріобрѣтенію прочныхъ знаній, а въ младшихъ—забываніе учениками въ теченіе длинныхъ каникулъ пройденнаго за зиму. Вопроса о вліяніи

новыхъ правилъ на веденіе дѣла преподавателями совѣтъ не обсуждалъ, я же, со своей стороны, могу отмѣтить въ этой области два явленія. Отмѣна переводныхъ испытаній для хорошихъ и среднихъ учениковъ, отвѣты которыхъ на экзаменахъ прежде служили основой репутаціи преподавателя, позволяла послѣднему вести преподаваніе свободнѣе прежняго, заботиться не столько о дрессировкѣ класса къ экзамену, сколько о правильномъ прохожденіи курса сообразно научному значенію предмета. Далѣе, та же отмѣна ослабляла необходимость тщательной, мелочной повѣрки и строгой оцѣнки ученическихъ познаній: оцѣнка, поэтому, стала слабѣе и въ общемъ выше. Повышеніе оцѣнки ученическихъ познаній и есть наиболѣе замѣтное слѣдствіе частичной отмѣны переводныхъ испытаній; оно можетъ быть признано характерной чертой состоянія учебнаго дѣла въ нашей гимназіи во вторую половину изучаемаго періода. Присоединивъ къ ней указанную передъ нею черту—развитіе большей свободы преподаванія—въ смыслѣ распоряженія учебнымъ матеріаломъ—мы получимъ два признака, отличающіе ходъ учебнаго дѣла въ 1896—1901 г.г. отъ таковаго въ 1895—1896 г.г.

До сихъ поръ мы говорили о такихъ явленіяхъ въ ходѣ учебнаго дѣла нашей гимназіи за 1890—1901 г.г, которыя были общими и ясно уловимыми слѣдствіями формальныхъ измѣненій въ строѣ гимназіи. Но рядомъ съ ними, медленно, почти незамѣтно, развивались въ учебномъ дѣлѣ другія явленія, которыя были отраженіемъ несравненно болѣе обширнаго процесса, чѣмъ переработка гимназическаго устава,—а именно общаго хода русской жизни. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду указать

на постепенное измѣненіе въ 1890-хъ годахъ отношеній преподавателей—какъ таковыхъ—къ ученикамъ. Не считая исключеній, обусловленныхъ личными особенностями нѣкоторыхъ преподавателей, можно увѣренно выставить какъ общее положеніе, что въ теченіе изучаемаго періода мало-по-малу установились между преподавателями и учениками совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ въ 1870-хъ годахъ. Преподаватели стали вѣжливѣе, мягче, снисходительнѣе къ ученикамъ, ученики—довѣрчивѣе къ преподавателямъ; страхъ и враждебность къ учителямъ среди учениковъ постепенно исчезали и замѣнялись другими чувствами, между которыми, наряду съ дружелюбнымъ пренебреженіемъ, можно было встрѣтить и искреннюю симпатію.

d) *Обзоръ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ въ 1890—1901 годахъ. Законъ Божій.* Преподаваніе велось по учебникамъ, но съ присоединеніемъ разъясненій, даже цѣлыхъ бесѣдъ законоучителя съ учениками. За весь періодъ былъ одинъ преподаватель (свящ. Н. В. Покровскій). Въ приготов. и I кл. сильно налегали на заучиванье молитвъ, тропарей, цѣлыхъ псалмовъ. Въ старшихъ классахъ тексты учили слабовато. Учебниками служили: до 1898 г.—главн. образ. книги Рудакова (свящ. исторія, богослуженіе, церковная исторія), въ VII и VIII классахъ—„Изложеніе христіанской православной вѣры“ и „Ученіе о надеждѣ и любви христіанской“ Смирнова, катихизисъ—Филарета; въ 1898 г. введены были: богослуженіе Темномѣрова и исторія христіанской церкви Смирнова. Оцѣнка познаній учениковъ въ теченіе года была умѣренно снисходительной, отвѣты на экзаменахъ были хорошіе.

Русскій языкъ и словесность. Преподавателей смѣнилось не мало (1-я должность: Полянскій, Миловидовъ, Сливицкій, Пузицкій; 2-я должность: Ильенковъ, Крыловъ), но система преподаванія въ общемъ оставалась одна и та же. Въ младшихъ классахъ ревностно изучалась грамматика (по учебникамъ Кирпичникова, Поливанова, Преображенскаго, Бѣлоруссова, Бѣлявскаго), въ старшихъ—довольно усердно заучивались: исторія словесности по Галахову (до 1893 г.). и по Незеленову, теорія словесности по Бѣлоруссову (до 1893 г.) и Радонежскому и нужные для курса отрывки литературныхъ памятниковъ изъ хрестоматій Буслаева и Галахова. Задаваніе уроковъ сопровождалось объясненіями преподавателей, но эти объясненія тѣсно примыкали къ учебникамъ. Количество письменныхъ работъ, назначаемыхъ совѣтомъ, въ теченіе всего періода было очень велико, хотя въ послѣдніе годы, по причинѣ быстраго возрастанія числа учениковъ, нѣсколько уменьшилось. Въ 1890 г., какъ мы видѣли, комиссія совѣта въ засѣданіи 31 августа постановила давать ученикамъ всѣхъ классовъ классныя работы по рус. яз. еженедѣльно, а въ трехъ старшихъ, сверхъ того, разъ въ 4 недѣли домашнюю работу. Въ 1895—99 г.г. количество назначенныхъ совѣтомъ темъ для работъ въ старшихъ классахъ колеблется отъ 6 до 10 въ полугодіе, обыкновенно—въ V кл.=6, въ VI, VII и VIII кл.=7 работъ; для младшихъ классовъ остается прежняя норма (1 въ недѣлю). Съ 1899 г. мы видимъ уже установленіе для младшихъ классовъ пониженной нормы—2 или 3 работы въ 2 недѣли. На дѣлѣ преподаватели—какъ приходилось видѣть и слышать автору—не всегда успѣвали сдѣлать назначенное совѣтомъ ко-

личество письменныхъ упражненій, особенно въ многолюдныхъ классахъ. Что касается характера письменныхъ работъ, то въ младшихъ классахъ онъ все время оставался почти неизмѣннымъ (главн. обр. диктанты, потомъ изложенія, на домъ иногда давалось составленіе плановъ статей—въ III и IV кл.—и періодовъ—въ IV кл.)., а въ старшихъ мѣнялся. Въ началѣ періода въ VI—VIII класс. въ качествѣ упражненій по русскому языку. часто исполнялись въ классѣ переводы съ древнихъ языковъ на русскій, потомъ они вышли изъ употребленія. Собственно русскія сочиненія носили характеръ описаній (въ V кл.), изложеній содержанія памятниковъ, литературныхъ и историческихъ характеристикъ, наконецъ—разсужденій на такъ наз. „отвлеченныя темы" (различеніе понятій, развитіе нравственныхъ сентенцій и пр.). За время съ 1888—89 до 1894 – 95 учебн. годовъ (директорство Студенецкаго) темы русскихъ сочиненій, повидимому, не обсуждались совѣтомъ, такъ какъ въ протоколахъ онѣ не указаны; съ начала 1895– 96 уч. года темы снова, какъ и прежде, аккуратно перечисляются въ началѣ каждаго полугодія. Сравнивая темы 1895 —1901 г.г. съ таковыми за 1880-е годы, мы находимъ между ними нѣкоторую разницу: въ 1880-хъ годахъ содержаніе темъ разнообразнѣе, часто даются вопросы отвлеченные и историческіе, литературныя темы берутся изъ области какъ русской, такъ и западно-европейской литературы, въ томъ числѣ греко-римской; въ 1890-хъ годахъ огромное большинство темъ взято изъ области русской литературы, остальныя почти всѣ отвлеченныя. Думаю, что такой выборъ темъ зависѣлъ не только отъ личныхъ особенностей преподавателей, а находился въ связи съ перемѣнами

въ учебномъ уставѣ гимназій: повысилось значеніе русскаго языка среди предметовъ гимназическаго курса—и въ выборѣ темъ сказалось повышеніе національнаго чувства.—Оцѣнка ученическихъ познаній по русскому языку въ теченіе года была умѣренно—строгой; на испытаніяхъ ученики писали и отвѣчали въ общемъ удовлетворительно.

Древніе языки. Преподавателей смѣнилось не мало (директоры: Студенецкій, Соколовъ, Панкратовъ, Стрѣльцовъ; инспекторы: Греве, Шнейдеръ, Кедринскій; учителя: 1-я должн. Мухинъ, 2-я должн. Березовскій, 4-я долж. Устенко, Шестаковъ; имѣли уроки древнихъ языковъ и учителя русскаго языка), система преподаванія тоже постепенно измѣнялась, но довольно слабо. Эта система преподаванія въ общемъ была такая же, какъ и повсюду на Руси: тщательное изученіе грамматики, переводъ съ грамматическимъ разборомъ отрывковъ изъ классическихъ авторовъ (назначенныхъ учебными планами), письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на древніе и обратно, наконецъ—въ VII и VIII кл.—изученіе, иногда по особымъ руководствамъ, римскихъ и греческихъ древностей. Но въ нашей гимназіи, привыкшей первенствовать въ отношеніи познаній абитуріентовъ по древнимъ языкамъ, указанная система преподаванія проводилась, повидимому, настойчивѣе, чѣмъ въ большинствѣ русскихъ гимназій, почему и классическія познанія учениковъ здѣсь были выше средняго уровня. Среди преподавателей древнихъ языковъ въ нашей гимназіи въ 1890-хъ годахъ были знатоки древнихъ грамматикъ и классики съ широкимъ литературнымъ образованіемъ. Преподаваніе латинской грамматики у нѣкоторыхъ классиковъ велось не столько по

учебнику, сколько со словъ, и давало въ извѣстномъ смыслѣ отличные результаты. Письменныхъ работъ исполнялось учениками въ первую половину періода много (въ I—VI кл. въ среднемъ 1 въ недѣлю, въ VII—VIII кл.—1 въ 2 недѣли), во вторую половину количество ихъ стало убывать, пока, наконецъ, главный видъ ихъ—переводы на древніе языки—не былъ отмѣненъ циркуляромъ министра нар. просв. отъ 1 августа 1900 года. Руководства по грамматикѣ древнихъ языковъ въ изучаемый періодъ употреблялись слѣдующія: по латин. яз.—учебникъ Шульца, сначала въ обработкѣ Ходобая, потомъ—въ низшихъ классахъ въ обработкѣ Адольфа; по греческому языку—учебникъ Чернаго (до 1898 г.), потомъ Исаенкова. Оцѣнка ученическихъ познаній вообще была строгая, къ концу періода она нѣсколько смягчилась. Письменные и устные отвѣты учениковъ на экзаменахъ въ общемъ были хороши.

Математика, физика, математическая географія. Смѣны преподавателей почти не было: 1-я долж.—все время Лерхъ; 2-я долж. Михайловъ (до 1892 г.), потомъ Чамовъ. Учебными руководствами служили: ариѳметика Михайлова, алгебра и геометрія Давыдова, тригонометрія Шапошникова, физика и космографія Малинина и Буренина. Преподаваніе, однако, въ большинствѣ случаевъ (особенно по курсу ариѳметики и алгебры) велось не по учебникамъ, а со словъ преподавателей. Количество письменныхъ упражненій въ рѣшеніи задачъ (въ классѣ) у отдѣльныхъ преподавателей въ различныхъ классахъ и въ различные годы значительно колебалось; въ среднемъ исполнялось въ каждомъ классѣ 2 работы за четверть учеб. года. Оцѣнка

ученическихъ познаній въ общемъ была умѣренно—строгая, собственно по математикѣ строже, чѣмъ по реальнымъ наукамъ. Результаты преподаванія, особенно судя по испытаніямъ зрѣлости, были хорошіе.

Исторія и географія. Преподавателями были: Страховъ (до 1899 г.), потомъ Захаровъ (авторъ изслѣдованія). Учебными руководствами служили: по исторіи: для III кл. учебникъ Беллярминова, для IV—VIII кл. учебники Иловайскаго по всеобщей и русской исторіи; по географіи: для I класса учеб. Смирнова, для II и III кл.—Турчаковскаго; съ 1895 г. для I, II и III кл.—Воронецкаго; съ 1900 г. для III кл.—Янчина; для IV кл. все время учеб. Баранова и Горѣлова. Преподаваніе велось хотя и съ объясненіями, иногда далеко выходившими за предѣлы учебника, но въ общемъ все-таки по учебнику, такъ какъ обширность программы и многолюдство классовъ мѣшали развитію иной системы преподаванія. По географіи учениковъ упражняли въ черченіи картъ въ классѣ и на дому (Страховъ) или только на дому (Захаровъ). По исторіи, въ видѣ рѣдкаго исключенія, задавались иногда письменныя работы—VII и VIII кл. Оцѣнка ученическихъ познаній была снисходительна. Отвѣты учениковъ на экзаменахъ были въ общемъ довольно удовлетворительны.

Новые языки. Преподавателями были: по нѣмецкому яз.—Дихеусъ (до 1891 г.), потомъ Рейхардтъ, по французскому яз.—Бартъ (до 1897 г.) потомъ Брюзати. Учебниками служили: по нѣмецкому яз.—грамматика и сборникъ статей Кейзера, по французскому языку—учебникъ Игнатовича (до 1897 г.),

потомъ Шаланда Преподаваніе носило грамматическій или т. наз. теоретическій характеръ; письменныя работы, заключавшіяся въ переводахъ съ русскаго яз. на новые, предлагались ученикамъ, но безъ точно установленной системы, почему количество ихъ было въ различные годы весьма различно. Оцѣнка ученическихъ познаній была снисходительна, обнаруживавшіеся на экзаменахъ результаты преподаванія были довольно удовлетворительны.

С. *Третій отдѣлъ: эпоха паденія классицизма и колебаній въ уставахъ (1901—1904 г.г.).* Начало XX вѣка ознаменовалось въ русской общественной жизни небывалымъ по силѣ стремленіемъ къ реформамъ. Раньше прочихъ выставленъ былъ общественнымъ мнѣніемъ, отражавшимся главнымъ образомъ въ печати, вопросъ о реформѣ народнаго образованія, особенно въ области средней школы. Обсужденіе этого вопроса въ печати началось еще въ послѣдніе годы XIX вѣка. Правительство пошло навстрѣчу общественному мнѣнію, съ одной стороны, – путемъ частичныхъ измѣненій въ уставѣ средней школы, а съ другой -- посредствомъ разработки вопроса о реформѣ средней школы въ комиссіяхъ при окружныхъ управленіяхъ, а затѣмъ въ общей комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Это происходило по инициіативѣ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Насильственная смерть этого выдающагося государственнаго дѣятеля (14 февр. 1901 г.) помѣшала послѣдовательному и быстрому проведенію реформы. Преемники Боголѣпова — Ванновскій, Зенгеръ, Глазовъ — не имѣли, повидимому, вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ на задачи средней школы, и реформированіе послѣдней пошло скачками. Начиная съ лѣта 1901 г. ежегодно стали по-

являться новые „опыты“ устава средней школы, противорѣчащіе другъ другу. Таблица уроковъ и учебные планы одно время (осень 1901 г.). мѣнялись въ отдѣльныхъ частяхъ чуть не еженедѣльно. Между тѣмъ радикальная реформа средней школы все откладывалась—пока общій ходъ политической жизни въ Россіи не преградилъ совершенно прежнихъ путей къ ея осуществленію. Такъ до настоящаго времени гимназіи и остались въ переходномъ состояніи, „въ ожиданіи реформы“. Вышеуказанныя правительственныя распоряженія, не создавъ настоящей реформы средней школы, сдѣлали однако въ учебномъ строѣ гимназій одно весьма крупное измѣненіе: они изгнали изъ курса обыкновенныхъ гимназій (не считая немногихъ, состоящихъ на исключительномъ положеніи) греческій языкъ, какъ обязательный предметъ, слѣдовательно, отмѣнили классическую систему образованія.—Прослѣдимъ это паденіе классицизма въ жизни нашей гимназіи.

Предвѣстникомъ его было заслушанное въ засѣданіи педагог. совѣта 19 августа 1900 г. цирк. распоряженіе министра народн. просвѣщенія отъ 1 августа 1900 г. за № 20085—о новыхъ планахъ по древнимъ языкамъ и объ отмѣнѣ по нимъ письменныхъ испытаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большей части письменныхъ работъ въ теченіе года, особенно—знаменитыхъ „extemporalia“. Министръ предписывалъ: «въ теченіе года за письменными упражненіями... сохранить исключительно дидактическое значеніе, употребляя ихъ не часто и въ ограниченномъ объемѣ».

Послѣ такого циркуляра всѣмъ стало ясно, что классицизму скоро будетъ конецъ: для грамматическаго классицизма онъ уже наступилъ, а затѣмъ

долженъ наступить и для остального, такъ какъ грамматика составляла душу русскаго классицизма, и безъ нея онъ лишался опоры и всякой устойчивости. Поставить классицизмъ на новую почву—на почву изученія античной культуры,—какъ всѣ понимали, было дѣло трудное, притомъ же общественное мнѣніе и въ Россіи и въ западной Европѣ шло противъ классицизма въ средней школѣ: значитъ, нужно было ожидать его полнаго паденія. Такой взглядъ былъ и въ нашей гимназіи. Наши учителя—классики сами для себя рѣшили, что съ «дидактическими» работами не стоитъ возиться, и, со смѣшаннымъ чувствомъ огорченія и радости, просто отмѣнили всякія письменныя работы по древнимъ языкамъ.

Въ 1901 г., на испытаніяхъ зрѣлости, ученики уже не писали латинской и греческой работъ. Въ этомъ году, послѣ назначенія министромъ народн. просвѣщенія Ванновскаго, толки о радикальной реформѣ средней школы приняли въ печати опредѣленную форму, и вотъ 23 іюня 1901 г. появился знаменитый циркуляръ Ванновскаго объ учрежденіи общеобразовательной 7-миклассной школы, съ приложеніемъ таблицъ уроковъ, показывающихъ способъ проведенія реформы въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ въ теченіе 4 лѣтъ (1901—2.... 1904—5).

Я не стану приводить этихъ таблицъ, такъ какъ онѣ въ цѣломъ дѣйствовали только одинъ годъ: укажу только такія введенныя ими въ курсъ гимназіи измѣненія, которыя вполнѣ или отчасти держатся до сихъ поръ. Они сводятся къ слѣдующему.

1) Начата постепенная отмѣна греческаго яз.,

какъ обязательнаго предмета, въ гимназіяхъ обычнаго типа (къ коимъ принадлежала и наша).

2) Введено преподаваніе естествовѣдѣнія (на 1-й годъ въ I и II кл.).

3) Предположено введеніе: отечествовѣдѣнія (съ V кл. въ 1902—3 уч. г.) и законовѣдѣнія (съ VI кл. въ 1903—4 уч. г.).

4) Введено преподаваніе отечественной исторіи въ I и II кл.

5) Увеличено число уроковъ по русскому языку, исторіи, а особенно по новымъ языкамъ.

Кромѣ таблицъ уроковъ, циркуляръ 23 іюня содержалъ конспектъ учебныхъ плановъ будущей средней школы. Примѣненіе новой таблицы и плановъ вызвало не мало недоразумѣній какъ въ другихъ гимназіяхъ, такъ и въ нашей. По поводу этихъ недоразумѣній директора гимназій обращались за разъясненіями къ попечителямъ округовъ, тѣ, въ свою очередь,—въ министерство, а оттуда слѣдовалъ рядъ пояснительныхъ циркуляровъ, иногда противорѣчащихъ другъ-другу. Въ школьной практикѣ шла путаница. Въ нашей гимназіи за лѣто 1901 г. четыре раза составлялось распредѣленіе уроковъ между преподавателями. Въ первый разъ (31 мая) оно было составлено по старому уставу, затѣмъ три раза (20 іюля, 13 августа и 1 сентября)— по новому, согласно циркуляру 23 іюня и послѣдующимъ разъясненіямъ министерства, мѣнявшимъ распредѣленіе по классамъ уроковъ новыхъ языковъ. По географіи вышли недоразумѣнія съ курсомъ 3 класса. Сначала въ нашей гимназіи рѣшили проходить въ этомъ классѣ географію Россіи; потомъ, согласно разъясненіямъ начальства, стали изучать

Европу, а кончили все-таки курсомъ русской географіи.

Несмотря на нѣкоторую путаницу, досадную для учащихъ и учащихся, общій духъ гимназической жизни былъ веселый. Чувствовалось обновленіе школы. Прежде обиженные предметы (исторія, географія, новые языки) поднимались во мнѣніи педагоговъ и учениковъ, благодаря увеличенію числа уроковъ по нимъ; преподаваніе ихъ становилось живѣе и серьезнѣе. Преподаваніе новаго предмета—естествовѣдѣнія (порученное у насъ на первый годъ учителю математики и физики—Рябинкину) вносило извѣстное разнообразіе въ кругъ предметовъ гимназическаго курса и ясно свидѣтельствовало о наступленіи новой эры или о возвращеніи къ стариннымъ традиціямъ. Отмѣна латинскаго яз. въ I и II кл., греческаго въ III и IV кл. радовала учениковъ этихъ классовъ. Всѣ ожидали скораго завершенія реформы средней школы, и большинство, повидимому, съ чувствомъ радости, съ надеждой на лучшее.

Въ теченіе того же 1901—2 учеб. года вышло еще одно министерское распоряженіе чрезвычайной важности—новыя правила о переводныхъ испытаніяхъ для воспитанниковъ средней школы (предложеніе министра нар. просв. отъ 14 февраля 1902 г. за № 5196). Эти правила завершали процессъ постепенной отмѣны переводныхъ испытаній для удовлетворительныхъ учениковъ. Они устанавливали—въ отмѣну правилъ 1891 г. съ ихъ дополненіями—какъ постоянное положеніе, что ученикъ гимназіи (или общеобразов. средней школы другого типа), получившій за годъ по каждому предмету отмѣтку не

менѣе 3, переводится въ слѣдующій классъ безъ испытанія, получившій не болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ неудовлетворительный годовой баллъ (2 или 1), подвергается испытанію по этимъ предметамъ въ августѣ мѣсяцѣ, получившій болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ неудовлетворительный годовой баллъ оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Опубликованіе новыхъ правилъ о переводныхъ испытаніяхъ должно было у всѣхъ заинтересованныхъ лицъ увеличить надежду на скорое окончаніе радикальной реформы средней школы, несмотря на замѣтныя для всѣхъ колебанія въ министерскихъ распоряженіяхъ за 1901 годъ. Но событія не оправдали такихъ надеждъ. 11 апрѣля 1902 г. послѣдовало увольненіе министра Ванновскаго и назначеніе управляющимъ министерствомъ тов. мин. Зенгера, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось и новое теченіе въ правительственныхъ кругахъ по отношенію къ реформѣ гимназій и вообще средней школы. Трудно было опредѣлить сущность этого теченія въ отношеніи намѣченнаго имъ идеала средней школы, но новыя правительственныя распоряженія объ устроеніи учебнаго дѣла въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1902—3 учебный годъ ясно показали, что радикальная реформа средней школы если и будетъ совершена, то не скоро и не въ духѣ проекта Ванновскаго. Такая именно мысль проявилась въ Высочайше утвержденномъ 20 іюля 1902 г. представленіи управляющаго министерствомъ народ. просв. (основанномъ на рѣшеніяхъ комиссіи изъ представителей отъ 11 учебныхъ округовъ, засѣдавшей въ С.-Петербургѣ весною 1902 г.). Новое постановленіе игнорировало проекты 1901 г. и вво-

лило на 1902—3 учеб. годъ новую таблицу уроковъ *только* для четырехъ младшихъ классовъ гимназій (и реальныхъ училищъ), ничего не говоря о старшихъ—т. е. признавая для нихъ въ полной силѣ таблицу уроковъ и учебные планы 1891 г.

Таблица уроковъ 1902 г. для I—IV кл. отличалась отъ таблицы 1901 г. главнымъ образомъ тѣмъ, что вводила преподаваніе латинскаго языка въ III и IV классахъ (при 5 ур. въ недѣлю). Такъ какъ для старшихъ классовъ въ описываемый моментъ была возстановлена таблица 1891 г., то въ общемъ получилось слѣд. характерное явленіе: возобновилось, послѣ годичнаго перерыва, изученіе латинскаго языка для учениковъ III кл. (учили въ I, не учили во II), и изученіе греческаго языка для учениковъ V кл. (учили въ III кл., не учили въ IV). Такіе факты, естественно, вызывали впечатлѣніе начинающейся реакціи въ пользу классицизма, хотя, быть можетъ, ихъ слѣдовало понимать только въ томъ смыслѣ, что правительство не считаетъ возможнымъ быстро и круто уничтожать классическую систему образованія. Послѣдующія событія говорятъ въ пользу именно этого взгляда.

Какъ бы то ни было, но въ 1902—3 учеб. году классики (по крайней мѣрѣ, латинисты) нѣсколько ободрились духомъ и стали преподавать энергичнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Относительно распредѣленія уроковъ и отдѣловъ предметовъ по классамъ у насъ и въ этомъ году были недоразумѣнія, а именно—относительно новыхъ языковъ въ III и IV кл. и исторіи въ III кл. Недоразумѣнія были прекращены разъясненіями окружного начальства и министерства. Преподаваніе естествовѣдѣнія (и географіи)

въ 1902—3 году перешло въ руки преподавателя, окончившаго курсъ по естественному отдѣленію физ.—мат. факультета (Марченка), и новый предметъ былъ постепенно поставленъ согласно новымъ требованіямъ науки и методики (опыты, экскурсіи). Въ общемъ учебное дѣло въ 1902—3 учеб. году шло довольно гладко: гимназія стала какъ будто свыкаться съ переходнымъ состояніемъ устава.

Весною 1903 г. стали выясняться основанія предполагаемой реформы средней школы. Высочайшее повелѣніе 15 марта устанавливало три типа средней школы: 8—классныя гимназіи, 7—классныя реальныя училища и 6—классныя школы. Высочайшее повелѣніе 28 марта предписывало постепенную отмѣну обязательнаго преподаванія греческаго языка въ большинствѣ гимназій (въ которыхъ онъ преподавался съ V кл.)—начиная съ наступающаго (1903—4) учеб. года. Цирк. предложеніе министра отъ 21 іюля 1903 года устанавливало таблицу уроковъ и программы для гимназій и реальныхъ училищъ на 1903—4 уч. годъ. Отъ таблицы 1902 г. эта таблица разнилась для гимназій по отношенію къ V классу, ученики котораго дѣлились на 2 группы: изучающихъ греческій яз. (необязательно) и не изучающихъ; для послѣднихъ вводился курсъ отечествовѣдѣнія (2 ур.) и лишній урокъ по математикѣ. Возобновлялась бифуркація 1850-хъ годовъ.

Для новаго предмета въ V кл.—отечествовѣдѣнія или географіи Россіи особой программы не было составлено, а предложено было руководствоваться программой VI кл. реальныхъ училищъ, расширяя ее введеніемъ класснаго чтенія различнаго рода статей. Въ общемъ уроки этого предмета получили

характеръ повторенія курса IV кл. въ измѣненной формѣ. Поручены были они учителю исторіи (автору записки).— Нужно еще отмѣтить введенное новыми программами измѣненіе курса исторіи для III кл. (древняя исторія Востока вмѣсто русской).

Общій смыслъ учебныхъ нововведеній 1903 г. былъ тотъ, что правительство предполагаетъ сохранить гимназіи, какъ высшій типъ средней школы, съ полу-классическимъ характеромъ курса, т. е. съ однимъ обязательнымъ древнимъ языкомъ— латинскимъ.

Постановленія 1903 г. касательно учебнаго дѣла въ гимназіяхъ оказались прочнѣе реформы 1901 и 1902 г.г.: они дѣйствовали въ теченіе 1904—5 года и двухъ послѣдующихъ годовъ безъ измѣненій въ основныхъ чертахъ, только съ добавленіемъ лишнихъ уроковъ или новыхъ предметовъ для старшихъ классовъ, освобожденныхъ отъ изученія греческаго языка.

Такъ постепенно совершалось въ 1900-хъ годахъ *временное* преобразованіе учебнаго устава гимназій— въ ожиданіи радикальной реформы средней школы, осуществленіе которой—сначала противорѣчивыми теченіями въ правительственныхъ сферахъ, а потомъ крупными политическими событіями—задержано на неопредѣленное время.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ общемъ ходѣ учебнаго дѣла во Владимірской гимназіи въ 1901—2, 1902—3 и 1903—4 учебн. годахъ.

Наиболѣе характерными чертами въ ходѣ учебнаго дѣла за обозрѣваемый періодъ являются: 1) перемѣны въ составѣ курса и положеніи учебныхъ предметовъ, 2) измѣненіе системы испытаній, 3) из-

мѣненіе методовъ преподаванія, 4) быстрое увеличеніе числа учениковъ и параллельныхъ отдѣленій.

Перемѣны въ составѣ гимназическаго курса въ главныхъ чертахъ уже указаны. Онѣ сводятся: къ постепенному уничтоженію обязательнаго преподаванія греческаго языка, къ введенію природовѣдѣнія въ I—III кл. и отечествовѣдѣнія въ V кл. Положеніе предметовъ гимназическаго курса измѣнилось весьма значительно. Уменьшилось число уроковъ латинскаго языка—вслѣдствіе отмѣны его изученія въ I и II кл. Чрезвычайно возросло число уроковъ новыхъ языковъ, и нѣмецкій языкъ сталъ преподаваться съ I класса. Увеличилось число уроковъ по русскому языку и исторіи; послѣдняя стала изучаться съ I кл., и въ ней появился особый курсъ—исторія древняго Востока и миѳическаго періода Греціи—въ III классѣ; программа исторіи русской словесности увеличилась введеніемъ изученія въ VIII классѣ нѣкоторыхъ сочиненій новѣйшихъ писателей (Тургенева, Льва и Алексѣя Толстыхъ и др.). Значеніе древнихъ языковъ (точнѣе латинскаго языка, такъ какъ греческій постепенно исчезалъ изъ состава курса) сильно упало, значеніе русскаго языка, исторіи и новыхъ языковъ—поднялось; главными предметами стали считаться (если не по закону—такъ какъ въ этомъ отношеніи были колебанія—то на дѣлѣ) русскій языкъ и математика.

Измѣненіе системы испытаній сводилось главнымъ образомъ къ отмѣнѣ переводныхъ испытаній для удовлетворительныхъ учениковъ и сокращеніи числа испытаній для неудовлетворительныхъ, при чемъ для таковыхъ испытанія были перенесены на августъ. Такимъ образомъ исчезли собственно переводныя и повѣрочныя испытанія въ маѣ мѣсяцѣ.

Благодаря этому министръ Зенгеръ нашелъ возможнымъ продолжить классныя занятія въ I—VII кл. до 20 мая, что у насъ и практиковалось въ 1903 и 1904 г. г. (оканчивали занятія 19 мая, когда и производился переводъ учениковъ въ слѣдующіе классы).

Два описанныхъ явленія—измѣненія въ составѣ курса и въ системѣ испытаній—вызвали быстрое измѣненіе въ методахъ преподаванія по многимъ предметамъ. По древнимъ языкамъ изученіе грамматики все болѣе и болѣе суживалось, уступая мѣсто чтенію авторовъ; письменныя работы почти исчезли. По русскому языку усилилось изученіе цѣлыхъ произведеній авторовъ — вм. изученія отрывковъ. По исторіи стали обстоятельнѣе изучаться перемѣны въ народной жизни и появились—хоть и не частыя—письменныя работы. По географіи, попавшей въ руки естествовѣда, все болѣе расширялось преподаваніе законовъ физическихъ явленій. По новымъ языкамъ въ младшихъ классахъ введенъ былъ «натуральный» (разговорный) методъ преподаванія. И сверхъ того, по большей части предметовъ (исключеніе составляла математика) оцѣнка ученическихъ познаній сдѣлалась болѣе снисходительной. Измѣненію методовъ преподаванія, въ связи съ измѣненіемъ въ программахъ, соотвѣтствовали перемѣны въ учебникахъ. По новымъ яз. введены были руководства: Миттельмайера—по нѣмецк. языку—и Триллинга—по франц. яз., по исторіи: Мельгунова и Сиповскаго—для III кл., Рождественскаго—для I и II кл., по физикѣ—Краевича (въ обработкѣ Гершуна). Въ самомъ концѣ періода (лѣтомъ 1904 г.). введены были: по всеобщей исторіи—учебники Карѣева, по географіи—Крубера и др.

(I кл.), Соколова (II кл.), Линберга (III кл.). и Бѣлохи-Соколова (IV кл.). Природовѣдѣніе преподавалось пока безъ учебника.

Облегченіе гимназическаго ученія вызвало быстрое увеличеніе числа учениковъ и открытіе новыхъ параллельныхъ отдѣленій, о чемъ сказано въ особыхъ главахъ.

5. Воспитательное дѣло въ періодъ 1871—1904 г.г.

Уставъ 1871 г. обращалъ большое вниманіе на постановку воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ. Съ цѣлью улучшенія его былъ созданъ институтъ классныхъ наставниковъ, для которыхъ впослѣдствіи (1877 г. 5 авг.) была издана обстоятельная, тщательно составленная инструкція; даны были подробныя «правила для учениковъ гимназій и прогимназій» и «правила о взысканіяхъ» (тѣ и другія 4 мая 1874 г.); кромѣ того министерство народ. просв. неоднократно дѣлало дополнительныя указанія и разъясненія по части воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ. Короче говоря, уставъ 1871 г., въ его полномъ развитіи, подробно и тщательно разработалъ формальную постановку гимназическаго воспитанія, чего совсѣмъ не дѣлали предшествующіе уставы. По духу всей этой системы инструкцій, основными факторами воспитательнаго воздѣйствія на учащихся признавались: гимназическая наука и личность педагога—учителя и наставника, а руководство воспитательнымъ дѣломъ поручалось педагогическому совѣту гимназіи.

На бумагѣ все выходило прекрасно, на практикѣ многое оказалось неосуществимымъ, многое стало примѣняться въ искаженномъ видѣ.

Воспитательная часть устава 1871 г., такъ же, какъ учебная, вырабатывалась министерствомъ постепенно, между тѣмъ оно считало необходимымъ, чтобы со введеніемъ въ дѣйствіе основныхъ положеній устава (съ августа 1871 г.) въ гимназіяхъ утвердилось новое направленіе не только учебнаго, но и воспитательнаго дѣла. Поэтому оно побуждало гимназіи возможно шире пользоваться институтомъ классныхъ наставниковъ и, въ ожиданіи выхода правительственныхъ инструкцій, временно самимъ выработать программу дѣйствій классн. наставниковъ, правила поведенія учениковъ и правила о взысканіяхъ съ послѣднихъ—въ духѣ новой системы и, конечно, съ одобренія окружного начальства. Такимъ образомъ, совѣту нашей гимназіи въ первый годъ дѣйствія новаго устава пришлось вырабатывать новыя формы не только учебнаго, но и воспитательнаго дѣла, при чемъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ направителемъ его работъ со стороны округа былъ окружн. инспекторъ Я. И. Вейнбергъ, подъ предсѣдательствомъ котораго, между прочимъ, происходило засѣданіе совѣта 26 октября 1871 г. Составленіе различнаго рода «правилъ» совѣтъ поручалъ особымъ комиссіямъ, а потомъ проекты комиссій обсуждалъ и утверждалъ въ общемъ засѣданіи, послѣ чего они отправлялись черезъ округъ на окончательное утвержденіе министра. Такъ были приняты совѣтомъ правила для классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ (29 октября 1871 г.), правила для учениковъ (16 марта 1872 г.); что же касается правилъ о взысканіяхъ съ учениковъ, то совѣтъ постановилъ (22 февраля 1872 г.) пользоваться правилами, которыя были имъ составлены въ мартѣ 1871 г., сдѣлавъ только измѣ-

неніе въ распредѣленіи права наложенія взысканій между лицами педагогическаго персонала—согласно новому составу должностей.

Нѣтъ надобности подробно излагать содержаніе разнообразныхъ «правилъ», выработанныхъ нашей гимназіей: во—первыхъ, они близко подходятъ къ тѣмъ, которыя впослѣдствіи издало министерство, только менѣе подробны; совпаденіе, конечно, не случайное и объясняется тѣмъ, что министерство пользовалось правилами отдѣльныхъ гимназій; во—вторыхъ, правила эти въ общемъ опредѣляютъ обязанности наставниковъ и учениковъ такъ, какъ опредѣлила бы ихъ всякая государственная школа Россіи и въ старое и въ новое время; только система взысканій исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній явно показываетъ свою принадлежность новому времени. Духъ Толстовской системы сказался не въ содержаніи правилъ, а въ самомъ фактѣ ихъ появленія—въ стремленіи къ подробной формулировкѣ обязанностей наставниковъ и учениковъ, тогда какъ прежніе уставы и вытекавшія изъ нихъ дѣйствія гимназическаго начальства не обнаруживали подобныхъ тенденцій, довольствуясь самыми общими указаніями.

Въ первые годы дѣйствія устава 1871 г. Владимірская гимназія занималась не только формулировкой воспитательнаго дѣла, но и усерднымъ примѣненіемъ на практикѣ выработанныхъ формъ. Классные наставники, оправдывая поговорку о новой метлѣ, дѣятельно исполняли свою обязанность, и окружали своихъ питомцевъ наблюденіями и попеченіями. Проявленія ихъ дѣятельности мы можемъ видѣть по протоколамъ засѣданій педагогическаго

совѣта и классныхъ комиссій, которыя тогда собирались довольно часто (2—3 раза въ годъ для каждаго класса). Въ засѣданіяхъ совѣта, по окончаніи каждаго отчетнаго отдѣла учебнаго года (сначала 2-хъ мѣсячныхъ сроковъ, позднѣе—четвертей года), читались письменные отчеты классныхъ наставниковъ о состояніи ихъ классовъ, въ классныхъ комиссіяхъ наставники классовъ дѣлали обыкновенно устныя указанія относительно занятій и поведенія какъ всего класса, такъ и отдѣльныхъ учениковъ, стараясь вникнуть въ ихъ индивидуальныя особенности. Засѣданія классныхъ комиссій были главной ареной для проявленія передъ педагогической корпораціей работы классныхъ наставниковъ, а также и побудительнымъ средствомъ къ таковой работѣ, и время прекращенія засѣданій комиссій (1876—77 учеб. г.) можно, безъ большой ошибки, принять за эпоху упадка энергіи классныхъ наставниковъ. Постепенно роль класснаго наставника свелась къ тому, что онъ составлялъ четвертные отчеты о классѣ, заключающіе въ себѣ голыя цифры, изрѣдка посѣщалъ квартиры учениковъ, изрѣдка производилъ слѣдствіе о совершенныхъ въ классѣ проступкахъ, налагалъ легкія наказанія и иногда ходатайствовалъ за какого-нибудь ученика передъ совѣтомъ или отдѣльными товарищами. Внимательное наблюденіе за жизнью класса и отдѣльныхъ учениковъ, постоянныя попеченія о нихъ наставника—отошли въ область преданій: такое заключеніе вытекаетъ и изъ краснорѣчиваго молчанія документовъ касательно работы кл. наставниковъ, и изъ воспоминаній учениковъ, которыя приходилось слышать, да, наконецъ, подтверждается и моими личными наблюденіями въ различныхъ гимназіяхъ.

Дѣятельность классныхъ наставниковъ, по мысли Толстовскаго устава, была основой воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ, если выдѣлять его изъ всего строя гимназическаго обученія; классные наставники должны были являться истинными руководителями своихъ классовъ, сводя въ одно общее воспитательное воздѣйствіе для опекаемыхъ учениковъ результаты работы товарищей—учителей и начальства гимназіи. Другія лица педагогическаго персонала участвовали въ дѣлѣ воспитанія либо односторонне, либо отрывочно, случайно. Такимъ образомъ, упадокъ дѣятельности классныхъ наставниковъ означалъ собою общій упадокъ системы воспитанія, созданной Толстовскимъ уставомъ.

Подводя итогъ всѣмъ приведеннымъ разсужденіямъ о системѣ воспитанія по Толстовскому уставу, должно сказать слѣдующее. Новый уставъ стремился увеличить нравственное воздѣйствіе на учащихся гимназической науки и личности учителя—наставника, но жизнь не осуществила его плановъ (даже, какъ мы увидимъ ниже, дала результаты противоположные предположеніямъ устава). Чтобы понять причины полнаго неуспѣха воспитательной системы Толстого, нужно обратиться къ детальному изслѣдованію фактовъ гимназической жизни, на основаніи ихъ, рѣшить предварительно слѣдующ. вопросы: 1) каково было взаимное положеніе педагоговъ и учениковъ въ началѣ Толстовской эпохи, 2) какое дѣйствіе на поведеніе учениковъ оказала новая система воспитанія, 3) какъ постепенно мѣнялось взаимное положеніе педагоговъ и учащихся.

Изслѣдуя факты, относящіеся къ указаннымъ вопросамъ, находимъ слѣдующее.

1) Въ концѣ 1860-хъ годовъ и самомъ началѣ 1870-хъ въ настроеніи учениковъ нашей гимназіи замѣчался недостатокъ спокойствія, выдержки: они способны были иногда на дерзкія выходки противъ наставниковъ (Загоскинъ въ 1868 г., Борисоглѣбскій въ 1869 г.) и даже на безобразныя насилія (извѣстный инцидентъ съ директ. Эминымъ въ 1869 г.). Однако общее отношеніе учащихся къ учителямъ и наставникамъ (какъ это видно изъ воспоминаній бывшихъ воспитанниковъ нашей гимназіи) было довѣрчивое, проникнутое расположеніемъ и уваженіемъ. Таковъ отвѣтъ на первый вопросъ. 2) Со введеніемъ новаго устава дѣло быстро измѣнилось. На первыхъ порахъ строгости новой системы въ отношеніи ученья сильно подѣйствовали на учениковъ: они притихли; все ихъ вниманіе, всѣ ихъ силы были устремлены на ученье, на удовлетворенье грознымъ правиламъ новаго курса. Поэтому *съ внѣшней стороны* въ первые годы дѣйствія новаго устава поведеніе учениковъ представляется блестящимъ. Въ 1871—72 уч. году совсѣмъ не замѣчено крупныхъ проступковъ учениковъ; въ протоколахъ засѣданій совѣта, на которыхъ выставлялись баллы за поведеніе, даже почти не упоминается о проступкахъ учениковъ, кромѣ послѣдняго протокола (засѣданія 8 мая 1872 г.), гдѣ занесено нѣсколько случаевъ сбавки балла по поведенію до 3, но безъ точнаго указанія проступковъ, повлекшихъ такую мѣру; послѣдніе опредѣляются въ самыхъ общихъ чертахъ, напр. «ученикамъ VII кл. Любимову и Шорину выставить по поведенію 3 за неодобрительное поведеніе, по заявленію классснаго наставника», ученику V кл. Соколову— 3 «за неблагонадежное его поведеніе». Всего на гимназію поставле-

но шесть троекъ за поведеніе, да одного ученика IV кл. Зеньковича предложено родителямъ взять изъ гимназіи, «такъ какъ онъ въ назначенный срокъ достаточнаго исправленія не оказалъ». О Зеньковичѣ изъ предыдущихъ протоколовъ извѣстно, что онъ лѣнтяйничалъ, дурно велъ себя внѣ гимназіи и вредно вліялъ на товарищей; объ ученикахъ же VII кл., которымъ сбавленъ баллъ, приходится догадываться, что они, должно быть, покутили. Въ 1872—73 учеб. году самыми крупными проступками были: куреніе (за повторный случай его предложено взять изъ гимназіи уч. IV кл. Кишкина) и воровство (уч. II кл. Алексинскій, предложено взять). Другіе проступки сводились къ шалостямъ, обману, мелкимъ нарушеніямъ дисциплины. 1873—74 уч. годъ прошелъ совсѣмъ безъ крупныхъ проступковъ. Въ 1874—75 уч. году былъ одинъ выдающійся случай въ поведеніи учениковъ: 3 марта 1875 г. на урокѣ исторіи въ III кл. (препод. Щегловитова) ученикъ Васильевъ нечаянно произвелъ выстрѣлъ изъ револьвера, къ счастью никому не повредившій; виновный былъ уволенъ. Въ 1875—76 г. не было крупныхъ проступковъ, если не считать дерзости, сдѣланной ученикомъ II кл. пансіонеромъ Коссакомъ воспитателю пансіона, за что Коссакъ былъ временно исключенъ изъ пансіона. Въ 1876—77 г. крупныхъ проступковъ въ собственномъ смыслѣ также не замѣчалось, но много волненій для начальства гимназіи вызвалъ случай съ уч. VII кл. Аршеневскимъ, который, будучи въ пансіонѣ, попался съ листкомъ запрещеннаго журнала «Впередъ». Виновникъ происшествія оказался, однако, не особенно виновнымъ и остался въ гимназіи. Въ 1877—78 и 1878—79 г.г. болѣе крупными проступками являются: одинъ слу-

чаи воровства (уч. пригот. кл. Даневскій) и неосторожнаго куренія, слѣдствіемъ котораго было сожженіе 2 пальто (уч. IV кл. Душакевичъ); оба виновные были исключены.

Такимъ образомъ за первые 8 лѣтъ новая система воспитанія дала *по внѣшности* блестящіе результаты: дерзкія, грубыя выходки учениковъ почти прекратились, крупные проступки вообще съ ихъ стороны случались рѣдко; преобладающими отрицательными чертами въ поведеніи учащихся являлись: небольшія нарушенія правилъ дисциплины (въ родѣ куренья), мелкія шалости, попытки къ обману (особенно въ видѣ списыванья работъ). Но въ смыслѣ внутренней, душевной жизни учениковъ результаты были иные: сдѣлавшись болѣе выдержанными, «корректными» по внѣшности, ученики 1870-хъ годовъ все болѣе и болѣе охладѣвали къ гимназіи и своимъ наставникамъ; повинуясь имъ по внѣшности, они переставали ихъ уважать и любить: такое впечатлѣніе получается изъ разсказовъ о томъ времени. Таковъ отвѣтъ на второй вопросъ.

3) Со введеніемъ Толстовскаго устава, для каждаго класса, т. е. классной группы учениковъ, представители педагогическаго персонала распались на два неравныхъ отдѣла: одинъ состоялъ изъ класснаго наставника, другой — изъ всѣхъ остальныхъ членовъ коллегіи. Классные наставники въ первые годы существованія этого института, какъ мы видѣли, были весьма дѣятельны, т. е. проявляли разностороннее попеченіе о своихъ классахъ. Они не только наблюдали за поведеніемъ учениковъ и ходомъ ихъ занятій, не только направляли ихъ совѣтами и взысканіями, но при случаѣ помогали имъ

въ ученьи и отстаивали ихъ интересы передъ прочими членами коллегіи: на все это имѣются указанія въ протоколахъ засѣданій совѣта и классныхъ комиссій. Какія чувства вызывали въ ученикахъ эти заботы кл. наставниковъ,—для рѣшенія этого вопроса я не имѣю прямыхъ фактическихъ данныхъ, но общія соображенія заставляютъ предполагать, что ученики цѣнили попеченія наставниковъ. Въ тѣ строгія времена, когда гимназическая коллегія стремилась выполнять уставъ съ безпощадною точностью, существованіе заступника изъ среды учителей должно было быть для учениковъ большимъ утѣшеніемъ. Итакъ, въ началѣ дѣйствія Толстовской системы отношенія между учениками и классными наставниками были хорошія, довѣрчивыя. Зато отношенія учениковъ къ учителямъ не—наставникамъ начали быстро портиться. Такъ какъ воспитательное дѣло было предоставлено спеціальнымъ наставникамъ классовъ, то въ роли просто преподавателей гимназическіе чиновники уже не считали себя связанными съ учениками воспитательскими обязанностями и, можно сказать вообще, отложили о нихъ всякое попеченіе, тѣмъ болѣе, что выполненіе учебныхъ требованій устава и безъ того вызывало высокое напряженіе умственныхъ и нравственныхъ силъ. Так. обр., преподаватели все болѣе превращались изъ «учителей»—въ лекторовъ и экзаменаторовъ, притомъ—благодаря высотѣ требованій устава—экзаменаторовъ придирчиво—строгихъ. Такое положеніе преподавателей вызывало все большее и большее охлажденіе въ отношеніяхъ между ними и учениками. Конечно, бывали исключенія, даже, можно сказать, одна учительская должность въ нашей гимназіи (какъ и въ большин-

ствѣ другихъ) почти постоянно была въ исключительномъ положеніи—это должность учителя исторіи и географіи: Михайловскій, Щегловитовъ, Бѣлавинъ, Страховъ—всѣ учителя этихъ предметовъ въ 1870—80-хъ годахъ, кромѣ случайно попавшаго въ историки Миловидова (1875—77 г.), были въ хорошихъ отношеніяхъ съ учениками. Это исключительное положеніе историковъ, обусловливаемое духомъ системы (имъ, какъ преподавателямъ второстепенныхъ предметовъ, не было надобности быть строгими—ни въ силу требованій начальства, ни подъ вліяніемъ соблазна карьеры), однако почти не измѣняло общаго характера отношеній между учениками и преподавателями, и они продолжали развиваться въ отрицательномъ направленіи. Въ 1870-хъ годахъ, пока гимназія была особенно ревностной въ строгости, пока ученики еще не вполнѣ приспособились къ жизни по Толстовской системѣ и трепетали передъ грозными учителями, мы не замѣчаемъ рѣзкихъ внѣшнихъ проявленій холоднаго отношенія учениковъ къ преподавателямъ, какъ это было показано выше, при обзорѣ ученическихъ проступковъ. *Страхъ* сдерживалъ учениковъ во всѣхъ сторонахъ ихъ поведенія. Но постепенно гимназія охладѣвала въ усердіи къ выполненію устава, ослабѣвала учебная энергія преподавателей и воспитательская—классныхъ наставниковъ, а между тѣмъ вырабатывалось новое поколѣніе учениковъ, приспособившееся къ Толстовской системѣ и не трепетавшее предъ ней: тогда поведеніе учащихся стало снова проявлять признаки несдержанности и распущенности во внѣшней сторонѣ, не обнаруживая однако довѣрчиваго настроенія 1860-хъ годовъ. Съ 1879—1880 г. случаи дерзкихъ и вообще рѣзкихъ

проступковъ учениковъ становятся все болѣе и болѣе частыми. Осенью 1879 г. сдѣлали дерзкіе проступки: уч. V кл. Коссакъ—въ отношеніи надзирателя, уч. III кл. Герингъ (сынъ учителя нѣм. яз.)—въ отношеніи преподавателя; въ маѣ 1880 г. уч. V кл. Браудо сказалъ въ лицо учителю (Е. И. Сыроѣчковскому), что греческая грамматика—«чушь»; въ декабрѣ 1880 г. пансіонеръ VI кл. Введенскій явился въ пансіонъ въ нетрезвомъ состояніи; въ мартѣ 1882 г. пропали классные журналы съ отмѣтками V кл.: очевидно, ихъ уничтожили ученики; въ сентябрѣ 1882 г. сдѣлалъ дерзость надзирателю уч. VII кл. Воскресенскій; 1 декабря того же года VII классъ отказался писать отвѣтъ по логикѣ. 1883—84 и 1884—85 уч. года прошли довольно спокойно, но въ послѣдующіе года опять видимъ рядъ крупныхъ проступковъ. Въ маѣ 1886 г. сдѣлалъ дерзость учителю рус. яз. Райскому ученикъ V кл. Киселевъ, въ февралѣ 1887 г. ученики VI кл. Дубровскій, Дубенскій и Кардовскій, пьяные, съ пѣснями катались ночью по улицѣ; въ октябрѣ 1889 г. уч. IV кл. Билимовичъ бранилъ и хотѣлъ бить на улицѣ купеческую дочь дѣвицу Лебедеву. Деляновская реформа 1890 г., ослабившая значеніе древнихъ языковъ и математики и вообще строгости учебной системы, уже не оказала замѣтнаго вліянія на поведеніе учениковъ: оно продолжало обнаруживать тѣ же черты, какъ и въ 1880-хъ годахъ. Такъ, въ февралѣ 1891 г. уч. I кл. Архангельскій написалъ на классной доскѣ подъ картой неприличное слово; въ февралѣ 1892 г. исключенъ изъ гимназіи уч. VI кл. Георгій Цвиленевъ за цѣлый рядъ грубыхъ и дерзкихъ выходокъ и употребленіе спиртныхъ напитковъ; въ мартѣ того же

года уч. V кл. Рудневъ сдѣлалъ дерзость законоучителю; въ 1896 г. въ апрѣлѣ уч. Рейсъ IV кл. и Никитинъ III кл. сломали вентиляторъ въ карцерѣ, а въ декабрѣ того же года уч. IV кл. Хайловъ Евгеній принесъ въ карцеръ наливку; въ февралѣ 1898 г. уволенъ за дерзость преподавателю уч. IV кл. Аладьинъ. Были случаи дерзкихъ и грубыхъ поступковъ и въ послѣдующіе годы. Помимо обычныхъ школьныхъ проступковъ, въ жизни учениковъ нашей гимназіи въ началѣ 1880-хъ годовъ замѣчается въ нѣкоторой степени вредное вліяніе тайной политической пропаганды, вообще сильно распространенной въ Россіи въ концѣ 1870-хъ годовъ. Это вліяніе обнаружилось послѣ ужаснаго событія 1 марта 1881 года въ рѣчахъ и поступкахъ троихъ учениковъ: Рагозина IV кл., Макарова и Браудо VI кл., которые и были исключены совѣтомъ 24 марта 1881 г.

Перечисляя крупные проступки учениковъ въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ, я пропускалъ случаи куренья въ гимназіи, разбитія стеколъ въ дверяхъ класса и т. п. менѣе важныя нарушенія дисциплины, но и приведенныхъ фактовъ достаточно для подтвержденія моего заявленія о томъ, что съ 1880-хъ годовъ ученики стали снова, такъ въ 1860-хъ годахъ, вести себя несдержанно въ отношеніи учителей и вообще наставниковъ, а при случаѣ и проявлять общую распущенность нравовъ.

Описанные признаки упадка дисциплины и «добрыхъ нравовъ» среди учениковъ были, повидимому, прямымъ слѣдствіемъ охлажденія въ отношеніяхъ между учениками и педагогическимъ персоналомъ—съ одной стороны—и ослабленія строгости

учебной системы—съ другой. Порядокъ, державшійся только *на страхѣ*, естественно долженъ былъ пошатнуться съ ослабленіемъ этого страха. Съ такимъ выводомъ вполнѣ согласуется то наблюденіе, что отношенія учениковъ къ классным наставникамъ были въ общемъ значительно лучше—и съ внѣшней и съ внутренней стороны,—чѣмъ къ другимъ лицамъ педагогическаго персонала; дѣло въ томъ, что въ силу традицій классные наставники— не только 1880-хъ, но и 1890-хъ годовъ—при всей вялости и формализмѣ ихъ въ исполненіи обязанностей, все-таки стояли ближе къ ученикамъ, чѣмъ педагоги вообще, и подчасъ являлись ихъ заступниками, иногда даже пристрастными: такимъ образомъ, здѣсь въ отношеніяхъ была извѣстная доля симпатіи съ обѣихъ сторонъ, и она-то поддерживала порядокъ въ то время, когда устрашеніе перестало дѣйствовать.

Нарисованная мною мрачная картина отношеній учащихся къ наставникамъ стала какъ будто мѣняться въ послѣдніе годы XIX и началѣ XX вѣка. На жизни нашей гимназіи стало замѣтно отражаться распространившееся въ русскомъ обществѣ оживленіе интереса къ быту средней школы. Разнообразныя мнѣнія, высказываемыя въ печати и устныхъ бесѣдахъ, споры о школьномъ дѣлѣ, вызываемые столкновеніемъ взглядовъ, наконецъ оффиціальная подготовка реформы гимназій – все это имѣло результатомъ—и для всего общества и для педагогическаго міра въ частности—измѣненіе взглядовъ на задачи и пріемы учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ. Правда, вполнѣ опредѣленныхъ и общепризнанныхъ воззрѣній по этому вопросу не выработалось до сихъ поръ, но важно уже то, что

для огромнаго большинства стали болѣе или менѣе ясными достоинства и недостатки Толстовско-Деляновской системы, а благодаря этому — сложилось прочное убѣжденіе въ необходимости реформы и отчасти намѣтился путь для ея проведенія. Въ отношеніи воспитательнаго дѣла основнымъ принципомъ стала признаваться гуманность и строгая внимательность къ личности ученика — на мѣсто прежней строгой, заботливой, но формальной опеки. Стремленіе къ гуманности стало быстро развиваться въ представителяхъ педагогическаго персонала нашей гимназіи, и, хотя подчасъ оно приводило къ крайностямъ, но общіе результаты его — въ смыслѣ установленія отношеній между учащими и учащимися — были несомнѣнно хорошіе: симпатія и довѣріе стали снова нерѣдкими явленіями въ жизни гимназіи.

Исправительныя мѣры, которыя примѣнялись къ ученикамъ въ изучаемомъ періодѣ, установлены были сначала правилами о взысканіяхъ, выработанными совѣтомъ гимназіи въ 1871 и 1872 г.г., а потомъ — правилами, изданными министерствомъ въ 1874 году. Въ общемъ система взысканій осталась прежнею, — какая дѣйствовала въ концѣ 1860-хъ годовъ. Наиболѣе употребительными мѣрами исправленія и взысканія были: выговоръ классснаго наставника, задержаніе въ гимназіи на 1—2 часа послѣ уроковъ («арестъ»), карцерное заключеніе на время отъ 3 до 24 часовъ и, наконецъ, увольненіе въ прямой или косвенной формѣ. Весьма рѣдко примѣнялся выговоръ отъ совѣта, который теперь считался послѣдней мѣрой исправленія, такъ какъ за нимъ стояло уже увольненіе. Для пансіонеровъ была еще особая система взысканій, въ которой глав-

ную роль играло лишеніе отпуска въ праздничные дни. Кромѣ перечисленныхъ, значеніе мѣры взысканія и исправленія пріобрѣло пониженіе четвертной отмѣтки за поведеніе, хотя по существу оно было только аттестаціей не вполнѣ нормальнаго поведенія ученика.

Болѣе крупныя мѣры взысканія (увольненіе, выговоръ совѣта, карцеръ на долгіе сроки, пониженіе отмѣтки) налагались совѣтомъ, и о нихъ сказано въ главѣ о дѣятельности совѣта; менѣе важныя примѣнялись, въ извѣстной послѣдовательности, отдѣльными представителями педагогическаго персонала; о нихъ теперь и будетъ рѣчь.

Основной мѣрой взысканія, такъ сказать, единицей всей системы мѣръ, былъ «арестъ» на 1 часъ послѣ уроковъ. Это взысканіе налагалось либо класснымъ наставникомъ, либо инспекторомъ, но обыкновенно на основаніи записи о проступкѣ ученика, сдѣланной учителемъ или помощникомъ классныхъ наставниковъ. Такъ какъ подобная запись почти всегда влекла за собой арестъ, рѣдко выговоръ (ошибочныя записи въ счетъ не идутъ), то ученики привыкли считать, что ихъ арестуетъ («оставляетъ») тотъ, кто записываетъ, хотя бы по уставу онъ и не располагалъ такимъ правомъ. По существу взглядъ учениковъ былъ вѣренъ, такъ какъ арестовъ безъ записи не было и за незаписанные проступки ученики если и подвергались наказаніямъ, то другого рода. Часовой арестъ налагался всего чаще за нарушеніе классной дисциплины (по записи преподавателей) или за шалости во время перемѣнъ между уроками (по записи помощниковъ классныхъ наставниковъ). Такъ какъ наклонность къ записыванью у отдѣльныхъ педагоговъ была очень раз-

лична, то одни и тѣ-же проступки то влекли за собой арестъ, то оставались безъ возмездія, если не считать словеснаго внушенія.

Отъ часового ареста въ одну сторону шли низшія, въ другую—высшія мѣры взысканія. Низшія налагались классными наставниками (арестъ на 1/2 ч., выговоръ), учителями и надзирателями (стояніе въ классѣ, въ коридорѣ), высшія (арестъ на время до 2 часовъ, карцеръ) инспекторомъ и директоромъ; первыя—за небольшіе проступки на урокахъ и въ перемѣны, вторыя—за болѣе значительные проступки въ гимназіи и внѣ ея. До рѣшенія совѣта откладывалось наказаніе за такіе проступки, которые сколько-нибудь вызывали мысль объ увольненіи ученика. На четвертныхъ засѣданіяхъ совѣта подвергались возмездію въ видѣ пониженія отмѣтки за поведеніе и такіе проступки учениковъ, которые не были записаны въ свое время, но бросали тѣнь на поведеніе ученика.

Какъ дѣйствовала въ общемъ эта система взысканій на поведеніе учениковъ, видно изъ сказаннаго раньше. До извѣстной степени она поддерживала порядокъ въ гимназіи, такъ какъ дѣйствовала на учениковъ, не получившихъ гимназическаго «закала», но сама по себѣ была безсильна создать прочную основу дисциплины и нравственности среди учащихся. Для этого нуженъ былъ иной духъ гимназической жизни.

6. Испытанія учениковъ въ 1871—1904 г.г.

Система испытаній въ изучаемый періодъ нѣсколько разъ претерпѣвала измѣненія въ связи съ общими перемѣнами въ учебномъ уставѣ гимназій.

Въ 1873—1890 г.г. дѣйствовали правила объ испытаніяхъ 1872 г., въ 1891—1897 г.г.—правила 1891 г., съ 1898 г. начались разнаго рода облегчительныя измѣненія въ системѣ испытаній. Несмотря на эти перемѣны, нѣкоторыя черты системы испытаній удержались въ теченіе всего періода. Все время, во—первыхъ, согласно исконнымъ традиціямъ нашей средней школы, испытанія для учениковъ гимназіи дѣлились на окончательныя (испытанія зрѣлости), переводныя и пріемныя. Послѣднія были испытаніями для учениковъ не только въ томъ смыслѣ, что на основаніи ихъ принимались въ гимназію новые ученики, но и въ томъ, что имъ подвергались ученики приготов. класса при переходѣ въ 1-й классъ. Во—вторыхъ, все время основнымъ видомъ испытаній считались письменныя—по главнымъ предметамъ курса. Наконецъ, въ теченіе всего періода сохранялись неизмѣнными: форма производства испытаній всѣхъ видовъ (составленіе испытательныхъ комиссій, поправка письменныхъ работъ, способъ спрашиванья учениковъ и т. п.) и время испытаній зрѣлости—передъ лѣтними каникулами.

Опишемъ теперь производство въ нашей гимназіи каждаго изъ трехъ видовъ испытаній, съ указаніемъ на главныя перемѣны, происходившія въ этомъ отношеніи въ теченіе изучаемаго періода.

Испытанія зрѣлости были всегда самымъ серіознымъ, самымъ торжественнымъ видомъ занятій для педагогическаго персонала нашей гимназіи. Время производства ихъ всегда совпадало съ окончаніемъ учебнаго года и, соотвѣтственно постепенному измѣненію срока окончанія учебныхъ занятій вообще, съ теченіемъ времени передвигалось съ

іюня на май мѣсяцъ. Въ 1873 г. испытанія зрѣлости продолжались отъ 29 мая до 23 іюня, въ 1876—отъ 20 мая до 15 іюня, въ 1879 г.—отъ 14 мая до 4 іюня, въ 1881 г.—отъ 4 до 29 мая; послѣдній срокъ съ небольшими колебаніями сохранялся до конца періода, такъ что обыкновенно испытанія начинались около 1 мая, а оканчивались около 1 іюня. Время испытаній зрѣлости всегда опредѣлялось циркулярами попечителя округа, только въ послѣдніе годы съ меньшею точностью.

Производство испытаній зрѣлости совершалось въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала шли подготовительныя дѣйствія. Въ апрѣлѣ, позднѣе въ мартѣ, происходило засѣданіе комиссіи преподавателей VII, а позднѣе (съ 1877 г.) VIII класса,—подъ предсѣдательствомъ директора и съ участіемъ инспектора,—которая всесторонне обсуждала поведеніе и успѣхи учениковъ VII кл. ст. отд., позднѣе VIII класса, и рѣшала вопросъ о допущеніи ихъ къ испытаніямъ зрѣлости. Согласно уставу, ученики выпускного класса, желавшіе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости, должны были подавать директору прошенія о допущеніи ихъ къ испытаніямъ. На дѣлѣ, конечно, прошенія подавали всѣ, кромѣ тяжко больныхъ, и этотъ формальный обычай держался въ теченіе 1870-хъ и 1880-хъ годовъ. Одновременно съ учениками могли подавать прошенія о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости и стороннія лица. Обычай подачи ими прошеній соблюдается до сихъ поръ. Вышеозначенная комиссія и рѣшала вопросъ о допущеніи къ испытаніямъ изъ учениковъ тѣхъ, которые получили въ окончательномъ выводѣ за успѣхи по всѣмъ предметамъ удовлетворительные баллы (не ниже 3) и обнаружили достаточную умственную и

нравственную зрѣлость, а изъ стороннихъ лицъ - всѣ, у которыхъ представленные документы были въ порядкѣ, т. е. не давали особыхъ поводовъ къ отказу. При обсужденіи степени умственной и нравственной зрѣлости учениковъ въ нашей гимназіи комиссія, начиная съ 1879 г., составляла особыя характеристики ихъ, которыя заносились въ протоколы совѣта. Въ концѣ 1890-хъ годовъ такія характеристики составляли на послѣднемъ совѣтѣ въ году, при обсужденіи вопроса о выдачѣ аттестатовъ зрѣлости, а въ 1900-хъ годахъ онѣ были отмѣнены министерскимъ распоряженіемъ. Процентъ числа учениковъ выпускного класса, составляемый допущенными къ испытанію, по отдѣльнымъ годамъ колебался: случалось, что не допускали 1—2 учениковъ, въ 1876 г. даже 3, но большею частью допускались всѣ. Случаевъ недопущенія стороннихъ лицъ, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ не было.

Послѣ засѣданія комиссіи, рѣшавшей вопросъ о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости, учебныя занятія въ выпускномъ классѣ продолжались еще нѣсколько недѣль; только за 7—10 дней до начала испытаній учениковъ освобождали отъ классныхъ занятій, чтобы дать имъ время для подготовки къ испытаніямъ.

Наконецъ—въ послѣднихъ или первыхъ, а иногда и среднихъ числахъ мая—наступалъ торжественный для Московскаго округа день начала письменныхъ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ. Въ 10 ч. утра допущенные къ испытаніямъ ученики и стороннія лица во всѣхъ гимназіяхъ округа приступали къ составленію русскаго сочиненія; затѣмъ въ теченіе четырехъ дней, также одновременно во всемъ округѣ, начиная съ 10 ч. утра, исполнялись

письменныя работы по латинскому яз., греческому яз. и по отдѣламъ математики (два дня). Темы для всѣхъ этихъ работъ составлялись окружнымъ начальствомъ—однѣ и тѣ же для всѣхъ гимназій округа—и разсылались по гимназіямъ въ запечатанныхъ пакетахъ. Способъ производства письменныхъ испытаній зрѣлости былъ точно опредѣленъ въ правилахъ, и долженъ былъ быть одинаковымъ для всѣхъ русскихъ гимназій. Въ нашей гимназіи письменныя испытанія зрѣлости происходили слѣд. образомъ. Въ какомъ-нибудь просторномъ помѣщеніи (напр. гимнастическомъ залѣ, комнатѣ приготов. класса) ставились столики со стульями по числу экзаменующихся и столъ съ зеленымъ сукномъ для испытательной комиссіи. Въ 10 ч. утра экзаменующіеся приглашались занять мѣста въ испытательномъ залѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ него входила испытательная комиссія, состоящая изъ директора, инспектора и трехъ учителей, при непремѣнномъ участіи преподающаго въ VIII (VII) классѣ тотъ предметъ, по которому производилось испытаніе. Послѣ прочтенія молитвы, директоръ, съ помощью другихъ членовъ комиссіи, раздавалъ экзаменующимся листы бумаги со штемпелемъ гимназіи, затѣмъ показывалъ всѣмъ присутствующимъ запечатанный пакетъ съ темой и вскрывалъ его. Объявленіе или диктовка темы предоставлялись преподавателю предмета въ VIII классѣ, который записывалъ тему— цѣликомъ или отчасти—на черной доскѣ. По окончаніи диктовки темы, если не представлялось особыхъ вопросовъ для обсужденія, часть комиссіи могла удалиться для занятія другимъ дѣломъ (напр., уроками), а въ испытательномъ залѣ оставались: директоръ и двое или трое наблюдателей

(не менѣе 1 на 10 испытуемыхъ), которые могли смѣняться. Для составленія работы давалось испытуемымъ точно опредѣленное время, считая отъ окончанія диктовки темы: для русскаго сочиненія всегда 5 часовъ, для другихъ работъ 3—5 часовъ - сообразно со свойствами темъ въ данный періодъ. Весь ходъ испытанія заносился въ протоколъ—иногда въ общей книгѣ протоколовъ совѣта, иногда на особыхъ листахъ.

Перемѣны въ характерѣ письменныхъ испытаній зрѣлости за время 1872—1904 г.г. были таковы. До 1891 г. испытуемые исполняли слѣд. работы: русское сочиненіе (разсужденіе на тему литературную, историческую или отвлеченную), переводы отрывковъ съ русскаго языка на латинскій и греческій, рѣшеніе задачъ по ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ и тригонометріи (по двѣ въ день). Въ 1891—1900 г.г. исполнялись работы: русское сочиненіе того же характера, переводы отрывковъ латинскаго и греческаго автора на русскій языкъ, двѣ задачи по математикѣ—одна по алгебрѣ, другая по геометріи съ тригонометріей. При этомъ съ 1898 г. темы выбирались директоромъ гимназіи, а не присылались изъ округа. Съ 1901 г. работъ по древнимъ языкамъ уже не выполнялось, оставались русское сочиненіе и двѣ математическихъ задачи, темы которыхъ давались директоромъ. Такимъ образомъ, торжественность и трудность испытаній постепенно ослаблялись.

Полученныя отъ испытуемыхъ работы исправлялись сначала преподавателемъ даннаго предмета въ выпускномъ классѣ, потомъ остальными членами испытательной комиссіи; окончательный баллъ за работу до 1881 г. выставлялся въ общемъ засѣданіи

испытательныхъ комиссій, позднѣе—онъ выводился директоромъ изъ отмѣтокъ, поставленныхъ членами комиссіи. По окончаніи исправленія и оцѣнки работъ, въ соединенномъ засѣданіи испытательныхъ комиссій рѣшался вопросъ о допущеніи испытуемыхъ къ устнымъ экзаменамъ. Правила о допущеніи постепенно мѣнялись, становясь все менѣе строгими. Сначала допускались къ устнымъ испытаніямъ только тѣ, кто за всѣ работы получилъ удовлетворительные баллы. Въ 1882 г. разрѣшено было допускать получившихъ баллъ 2 по одному древнему яз. и одному отдѣлу математики; съ 1891 г. совѣтъ могъ допустить къ устнымъ испытаніямъ ученика гимназіи, получившаго неудовлетворительные баллы хотя бы по всѣмъ работамъ, если полагалъ, что промахи ученика случайные. То же могло быть и въ отношеніи экстерновъ, если совѣтъ имѣлъ данныя для сужденія о ихъ познаніяхъ помимо работъ. Въ нашей гимназіи работы вообще оцѣнивались строго, но случаевъ недопущенія учениковъ къ устнымъ испытаніямъ было немного, особенно послѣ 1890 г.; съ экстернами же это бывало нерѣдко.

На другой день послѣ описаннаго засѣданія комиссій начинались устныя испытанія зрѣлости—всегда экзаменомъ по Закону Божію. За нимъ слѣдовали съ промежутками въ 2—3 дня экзамены по математикѣ, исторіи, латинскому яз., греческому яз., а съ 1891 г. еще по словесности и новымъ языкамъ. Каждый экзаменъ производился комиссіей изъ 5 лицъ: директора, инспектора, преподавателя предмета въ выпускномъ классѣ и двухъ учителей родственныхъ предметовъ. Для экстерновъ были еще дополнительные экзамены. На экзаменѣ по Закону Божію почти всегда присутствовалъ Владимірскій епископъ

или его викарій; являлся иногда на экзамены почетный попечитель гимназіи; очень рѣдко бывали на испытаніяхъ представители окружного начальства.

Баллы за устные отвѣты выставлялись и сообщались испытуемымъ тотчасъ же по окончаніи испытанія. Оцѣнка отвѣтовъ въ нашей гимназіи была умѣренно—строгая; случаи провала учениковъ были рѣдки, экстерновъ—чаще. Ходъ экзамена заносился въ протоколъ.

Обыкновенно въ день послѣдняго экзамена совѣтъ обсуждалъ вопросъ о выдачѣ аттестатовъ зрѣлости ученикамъ и свидѣтельствъ экстернамъ. Въ 1890-хъ и 1900-хъ годахъ испытанія зрѣлости заканчивались молебномъ и выдачей аттестатовъ выдержавшимъ испытаніе.

Переводныя испытанія въ теченіе изучаемаго періода неоднократно подвергались серіознымъ измѣненіямъ, и потому въ отдѣльныя эпохи періода имѣли различный характеръ и производились въ разные сроки.

Въ 1872—1890 г.г. система переводныхъ испытаній была такова. Для I, II, III, V и VII классовъ полагались только письменныя испытанія по языкамъ (русскому, лат., греч., франц., нѣм.) и математикѣ, для IV и VI классовъ—письменныя по тѣмъ же предметамъ и устныя по всѣмъ предметамъ курса, въ IV кл. за 4 класса, въ VI—за два послѣднихъ. Ученики I, II, III, V и VII классовъ, исполнившіе неудовлетворительно часть письменныхъ работъ (не болѣе 2), имѣли право на повѣрочное испытаніе, устное, по тѣмъ предметамъ, по которымъ они неудовлетворительно исполнили письменныя работы. Въ высшіе классы переводились тѣ, которые благо-

получно исполнили письменныя работы или удовлетворительно выдержали повѣрочное испытаніе. Ученики IV и VI классовъ, неудовлетворительно сдавшіе письменныя испытанія, могли поправиться на устныхъ, но дальнѣйшихъ повѣрокъ для нихъ не полагалось. Право подвергаться переводному испытанію имѣли не всѣ ученики, а только удовлетворявшіе извѣстнымъ условіямъ въ отношеніи годичныхъ балловъ: остальные прямо оставлялись на повторительный курсъ или увольнялись изъ гимназіи. Всѣ переводныя испытанія происходили до лѣтнихъ каникулъ. Въ нашей гимназіи переводныя испытанія происходили: въ 1870-хъ годахъ отъ средины мая (IV и VI кл.) до 20-хъ чиселъ іюня (повѣрочныя испытанія), въ 1880-хъ г.г они начинались и оканчивались раньше.

Въ 1891—1901 г.г. дѣйствовали правила 1891 г., нарушенныя въ 1896, 1898, 1899, 1900 и 1901 г.г. особыми распоряженіями министерства о переводѣ нѣкоторыхъ учениковъ безъ испытаній. Правила 1891 г., какъ было указано выше (стр. 277—78) создавали сложное распредѣленіе письменныхъ и устныхъ переводныхъ испытаній по классамъ, благодаря чему дѣленіе классовъ на двѣ группы исчезло. Кромѣ переводныхъ и повѣрочныхъ испытаній до каникулъ, новыя правила вводили еще испытанія послѣ каникулъ: простыя (т. е. безъ особаго названія), для учениковъ старшихъ классовъ, по одному или двумъ предметамъ, по которымъ они имѣли годовыя двойки, и дополнительныя—для учениковъ всѣхъ классовъ, по одному или двумъ предметамъ, по которымъ они получили двойки на испытаніяхъ до каникулъ. Право держать переводныя испытанія имѣли: всѣ ученики младшихъ классовъ,

а изъ учениковъ старшихъ классовъ тѣ, которые за годъ имѣли не болѣе двухъ неудовлетворительныхъ балловъ. Особое значеніе по правиламъ 1891 г. получили переводы съ русскаго яз. на древніе, исполняемые на экзаменѣ учениками VI кл., т. к. темы для нихъ давались окружнымъ начальствомъ. Что касается исключительныхъ распоряженій, нарушившихъ эти правила, то въ 1896 г. были просто отмѣнены всѣ переводныя испытанія, которыя должны были производиться до каникулъ, а оставлены были испытанія въ августѣ для учениковъ, имѣвшихъ годовыя двойки; въ послѣдующіе же годы исключительныя распоряженія сокращали число учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, но общей системы ихъ не измѣняли. Въ 1890-хъ годахъ въ нашей гимназіи переводныя испытанія начинались въ первыхъ числахъ мая и оканчивались въ самомъ началѣ іюня.

Въ 1902—1904 г.г. дѣйствовали уже современныя правила объ испытаніяхъ (1902 г.), по которымъ переводныя испытанія сохранены только для учениковъ, имѣющихъ въ годичномъ выводѣ неудовлетворительные баллы (не болѣе двухъ), и производятся послѣ каникулъ. У насъ въ указанные годы переводныя испытанія происходили между 8—14 августа.

Внѣшняя сторона производства переводныхъ испытаній въ теченіе всего періода въ нашей гимназіи, согласно уставу, была болѣе или менѣе одинакова. Письменныя испытанія производились подъ наблюденіемъ 1—2 преподавателей, исправлялись и оцѣнивались работы учениковъ коммиссіей изъ трехъ лицъ, съ участіемъ директора. Устныя испытанія производились коммиссіями изъ трехъ лицъ подъ

председательствомъ директора, инспектора или опытнаго учителя. Съ внутренней стороны, т. е. по существу дѣла, способъ производства испытаній, напротивъ, въ нашей гимназіи постепенно претерпѣвалъ глубокія измѣненія, помимо вносимыхъ новыми правилами. Въ 1890-хъ годахъ началось замѣтное ослабленіе требованій по древнимъ языкамъ и усиленіе ихъ по русскому языку; въ 1900-хъ годахъ стали возвышаться требованія по новымъ языкамъ. Въ общемъ, однако, строгость испытаній несомнѣнно ослаблялась съ теченіемъ времени. Доказательствомъ служитъ сильное пониженіе къ концу періода числа учениковъ, ежегодно увольняемыхъ за неуспѣшность (по §§ 18 и 34 устава и по цирк. министра 1883 г. № 9408). Были уволены:

1872 г.=12	учен.	1889 г.=	1	учен.
1873 г.=10	„	1890 г.=	2	„
1874 г.= 1	„	1891 г.=	2	„
1875 г.= 3	„	1892 г.=	3	„
1876 г.= 9	„	1893 г.=	11	„
1877 г.= 7	„	1894 г.=	1	„
1878 г.= 7	„	1895 г.=	1	„
1879 г.= 1	„	1896 г.=	—	„
1880 г.= 2	„	1897 г.=	3	„
1881 г.= 3	„	1898 г.=	2	„
1882 г.= 8	„	1899 г.=	—	„
1883 г.= 6	„	1900 г.=	—	„
1884 г.= 8	„	1901 г.=	—	„
1885 г.=14	„	1902 г.=	—	„
1886 г= 6	„	1903 г.=	2	„
1887 г.= 6	„	1904 г.=	2	„
1888 г.=13	„	итого	=146	учен.

Около 10% общаго числа было уволено безъ допущенія къ переводнымъ испытаніямъ, по годо-

вымъ отмѣткамъ, огромное же большинство увольненій совершалось на основаніи испытаній, а потому можетъ характеризовать строгость производства послѣднихъ въ отдѣльныя эпохи періода. Разсматривая таблицу, мы видимъ, что особенно богаты увольненіями были 1880-е годы, на которые приходится 67 увольненій изъ 146, т. е. 46%, а особенно бѣдны ими послѣднія 11 лѣтъ, въ теченіе которыхъ уволено всего 11 учениковъ, несмотря на сильное возрастаніе общаго числа учениковъ въ гимназіи (въ сентябрѣ 1890 г.=257 уч., въ 1904 г.=437). Въ 1870-хъ годахъ (1872—1880) число уволенныхъ (52) нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1880-хъ годахъ, что легко объясняется меньшимъ числомъ учениковъ гимназіи. Общее впечатлѣніе отъ приведенныхъ цифръ таково: за время 1872—1890 г.г. число увольненій за неуспѣшность (119) было гораздо больше, чѣмъ въ періодъ 1891—1904 г.г. (27), главнымъ образомъ, благодаря большей строгости испытаній; къ концу періода, вслѣдствіе ослабленія экзаменаціонныхъ требованій, увольненія за неуспѣшность почти вовсе выходятъ изъ употребленія.

По поводу этихъ выводовъ считаю необходимымъ сдѣлать оговорку. Число увольненій за неуспѣшность на основаніи испытаній есть отрицательный показатель успѣшности учениковъ на испытаніяхъ, а эта успѣшность зависитъ отъ многихъ причинъ: непосредственно—отъ степени подготовки учениковъ и высоты предъявляемыхъ къ нимъ требованій, посредственно—отъ свойства программъ, состава учениковъ, характера преподаванія и множества частныхъ и случайныхъ условій. Самыми вліятельными изъ перечисленныхъ факторовъ въ общемъ можно считать: преподаваніе, программы и экзаме-

ваціонныя требованія. Въ теоріи они представляются равносильными, но на практикѣ оказывается не то. Какъ бы ни были легки программы, экзаменаціонные отвѣты по нимъ всегда трудны для учениковъ, т. к. требуютъ знанія курса, который проходился въ теченіе цѣлаго года, а чаще—нѣсколькихъ лѣтъ, и экзаменаторъ можетъ, при желаніи, провалить почти всякаго ученика; съ другой стороны, всякіе недочеты преподаванія могутъ быть прикрыты на испытаніи извѣстными пріемами провѣрки со стороны экзаменаторовъ. Въ концѣ концовъ, рѣшающее вліяніе на исходъ испытанія принадлежитъ способу провѣрки познаній учениковъ и ихъ оцѣнки, т. е. степени строгости, съ какой производится испытаніе. Поэтому-то я и счелъ возможнымъ сдѣлать выводъ о строгости испытаній на основаніи ихъ успѣшности, отражавшейся на числѣ уволенныхъ, хотя не отрицаю важнаго вліянія на ходъ испытаній тѣхъ измѣненій, которыя совершались въ учебныхъ планахъ и программахъ; полагаю только, что нравственное вліяніе этихъ измѣненій на преподавателей сильнѣе отражалось на ходѣ переводныхъ испытаній, чѣмъ содержаніе учебныхъ программъ.

Пріемныя испытанія въ изучаемый періодъ также подвергались измѣненіямъ, но, по существу своему, меньшимъ, чѣмъ другіе виды испытаній. Пріемныя испытанія въ приготовительный и первый классъ производились все время по одной и той же программѣ, но въ различные сроки и съ различною строгостью. Въ 1872—95 г.г. они происходили только послѣ лѣтнихъ каникулъ, обыкновенно 8—14 августа; съ 1896 г. для нихъ былъ установленъ еще другой срокъ—въ маѣ мѣсяцѣ, когда стала подвергаться испытанію большая половина желающихъ

поступить въ гимназію. Степень строгости пріемныхъ испытаній зависѣла главнымъ образомъ отъ количества экзаменующихся: когда приходилось принимать учениковъ въ 1 и 0 кл. по конкурсу (что въ 1900-хъ годахъ сдѣлалось постояннымъ явленіемъ), то строгость испытаній возрастала. Процентъ не выдержавшихъ испытанія колебался около 7—10. Пріемныя испытанія во II—VIII классы производились въ разное время по различнымъ программамъ — въ зависимости отъ перемѣнъ въ учебномъ уставѣ: для нихъ такъ же, какъ для вышеописанныхъ, былъ сначала одинъ срокъ, потомъ стало два, тѣ же самые; производились они всегда строго, и процентъ не выдержавшихъ былъ великъ, тѣмъ болѣе, что державшихъ испытанія было немного. Благодаря репутаціи нашей гимназіи, какъ строгой, въ нее, начиная со II класса, предпочитали поступать по свидѣтельствамъ другихъ гимназій, а не по экзамену въ ней самой. Въ концѣ періода, вслѣдствіе возрастанія общаго числа учениковъ въ гимназіи, пріемъ во II—VIII классы сталъ быстро сокращаться, и количество экзаменующихся въ эти классы сошло почти на нѣтъ. Зато въ концѣ періода увеличилось число экзаменующихся на полученіе свидѣтельствъ въ знаніи курса извѣстнаго класса. Это явленіе находится въ явной связи съ переходнымъ состояніемъ нашей школы: состоятельные родители предпочитаютъ воспитывать дѣтей дома, облегчая имъ въ то же время полученіе впослѣдствіи гимназическаго диплома.

Въ заключеніе сдѣланнаго обозрѣнія эволюціи разнаго рода испытаній для учениковъ въ нашей гимназіи можно сказать, что характерной чертой постепеннаго измѣненія испытаній окончательныхъ

и переводныхъ было ослабленіе ихъ строгости, а испытаній пріемныхъ, напротивъ,—возвышеніе требованій на нихъ.

7. Ростъ гимназіи въ періодъ 1871—1904 годовъ.

Несмотря на трудность гимназическаго ученія при Толстовскомъ уставѣ, съ 1870-хъ годовъ число учениковъ нашей гимназіи въ общемъ постепенно возрастаетъ и притомъ быстрѣе, чѣмъ въ предшествующій періодъ. Съ января 1849 г. по январь 1871 г. оно повысилось отъ 201 до 217, т. е. въ сущности стояло на одной точкѣ; въ новомъ же періодѣ ростъ его былъ таковъ: 1 января: 1871 г.= 217, 1880 г.=267, 1890 г.=201, 1900 г.=379, 1904 г.= 440. Къ концу періода, какъ видимъ, число учениковъ возросло вдвое противъ начала его. Правда, въ 1890 г. мы замѣчаемъ сильную убыль учениковъ, но она была вызвана особыми, временно дѣйствовавшими обстоятельствами: распоряженіемъ министра народ. просвѣщ. объ улучшеніи состава учениковъ гимназіи (отъ 18 іюня 1887 г.) и закрытіемъ приготовит. класса съ 1 іюля 1888 года (по Высочайшему повелѣнію отъ 11 апрѣля 1887 г.). Циркуляръ 18 іюня 1887 г. рекомендовалъ принимать въ гимназію дѣтей только изъ достаточныхъ и болѣе культурныхъ семей, и за время его дѣйствія число учениковъ въ нашей гимназіи уменьшилось. Такъ же дѣйствовало и закрытіе приготов. класса. Но, когда послѣдній былъ возстановленъ (въ августѣ 1890 г.), а циркуляръ «объ улучшеніи состава» пришелъ въ забвеніе, число учащихся стало снова быстро вырастать.

Возрастаніе это есть главнымъ образомъ слѣдствіе увеличенія народонаселенія Россіи и расшире-

нія потребности въ образованіи, но въ концѣ 1890-хъ годовъ ему способствовало и облегченіе гимназическаго ученья. Возрастаніе количества учащихся вызвало въ нашей гимназіи открытіе параллельныхъ отдѣленій. Въ первый разъ таковое открылось при I кл. въ августѣ 1879 г. Въ срединѣ 1880-хъ годовъ ихъ было 2, потомъ, съ начала 188⁸/₉ г.—*ни одного*, а съ 1895 г. они стали вновь открываться, и въ 1904 г. число ихъ дошло до 3.

8. Дѣятельность педагогическаго совѣта Владимірской гимназіи въ 1871—1904 г.

По уставу 1871 г., педагогическій совѣтъ состоитъ при гимназіи «для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части гимназіи» (§ 68). Въ §§ 74 и 75 устава перечислены главные виды дѣлъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію совѣта. Всѣ эти виды дѣлъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ 5 категоріямъ: 1) учебно-воспитательное дѣло гимназіи (и пансіона при ней), 2) выборъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ (секретаря совѣта, библіотекарей, членовъ хозяйственнаго комитета), 3) присужденіе свидѣтельствъ на различныя званія, 4) выписка книгъ и учебныхъ пособій для гимназіи, 5) нѣкоторые вопросы, касающіеся корпоративной жизни служебнаго персонала гимназіи. Собственно хозяйственныя дѣла по управленію гимназіей (расходованіе суммъ на содержаніе и ремонтъ зданія гимназіи и разныя покупки) отданы уставомъ 1871 г. въ вѣдѣніе хозяйственнаго комитета гимназіи.

Благодаря отдѣленію хозяйственныхъ дѣлъ, область дѣятельности педагогическаго совѣта по уставу

1871 г. нѣсколько сузилась сравнительно съ предыдущими періодами, но самая дѣятельность совѣта въ нашей гимназіи послѣ 1871 г. не только не сократилась, а скорѣе увеличилась сравнительно съ прежнимъ, потому что совѣтъ сталъ серьезнѣе и внимательнѣе относиться къ дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію. Причина же послѣдняго явленія заключается, повидимому, частью въ общемъ прогрессѣ русской жизни, частью въ усиленіи требованій, предъявляемыхъ совѣтамъ гимназій со стороны высшаго учебнаго начальства. Надо, впрочемъ, замѣтить, что развитіе дѣятельности совѣта нашей гимназіи не было непрерывно-послѣдовательнымъ: были моменты усиленія и ослабленія этой дѣятельности, и первые совпадаютъ со временемъ введенія устава 1871 г. и дальнѣйшихъ его видоизмѣненій, а вторые—съ болѣе спокойными періодами примѣненія введенныхъ уставовъ. Наибольшаго оживленія дѣятельность совѣта достигала въ 1871—73 г.г. и потомъ въ 1900—1903 г.г., а развитіе дѣятельности выдѣленныхъ совѣтомъ комиссій (классныхъ, предметныхъ) было особенно сильно въ 1871—76 г.г., 1886—88 г.г. и въ 1890 г.

При разсмотрѣніи въ общихъ чертахъ развитія дѣятельности совѣта нашей гимназіи въ 1871—1904 г.г. любопытно было бы отмѣтить степень самостоятельности въ поведеніи совѣта относительно его предсѣдателя—въ различные моменты изучаемаго періода. Къ сожалѣнію, для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ мало документальныхъ данныхъ. Тѣ, которыя существуютъ (въ видѣ указаній въ протоколахъ совѣта на дѣйствія отдѣльныхъ лицъ), позволяютъ думать, что въ 1870-хъ и 1900-хъ годахъ совѣтъ держалъ себя самостоятельнѣе по от-

ношенію къ предсѣдателю, чѣмъ въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ, бывшихъ эпохою высшаго развитія директорской власти въ нашей гимназіи.

Отъ общей характеристики дѣятельности педагогическаго совѣта въ 1871—1904 г.г. перейдемъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ проявленій этой дѣятельности въ отдѣльныхъ категоріяхъ дѣлъ.

Учебно-воспитательное дѣло. Рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ составляло, вѣроятно, 9/10 работы, продѣланной совѣтомъ въ описываемый періодъ. Для удобства характеристики работы совѣта надъ вопросами этой области ихъ слѣдуетъ раздѣлить на два разряда: 1) вопросы ординарные, періодически повторяющіеся, и 2) вопросы экстраординарные, вызванные перемѣнами или особыми событіями въ жизни гимназіи.

Къ первому разряду вопросовъ относятся: оцѣнка занятій и поведенія учениковъ по окончаніи отдѣловъ учебнаго года и принятіе обычныхъ мѣръ для поднятія успѣшности и благонравія учениковъ; оцѣнка результатовъ испытаній для учениковъ и вновь поступающихъ въ гимназію дѣтей и связанныя съ этимъ постановленія о переводѣ учениковъ въ высшіе классы, о выдачѣ аттестатовъ зрѣлости и свидѣтельствъ объ окончаніи курса извѣстнаго класса, о пріемѣ и увольненіи учениковъ, о наградахъ и пр.; освобожденіе нѣкоторыхъ учениковъ отъ платы за ученіе; разрѣшеніе содержать ученическія квартиры; распредѣленіе уроковъ между преподавателями; открытіе параллельныхъ классовъ; введеніе учебниковъ и учебныхъ пособій; утвержденіе программъ преподаванія (на годъ, отчетный отдѣлъ года, недѣли) и испытаній; выборъ отрыв-

ковъ изъ древнихъ и новыхъ авторовъ для чтенія въ классѣ; установленіе количества письменныхъ работъ на извѣстный отдѣлъ года и выборъ темъ для нихъ; выборъ вакаціонныхъ работъ для учениковъ.

Изъ перечисленныхъ вопросовъ, подвергавшихся обсужденію совѣта, стоитъ остановить вниманіе только на нѣкоторыхъ, въ разрѣшеніи которыхъ сильнѣе проявлялись индивидуальныя особенности нашей гимназіи.

Обсужденіе совѣтомъ занятій и поведенія учениковъ за отчетный отдѣлъ года въ разныя эпохи изучаемаго періода носятъ различный характеръ. Въ первое время послѣ введенія устава 1871 г. въ нашей гимназіи еще не установилось дѣленіе учебнаго года на 4 четверти, и отчеты объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ дѣлались то за два, то за три мѣсяца (календарныхъ). Въ 1871—72 уч. году было пять отчетныхъ отдѣловъ года, и засѣданія совѣта по поводу ихъ происходили въ слѣд. числа: 12 октября, 14 декабря, 16 февраля, 6 апрѣля и 8 мая. Въ послѣдующіе годы установилось 4 отчетныхъ отдѣла, но они не носили названія «четверть»: этотъ терминъ сталъ употребляться въ протоколахъ совѣта только съ 1874 г. (19 іюня). Въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ (1871—77), когда должность директора исправлялъ, а потомъ занималъ Н. А. Заксъ, поведеніе и особенно успѣхи учениковъ за каждую четверть обсуждались весьма тщательно. Въ четвертныхъ засѣданіяхъ совѣта сначала оцѣнивалось баллами поведеніе учениковъ, потомъ обсуждались успѣхи учениковъ, при чемъ вырабатывался цѣлый рядъ таблицъ, показывающихъ число неудовлетворительныхъ

учениковъ по отдѣльнымъ предметамъ и классамъ, среднюю успѣшность классовъ и пр., наконецъ разсматривались манкировки учениковъ и преподавателей. Довольно часто на этихъ засѣданіяхъ составлялась таблица, показывающая число исполненныхъ учениками за четверть письменныхъ работъ. Кромѣ того, въ указанное время, въ началѣ года и по окончаніи I, II и III четверти слѣдовалъ рядъ засѣданій классныхъ комиссій, на которыхъ обсуждались: количество учебнаго матеріала, который возможно пройти въ слѣдующую четверть, особенности поведенія учениковъ и степень ихъ успѣшности за истекшую четверть, причины неуспѣшности извѣстныхъ учениковъ и мѣры для поднятія успѣшности учениковъ и улучшенія ихъ поведенія. Основаніемъ для такого обсужденія служили доклады классныхъ наставниковъ, которые состояли не изъ ряда голыхъ цифръ, какъ въ настоящее время, а изъ связнаго изложенія различныхъ данныхъ касательно поведенія и занятій учениковъ въ теченіе четверти. Съ начала 1877—78 учеб. года, послѣ вступленія въ должность директора И. Е. Сыроѣчковскаго, особыя засѣданія классныхъ комиссій по четвертямъ года прекращаются—они сливаются съ четвертными засѣданіями совѣта, совѣтъ перестаетъ составлять разнообразныя таблицы объ успѣхахъ учениковъ, высчитывать количество исполненныхъ письменныхъ работъ, количество манкировокъ преподавателей, зато начинаетъ выводить съ особымъ вниманіемъ четвертныя отмѣтки ученикамъ по вниманію и прилежанію. Ученики, получившіе неудовлетворительные баллы за вниманіе и прилежаніе, записывались въ протоколъ. Съ конца 1879 г. совѣтъ сталъ вырабатывать особыя таблицы, показывающія

количество учениковъ въ разрядахъ и внѣ разряда, а также количество учениковъ, получившихъ извѣстную отмѣтку по вниманію, прилежанію и поведенію. Такое вниманіе отмѣткамъ по вниманію удѣлялось какъ на основаніи общихъ взглядовъ директора и совѣта на значеніе четвертной оцѣнки занятій учащихся, такъ и въ виду особаго постановленія совѣта (11 мая 1879 г.)—увольнять изъ гимназіи учениковъ, получившихъ за прилежаніе 1 въ одной четверти или 2 въ двухъ четвертяхъ. Описанныя занятія составляли, повидимому, главную часть работы совѣта на четвертныхъ его засѣданіяхъ до конца 1887—8 учеб. года, т. е. до конца директорства Сыроѣчковскаго. Но особыя засѣданія классныхъ комиссій возобновились во вторую половину его управленія гимназіей, только въ особой формѣ и по особой причинѣ. Послѣ неблагопріятнаго отзыва о состояніи гимназіи ревизовавшаго ее въ ноябрѣ 1885 г. окр. инсп. Киндлера, Сыроѣчковскій установилъ еженедѣльныя засѣданія классныхъ комиссій для выработки программъ преподаванія на предстоящую недѣлю. Такія комиссіи аккуратно собирались въ теченіе 2½ лѣтъ (съ января 1886 до мая 1888 г.). Мы имѣемъ только краткія и однообразныя указанія на ихъ дѣятельность въ протоколахъ совѣта. Въ нихъ вездѣ говорится одно и то же: такого-то числа, въ присутствіи такихъ-то лицъ, обсуждались программы уроковъ на недѣлю, одобрены комиссіей и занесены классными наставниками въ свои журналы. При новомъ директорѣ, Л. М. Студенецкомъ (съ сентября 1888 по мартъ 1895 г.), всѣ занятія, связанныя съ четвертными отчетами и программами преподаванія, упрощаются: засѣданія классныхъ комиссій (кромѣ относящихся

къ испытаніямъ зрѣлости) прекращаются окончательно, вывода отмѣтокъ за вниманіе и прилежаніе и составленія разныхъ таблицъ на четвертныхъ засѣданіяхъ не производится. Эти засѣданія принимаютъ тотъ характеръ, который они имѣютъ въ настоящее время: на нихъ оцѣнивается поведеніе учениковъ, обсуждаются ихъ успѣхи и принимаются мѣры для улучшенія успѣшности и поведенія учащихся. Въ такомъ духѣ проходятъ всѣ четвертныя засѣданія совѣта во всѣ послѣдующіе годы— неизмѣнно до конца періода, несмотря на смѣну директоровъ (Соколовъ, Панкратовъ, Стрѣльцовъ).

Итакъ, занятія совѣта на четвертныхъ засѣданіяхъ въ разныя эпохи изучаемаго періода были неодинаковы,—что придавало дѣятельности совѣта въ разныя времена различный характеръ,—но основа ихъ всегда была одна и та же—обсужденіе мѣръ для поднятія успѣшности и улучшенія поведенія учениковъ. Если не принимать въ расчетъ нѣкоторыхъ постановленій совѣта, имѣвшихъ исключительный или временный характеръ, а разсматривать обычныя мѣры со стороны совѣта для указанной цѣли, то онѣ окажутся въ общемъ одинаковыми для всего періода. Основной мѣрой для улучшенія поведенія учениковъ являлась оцѣнка его баллами, и она производилась приблизительно одинаково за весь періодъ: баллъ 4 ставился за небольшія нарушенія дисциплины и ученическихъ обязанностей, 3—за крупныя или очень частыя шалости, за несдержанность и грубость въ отношеніи къ наставникамъ, въ концѣ періода—за куреніе; баллъ 2 ставился обыкновенно при обсужденіи исключительныхъ проступковъ и часто влекъ за собою увольненіе ученика въ прямой или косвенной формѣ

(предложеніе взять изъ гимназіи); бывали однако случаи, что съ такимъ балломъ ученики оставались въ гимназіи; случалось, что б. 2 ставили за упорное повтореніе проступковъ. Что касается обычныхъ мѣръ для поднятія успѣшности учениковъ, то въ 1871—77 г.г. (въ директорство Закса) такихъ мѣръ вовсе не принималось, а бывали при случаѣ особенныя мѣры; въ 1877—88 г.г. (при директ. Сыроѣчковскомъ) мѣрою для поднятія успѣшности со стороны совѣта можно считать выведеніе отмѣтокъ за вниманіе и прилежаніе, т. е. ту угрозу, которая въ нихъ заключалась; начиная съ 1888 г. до конца періода (разные директоры) обычной мѣрой являлся вызовъ родителей или родственниковъ неуспѣвающихъ учениковъ—для совмѣстнаго обсужденія ими и преподавателями способовъ поднятія успѣшности даннаго ученика; въ концѣ 1890-хъ годовъ изрѣдка дѣлались еще замѣчанія отъ совѣта нѣкоторымъ ученикамъ «за небрежное отношеніе къ занятіямъ» по извѣстному предмету. Но всѣ эти «мѣры» не представляли дѣйствительной помощи неуспѣвающимъ ученикамъ, а только рельефнѣе выставляли на видъ ученикамъ и ихъ родителямъ полученныя учениками дурныя отмѣтки: въ этомъ ихъ сходство, заставляющее признать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ однородными.

Заслуживаетъ еще вниманія вопросъ о томъ, какъ составлялось въ нашей гимназіи распредѣленіе уроковъ между преподавателями. По уставу это распредѣленіе должно вырабатываться совѣтомъ, но на практикѣ въ большинствѣ гимназій совѣтъ только утверждаетъ распредѣленіе, составленное директоромъ. Такъ, повидимому, было и у насъ. Въ концѣ 1870-хъ и началѣ 1880-хъ годовъ въ протоколы

совѣта даже забывали вносить распредѣленіе уроковъ—ясный признакъ того, что совѣтъ принималъ малое участіе въ его составленіи. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія матеріальнаго обезпеченія учителей, распредѣленіе уроковъ въ нашей гимназіи вообще составлялось равномѣрно и справедливо. Зато ради этой равномѣрности нарушалось единство въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ, напр. въ 1880-хъ годахъ уроки исторіи въ III и IV кл. обыкновенно поручались не учителю исторіи, а учителямъ русскаго и древнихъ языковъ. Число уроковъ, приходящееся въ среднемъ на каждаго учителя, съ теченіемъ времени медленно возрастало—благодаря открытію параллелей. Надо еще замѣтить, что распредѣленіе уроковъ въ нашей гимназіи стояло въ тѣсной связи съ распредѣленіемъ уроковъ во Владимірской женской гимназіи, гдѣ преподавали многіе учителя мужской гимназіи. Вслѣдствіе этого въ мужской гимназіи у нѣкоторыхъ учителей оказывалось сравнительно съ другими малое число уроковъ, тогда какъ вмѣстѣ съ женской гимназіей они имѣли не меньшее, если не большее число, чѣмъ товарищи. Въ общемъ, считая уроки обѣихъ гимназій, можно сказать, что въ началѣ періода наши учителя имѣли въ среднемъ по 20—24 ур., а къ концу—по 26—30 уроковъ. У директора и инспектора, напротивъ, послѣ реформы 1890 г. число уроковъ уменьшилось: до этого директоръ иногда (напр. Заксъ), а инспекторъ обыкновенно—имѣлъ по 12 ур., а послѣ реформы получали не болѣе 6—8 уроковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію дѣятельности совѣта относительно экстраординарныхъ вопросовъ учебно-воспитательнаго дѣла. Къ числу ихъ принадлежатъ: введеніе новыхъ уставовъ или при-

мѣненіе дополнительныхъ распоряженій учебнаго начальства, отвѣты на запросы начальства, отдѣльныя мѣры для поднятія успѣшности учениковъ и для улучшенія ихъ поведенія, постановленія по поводу выдающихся проступковъ учениковъ.

Дѣятельность совѣта по введенію устава 1871 г. и его главныхъ измѣненій и дополненій уже описана въ другомъ мѣстѣ, но нужно еще указать на обсужденіе совѣтомъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ распоряженій учебнаго начальства и отвѣтовъ на его запросы.

23 августа 1877 г. совѣту пришлось отвѣчать на запросъ попечителя округа (предл. отъ 10 іюля 1877 г., № 3640) о причинѣ большого процента неуспѣвающихъ учениковъ во Владимірской гимназіи, показанномъ въ отчетѣ за 1876 г. (44,5%). Совѣтъ представилъ такія объясненія: 1) цифра 44,5 обнимаетъ собою все количество учениковъ, получившихъ неудовлетворительный баллъ хотя бы за одну четверть; 2) причинами большого количества неуспѣшныхъ учениковъ являются: слабый составъ нѣкоторыхъ классовъ (V, III), слабые успѣхи пансіонеровъ—вслѣдствіе несоотвѣтствія распорядка пансіонской жизни съ требованіями учебнаго устава (распорядокъ установленъ въ 1865 г., теперь его слѣдуетъ измѣнить), частыя перемѣны въ составѣ учителей.

Въ засѣданіяхъ 22, 24, 28 и 30 сентября 1880 г. совѣтъ обсуждалъ вопросы, возбужденные циркуляромъ министра народ. просв. (9 іюня 1879 г., № 6483) и его личной бесѣдой съ преподавателями гимназіи— при посѣщеніи ея 27 августа 1880 г.—касательно постановки учебнаго дѣла въ гимназіяхъ вообще и

особенно--способовъ устраненія замѣчаемаго нынѣ обремененія учениковъ домашними работами. Совѣтъ намѣтилъ цѣлый рядъ мѣръ, могущихъ, по его мнѣнію, улучшить постановку учебнаго дѣла въ гимназіи, въ томъ числѣ: улучшеніе положенія преподавателей, отдѣленіе пансіона отъ гимназіи, отмѣну переводныхъ испытаній, ослабленіе значенія переводовъ на древніе языки и пр.

21 августа 1884 г. комиссія классныхъ наставниковъ подъ предсѣдательствомъ директора обсуждала циркуляры министра народ. просв. отъ 28 апрѣля и 26 іюля 1884 г. относительно устройства ученическихъ квартиръ и надзора за ними. Комиссія выработала рядъ правилъ о надзорѣ за квартирами. Послѣ этого, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ началѣ осени совѣтъ составлялъ подробный списокъ ученическихъ квартиръ, который обыкновенно помѣщался въ протоколахъ совѣта.

19 августа 1886 г. совѣтъ обсуждалъ циркуляръ попечителя округа отъ 14 августа 1886 г., основанный на циркулярѣ министра народ. просв. отъ 4 сентября 1885 г. № 13408, касательно мѣръ для улучшенія преподаванія древнихъ языковъ. На основаніи этихъ циркуляровъ было постановлено ввести въ старшихъ классахъ письменныя упражненія въ переводѣ съ древнихъ языковъ на русскій (1 разъ въ мѣсяцъ), 28 октября того же года сдѣланъ былъ рядъ дополнительныхъ постановленій о преподаваніи древнихъ языковъ—на основаніи того же циркуляра попечителя.

27 ноября 1887 г. совѣтомъ заслушанъ былъ знаменитый циркуляръ министра народ. просв. отъ 18 іюня 1887 г. за № 9255,--«объ улучшеніи со-

става учениковъ гимназій и прогимназій». Согласно ему постановлено было: посовѣтовать родителямъ нѣкоторыхъ учениковъ младшихъ классовъ (11) переместить дѣтей въ заведенія съ болѣе легкимъ курсомъ.

2 ноября 1892 г. совѣтъ заслушалъ и принялъ къ руководству циркуляръ попечителя округа отъ 24 октября 1892 г. касательно сокращенія на текущій учебный годъ учебныхъ плановъ—соотвѣтственно сокращенію учебнаго времени вслѣдствіе холерной эпидеміи.

6 ноября 1895 г. обсуждался совѣтомъ циркуляръ попечителя округа отъ 30 октября 1895 г. касательно точнаго соблюденія установленныхъ правилъ о ношеніи учениками форменнаго платья и вообще поведенія учениковъ внѣ стѣнъ учебнаго заведенія. Во исполненіе этого циркуляра, совѣтъ выработалъ рядъ постановленій, между прочимъ, слѣдующія: а) «предложить родителямъ учениковъ старшихъ классовъ ...позаботиться о постройкѣ мундирныхъ полукафтановъ, т. к до настоящаго времени большинство учениковъ ихъ не имѣло»; с) разрѣшить ученикамъ всѣхъ классовъ гулянье по улицамъ въ зимнее время лишь до 7 часовъ вечера (за исключеніемъ дающихъ уроки).

8 января 1897 г. обсуждалось предложеніе попечителя округа отъ 13 декабря 1896 г., заключающее въ себѣ запросъ о вліяніи, какое оказала отмѣна переводныхъ испытаній въ 1896 г. на уровень познаній и успѣшность учениковъ въ текущемъ учебномъ году. Признавъ, что уровень познаній учениковъ достаточно точно выражается въ ихъ успѣшности, т. е. въ полученныхъ ими от-

мѣткахъ, совѣтъ разсмотрѣлъ рядъ таблицъ, составленныхъ предсѣдателемъ (инсп. Шнейдеромъ) и показывающихъ успѣшность учениковъ по главнымъ предметамъ за 4 года, и пришелъ къ заключенію, что въ текущемъ году отмѣна переводныхъ испытаній способствовала нѣкоторому пониженію успѣшности въ младшихъ классахъ (благодаря очень длинной вакаціи) и повышенію успѣшности въ старшихъ классахъ (почему—не указано).

11 сентября 1897 г., на основаніи предложенія попечителя округа отъ 26 апрѣля 1897 г., совѣтъ обсуждалъ вопросъ о цѣлесообразности существующей системы переводныхъ испытаній и пришелъ къ заключенію, что эти испытанія не служатъ достаточной провѣркой познаній учениковъ, а между тѣмъ вредно вліяютъ на ихъ здоровье и отнимаютъ много учебнаго времени, а потому—для пользы учебнаго дѣла должны быть отмѣнены.

31 мая 1900 г. совѣтъ, на основаніи предложенія попечителя округа отъ 13 марта 1898 г. за № 6242, составилъ заключеніе по вопросу о вліяніи, какое оказала на ходъ учебнаго дѣла въ гимназіи допущенная въ видѣ опыта на 3 года отмѣна переводныхъ испытаній для болѣе чѣмъ удовлетворительныхъ учениковъ. Усматривая нѣкоторыя отрицательныя стороны въ этомъ вліяніи (погоня за отмѣтками въ старшихъ классахъ, забываніе пройденнаго въ теченіе вакаціи—въ младшихъ), въ общемъ совѣтъ нашелъ его благотворнымъ.

12 сентября 1902 г. совѣтъ обсуждалъ рядъ вопросовъ, поставленныхъ циркуляромъ министра народн. просв. отъ 15 августа 1902 г. за № 21600: о дняхъ отдыха для учащихся—по назначенію со-

вѣта, о распредѣленіи времени классныхъ занятій, о развитіи среди учениковъ физическихъ упражненій и пр. По всѣмъ этимъ вопросамъ сдѣланъ рядъ постановленій, которыя, однако, не вносили въ жизнь гимназіи чего-либо существенно новаго, за исключеніемъ рѣшенія воспользоваться правомъ освобожденія учениковъ отъ занятій въ нѣкоторые будничные дни —для устроенія въ таковые образовательныхъ прогулокъ или чтеній. На дѣлѣ совѣтъ воспользовался этимъ правомъ очень умѣренно: вмѣсто 7 дней отдыха въ теченіе года онъ устроилъ только 4.

22 сентября 1903 г. совѣтъ заслушалъ циркуляръ попечителя округа отъ 16 сентября 1903 г. относительно руководства внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ и поручилъ учителямъ словесности и исторіи составить къ 10 октября списокъ книгъ, которыя могутъ быть рекомендованы ученикамъ по этимъ областямъ знанія. Списки были составлены, и часть книгъ по нимъ пріобрѣтена въ томъ же учебномъ году.

28 октября 1903 г. совѣтъ вырабатывалъ отвѣтъ на предложеніе попечителя округа отъ 25 сентября 1903 г., за № 19248, о мѣрахъ для упорядоченія учебнаго дѣла въ гимназіяхъ вообще и Владимірской въ частности. Главная мысль отвѣта та, что для упорядоченія учебнаго дѣла въ гимназіяхъ прежде всего нужно прочное опредѣленіе гимназическаго устава.

Что касается отдѣльныхъ мѣръ по учебно-воспитательному дѣлу, самостоятельно принятыхъ совѣтомъ, то онѣ, конечно, не могли представлять широкихъ реформъ - т. к. на таковыя совѣтъ не

имѣлъ права,—а имѣли характеръ болѣе или менѣе мелочный. Болѣе выдающимися изъ нихъ надо считать слѣдующія.

1872 г. 30 ноября постановлено выкладывать на столѣ въ учительской комнатѣ всѣ учебники, употребляемые въ гимназіи, чтобы классные наставники могли своевременно знакомиться съ объемомъ задаваемыхъ въ ихъ классахъ уроковъ. 1873 г. 11 декабря постановлено употребить остающееся до рождественскихъ вакацій время на устройство репетицій для учениковъ всѣхъ классовъ: въ младшихъ—по всѣмъ предметамъ, а въ VI и VII—по языкамъ и математикѣ, въ видѣ письменныхъ испытаній. 1875 г. 3 ноября совѣтъ постановилъ, чтобы классные наставники по очереди занимались послѣ уроковъ съ учениками, получившими неудовлетворительные баллы въ данный день. Учителя математики (Милковскій и Лерхъ) предложили также свои услуги для занятій съ учениками, хотя классными наставниками не состояли. Совѣтъ принялъ это предложеніе съ благодарностью. 1879 г. 11 мая состоялось, по предложенію предсѣдателя совѣта (дир. Сыроѣчковскаго), странное на современный взглядъ постановленіе: «Относительно же «учениковъ, намѣренно - по тѣмъ или другимъ при- «чинамъ—не исполняющихъ своихъ обязанностей «по отношенію къ ученію, совѣтъ рѣшилъ—уволь- «нять изъ гимназіи учениковъ, получившихъ от- «мѣтку 1 за прилежаніе въ теченіе одной четверти «или отмѣтку 2 въ теченіе двухъ четвертей учеб- «наго года, не лишая, впрочемъ, таковыхъ учени- «ковъ права вновь поступить въ тотъ же классъ «гимназіи по экзамену. Послѣднее постановленіе «совѣта рѣшено напечатать въ журнальчикахъ въ

«числѣ правилъ для учениковъ гимназіи».— Итакъ, въ то время, когда и безъ того приходилось многихъ учениковъ увольнять по § 34 устава, совѣтъ наложилъ на себя еще лишнее стѣсненіе анти-гуманнаго характера. Къ счастью, на практикѣ это постановленіе примѣнено было только къ одному ученику (I кл. Голенкину—19 дек. 1879 г.).

12 ноября 1884 г. комиссія преподавателей русскаго языка выработала рядъ мѣръ для поднятія успѣшности учениковъ въ исполненіи письменныхъ работъ по русскому языку. Въ числѣ этихъ мѣръ болѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія: примѣнять разнообразные виды работъ; «уничтожать замѣчаемое иногда фразерство»; искоренять списыванье изъ чужихъ сочиненій; увеличить число домашнихъ упражненій.

25 ноября 1885 г. совѣтъ обсуждалъ вопросъ о принятіи въ руководство при гимназическомъ преподаваніи правилъ правописанія, изложенныхъ въ книгѣ Грота (Русское правописаніе). Постановлено: принять къ руководству всѣ правила Грота, за исключеніемъ начертанія словъ: р$^{е}_{о}$бенокъ, Владим$^{i}_{и}$ръ, коп$^{ѣ}_{е}$йка, п$^{о}_{т}$ти, въ которыхъ сохранить прежнюю орѳографію.

Переходя къ обозрѣнію постановленій совѣта по поводу отдѣльныхъ выдающихся проступковъ учениковъ, надо оговориться, что по данному вопросу документальный матеріалъ весьма обширенъ. Въ протоколахъ совѣта за 1871—1904 г.г. значится 61 постановленіе по поводу болѣе или менѣе выдающихся проступковъ учениковъ, нерѣдко коллективныхъ, число же совершившихъ проступки значительно больше. Было бы утомительно перечи-

слять всѣ постановленія совѣта по такого рода дѣламъ, а потому я ограничусь нѣкоторыми общими выводами и описаніемъ нѣсколькихъ болѣе интересныхъ случаевъ.

Общіе выводы, которые можно сдѣлать изъ разбора вышеуказанныхъ постановленій, таковы. Мѣры взысканія, примѣнявшіяся совѣтомъ, были двухъ главныхъ видовъ: увольненіе изъ гимназіи въ прямой или косвенной формѣ (предложеніе отъ совѣта родителямъ ученика взять послѣдняго по прошенію) и карцерное заключеніе съ пониженіемъ балла по поведенію (рѣдко—одно пониженіе балла). Увольненію за проступки въ теченіе всего періода подверглось 26 учениковъ, почти исключительно младшихъ классовъ (изъ старшихъ только 6, въ томъ числѣ одинъ временно), въ 35 случаяхъ (учениковъ больше) наложено наказаніе безъ увольненія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что бывали случаи замаскированнаго увольненія учениковъ: директоръ, опасаясь передавать проступокъ ученика на обсужденіе совѣта, который могъ формально уволить ученика, иногда давалъ отъ себя совѣтъ родителямъ ученика взять его по прошенію. Подобные ученики числились выбывшими по прошенію родителей, и о проступкахъ ихъ не дѣлалось особыхъ постановленій совѣта, почему число ихъ не поддается учету.

Что касается размѣровъ карцернаго заключенія, то за болѣе значительные проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, оно колебалось въ предѣлахъ 6—24 часа, не считая одного случая въ 1876 г., когда уч. VI кл. Прокудинъ-Горскій, за принесеніе бутылки водки въ пансіонъ, былъ посаженъ въ карцеръ на 4 дня. Карцеръ на 24 часа назначался

обыкновенно ученикамъ за дерзкія выходки противъ наставниковъ, напр. 1882 г., 4 сент.—уч. VII кл. Воскресенскому, 1886 г., 23 мая—уч. V кл. Киселеву, 1892 г., 4 марта—уч. V кл. Рудневу, 1903 г., 19 февраля—уч. VIII кл. Исакову (грубость въ отношеніи директора), но иногда и за проступки другого рода: за неприличное поведеніе на улицѣ (уч. VI кл Дубровскому и Дубенскому—1887 г. 25 февр.), за брань и драку на улицѣ (уч. IV кл. Билимовичу—1889, окт. 31), за куреніе въ гимназіи (уч. VIII кл. Угрюмову—1887 г. 10 сент.) и за другія грубыя нарушенія гимназическихъ правилъ и требованій приличія.

Обратимся теперь къ описанію нѣсколькихъ болѣе или менѣе характерныхъ случаевъ обсужденія совѣтомъ проступковъ учениковъ.

Въ экстренномъ засѣданіи совѣта 6 октября 1876 г. (подъ предсѣдательствомъ директора Закса и въ присутствіи почет. попечителя Макарова) обсуждался поступокъ уч. VII кл., пансіонера Аршеневскаго Василія, у котораго оказался въ рукахъ № запрещеннаго политическаго журнала «Впередъ». Изложенныя передъ совѣтомъ г. директоромъ обстоятельства дѣла таковы.

«Въ Воскресенье 3 октября, вечеромъ, когда воспитанники пансіона возвращались изъ отпуска, Аршеневскій, восп. VII класса, идя по коридору, обронилъ незамѣтно для себя какой-то печатный листокъ. Дежурный воспитатель Сѣдлакъ поднялъ его. Листокъ оказался № запрещеннаго политическаго журнала «Впередъ». Журналъ этотъ тотчасъ былъ переданъ г-ну и. д. инспектора, который передалъ его г. директору. Послѣдній, будучи увѣренъ

въ томъ, что явленіе это совершенно случайное, т. к. до сего времени не было ни одного факта, который бы свидѣтельствовалъ о направленіи, имѣющемъ какую-либо связь съ характеромъ найденнаго изданія, но тѣмъ не менѣе желая съ воспитательной цѣлью разслѣдовать фактъ появленія этого журнала въ пансіонѣ и окончательно удостовѣриться въ степени его распространенія въ средѣ воспитанниковъ, на слѣдующій день, въ понедѣльникъ утромъ, вмѣстѣ съ г. и. д. инспектора сдѣлалъ обыскъ въ пансіонѣ, когда ученики были въ классахъ. При обыскѣ ничего особеннаго не было найдено въ пансіонѣ. У Аршеневскаго же оказалось, во 1-хъ, нѣсколько книгъ, хотя и дозволенныхъ цензурой, но не соотвѣтствующихъ возрасту воспитанника, книгъ, частью взятыхъ для чтенія у постороннихъ лицъ, частью принадлежащихъ лично ему; во 2-хъ, переписка его съ товарищами и родственниками; въ 3-хъ, двѣ тетради стихотвореній и повѣстей извѣстныхъ авторовъ и собственнаго опыта воспитанниковъ, совершенно безвиннаго содержанія; въ 4-хъ, записная памятная книжка и разныя замѣтки на клочкахъ бумаги и въ 5-хъ, въ одной изъ книгъ— таблица условныхъ буквенныхъ знаковъ».

Далѣе протоколъ перечисляетъ найденныя у Аршеневскаго книги и указываетъ, какъ объяснилъ Аршеневскій (дважды допрошенный директоромъ) нахожденіе у него запрещеннаго журнала: по его словамъ, злополучный № далъ ему, съ совѣтомъ прочесть одну статью, его знакомый Л—нъ, у матери котораго онъ былъ въ гостяхъ въ день отпуска 3 октября.

Выслушавъ докладъ директора, совѣтъ разсмотрѣлъ найденныя у Аршеневскаго книги и письма.

Въ нихъ не оказалось ничего особеннаго, только въ письмахъ старшаго брата Аршеневскаго, Димитрія, замѣтенъ былъ рѣзкій тонъ относительно другихъ родственниковъ и попадались намеки на общественные и экономическіе вопросы, обсужденіе которыхъ тотъ отлагалъ до личнаго свиданія. Отсюда совѣтъ вывелъ заключеніе, что старшій братъ, стараясь содѣйствовать развитію младшаго, но не понимая «главныхъ основъ воспитанія», оказывалъ на него въ извѣстномъ смыслѣ вредное вліяніе. Напротивъ, письма товарищей Аршеневскаго не заключали въ себѣ ни малѣйшаго намека на распространеніе какого-либо вреднаго направленія въ средѣ воспитанниковъ. Потомъ Аршеневскій былъ призванъ въ засѣданіе совѣта и далъ объясненія по поводу происшедшаго съ нимъ случая. Его показанія передъ совѣтомъ совпадали въ основѣ съ прежними, но были нѣсколько подробнѣе; такъ, онъ указалъ, что познакомился съ Л—нымъ черезъ воспитанника Степанова и видѣлъ у Л—ныхъ восп. Тихонравова.

Постановленіе совѣта было таково. «Т. к. изъ «всего вышеизложеннаго не обнаружилось виновности восп. Аршеневскаго, то пед. совѣтъ постановилъ: оставить этотъ вопросъ открытымъ, равно «какъ и о степени виновности другихъ воспитан«никовъ гимназіи—Степанова и Тихонравова—и о «случившемся представить на благоусмотрѣніе г. «попечителя округа, составивъ объ этомъ особый «журналъ, а дабы оградить на будущее время вос«питанниковъ гимназіи отъ возможности пагубнаго «на нихъ сторонняго вліянія, о поступкѣ Л—на «сообщить кому слѣдуетъ на усмотрѣніе и завися«щее распоряженіе и затѣмъ, смотря по обстоятель-

«ствамъ, имѣющимъ обнаружиться изъ произведен-
«наго дознанія о Л—нѣ, поступить съ воспитан-
«никами Аршеневскимъ, Степановымъ и Тихонра-
«вовымъ».

На бижайшемъ четвертномъ засѣданіи (27 октября 1876 г.) совѣтъ, на основаніи двухъ отношеній жандармскаго управленія, бывшихъ результатомъ дознанія и признававшихъ полную невиновность въ данномъ дѣлѣ воспитанниковъ Степанова и Тихонравова и нѣкоторую виновность восп. Аршеневскаго, вслѣдствіе которой, по существующимъ узаконеніямъ, за нимъ долженъ быть учрежденъ особый надзоръ гимназическаго начальства впредь до окончанія дѣла,—постановилъ: восп. Степанову и Тихонравову не понижать отмѣтки за поведеніе, а Аршеневскому—понизить таковую до 3. Сверхъ того директоръ предложилъ воспитателямъ пансіона имѣть за Аршеневскимъ строжайшій надзоръ.

Въ концѣ—концовъ все это дѣло разрѣшилось для Аршеневскаго благополучно: въ 1878 г. онъ получилъ въ нашей гимназіи аттестатъ зрѣлости.

Въ засѣданіи 27 мая 1880 г. совѣтъ, помимо другихъ дѣлъ, обсуждалъ проступокъ уч. V кл. Браудо, который на урокѣ латинскаго яз., получивъ отъ преподавателя замѣчаніе за незнаніе урока по грамматикѣ, отвѣтилъ: «Стану я учить эту чушь! Развѣ такую чушь можно запомнить!» Мнѣнія членовъ совѣта о значеніи проступка и о мѣрѣ, которая должна быть примѣнена къ его виновнику, раздѣлились. Одни находили, что уч. Браудо просто сказалъ въ раздраженіи грубость преподавателю и подлежитъ высшей мѣрѣ взысканія—карцерному заключенію на сутки или выговору отъ совѣта

передъ всѣмъ заведеніемъ; другіе (меньшинство) считали, что Браудо прямо выразилъ нежеланіе учиться въ гимназіи и потому долженъ быть уволенъ изъ нея. На этотъ разъ вопросъ остался нерѣшеннымъ, и предположено было представить его на усмотрѣніе попечителя округа. Но вскорѣ передумали. На ближайшемъ засѣданіи совѣта (30 мая) директоръ предложилъ преподавателямъ и инспектору сдѣлать общую характеристику уч. Браудо. Изъ заявленій членовъ совѣта выяснилось, что Браудо - мальчикъ добрый, но шаловливый; за послѣднее время онъ сталъ сдержаннѣе; по объясненію его родителей, многіе его несдержанные поступки, въ томъ числѣ и послѣдній, совершаются подъ вліяніемъ мигрени, которой онъ часто страдаетъ. Послѣ этого огромнымъ большинствомъ голосовъ было постановлено: сдѣлать уч. Браудо выговоръ отъ совѣта передъ всѣми учениками и сбавить ему баллъ за поведеніе, но не увольнять изъ гимназіи.

1887 г. 28 февраля, въ экстренномъ засѣданіи совѣта, директоръ предложилъ на обсужденіе совѣта слѣдующій случай.

25 февраля трое учениковъ VI кл. «будучи не въ трезвомъ видѣ, катались въ 11 ч. ночи по улицѣ и пѣли пѣсни, вслѣдствіе чего были остановлены полицейскимъ чиновникомъ, который предложилъ имъ прекратить пѣніе. Но ученики не послушались, наговорили чиновнику дерзостей и отказались сообщить свои фамиліи, такъ что чиновникъ вынужденъ былъ послѣдовать за ними и пригрозить имъ арестомъ, послѣ чего только они назвали себя. О таковомъ поступкѣ учениковъ сообщено было губернатору, который со своей стороны и довелъ объ

этомъ до свѣдѣнія гимназическаго начальства». Разслѣдованіе дѣла показало, что ученики угостились въ домѣ матери одного изъ нихъ. Совѣтъ постановилъ: двоихъ учениковъ, замѣченныхъ раньше въ легкомысленномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, наказать карцернымъ заключеніемъ на 24 часа, а третьяго, ни въ чемъ не замѣченнаго,—заключеніемъ на 12 часовъ.

Особое положеніе занимаетъ дѣло о проступкахъ учениковъ послѣ 1 марта 1881 г. Оно потребовало цѣлаго ряда засѣданій слѣдственной комиссіи изъ членовъ совѣта (15, 16, 17, 18 и 19 марта) и двухъ засѣданій совѣта (20 и 21 марта), на которыхъ было выработано постановленіе о виновныхъ ученикахъ. Оно было подписано въ особомъ засѣданіи совѣта 24 марта 1881 г. Нѣкоторымъ ученикамъ былъ сдѣланъ выговоръ или назначено заключеніе въ карцеръ, а трое учениковъ (IV кл. Рагозинъ, VI кл. Макаровъ и Браудо) были исключены. Относящіеся къ этому дѣлу протоколы засѣданій комиссіи и совѣта не занесены въ книгу протоколовъ, а хранятся особо въ дѣлахъ гимназіи.

На этомъ я оканчиваю обзоръ дѣятельности педагогическаго совѣта по учебно-—воспитательному дѣлу. Читатель могъ вынести изъ этого обзора то заключеніе, что, несмотря на нѣкоторыя колебанія въ настроеніи и педагогическихъ взглядахъ совѣта, въ общемъ онъ всегда проявлялъ серіозное и внимательное отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу.

Другія стороны дѣятельности педагогическаго совѣта въ изучаемый періодъ не представляютъ особаго интереса, а потому я сдѣлаю обзоръ ихъ въ самомъ сжатомъ видѣ.

Выборъ должностныхъ лицъ производился совѣтомъ, по предложенію предсѣдателя, частью по истеченіи законныхъ сроковъ, частью и раньше— по случаю перемѣнъ въ личномъ составѣ гимназіи, обыкновенно закрытой баллотировкой. Сколько мнѣ извѣстно, особыхъ инцидентовъ при этомъ не случалось, выборы проходили мирно.

Присужденіе свидѣтельствъ на званія, связанное обыкновенно съ производствомъ испытаній, играло въ жизни членовъ совѣта въ данный періодъ не малую роль, такъ какъ отнимало у тѣхъ изъ нихъ, которые участвовали въ испытательныхъ коммиссіяхъ, много времени. Но особаго интереса ни самыя испытанія, ни тѣмъ болѣе присужденіе свидѣтельствъ, основанное на выставленныхъ комиссіями баллахъ, не представляютъ. Для характеристики этой стороны дѣятельности совѣта достаточно указать слѣдующіе факты. Число лицъ, державшихъ испытанія на свидѣтельства, изъ года въ годъ возрастало и въ концѣ періода достигало, за гражданскій годъ, 14—15 (не считая экзаменовавшихся на свидѣтельства въ знаніи курса извѣстнаго класса или всей гимназіи). Изъ этого числа большинство искало званія начальнаго учителя (или учительницы) и вольноопредѣляющагося 2-го разряда (75—80%), рѣже экзаменовались для полученія званія уѣзднаго учителя, домашней учительницы, аптекарскаго ученика или права на первый классный чинъ. Испытанія производились строго, за исключеніемъ послѣдняго ихъ вида (на чинъ). Многіе держали испытаніе по 2 раза.

О выпискѣ книгъ и учебныхъ пособій сказано въ особыхъ главахъ (о библіотекѣ и о собраніяхъ учебныхъ пособій). Здѣсь достаточно указать, что

въ различныя эпохи періода совѣтъ относился къ таковой выпискѣ различно: были годы, когда совѣтъ мало вникалъ въ это дѣло, предоставляя его на усмотрѣніе директора (напр. въ самомъ концѣ періода).

Вопросы, касающіеся корпоративной жизни служебнаго персонала гимназіи, разрѣшались совѣтомъ не часто. Къ нимъ относятся: составленіе поздравительныхъ адресовъ (напр. Ихъ Императорскимъ Величествамъ, по случаю 25—лѣтія со дня Ихъ бракосочетанія—28 октября 1891 г., Владимірской духовной семинаріи, по случаю ея 150-лѣтняго юбилея—30 января 1900 г. и пр.), избраніе поздравительныхъ депутацій и, наконецъ, въ видѣ исключенія, постановленія по поводу пререканій между членами совѣта. Подобныя постановленія не являлись, какъ въ 1830-хъ годахъ, нормальной функціей совѣта, а составлялись благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. Въ изучаемый періодъ мнѣ извѣстно два случая подобныхъ постановленій, а именно слѣдующіе.

19 декабря 1879 г., на четвертномъ засѣданіи совѣта, возникъ вопросъ объ оцѣнкѣ поведенія уч. III кл. Геринга, сына учителя нѣмецкаго яз. Преподаватель лат. яз. въ III кл., г. Батырь, указавъ на неприличный поступокъ уч. Геринга на урокѣ лат. яз., извѣстный членамъ совѣта, заявилъ, что поведеніе этого ученика «достойно единицы». Учитель Герингъ пришелъ въ сильное раздраженіе вслѣдствіе такого отзыва о сынѣ, называлъ его клеветой и наговорилъ оскорбительныхъ словъ г. Батырю, а потомъ и всему совѣту, несмотря на призывъ къ порядку со стороны предсѣдателя совѣта. Онъ замолчалъ только послѣ вторичнаго призыва. Когда послѣ этого директоръ, въ виду взволнован-

наго состоянія Геринга, предложилъ ему удалиться изъ засѣданія на время обсужденія проступка его сына, то Герингъ отказался это исполнить. Тогда обсужденіе поступка уч. Геринга было отложено до слѣдующаго дня. 20 декабря совѣтъ обсудилъ и оцѣнилъ поведеніе уч. Геринга, не вмѣнивъ ему въ вину поступка, на который указывалъ г. Батырь. О поступкѣ же учителя Геринга въ отношеніи совѣта было сообщено попечителю округа, который предписалъ Герингу извиниться передъ совѣтомъ. Герингъ принесъ извиненіе въ засѣданіи совѣта 10 марта 1880 г. Въ данномъ случаѣ мы не находимъ прямого постановленія совѣта по поводу дѣйствій г. Геринга, но самый фактъ занесенія ихъ въ протоколъ равносиленъ произведенію совѣтомъ слѣдствія по этому дѣлу.

30 сентября 1880 г. двое преподавателей древнихъ языковъ, г. С. и г. А. обратились къ совѣту съ просьбой внести въ протоколъ выраженіе третьяго преподавателя древнихъ яз., г. Б., которое они считали для себя оскорбительнымъ. Несмотря на выраженіе г. Б., что онъ не имѣлъ въ виду «личности», просьба жалобщиковъ была исполнена. Затѣмъ и другіе члены совѣта пожелали внесенія въ протоколъ другого выраженія г. Б.—касательно начальниковъ заведеній «изъ иностранцевъ», что тоже было исполнено. Послѣ этого въ протоколѣ мы читаемъ: «Совѣтъ, считая эти заявленія г. Б. оскорбительными вообще для своего состава, опредѣлилъ: просить кого слѣдуетъ объ изысканіи «средствъ къ тому, чтобы подобныя явленія впередъ «не повторялись при совѣтскихъ засѣданіяхъ».

9. Пансіонъ въ 1871—1904 годахъ.

Доживъ до введенія устава 1871 года, Владимірскій благородный пансіонъ пережилъ, казалось, критическій періодъ своего существованія: новый уставъ показывалъ благопріятную перемѣну въ отношеніи правительства къ пансіонамъ; это заставляло ждать усиленія вниманія къ нимъ со стороны ближайшаго учебнаго начальства; такимъ образомъ, холодное отношеніе могло грозить нашему пансіону только со стороны общества, т. е. дворянства; но и оно могло измѣниться подъ вліяніемъ первыхъ двухъ силъ.

Такое предположеніе въ общемъ оправдалось въ дѣйствительности, но все-таки въ началѣ изучаемаго періода Владимірскому пансіону пришлось испытать на себѣ такое обостреніе холодности со стороны дворянскаго общества, подобнаго которому не было ни раньше ни послѣ.

Указанное обостреніе холодности къ пансіону со стороны дворянства нисколько не связано со введеніемъ новаго устава. Послѣдній не внесъ никакихъ перемѣнъ въ жизнь нашего пансіона, потому что его отличіе отъ устава 1864 г. въ отношеніи пансіоновъ сводилось къ возстановленію пребыванія въ пансіонѣ учениковъ старшихъ классовъ, изгнанныхъ уставомъ 1864 г., но таковое изгнаніе въ нашей гимназіи не примѣнялось. Рѣзкое проявленіе охлажденія къ пансіону дворянства было подготовлено жизнью пансіона въ концѣ 1860-хъ годовъ и еще болѣе—господствовавшимъ тогда въ русскомъ обществѣ отрицательнымъ отношеніемъ къ закрытымъ заведеніямъ. Ходъ этого событія былъ слѣдующій.

Дворянское (экстренное) собраніе въ декабрѣ

1871 г. постановило, чтобы къ слѣдующему очередному собранію былъ выработанъ проектъ преобразованія дворянскаго пансіона при Владимірской гимназіи. Поводомъ къ этому послужило заявленіе директора Эмина губ. предводителю гр. Апраксину (въ отношеніи отъ 24 октября 1868 г.), что онъ находитъ возможнымъ впредь содержать на отпускаемую дворянствомъ сумму вмѣсто 34 пансіонеровъ—40. Въ 1872 г. 10 марта собраніе предводителей и депутатовъ дворянства избрало комиссію изъ пяти членовъ для выработки проекта преобразованія пансіона. Предсѣдатель комиссіи, владим. уѣздн. предводитель двор. Тюриковъ обратился 8 апрѣля 1872 г. съ офиціальнымъ письмомъ къ директору Заксу, прося его выразить сочувствіе преобразованію пансіона. Заксъ отвѣтилъ (22 іюля 1872 г.) обширнымъ письмомъ, замѣчательнымъ по глубинѣ мыслей и обстоятельности изложенія, въ которомъ характеризовалъ состояніе пансіона въ концѣ 1860-хъ и началѣ 1870-хъ годовъ и доказывалъ, что главное средство къ улучшенію пансіона заключается въ увеличеніи оклада воспитателей и служителей, при помощи котораго можно сдѣлать лучшій подборъ ихъ. Но среди дворянства зрѣла другая мысль—о закрытіи пансіона и замѣнѣ безплатнаго воспитанія въ немъ дворянскихъ дѣтей выдачею имъ стипендій. Въ такомъ духѣ составила свой докладъ собранію редакціонная комиссія. Очередное дворянское собраніе 1872 г., въ засѣданіи 17 декабря, большинствомъ 215 голосовъ противъ 50, приняло проектъ комиссіи и постановило «ходатайствовать о закрытіи дворянскаго пансіона при Владимірской гимназіи и о замѣнѣ его выдачею стипендій въ 250 р. на каждаго воспитанника».

Директоръ Заксъ въ донесеніи попечителю округа отъ 10 января 1873 г., выясняя обстоятельства, при которыхъ состоялось вышеприведенное постановленіе дворянства, говоритъ, что вопросъ о закрытіи пансіона за послѣдніе годы неоднократно поднимался среди дворянства и на экстренномъ собраніи 1871 года губ. предводитель Кожинъ указалъ, какъ на побудительную причину къ закрытію пансіона, на то обстоятельство, что въ теченіе 30-лѣтняго существованія пансіона только одинъ дворянскій воспитанникъ былъ выпущенъ съ правомъ поступленія въ университетъ и окончилъ въ немъ курсъ. Между тѣмъ, какъ сообщаетъ Заксъ, его предшественникомъ директор. Кривоносовымъ былъ, по желанію губ. предводителя, доставленъ ему въ мартѣ 1871 г. списокъ дворянскихъ пансіонеровъ (изъ числа 34), окончившихъ курсъ во Владимірской гимназіи съ правомъ поступленія въ университетъ за время 1841—1871 г.г., и таковыхъ оказалось 48. Далѣе Заксъ говоритъ, что въ собраніи 1872 года губ. предводитель (Кожинъ) заявлялъ дворянству, что изъ дворянскихъ воспитанниковъ вообще кончаетъ курсъ въ гимназіи, съ правомъ и безъ права поступленія въ университетъ, одинъ въ 6 лѣтъ, что начальство гимназіи не даетъ дворянству отчета въ управленіи пансіономъ и что въ общемъ деньги, отпускаемыя дворянствомъ на пансіонъ, выкидываются за окно. Такъ какъ всѣ эти сообщенія невѣрны, то Заксъ полагаетъ, что постановленіе дворянства о закрытіи пансіона есть результатъ агитаціи немногихъ лицъ, имѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ свои особые интересы. Въ заключеніе своего донесенія Заксъ указываетъ основанія, по которымъ постановленіе дворянства является незаконнымъ и

даже могущимъ повлечь для его участниковъ судебную отвѣтственность.

Послѣдствія показали, что въ своемъ заключеніи Заксъ былъ правъ и что дворянское собраніе постановленіемъ о закрытіи пансіона сдѣлало юридическую ошибку. Управляющій Московскимъ учебнымъ округомъ помощникъ попечителя князь Мещерскій въ предложеніи на имя директора училищь Владимірской губерніи отъ 5 іюня 1873 г. сообщилъ слѣдующіе факты: 1) министръ народ. просвѣщенія призналъ, что дворянство не имѣло право дѣлать постановленія о капиталѣ, который, какъ пожертвованный, уже не составляетъ его собственности, и что ходатайство дворянства, «какъ совершенно противозаконное», подлежитъ отказу; 2) Государь Императоръ, при докладѣ Ему министромъ этого дѣла, соизволилъ выразить, что «Ему весьма прискорбно было узнать о такомъ постановленіи Владимірскаго дворянства»; 3) министръ внутреннихъ дѣлъ (Тимашевъ) сообщилъ Владимірскому губернатору, что постановленіе дворянства о закрытіи пансіона и выдачѣ стипендій не можетъ быть утверждено, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ губернатору словесно сообщить Владимірскому губ. предводителю дворянства о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла и о выраженномъ Государемъ Императоромъ прискорбіи.

Итакъ, попытка дворянства закрыть пансіонъ не увѣнчалась успѣхомъ. Формально въ этомъ дѣлѣ дворянство было очевидно неправо, какъ въ смыслѣ законности постановленія о закрытіи пансіона съ замѣной его стипендіями, такъ и въ отношеніи справедливости свѣдѣній, которыя—если вѣрить Заксу—приводились какъ основаніе для постано-

вленія о закрытіи. Другой вопросъ— не было ли право дворянство по существу дѣла, т. е. не была ли въ основѣ вѣрной его мысль, что Владимірскій пансіонъ (какъ и другіе) не достигаетъ своей цѣли,—хотя бы и не по тѣмъ причинамъ, которыя указывались г. Кожинымъ. Этотъ вопросъ очень сложенъ, и я не беру на себя смѣлость рѣшать его самостоятельно, но знаю, что многіе педагоги нынѣшняго времени отрицательно смотрятъ на полезность пансіоновъ.

Охлажденіе дворянства къ пансіону, понятно, не кончилось съ полученіемъ отказа на ходатайство о закрытіи пансіона. Въ 1873 году 15 декабря чрезвычайное дворянское собраніе, на основаніи доклада комиссіи, разработывавшей вопросъ о пансіонѣ, постановило: прекратить (съ начала 1874 г.) отпускъ добавочной суммы 1072 р., которая ежегодно приплачивалась дворянствомъ на содержаніе пансіона къ суммѣ процентовъ съ основного пансіонскаго капитала (197300 р.), равной 9865 р.,—въ виду того, что прежде добавочная сумма получалась изъ 2 копѣечнаго сбора съ крѣпостной души, а въ настоящее время таковой источникъ прекратился (и, стало быть, доплата производится изъ общихъ средствъ дворянства)--и войти въ сношенія съ министерствомъ народнаго просвѣщенія о томъ, не найдетъ ли оно нужнымъ производить означенную доплату къ процентамъ, идущимъ на содержаніе пансіона, изъ средствъ министерства. При этомъ дворянство постановило отпускать сумму 9865 р. на содержаніе пансіона цѣликомъ въ распоряженіе гимназическаго начальства, безъ раздѣленія на статьи расходовъ, какъ было прежде. Изложенное постановленіе было сообщено директору гимназіи (Заксу) 11 февр. 1874 г.

Мотивировка постановленія дворянства ясно показываетъ его равнодушное отношеніе къ пансіону: сборъ съ крѣпостныхъ душъ прекратился значительно раньше 1873 г., но до этого времени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дворянство находило возможнымъ платить добавочную сумму; очевидно, оно могло платить ее и дальше, если бы считало нужнымъ приносить жертвы на пользу пансіона.

Отказъ дворянства платить добавочную сумму въ 1072 р. временно поставилъ гимназическое начальство въ затрудненіе и вызвалъ оживленную переписку директора гимназіи съ попечителемъ округа и различными правительственными учрежденіями. Не обошлось дѣло и безъ финансовыхъ недоразумѣній. Въ общемъ дѣло шло такъ. Министерство нар. просв., признавъ законность отказа дворянства вносить добавочную сумму, заявило, что у него нѣтъ источника для покрытія этого расхода. Попечитель Московскаго округа предложилъ тогда хозяйственному комитету Владимірской гимназіи изыскать способы сократить расходы по пансіону или новые источники для покрытія ихъ. Хозяйственный комитетъ намѣтилъ слѣдующія мѣры: 1)прекращеніе отпуска изъ пансіонскихъ суммъ 880 р. квартирныхъ денегъ учителямъ (11-ти) и 2) преобразованіе стипендіи Митькова (путемъ покупки на пожертвованный капиталъ болѣе доходныхъ бумагъ, а, если окажется возможнымъ, и увеличеніемъ капитала новымъ пожертвованіемъ со стороны представителя фамиліи Митьковыхъ—т. сов. М. И. Митькова), которое дало бы возможность отчасти или полностью покрыть недочетъ въ 192 р., остающійся въ смѣтѣ добавочной суммы послѣ отмѣны выдачи квартирныхъ денегъ (1072—880=192). Проектъ хозяйствен-

наго комитета былъ отчасти осуществленъ и послужилъ разрѣшеніемъ затруднительнаго вопроса. Квартирныя деньги перестали выдаваться учителямъ съ начала 1876 г., а занимающій стипендію Митькова пансіонеръ сталъ доплачивать ежегодно 200 р. къ получаемой стипендіи. Но, пока разрѣшались эти вопросы, гимназія въ теченіе трехъ лѣтъ—1874, 1875 и 1876—продолжала брать изъ казначейства деньги по прежней смѣтѣ (10937 р. вмѣсто 9865 р.), хотя дворянство уже не вносило въ казначейство добавочной суммы 1072 р. Благодаря этому, въ казначействѣ получилась недоимка въ 3289 р., которую гимназія считала за дворянствомъ (т. к. вопросъ объ источникахъ содержанія пансіона долго не получалъ окончательнаго разрѣшенія), а министерство нар. просв. признало за гимназіей. Объ этой недоимкѣ велась переписка еще въ 1880-хъ годахъ, и, наконецъ, она была сложена съ гимназіи.

Описанные факты важны для насъ въ томъ отношеніи, что они характеризуютъ взгляды дворянскаго общества на пансіонъ въ началѣ 1870-хъ годовъ, но они не создали существенныхъ перемѣнъ въ положеніи пансіона. Пансіонъ уцѣлѣлъ, и отпускаемая на него дворянствомъ сумма уменьшилась только на 192 р., т. к. остальные 880 р. изъ отмѣненной съ 1874 года приплаты шли въ пользу не пансіона, а учителей Владимірской гимназіи. Убавка въ содержаніи отъ дворянства была незначительная, но зато дворянство, примирившись съ существованіемъ пансіона, въ теченіе остального времени до конца періода не заботилось о новыхъ пособіяхъ пансіону, несмотря на неуклонно идущее вздорожаніе жизни, и предоставляло ему обходиться преж-

ними средствами или самому изыскивать новыя. Значительнаго прилива новыхъ источниковъ содержанія, по условіямъ русской жизни, быть не могло, но кое-какія добавочныя средства явились, и съ помощью ихъ пансіонъ продолжаетъ скромное существованіе до сихъ поръ.

Новыя средства для пансіона проистекали изъ учрежденія новыхъ стипендій обществами и частными лицами, а также изъ повышенія платы за пансіонеровъ Его Величества, казны и своекоштныхъ. Мы уже говорили объ увеличеніи путемъ доплаты стипендіи Митькова до 300 р. (съ 1877 г.), затѣмъ появляются: 3 стипендіи Петровой по 300 р. (съ 4 іюня 1881 г.) 2 стипендіи имени П. П. Кожина по 300 р.—одна отъ дворянства (съ 22 мая 1893 г.), другая отъ земства (съ 11 февраля 1893 г.); увеличивается плата за пансіонеровъ Его Величества до 600 р. за двухъ (съ 6 авг. 1901 г.), число казенныхъ пансіонеровъ, на содержаніе которыхъ отпускается ежегодно 1050 р., уменьшается отъ 7 до 4 (съ 1886 ? г.), что равняется возвышенію платы за каждаго отъ 150 р. до 262 р. 50 коп.; плата за своекоштныхъ пансіонеровъ еще раньше была возвышена до 300 р. (съ августа 1875 г.). Вслѣдствіе увеличенія общаго числа пансіонеровъ (въ 1871 г.=42, въ 1880 г.=49, въ 1890 г.=50, въ 1900 г.=47) содержаніе каждаго обходилось нѣсколько дешевле, а плата за стипендіатовъ сверхъ 34 увеличилась: такимъ образомъ являлась возможность сводить концы съ концами. Нѣкоторая экономія получалась иногда отъ остававшихся временно незамѣщенными стипендій.

Если не считать вышеуказанныя стипендіи, то никакихъ новыхъ пособій ни отъ казны, ни отъ

общественныхъ учрежденій въ изучаемый періодъ пансіонъ не получалъ. Вообще, въ основѣ штаты его оставались прежніе; произошло только небольшое увеличеніе содержанія воспитателей. Въ 1875 г. директоръ Заксъ добился повышенія ихъ оклада до 400 р. въ годъ, при казенной квартирѣ, причемъ былъ прибавленъ 3-й воспитатель, получавшій вмѣсто казенной квартиры 120 р. въ годъ квартирныхъ денегъ.

При такихъ средствахъ и такихъ штатахъ Владимірскій благородный пансіонъ не могъ вести блестящаго существованія, и надо считать большой заслугой со стороны начальства и педагогическаго персонала гимназіи, что въ теченіе изучаемаго періода пансіонъ велъ существованіе приличное. Когда миновала критическая для него эпоха 1860-хъ и начала 1870-хъ годовъ, когда и правительство и дворянство примирились съ его существованіемъ и болѣе или менѣе забыли о немъ,—тогда жизнь его пошла буднично-однообразнымъ, неприглядным ъ съ виду, но зато спокойнымъ и увѣреннымъ ходомъ. Матеріальная обстановка его жизни—пища, одежда пансіонеровъ и проч.—поддерживалась въ удовлетворительномъ состояніи. Постановка воспитанія въ пансіонѣ, по сравненію съ 1860-ми годами, несомнѣнно улучшилась. Доказательствомъ этого служатъ: малое количество среди пансіонеровъ крупныхъ проступковъ (см. главу о поведеніи учениковъ) и весьма значительная ихъ успѣшность. Изъ крупныхъ нарушеній дисциплины пансіонерами чаще другихъ встрѣчались случаи пьянства и дерзости относительно воспитателей, но и они бывали до конца 1890-хъ годовъ крайне рѣдко и еще рѣже принимали такую рѣзкую форму, которая вызывала

необходимость увольненія ученика въ открытой или замаскированной формѣ (предложеніе родителямъ взять изъ гимназіи сына). Съ конца 1890-хъ годовъ. вмѣстѣ съ шатаніемъ прежнихъ устоевъ гимназической жизни, стала нѣсколько расшатываться дисциплина нашей гимназіи и состоящаго при ней пансіона, но до особенно рѣзкихъ явленій дѣло не доходило. Случаевъ увольненія пансіонеровъ было мало и за послѣдніе годы, а за весь періодъ 1871—1904 г.г. было уволено за проступки—въ прямой и косвенной формѣ—не болѣе 10 воспитанниковъ пансіона. Что касается успѣшности пансіонеровъ, то, судя по четвертнымъ отмѣткамъ и отзывамъ преподавателей, они учились менѣе прилежно, чѣмъ большинство приходящихъ учениковъ, и процентъ вполнѣ хорошихъ учениковъ среди нихъ былъ ниже, но въ высшіе классы они переходили успѣшнѣе приходящихъ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ.

	Подвергалось испытанію.		Переведено и окончило курсъ.	
	Всего учен.	Пансіон.	Всего учен.	Пансіон.
1871 г.	196	33	150=76,5%	26=78,8
1879 г.	245	45	168=68,6	36=80,0
1889 г.	200	45	147=73,5	32=71,1
1899 г.	374	47	281=75,1	41=87,2

Улучшеніе постановки воспитанія въ пансіонѣ обусловливалось разными причинами. Во первыхъ, грандіозный скандалъ 1869 года заставилъ начальство гимназіи особенно внимательно смотрѣть за внутренней жизнью пансіона, строже контролировать дѣятельность воспитателей. Въ этомъ направленіи много сдѣлалъ Заксъ—въ качествѣ сначала инспектора (1870—1871 г.г.) потомъ директора (1872—1877 г.г.). Въ своей служебной дѣятельности, особенно въ сношеніяхъ съ дворянствомъ, онъ по

отношенію къ пансіону отчетливо и настойчиво проводилъ мысль, что основнымъ факторомъ пансіонской жизни является воспитательскій персоналъ и объ его улучшеніи надо прилагать главныя заботы. Заксу, дѣйствительно, удалось значительно улучшить составъ воспитателей—привлеченіемъ къ исправленію этой должности учителей гимназіи (Боле, Сѣдлакъ, Завьяловъ Михаилъ—учитель пригот. кл.). Попадали, правда, при немъ въ воспитатели и неподходящіе люди (Кондратовъ 1870—72), но держались недолго. Въ виду небольшого числа пансіонеровъ (40—50), въ теченіе 1870-хъ, 1880-хъ и 1890-хъ годовъ воспитателей всегда было трое, хотя по прежнимъ штатамъ могло быть до 5; со времени Закса установился обычай, что двѣ воспитательскія должности занимаются учителями съ высшимъ образованіемъ, а третья, по большей части, учителемъ приготов. класса. По уставамъ 1864 и 1871 годовъ воспитателями должны были быть люди съ высшимъ образованіемъ, а, такъ какъ со стороны таковыхъ найти было трудно при скудной оплатѣ воспитательскаго труда, то преемники Закса, конечно, дорожили воспитателями изъ учителей и старались поддерживать установившійся обычай. А среди учителей, какъ видно, всегда были люди, нуждавшіеся въ дополнительномъ заработкѣ, хотя бы и не вполнѣ соотвѣтствующемъ затрачиваемому труду. Такимъ образомъ, въ теченіе всего изучаемаго періода составъ воспитателей держался на надлежащей высотѣ. Съ 1900 г. число воспитателей, въ виду умноженія пансіонеровъ, было увеличено до 4, и четвертую должность занялъ учитель словесности.

Второй причиной улучшенія воспитательной части въ пансіонѣ была, повидимому, общая строгость

и упорядоченность гимназическаго режима, установившаяся въ нашей гимназіи со введеніемъ устава 1871 г. и продержавшаяся до конца 1890-хъ годовъ. Суровый уставъ гр. Толстого имѣлъ много дурныхъ сторонъ и вредныхъ послѣдствій, но въ одномъ отношеніи онъ оказывалъ на учащихся хорошее вліяніе, хотя и покупаемое дорогою цѣною: онъ не давалъ ученикамъ «баловаться»—по народному выраженію, онъ ихъ дисциплинировалъ одною строгостью учебныхъ требованій, помимо разныхъ мѣръ взысканія, которыя и рѣдко приходилось примѣнять. Деляновскій уставъ 1890 г. былъ помягче, но въ рукахъ серіозныхъ преподавателей, какими были владимірскіе, и онъ былъ достаточно грозенъ для того, чтобы сдерживать учениковъ. Вліяніе этихъ учебныхъ уставовъ благотворно сказывалось на поддержаніи дисциплины въ пансіонѣ, облегчая съ этой стороны задачу воспитателей.

Составъ пансіонеровъ въ описываемый періодъ былъ, какъ и прежде, односословный—дворянскій. Директоръ Заксъ пытался ввести въ пансіонъ элементъ безсословности—въ видѣ своекоштныхъ воспитанниковъ не изъ дворянъ, но дворянское собраніе въ январѣ 1876 г. отклонило этотъ проектъ и постановило не допускать въ своекоштные пансіонеры дѣтей изъ другихъ сословій кромѣ дворянскаго. Тѣмъ не менѣе прежній «дворянскій духъ» благороднаго пансіона съ каждымъ десятилѣтіемъ становился слабѣе: этому содѣйствовала какъ усиливающаяся зависимость пансіона отъ гимназіи, первенство надъ которой онъ давно уже утратилъ, такъ и общая демократизація русской жизни. Несмотря на односословный составъ воспитанниковъ и основной источникъ содержанія, Владимірскій бла-

городный пансіонъ все болѣе и болѣе превращается въ «казенный».

Въ 1899—1900 г.г. произошли нѣкоторыя событія, которыя, казалось, должны были въ будущемъ радикально измѣнить положеніе благороднаго пансіона Владимірской гимназіи. Владимірское дворянство задумало превратить его въ отдѣльное отъ гимназіи учебно-воспитательное учрежденіе—дворянскій пансіонъ—пріютъ, съ особымъ директоромъ, но съ правомъ для воспитанниковъ учиться въ гимназіи. Проектировалась уступка гимназіи нынѣшняго помѣщенія пансіона и постройка для него, съ помощью субсидіи отъ казны, особаго зданія. Позднѣе для этого были куплены дворянствомъ дома на Троицкой улицѣ, позади гимназическаго двора: на ихъ мѣстѣ предположено было строить домъ пансіона-пріюта. Но это дѣло, требовавшее огромныхъ затратъ со стороны дворянства и казны, вызывало сложную переписку и шло медленно. Между тѣмъ почетный попечитель гимназіи и пансіона М. М. Леонтьевъ, чтобы временно удовлетворить нужды бѣдныхъ дворянскихъ семействъ въ отношеніи воспитанія дѣтей, выхлопоталъ у министра финансовъ согласіе на ежегодный отпускъ изъ казны 5000 р. для содержанія во Владимірскомъ благородномъ пансіонѣ 15 новыхъ стипендіатовъ дворянства (какъ бы въ счетъ будущаго пансіона-пріюта) и 700 р.—для содержанія 4-го воспитателя (отзывъ министра финансовъ министру народнаго просвѣщенія отъ 31 мая 1900 г. за № 3453). Директоръ гимназіи А. А. Стрѣльцовъ, со своей стороны, воспользовался этимъ расширеніемъ пансіона для того, чтобы выхлопотать у окружного начальства нѣкоторое увеличеніе окладовъ служебнаго персонала

при пансіонѣ: директору—до 450 р. (вмѣсто 300), инспектору—до 400 руб. (вмѣсто 300), воспитателямъ—до 450 руб. (вмѣсто 400 руб.); объ утвержденіи этихъ окладовъ сообщало предложеніе попечителя Московск. учебнаго округа отъ 16 сентября 1900 г. за № 21196. Итакъ, въ переходный моментъ своего существованія, когда можно было ожидать болѣе или менѣе быстрой ликвидаціи старыхъ формъ его жизни для замѣны ихъ новыми — пансіонъ неожиданно подвергся расширенію въ духѣ прежняго строя.

Тѣмъ временемъ дѣло объ открытіи пансіона—пріюта все затягивалось; наступили крупныя перемѣны въ русской политической жизни, и выполненіе проекта дворянства оказалось отложеннымъ на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ, описанныя событія, сулившія благородному пансіону превращеніе въ самостоятельное заведеніе, имѣли для него тотъ результатъ, что его объемъ и штаты увеличились. Новыя вакансіи дворянскихъ стипендіатовъ быстро были заполнены, и число пансіонеровъ въ 1900-хъ годахъ вдругъ возросло: къ 1 января 1900 г. ихъ было 47, а къ 1 января 1901 г.—62, къ началу 1904 года – 64.

Описывая жизнь пансіона въ 1881—1904 г.г. нельзя обойти молчаніемъ дѣятельность почетныхъ попечителей гимназіи, которые всегда главное вниманіе свое обращали на благоустройство пансіона. Всѣ почетные попечители изучаемаго періода заботливо относились къ пансіону и часто посѣщали его, дѣйствуя обыкновенно вполнѣ солидарно съ гимназическимъ начальствомъ пансіона. Только П. П. Кожинъ, вслѣдствіе своего рѣзкаго характера, имѣлъ столкновенія съ директоромъ Н. А. Заксомъ. Зато

особеннымъ единодушіемъ отличались заботы о пансіонѣ гимназическаго начальства и двухъ послѣднихъ попечителей—М. М. Леонтьева и князя А. Б. Голицына.

10. Библіотеки и учебныя пособія въ 1871—1904 г.г.

Фундаментальная и ученическая библіотеки въ описываемый періодъ быстро развивались, чему особенно способствовало увеличеніе спеціальныхъ средствъ гимназіи, на счетъ которыхъ, согласно уставу 1871 г., должны были пріобрѣтаться книги. Для фундаментальной библіотеки нѣкоторое количество книгъ пріобрѣталось ежегодно, для ученической не каждый годъ, но зато крупными партіями. Особенно усилилось пріобрѣтеніе книгъ съ 1890 г. Въ 1890—1894 г.г. ежегодно тратилось на покупку книгъ и физическихъ приборовъ по 500 р.; потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выписка книгъ ослабѣваетъ, но къ концу періода опять усиливается. Особенно крупныя пріобрѣтенія сдѣланы были въ слѣдующіе годы:

	для фундаментальной б.	для ученической б.
1890 г.	162 названія	
1891 г.	93 названія	
1892 г.	38 названій	70 названій.
1893 г.	68 названій	
1903 г.	67 названій	66 названій.

Ростъ библіотекъ въ изучаемый періодъ виденъ изъ слѣдующей таблицы.

Годы: (къ 1 января):	Число книгъ въ библіотекахъ: фундаментальной:		ученической:	
1872 . . .	1987 назв.	5272 т.	334 назв.	587 т.
1880 . . .	2533 »	6423 »	532 »	1145 »

1890 . . .	2815	назв.	7639 т.	803	назв.	1553 т.
1900 . . .	3178	»	9189 »	976	»	1973 »
1904 . . .	3371	»	9614 »	1157	»	2258 »

Въ 1891 г. гимназія получила нѣкоторое количество книгъ въ даръ отъ дворянства. Губернскій предводитель дворянства отношеніемъ отъ 29 ноября 1891 г. увѣдомилъ директора гимназіи, что общее собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, состоявшееся 1 мая 1891 г., постановило передать книги, хранившіяся въ дворянскомъ домѣ, въ собственность библіотеки Владимірскаго дворянскаго пансіона. Совѣтъ гимназіи, заслушавъ это отношеніе въ засѣданіи 18 декабря 1891 г., постановилъ: 1) принять книги, образовавъ изъ нихъ особую библіотеку при дворянскомъ пансіонѣ, 2) выразить благодарность Владимірскому дворянству въ лицѣ его губернскаго предводителя. Пожертвованныя книги присоединены къ пансіонской библіотекѣ.

Завѣдываніе библіотеками фундаментальной и ученической въ изучаемый періодъ находилось въ рукахъ двухъ отдѣльныхъ лицъ. Фундаментальной библіотекой завѣдовали все время избираемые совѣтомъ библіотекари изъ учителей: Розовъ (до октября 1872 г.), Михайловскій (до октября 1874 г.), Козловскій (до іюля 1875 г.), Сѣдлакъ (до іюня 1887 г.), Ильенковъ (до августа 1897 г.), Страховъ (до августа 1899 г.), Крыловъ (до августа 1903 г.), законоучитель свящ. Васильевъ (до настоящаго времени). Особенно плодотворной для библіотеки была дѣятельность П. Н. Страхова, который привелъ книги въ полный порядокъ, раздѣливъ на отдѣлы по характеру содержанія, и составилъ для библіотеки тщательно обработанные каталоги—хронологическій и систематическій.

Ученической библіотекой сначала завѣдывали инспекторы гимназіи: Заксъ (до января 1872 г.), Новоселовъ (до сентября 1873 г.), потомъ выбранные совѣтомъ библіотекари: воспитатель пансіона Н. Д. Соколовъ (до августа 1877 г.), учителя: Сѣдлакъ (до декабря 1882 года), Райскій (до августа 1890 г.), Устенко (до августа 1896 г.) и помощникъ классныхъ наставниковъ Ширскій (до настоящаго времени).

Завѣдываніе библіотеками въ общемъ проходило благополучно, но Н. А. Райскій, сдавая ученическую библіотеку Т. Ѳ. Устенку въ 1890 г., не досчитался въ ней десятковъ двухъ книгъ: ему пришлось пополнить недочетъ изъ своихъ средствъ.

Помѣщеніе фундаментальной библіотеки въ описываемый періодъ оставалось прежнее (внизу), но ученическая библіотека была перенесена наверхъ— въ третій этажъ.

Физическій кабинетъ въ теченіе изучаемаго періода пополнялся быстрѣе, чѣмъ прежде,—благодаря увеличенію спеціальныхъ средствъ гимназіи. Въ немъ состояло приборовъ:

къ 1 января	1872 г.		208
» »	1880 г.		250
» »	1890 г.		254
» »	1900 г.		235
» »	1904 г.		249.

Уменьшеніе цифры приборовъ въ 1900 г. произошло вслѣдствіе исключенія устарѣвшихъ экземпляровъ.

Естественно-историческій кабинетъ въ описываемый періодъ былъ въ полномъ забвеніи у совѣта гимназіи и не пополнялся. Причина этого за-

ключалась въ томъ, что съ 1871 по 1901 годъ т. наз. естествовѣдѣніе во Владимірской гимназіи не преподавалось, а послѣ возстановленія его преподаванія до конца періода прошло мало времени, въ которое гимназія успѣла сдѣлать для кабинета только ничтожныя пріобрѣтенія. Пока не было въ гимназіи особаго учителя естественныхъ-наукъ, храненіе предметовъ естественно-историческаго кабинета поручалось учителю физики, завѣдывавшему физическимъ кабинетомъ, и только въ 1902 г. перешло въ руки отдѣльнаго учителя—спеціалиста (И. И. Марченка).

Количество другихъ учебныхъ пособій въ періодъ 1871—1904 г.г. возросло значительно. Установленіе классицизма повело къ пріобрѣтенію отличныхъ картъ по древней исторіи, изданія Киперта: древняго міра (orbis terrarum antiqui), древней Греціи, древней Италіи, Римской имперіи (каждой въ 4 экземплярахъ) и таблицъ греческихъ и римскихъ древностей; въ концѣ періода было пріобрѣтено нѣсколько изящныхъ географическихъ картъ Киперта и Вагнера (полушарія, части свѣта). Собраніе картъ по средней и новой исторіи почти не пополнялось. Самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ описываемой области было пожертвованное гимназіи почетнымъ попечителемъ княземъ А. Б. Голицынымъ собраніе стѣнныхъ картинъ по исторіи и географіи.

11. Служебный персоналъ гимназіи въ 1871—1904 г.г.

Въ теченіе описываемаго періода, по длинѣ почти равнаго двумъ предыдущимъ (1833—1849 г.г. и 1849—1871 г.г.), въ составѣ служебнаго персо-

нала гимназіи перебывало множество лицъ, различной національности и различнаго образованія, такъ что въ извѣстномъ смыслѣ онъ имѣлъ пестрый характеръ. Однако эта пестрота имѣла опредѣленныя и довольно узкія границы. Въ отношеніи національности нѣкоторую пестроту въ составъ служащихъ лицъ вносили два обстоятельства: *постоянный* недостатокъ русскихъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ и *временный* недостатокъ русскихъ учителей древнихъ языковъ. Благодаря первому обстоятельству, въ теченіе всего періода, за рѣдкими исключеніями, должности учителей новыхъ языковъ замѣщались лицами иностраннаго происхожденія, т. е. не чисто русскаго; благодаря второму, въ первую половину періода учителя древнихъ языковъ назначались преимущественно изъ иностранцевъ (нѣмцевъ и австрійскихъ славянъ); въ концѣ періода русскіе «классики» постепенно вытѣснили иноземныхъ. Указанными явленіями и ограничивалась національная пестрота служебнаго персонала гимназіи: при полномъ преобладаніи русскаго элемента, не-русскій встрѣчался среди учителей новыхъ и древнихъ иностранныхъ языковъ: можно прибавить: и среди воспитателей пансіона, поскольку эту должность исполняли учителя гимназіи; воспитатели же не изъ учителей гимназіи въ изучаемомъ періодѣ были всѣ русскаго происхожденія или люди, вполнѣ обрусѣвшіе; обыкновенно они выбирались изъ учителей Владимірскаго уѣзднаго училища.

Въ отношеніи образовательнаго ценза извѣстная пестрота состава служебнаго персонала гимназіи обусловливалась общимъ строемъ гимназіи, подобно тому, какъ и прежде: для занятія должностей директора, инспектора, учителей наукъ и языковъ

(за исключеніемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, новыхъ языковъ), требовался по уставу дипломъ высшаго учебнаго заведенія или соотвѣтствующее ему свидѣтельство на званіе учителя гимназіи; для занятія другихъ должностей (учителя искусствъ, надзиратели гимназіи, исправляющіе должность воспитателей пансіона, канцелярскіе чиновники) достаточно было диплома средняго учебнаго заведенія или званія учителя уѣзднаго, даже начальнаго училища. Соотвѣтственно этому различію въ требованіи образовательнаго ценза, а также разницѣ въ присвоенномъ должностямъ содержаніи, онѣ и замѣщались лицами съ различнымъ образованіемъ. Начальственныя должности, должности учителей наукъ и языковъ русскаго, латинскаго и греческаго занимали исключительно воспитанники университетовъ—русскихъ (особенно Московскаго) и иностранныхъ, а также историко-филологическихъ институтовъ, С.-Петербургскаго и Нѣжинскаго. Должности учителей новыхъ языковъ занимались лицами съ весьма различнымъ образовательнымъ цензомъ, начиная отъ университетскаго диплома и кончая домашнимъ образованіемъ. Учителя искусствъ и учителя приготовительнаго класса были обыкновенно со среднимъ образованіемъ, при чемъ гимнастику преподавали почти все время (за исключеніемъ 1887—1890 г.г.) офицеры; однако въ спискѣ преподавателей гимнастики мы встрѣчаемъ окончившаго курсъ математическаго факультета М. П. Булыгина (январь—іюнь 1887 г.), а среди учителей приготовительнаго класса—кандидата историко-филологическаго факультета П. Е. Лебедева (1891—95 г.г.). Помощники классныхъ наставниковъ (по прежнему—надзиратели за приходящими учениками)

назначались обыкновенно изъ окончившихъ курсъ средняго учебнаго заведенія или изъ начальныхъ учителей, но между ними бывали и лица съ университетскимъ образованіемъ: упомянутый выше Булыгинъ (1887 г.) и И. И. Поповъ (1891—93 г.). Указанныя въ трехъ разсмотрѣнныхъ категоріяхъ исключенія въ смыслѣ пониженія образовательнаго ценза (учителя новыхъ языковъ) или его повышенія (учителя искусствъ, приготов. класса, надзиратели) были сравнительно рѣдкими явленіями и не нарушали въ общемъ соотвѣтствія образовательнаго ценза съ положеніемъ должности. Нѣкоторое противорѣчіе высказанному взгляду представляетъ, повидимому, списокъ воспитателей пансіона, половину котораго заполняютъ лица съ высшимъ образованіемъ, а половину—со среднимъ. Но это противорѣчіе только кажущееся. Двойственность состава воспитателей зависѣла отъ двойственности въ положеніи должности. По уставу классъ и образовательный цензъ должности воспитателя приравнены къ должности учителя гимназіи, но оплачивается эта должность скудно (считая квартиру—около 900 р. въ годъ). Въ виду этого люди съ высшимъ образованіемъ рѣдко поступаютъ въ штатные воспитатели, и эту должность приходится замѣщать, изъ платы по найму, либо учителями гимназіи (рѣдко—семинаріи), съ высшимъ образованіемъ, либо учителями уѣзднаго училища и не служащими лицами—со среднимъ образованіемъ. Для лицъ всѣхъ этихъ разрядовъ должность воспитателя является временной: для однихъ потому, что они не желаютъ, для другихъ потому, что они не могутъ утвердиться въ ней. Короче говоря, противорѣчіе въ положеніи должности воспитателя вызываетъ и противорѣчіе

въ характерѣ образовательнаго ценза занимающихъ ее лицъ, чѣмъ въ сущности подтверждается сужденіе о соотвѣтствіи образовательнаго ценза служащихъ съ положеніемъ ихъ должностей.

Итакъ, за небольшими исключеніями, при томъ частью временными, пестрота въ составѣ служебнаго персонала нашей гимназіи въ періодъ 1871—1904 г.г. является только результатомъ разнообразія въ положеніи чиновничьихъ должностей, создаваемыхъ уставомъ гимназій, и потому заключена въ рамки этого устава.

Пестрота эта, слѣдовательно, нормальна для гимназіи и не мѣшаетъ признать характеръ состава служащихъ въ ней прочно установившимся, особенно во второй половинѣ періода, когда исчезаетъ главное отступленіе отъ нормы—преобладаніе иностранцевъ—классиковъ надъ русскими.

До сихъ поръ рѣчь шла о характерѣ состава служащихъ въ смыслѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ; что же касается характера служебной дѣятельности персонала гимназіи и его быта вообще, то первый вопросъ, по мѣрѣ возможности, разбирался при обозрѣніи хода учебнаго дѣла въ изучаемый періодъ, а по поводу второго будетъ высказано нѣсколько мыслей впослѣдствіи. Теперь же перейдемъ къ характеристикѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятелей нашей гимназіи, оставившихъ по себѣ болѣе или менѣе ясные слѣды въ документахъ архива или въ воспоминаніяхъ современниковъ, дошедшихъ до автора изслѣдованія. Долженъ оговориться, что характеристики будутъ кратки и, быть можетъ, безцвѣтны, —частью по причинѣ неполноты свѣдѣній, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, частью

потому, что еще не настало время для полной и объективной оцѣнки дѣятелей даннаго періода.

Въ должности директора гимназіи въ описываемый періодъ смѣнились слѣдующія лица:

Н. А. Заксъ (и. д. съ декабря 1871 г.—іюль 1877 г.),
И. Е. Сыроѣчковскій (іюль 1877 г.—сентябрь 1888 г.),
Л. М. Студенецкій (сентябрь 1888 г.—мартъ 1895 г.),
Д. А. Соколовъ (апрѣль 1895 г.—октябрь 1896 г.),
Н. В. Панкратовъ (апрѣль 1897 г.—іюнь 1898 г.) и
А. А. Стрѣльцовъ (іюль 1898 г.—іюль 1904 г.).

Николай Александровичъ Заксъ былъ выдающимся дѣятелемъ въ исторіи нашей гимназіи и оставилъ по себѣ яркіе слѣды какъ въ документахъ архива, такъ и въ воспоминаніяхъ современниковъ. Служебная карьера его была не совсѣмъ обыкновенна. Поступивъ во Владимірскую гимназію съ университетской скамьи въ 1867 г. учителемъ латинскаго языка, онъ съ іюня 1869 г. былъ уже и. д. инспектора, съ іюня 1870 г.—инспекторомъ и исправлялъ должность директора послѣ перемѣщенія Эмина до пріѣзда Кривоносова. Послѣ перемѣщенія Кривоносова (въ августѣ 1871 г.) Заксъ снова исправляетъ должность директора, сначала временно, оставаясь инспекторомъ, потомъ (съ 1872 г.) въ качествѣ постоянной должности, при чемъ былъ назначенъ особый инспекторъ (Новоселовъ). Въ 1874 г. Заксъ былъ утвержденъ директоромъ Владимірской гимназіи и управлялъ ей до іюля 1877 г., когда былъ перемѣщенъ въ Вяземскую гимназію—съ пониженіемъ, вслѣдствіе столкновенія съ почетнымъ попечителемъ Кожинымъ.

Заксъ много поработалъ для нашей гимназіи и какъ преподаватель и какъ администраторъ. Изъ

исправлялъ инспекторъ Е. Ѳ. Шнейдеръ, затѣмъ протоколовъ совѣта видно, что онъ былъ усерднымъ и способнымъ преподавателемъ латинскаго и русскаго языка (по которому одно время имѣлъ уроки), много содѣйствовалъ, какъ преподаватель, правильной постановкѣ въ нашей гимназіи преподаванія латинскаго языка въ духѣ требованій уставовъ 1864 и 1871 г.г.; какъ инспекторъ, усердно поддерживалъ дисциплину среди учениковъ гимназіи, а какъ директоръ—съ неослабной энергіей побуждалъ членовъ педагогической корпораціи къ усердной работѣ по учебно-воспитательному дѣлу. Время директорства Закса было тяжелой для всѣхъ русскихъ гимназій эпохой введенія классическаго устава 1871 г., отъ педагоговъ вообще, отъ преподавателей въ особенности требовалась напряженная работа для приведенія учебнаго дѣла въ соотвѣтствіе съ требованіями новаго устава. Эта работа была выполнена, подъ руководствомъ Закса, блистательно: къ концу 1870-хъ годовъ Владимірская гимназія считалась образцовой по классицизму въ духѣ новаго устава, конечно, усвоивъ при этомъ себѣ всѣ отрицательныя стороны новой системы. Но этихъ недостатковъ, вытекавшихъ изъ свойствъ устава, нельзя ставить въ вину Заксу. Онъ виноватъ только тѣмъ, что усердно насаждалъ новый уставъ, но его усердіе вытекало не изъ желанія выслужиться, а изъ нѣкоторой идеализаціи Толстовскаго устава, къ которой были склонны и многіе сослуживцы Закса.

Заксъ оставилъ по себѣ хорошую память среди сослуживцевъ и учениковъ: о немъ говорятъ, какъ о хорошемъ преподавателѣ, строгомъ, но справедливомъ начальникѣ и добромъ, надежномъ товарищѣ.

Иванъ Егоровичъ Сыроѣчковскій въ теченіе 11 лѣтъ заботливо управлялъ нашей гимназіей, стараясь поддерживать ее на той высотѣ, на которую она была возведена трудами ревностныхъ сподвижниковъ Закса. Сама по себѣ такая работа была бы легче чѣмъ реформаціонная дѣятельность Закса, но дѣло въ томъ, что въ эпоху Сыроѣчковскаго наступило уже среди педагоговъ разочарованіе въ свойствахъ Толстовскаго устава: при такихъ условіяхъ поддержаніе учебнаго дѣла на прежней высотѣ оказывалось задачей нелегкой и требовало со стороны директора большой энергіи. Задача была выполнена Сыроѣчковскимъ хорошо, гимназія попрежнему занимала почетное положеніе въ округѣ, и въ то же время ученики и сослуживцы сохранили о своемъ начальникѣ хорошее воспоминаніе. Много незаслуженныхъ огорченій причинила Сыроѣчковскому несправедливая ревизія Киндлера въ концѣ 1885 г. Хотя честь гимназіи была возстановлена ревизіей В. Д. Исаенкова, но Сыроѣчковскій уже рѣшилъ перемѣнить мѣсто и осенью 1888 г. перешелъ въ Рижскую гимназію.

Лука Максимовичъ Студенецкій управлялъ гимназіей около 7 лѣтъ и умеръ на службѣ въ ней (17 марта 1895 г.). Въ его время произошло смягченіе Толстовскаго устава (реформа 1890 г.), что, конечно, отозвалось на жизни гимназіи; тѣмъ не менѣе управленіе Студенецкаго было вообще строгимъ по отношенію къ сослуживцамъ и ученикамъ, хотя и не отличалось методичнымъ выполненіемъ устава.

Димитрій Алексѣевичъ Соколовъ твердо и заботливо управлялъ гимназіей, но очень недолго, съ небольшимъ годъ; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (съ октября по апрѣль) должность директора

годъ съ небольшимъ былъ директоромъ Николай Васильевичъ Панкратовъ, выдѣлявшійся особеннымъ вниманіемъ къ письменнымъ работамъ учениковъ.

Алексѣй Александровичъ Стрѣльцовъ управлялъ гимназіей 6 лѣтъ, въ трудное время нововведеній 1900-хъ годовъ. Благодаря своему образованію, энергіи и твердости характера, онъ былъ надежнымъ руководителемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ гимназіи.

Въ должности инспектора за изучаемый періодъ смѣнилось много лицъ: Н. А. Заксъ (1870—72). А. Г. Новоселовъ (1872—73), А. А. Захарбековъ (1873—75), С. А. Шереметевскій (1875—77), Е. Ѳ. Виссъ (1877—80), В. Ѳ. Буслаевъ (1880—81), П. К. Нелидовъ 1881—87), Г. Н. Невзоровъ (1887—89), К. К. Греве (1889—95), Е Ѳ. Шнейдеръ (1895—99). А. А. Кедринскій (1899—1901), И. К. Лерхъ (съ 1901 г.). Документальныхъ данныхъ о дѣятельности этихъ лицъ въ качествѣ инспекторовъ сохранилось очень мало. Болѣе другихъ оставили слѣдовъ въ документахъ: Заксъ. Греве и Шнейдеръ, которымъ приходилось болѣе или менѣе значительное время исправлять должность директора. О Заксѣ было говорено достаточно. Греве и Шнейдеръ, судя по протоколамъ совѣта, серіозно и заботливо исполняли должность его предсѣдателей. Устныхъ извѣстій больше всего сохранилось объ инспекторахъ послѣднихъ годовъ, особенно о Шнейдерѣ и Кедринскомъ, которыхъ авторъ изслѣдованія зналъ лично. Оба они были дѣятельные, энергичные работники. О преждевременно сошедшемъ въ могилу Шнейдерѣ гимназія сохраняетъ свѣтлую, благодарную память, какъ о талантливомъ преподавателѣ—

классикѣ, умѣвшемъ внушать ученикамъ интересъ къ изученію греческаго языка, и способномъ, твердомъ въ убѣжденіяхъ, настойчивомъ въ проведеніи ихъ руководителѣ юношества.

О нѣкоторыхъ инспекторахъ 1880-хъ годовъ сохранились неблагопріятныя устныя извѣстія, но, такъ какъ для нихъ не имѣется документальнаго подтвержденія, то я не считаю себя въ правѣ приводить ихъ, за исключеніемъ того, что было выше сказано по поводу ревизіи Киндлера.

Учителей въ теченіе описываемаго періода смѣнилось множество. Многихъ изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ; не мало вышло изъ ихъ среды начальствующихъ лицъ, частью умершихъ, частью здравствующихъ и понынѣ. Назову болѣе выдающихся изъ тѣхъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ во Владимірской гимназіи.

Изъ законоучителей долго служили въ нашей гимназіи и оставили по себѣ хорошую память: свящ., магистръ С. С. Еленевскій (1878—90) и прот. Н. В. Покровскій (1890—1902). Перваго любили, какъ благодушнаго и очень способнаго преподавателя; второй былъ строже и прибѣгалъ иногда къ оригинальнымъ пріемамъ объясненія, но былъ несомнѣнно знающимъ, преданнымъ дѣлу учителемъ и любилъ дѣтей, которыя тоже къ нему хорошо относились. О. Еленевскій умеръ вскорѣ по выходѣ въ отставку, о. Покровскій перешелъ въ законоучители одной изъ С.-Петербургскихъ гимназій.

Изъ учителей русскаго языка должно отмѣтить, во-первыхъ, М. П. Полянскаго, прослужившаго въ нашей гимназіи 24 года (1871—95) и оставившаго по себѣ память, какъ о серіозномъ, справедливомъ

и гуманномъ преподавателѣ. Какъ способный и строгій, но уважаемый учитель, выдавался еще Н. А. Райскій (1882—90).

Изъ учителей древнихъ языковъ надо указать прежде всего стараго служаку Розова, который, начавши службу въ 1845 г., въ нашей гимназіи, работалъ одинъ годъ при дѣйствіи устава 1871 г. и вышелъ въ отставку въ 1872 г., послѣ чего открылъ во Владимірѣ нотаріальную контору. Затѣмъ, въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ, въ нашей гимназіи смѣняется цѣлый рядъ классиковъ изъ иностранныхъ уроженцевъ или до извѣстной степени иностраннаго происхожденія: Боле (1873—76), Сѣдлакъ (1875—87), Мудрохъ (1876—78), Энгельбрехтъ (1876—78), Евг. Н. Сыроѣчковскій (1879—81), Адольфъ (1880—83), Меттусъ (1887—90), изъ которыхъ болѣе выдающимися были Сыроѣчковскій и Адольфъ, занявшіе впослѣдствіи учебно-административныя должности въ Москвѣ. Изъ классиковъ чисто русскаго происхожденія долго служилъ въ нашей гимназіи и скончался на службѣ въ ней Николай Алексѣевичъ Мухинъ (1881—1905). Онъ былъ извѣстенъ, какъ усердный служака, знатокъ и искусный преподаватель латинской и греческой грамматики; ученики его всегда знали пройденный подъ его руководствомъ курсъ, и его трудамъ наша гимназія въ значительной степени обязана своими успѣхами по древнимъ языкамъ въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ. Можно еще назвать А. В. Батыря, который своимъ безпокойнымъ, неуживчивымъ характеромъ совершенно испортилъ свою служебную карьеру. Изъ инспекторовъ Бѣльской прогимназіи онъ былъ назначенъ въ 1878 г. учителемъ древнихъ языковъ Владимірской гимназіи, а въ 1881 г. совсѣмъ уволенъ отъ службы—вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ директору и товарищамъ.

Изъ учителей математики и физики въ началѣ періода выдѣляется Александръ Васильевичъ Свиридовъ (1871—75), хорошій преподаватель, но доводившій строгость оцѣнки до изувѣрства. Затѣмъ много слѣдовъ въ протоколахъ совѣта оставилъ В. К. Милковскій (1875—77), человѣкъ способный, но очень безпокойнаго нрава, любившій итти въ разрѣзъ съ мнѣніями испытательныхъ коммиссій и даже всего совѣта и часто подававшій особыя заявленія съ изложеніемъ своего мнѣнія.

Особенно хорошую память оставилъ по себѣ, какъ искусный и гуманный преподаватель, Александръ Андреевичъ Михайловъ (1878—1892), перешедшій потомъ въ Нижегородскій Дворянскій институтъ.

Изъ учителей исторіи и географіи выдающимся преподавателемъ былъ въ началѣ періода В. М. Михайловскій (1871—74), знатокъ исторіи, поставившій преподаваніе ея на широкихъ основаніяхъ посредствомъ введенія домашняго чтенія учениками серіозныхъ сочиненій. Очень хорошими преподавателями были потомъ Н. Е. Бѣлавинъ (1877—88) и П. Н. Страховъ (1888—99). Наоборотъ, крайне неудачнымъ преподавателемъ былъ И. В. Миловидовъ (1875—77), сдѣланный историкомъ поневолѣ изъ учителей русскаго языка (Ржевской прогимназіи) и долго не могшій освоиться съ новымъ предметомъ.

Учителей нѣмецкаго языка смѣнилось за весь періодъ—если не считать состоящаго нынѣ на службѣ К. Ю. Рейхардта—всего двое: Г. Ѳ. Герингъ (1866—80) и К. К. Дихеусъ (1880—91). Для характеристики ихъ я не имѣю данныхъ, за исключеніемъ инцидента между Герингомъ и совѣтомъ, описаннаго выше (стр. 357—358).

Учителей французскаго языка смѣнилось много (10), и среди нихъ встрѣчались русскіе люди (Козловъ 1873—74 г., Коваленковъ 1874—75 г.). Большинство ихъ служило въ нашей гимназіи не подолгу—одинъ—два года; дольше другихъ служилъ Ц. И. Бартъ (1888—97), повидимому, лучшій изъ законченнаго имъ ряда преподавателей.

На должности учителя чистописанія и рисованія смѣнились: И. А. Александровъ (1872—85), скончавшійся на службѣ въ нашей гимназіи, и Н. А. Кравцовъ (1886—1903), вышедшій въ отставку для того, чтобы посвятить себя сценической дѣятельности. Оба оставили по себѣ добрую память среди учениковъ и товарищей, какъ добрые учителя и пріятные сослуживцы.

Мысленно разсматривая длинную и пеструю вереницу лицъ, смѣнившихся на службѣ въ нашей гимназіи за послѣдній періодъ, съ почтительнымъ удивленіемъ останавливаешься передъ неизмѣнной фигурой уважаемаго Григорія Александровича Заведеева, письмоводителя и бухгалтера нашей гимназіи, начавшаго въ ней службу канцелярскимъ чиновникомъ въ 1842 году и, среди всякихъ перемѣнъ и волненій, остающагося на занятомъ посту въ теченіе 2½ изъ описанныхъ періодовъ, т. е. болѣе 60 лѣтъ.

Матеріальное положеніе гимназическихъ чиновниковъ въ теченіе изучаемаго періода въ общемъ постепенно ухудшалось: вздорожаніе жизни шло быстрыми шагами, а оклады содержанія оставались прежніе. Только въ самомъ концѣ періода (съ октября 1903 г.) были введены для учителей пятилѣтнія прибавки къ окладамъ и возвышенная плата за добавочные уроки (70 р. вмѣсто 60 р. за 1 урокъ

въ недѣлю). Для старо-служащихъ учителей, сидѣвшихъ на второмъ окладѣ (900 р.), прибавка къ окладу доходила до 360 руб. и составляла значительное подспорье; для остальныхъ важнѣе было возвышеніе поурочной платы, но оно давало немного. До введенія этихъ прибавокъ учителя старались повышать свой заработокъ увеличеніемъ количества принятой на себя работы: кромѣ службы въ гимназіи, они брали уроки въ женской гимназіи, открытой въ 1870 г., а нѣкоторые исполняли должность воспитателей въ Благородномъ пансіонѣ. Надо еще замѣтить, что съ 1879 г., когда появились параллельныя отдѣленія при классахъ мужской гимназіи, количество приходящихся въ ней на каждаго учителя уроковъ стало постепенно увеличиваться: въ началѣ періода оно колебалось между 12—19, а въ концѣ его — между 22—30. Въ общемъ уже съ 1890-хъ годовъ учителя въ двухъ гимназіяхъ давали около 30 уроковъ каждый; меньше имѣли иногда начинающіе службу или же состоящіе воспитателями пансіона. Кромѣ указанныхъ источниковъ увеличенія содержанія, общихъ для учителей всѣхъ предметовъ, въ 1900-хъ годахъ явилась небольшая добавка жалованья для учителей математики и новыхъ языковъ въ видѣ платы за исправленіе тетрадей: первымъ 100 р., вторымъ 50 р. въ годъ. Такимъ образомъ, въ концѣ періода содержаніе учителей номинально увеличилось—частью посредствомъ увеличенія количества работы, частью благодаря прибавкамъ. Но цѣна жизненныхъ припасовъ повышалась быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ заработокъ, и потому мы въ правѣ сказать, что матеріальное положеніе учителей постепенно ухудшалось. Еще болѣе примѣнимо такое заявленіе къ директору, инспектору, помощникамъ

классныхъ наставниковъ и чиновникамъ гимназіи не изъ среды педагогическаго персонала, такъ какъ ихъ содержаніе почти или совсѣмъ не увеличивалось.

Въ частномъ бытѣ гимназическихъ служащихъ за описываемый періодъ можно отмѣтить такія характерныя черты. По мѣрѣ вздорожанія жизни, возрастанія количества учениковъ и соотвѣтственнаго увеличенія количества работы, жизнь большинства педагоговъ становится все болѣе и болѣе замкнутой. Обычай собираться другъ у друга постепенно выводится, сношенія съ не-гимназическимъ обществомъ города еще больше ослабѣваютъ. Немногіе иногда посѣщаютъ клубы, чѣмъ и ограничивается ихъ участіе въ общественной жизни; большинство же проводитъ время дома, за работой, изрѣдка навѣщая близкихъ знакомыхъ изъ своей же служебной семьи и встрѣчаясь съ городскимъ обществомъ 2—3 раза въ годъ на концертахъ и спектакляхъ, преимущественно ученическихъ, т. е. устраиваемыхъ учащимися мужской или женской гимназіи. Въ общемъ у всѣхъ служащихъ въ гимназіи, а особенно у преподавателей, служебная работа съ теченіемъ времени все больше и больше наполняетъ жизнь и въ то же время становится все тяжелѣе, и главными причинами такихъ процессовъ являются: вздорожаніе жизни и возрастаніе числа учащихся въ гимназіи.

12. Особыя происшествія въ 1871—1904 г.г.

Ревизія гимназіи въ изучаемый періодъ производилась исключительно представителями учебнаго начальства. Въ 1870-хъ годахъ, пока шло приспособленіе гимназіи къ толстовскому уставу, ревизоры посѣщали ее часто, иногда по два раза въ годъ. Такъ, въ маѣ 1871 г. гимназію ревизовалъ попечи-

тель округа князь Ширинскій-Шихматовъ, въ октябрѣ того же года—окружн. инспекторъ Вейнбергъ, въ 1879 г. въ мартѣ—помощникъ попечителя округа Ивановъ, въ ноябрѣ—окружн. инспекторъ Семіоновичъ. Нѣкоторыя посѣщенія окружныхъ инспекторовъ (напр. Вейнберга осенью 1871 и 1872 г.) имѣли цѣлью собственно не ревизію гимназіи, а руководство педагогич. совѣтомъ въ дѣлѣ примѣненія новаго устава. Подобный же характеръ имѣло посѣщеніе гимназіи министромъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ 27 августа 1880 г. Онъ въ бесѣдѣ съ преподавателями старался выяснить причины часто замѣчаемаго въ гимназіяхъ обремененія учениковъ учебными занятіями и намѣтить средства къ устраненію такого явленія.

Въ 1880-хъ и 1890-хъ годахъ посѣщенія ревизоровъ становятся рѣже, но зато нерѣдко имѣютъ важныя служебныя послѣдствія. Таковы знаменитыя въ исторіи Владимірской гимназіи ревизіи: окружного инспектора Киндлера—въ ноябрѣ 1885 г. и окружного инспектора Исаенкова въ октябрѣ 1886 года. Первая была вызвана интригами инспектора гимназіи Нелидова и производилась не безпристрастно. Ревизоръ былъ предубѣжденъ противъ директора Сыроѣчковскаго и отыскивалъ недостатки въ его дѣятельности, особенно въ смыслѣ руководства учебнымъ дѣломъ. Усердно посѣщая уроки учителей, г. Киндлеръ старался отмѣтить возможно больше недочетовъ въ преподаваніи и послѣ ревизіи составилъ суровый отзывъ объ управленіи гимназіей и состояніи въ ней учебнаго дѣла. Отзывъ о послѣднемъ, по приказанію начальства, былъ не только заслушанъ педагогическимъ совѣтомъ нашей гимназіи, но и внесенъ въ книгу его протоколовъ—въ

назиданіе и руководство преподавателямъ. Но, послѣ самоубійства Киндлера, обнаружившаго его психическую ненормальность, директору Сыроѣчковскому удалось добиться назначенія новой ревизіи, которую производилъ окружной инспекторъ Исаенковъ 2—9 октября 1886 г. Ревизія эта, произведенная съ особенной тщательностью, опровергла отзывъ Киндлера о состояніи гимназіи, обѣлила въ глазахъ окружного начальства дѣятельность директора и учителей, но установила недочеты въ дѣятельности инспектора Нелидова, который и былъ наказанъ перемѣщеніемъ на должность инспектора народныхъ училищъ Нижегородской губерніи.

Не имѣла явныхъ послѣдствій, но не лишена была служебнаго значенія ревизія гимназіи, произведенная 17, 18 и 19 ноября 1897 г. попечителемъ округа Боголѣповымъ въ сопровожденіи окружного инспектора Сыроѣчковскаго. Большее значеніе имѣла ревизія того же Сыроѣчковскаго 17—19 апрѣля 1898 г., послѣ которой директоръ Панкратовъ былъ перемѣщенъ въ Калужскую гимназію.

Послѣдними ревизіями въ описываемый періодъ были: легкое обозрѣніе гимназіи попечителемъ округа Некрасовымъ 15 ноября 1899 г. и довольно обстоятельное обслѣдованіе, произведенное 8—11 апрѣля 1904 г. окружнымъ инспекторомъ Державинымъ, которое привело къ нѣкоторымъ указаніямъ окружного начальства на желательныя преобразованія въ размѣщеніи гимназическихъ классовъ и пансіона, а также въ способахъ надзора за поведеніемъ учениковъ во время перемѣнъ.

Изъ Высочайшихъ Особъ въ теченіе описываемаго періода посѣтилъ гимназію великій князь Владиміръ Александровичъ съ супругой.

Очеркъ исторіи гимназическаго дома и усадьбы гимназіи въ 1833—1904 г. г.

Въ началѣ періода, обнимаемаго настоящимъ изслѣдованіемъ, Владимірская гимназія помѣщалась въ собственномъ домѣ (бывшемъ губернаторскомъ) на Большой улицѣ, противъ Дѣвической улицы. Домъ былъ каменный, двухъ-этажный, съ двумя флигелями. Кромѣ того гимназія владѣла еще небольшимъ каменнымъ домомъ на той же улицѣ— противъ нынѣшняго малаго бульвара: въ немъ помѣщалось Владимірское уѣздное училище. Послѣ пожара 29 марта 1840 г., истребившаго главный гимназическій корпусъ, гимназія временно перешла въ домъ, занимаемый уѣзднымъ училищемъ, а послѣднее было переведено въ квартиру инспектора, въ одномъ изъ гимназическихъ флигелей.

Между тѣмъ Владимірское дворянство, задумавъ учредить при гимназіи благородный пансіонъ, еще въ 1835 г. купило домъ у купца Петровскаго на Большой улицѣ, между дворянскимъ и малымъ гимназическимъ домомъ, съ тѣмъ чтобы приспособить его для помѣщенія пансіона вмѣстѣ съ гимназіей. Домъ былъ каменный, трехъ-этажный (не считая подвальныхъ помѣщеній), съ двумя каменными флигелями на дворѣ. Зданіе это въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ перестраивалось и приспособлялось для помѣщенія пансіонской церкви, актоваго зала, комнатъ пансіона, гимназическихъ классовъ и квартиръ служащихъ. Надворные флигеля предназначались для помѣшенія цейхауза (западный) и бани (восточный).

Съ открытіемъ благороднаго пансіона, 30 августа 1841 г., гимназія перешла въ новое помѣще-

ніе, на которомъ до сихъ поръ красуется надпись «Дворянскій пансіонъ 1841 года». Малый домъ гимназіи, въ которомъ она помѣщалась послѣ пожара, былъ въ 1842 г., съ разрѣшенія министра нар. пр., уступленъ пансіону и впослѣдствіи (1850 г.) занятъ квартирой директора, канцеляріей и еще маленькой квартирой для одного изъ служащихъ. Сгорѣвшій гимназическій домъ былъ проданъ въ частныя руки за 10000 р.; эти деньги были причислены къ экономическимъ суммамъ гимназіи.

Новое помѣщеніе для тогдашняго состава гимназіи (103 ученика) было довольно просторно и въ общемъ удобно, но съ увеличеніемъ числа пансіонеровъ, которое быстро росло въ 1840-хъ годахъ, въ немъ стало тѣсно. Тогда, въ 1849 г., рѣшено было вывести изъ главнаго зданія квартиры директора и комнатныхъ надзирателей, расширивъ на ихъ счетъ помѣщеніе самаго пансіона. Для этого пришлось произвести, въ 1849—1850 г.г. перестройку главнаго зданія, что обошлось въ 8708 р. Расходъ былъ покрытъ изъ экономическихъ суммъ гимназіи (5714 р.) и пансіона (2993 р.).

Зданіе гимназіи—пансіона долго не нуждалось въ капитальномъ ремонтѣ, да у гимназіи и не было средствъ его производить.

Экономическія суммы гимназіи, истощенныя перестройкой 1849--50 г., скудно пополнялись сборомъ за ученіе, такъ какъ плата была до 1863 г. ничтожна. Частичныхъ ремонтовъ производили мало. Отмѣтимъ устройство паркетнаго пола въ пансіонской больницѣ въ 1851 г. на сумму 300 руб., пожертвованную почетнымъ попечителемъ гимназіи, княземъ Ѳ. А. Голицынымъ.

Въ серединѣ 1860-хъ годовъ обнаружилась необходимость капитальнаго ремонта зданія гимназіи, особенно въ отношеніи печей, половъ и оконъ. Директоръ Эминъ добился отъ дворянства отпуска 12000 р., на которые этотъ ремонтъ и былъ произведенъ въ 1867 году. Ему же удалось получить отъ казны, черезъ окружное начальство, пособіе въ 1600 р.—на перестройку восточнаго надворнаго флигеля, въ которомъ, въ 1868 г., были устроены двѣ квартиры для воспитателей пансіона.

Въ 1872 г. оказался необходимымъ новый капитальный ремонтъ зданій гимназіи, который и былъ произведенъ и. д. директора Заксомъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи (послѣднія къ этому времени начали поправляться благодаря увеличенію платы за ученіе).

Въ концѣ 1870-хъ годовъ, вслѣдствіе возрастанія числа учениковъ, явилась настоятельная потребность въ открытіи параллельныхъ отдѣленій при низшихъ классахъ гимназіи, а размѣры помѣщенія были для этого недостаточны. На помощь гимназіи пришло Владимірское губернское земство, которое въ декабрѣ 1878 г. пожертвовало 6000 р. на сооруженіе пристройки къ зданію гимназіи, спеціально въ видахъ открытія параллельныхъ классовъ. Тогда хозяйственный комитетъ гимназіи рѣшилъ произвести крупное расширеніе гимназическаго зданія, употребивъ на это, кромѣ земской суммы, деньги изъ средствъ пансіона (11298 р.), гимназіи (607 р.) и пособіе отъ казны (1000 р.), отпущенное округомъ изъ строительнаго капитала. Постройка была окончена въ 1884 г. и обошлась въ 19057 р. 20 к. У главнаго корпуса гимназіи получилось двухъ-этаж-

ное каменное крыло, идущее вдоль западной ограны двора. Верхній этажъ его былъ раздѣленъ на классныя комнаты, а въ нижнемъ былъ устроенъ гимнастическій залъ.

Но постройка оказалась непрочной и потребовала въ 1891 г. капитальнаго ремонта, который обошелся въ 8412 р. (5250 р. отъ казны и 3162 р. изъ средствъ пансіона).

Въ 1888 г. въ гимназіи была устроена телефонная станція.

Крупные ремонты въ зданіи гимназіи производились потомъ въ 1889 г. (2687 р. изъ суммъ пансіона), въ 1896 г. (7000 р. изъ казны и 2000 р. изъ специальныхъ средствъ гимназіи), когда были сдѣланы паркетные полы въ классахъ и обновленъ иконостасъ въ церкви, и въ 1903 г. (3122 р. изъ суммъ пансіона)—для обновленія паркета въ актовомъ залѣ.

Въ 1900 г. построена была новая, полукаменная ограда гимназической усадьбы.

Размѣщеніе въ зданіи гимназіи классовъ, комнатъ пансіона и квартиръ служащихъ лицъ неоднократно мѣнялось. Классныя комнаты обыкновенно занимали надворную сторону бельэтажа главнаго корпуса, съ 1884 г. распространились на верхній этажъ пристройки, а въ послѣдніе годы заняли часть третьяго этажа главнаго корпуса. Пансіонская спальня всегда помѣщалась въ бель-этажѣ главнаго корпуса, а т. наз. «занимательная» перемѣщалась: то въ верхній этажъ главнаго корпуса, то въ нижній этажъ пристройки. Квартиры служащихъ сначала почти всѣ помѣщались въ главномъ корпусѣ, но къ настоящему времени тамъ остались только: квартира инспектора—въ первомъ этажѣ и

квартиры служителей — въ подвальномъ; квартиры директора, воспитателей, эконома и настоятеля церкви постепенно перешли во флигеля. Неизмѣнно сохраняли свое положеніе: актовый залъ (онъ же рекреаціонный)—въ бель-этажѣ и библіотека (иначе «совѣтская»)—въ первомъ этажѣ главнаго корпуса, а также, конечно, церковь

При быстромъ возрастаніи числа учащихся въ 1900-хъ годахъ зданіе гимназіи стало оказываться тѣснымъ для ихъ помѣщенія. Въ настоящее время недостаточность помѣщенія въ гимназіи такова, что дальнѣйшее увеличеніе числа учащихся стало невозможнымъ.

Таблица, показывающая общее число учениковъ гимназіи и число пансіонеровъ по годамъ (1833—1904).

Годы.	Общее число ученик.	Число пансіонеровъ.	Годы.	Общее число ученик.	Число пансіонеровъ.	Годы.	Общее число ученик.	Число пансіонеровъ.	Годы.	Общее число ученик.	Число пансіонеровъ.
1833	—	—	1848	208	75	1863	225	56	1878	258	44
1834	66	—	1849	201	70	1864	240	59	1879	248	45
1835	107	—	1850	201	70	1865	244*)	50	1880	267	49
1836	120	—	1851	179	63	1866	228*)	50	1881	275	46
1837	114	—	1852	190	—	1867	225	—	1882	304	44
1838	120	—	1853	184	73	1868	202	45	1883	329	47
1839	127	—	1854	173	74	1869	194*)	—	1884	312	44
1840	117	—	1855	186	67	1870	194	32	1885	328	45
1841	104	—	1856	194	—	1871	217	45	1886	306	51
1842	103	-	1857	190	64	1872	232	45	1887	297	49
1843	129	57	1858	207	67	1873	245	45	1888	247	46
1844	162	56	1859	214	68	1874	239	—	1889	212	45
1845	172	65	1860	234	62	1875	258	54	1890	201	50
1846	174	75	1861	243	59	1876	270	54	1891	257	52
1847	182	70	1862	245	55	1877	270	51	1892	254	50

Примѣчаніе. Число учениковъ и пансіонеровъ высчитано къ 1 января, за исключеніемъ цифръ, отмѣченныхъ *): въ этихъ случаяхъ — къ 1 іюня.

1893	254	43	1896	295	46	1899	380	49	1902	403	63
1894	273	45	1897	329	49	1900	379	47	1903	391	64
1895	278	46	1898	362	51	1901	400	62	1904	440	64

Плата за ученіе въ 1833—1904 г.г.

При введеніи въ гимназіяхъ устава 1828 года плата за ученіе въ нихъ была оставлена прежняя— т. е. для нашей гимназіи 12 р. асс. въ годъ (цирк. министра отъ 13 іюля 1833 г.), и въ началѣ изучаемаго нами періода высшее учебное начальство придавало мало значенія сбору денегъ съ учащихся и не слѣдило особенно за его производствомъ. Постепенно однако въ министерствѣ нар. просв. сложился взглядъ, что плата должна быть обязательной и болѣе или менѣе однообразной для всѣхъ гимназій. Съ цѣлью выяснить, какой размѣръ платы за ученіе можно считать нормальнымъ для гимназій извѣстнаго района, попечители округовъ обратились къ директорамъ училищъ съ запросомъ о желательномъ размѣрѣ платы на будущее время. На такой запросъ попечителя отъ 21 февраля 1836 г. директоръ Владимірскихъ училищъ отвѣтилъ (28 февраля), что вольноприходящіе ученики Владимірской гимназіи не въ состояніи платить за ученіе больше 5 р. асс. въ годъ. Но министерство рѣшило ввести для гимназій того района, къ которому относилась Владимірская, значительно большую плату съ учениковъ. Распоряженіемъ министра отъ 16 марта 1838 года установлены были размѣръ платы для всѣхъ гимназій, правила ея взиманія и расходованія полученнаго сбора. Для гимназій того района, къ которому отнесена Владимірская, плата за ученіе была устано-

влена въ размѣрѣ 15 р. асс. въ годъ. Половина сбора за ученіе должна была причисляться къ экономическимъ суммамъ гимназіи, изъ которыхъ могли выдаваться награды учителямъ, а другая половина предназначалась для отсылки въ Департаментъ Нар. Пр., въ счетъ пенсіоннаго капитала для приходскихъ учителей. По этимъ правиламъ производился сборъ за ученіе до 1845 г. и давалъ за годъ очень небольшія суммы, потому что многіе ученики по бѣдности или по другимъ причинамъ не вносили платы; такъ, въ нашей гимназіи было собрано: въ 1840 г.—181 р. 59 4/7 коп. сер., въ 1843 г.—332 р. 57 1/7 к.

Въ 1845 году, 15 іюня было утверждено министромъ новое положеніе о взиманіи платы за ученіе. Для большинства гимназій, въ томъ числѣ для Владимірской, устанавливалась плата въ размѣрѣ 5 р. сер. въ годъ. Изъ сбора за ученіе могли выдаваться награды учителямъ и пособія ученикамъ, остальное причислялось къ экономическимъ суммамъ гимназіи. Устанавливались правила освобожденія бѣднѣйшихъ учениковъ отъ платы за ученіе. Изъ нѣсколькихъ братьевъ, при недостаточности ихъ средствъ, полную плату могъ вносить одинъ, остальные половину. Въ 1852 г. 16 мая вышло еще положеніе о взиманіи платы, которое оставляло тотъ же размѣръ ея для большинства гимназій и вообще почти буквально повторяло правила 1845 г. Въ силу этихъ положеній производился сборъ платы въ гимназіяхъ до начала 1858 года. Къ сбору начальство гимназій относилось внимательно, потому что недоборъ безъ законныхъ причинъ подвергалъ его денежной отвѣтственности, а окружное начальство строго провѣряло правильность сбора и само утверждало освобожденіе учениковъ отъ платы. Но при малыхъ раз-

мѣрахъ платы сумма сбора въ нашей гимназіи была невелика: въ 1847 г.=375 р., въ 1850 г.=330 р., въ 1856—7 учебномъ году=405 р.

Въ 1857 г. 4 декабря вышло Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи платы за ученіе, съ 1 января 1858 г., въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ она равнялась 5 р. въ годъ, —до 10 р. въ годъ. Это было въ связи съ постановленіемъ Главнаго Правленія Училищъ отъ 9 ноября 1857 г. объ отчисленіи 10% сбора за ученіе въ пенсіонный капиталъ для приходскихъ учителей, о чемъ въ нашу гимназію было сообщено предложеніемъ попечителя отъ 23 декабря 1857 г.

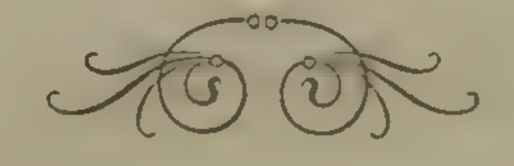
Вслѣдствіе этихъ законоположеній, въ 1857—58 учебномъ году въ нашей гимназіи плата собиралась частью по старымъ, частью по новымъ правиламъ, т. е. въ послѣднемъ случаѣ—въ двойномъ размѣрѣ (10 р.). Захваченные врасплохъ повышеніемъ платы, многіе ученики не внесли ея, не представивши въ то же время свидѣтельствъ о бѣдности. Въ рапортѣ инспектора (Коссовича) директору (Соханскому) сказано, что изъ 152 приходящихъ учениковъ внесли полную плату (10 р.)=89 уч., по 5 р.=23 уч., представили свидѣтельства о бѣдности 35 уч., безъ свидѣтельствъ не внесли платы совсѣмъ=8 уч., не внесли 5 р.=16 уч. Всего ко времени подачи рапорта (апрѣль 1858 г.) было собрано 1005 р. Не заплатившіе ученики потомъ, конечно, должны были представить или свидѣтельства о бѣдности, или плату.

Повышеніе платы увеличило сумму сбора, сравнительно съ прежними годами: въ 1858—9 г. собрано 940 р., въ 1859—60 г.=990 р. Сравнительно малыя суммы собирались потому, что значительную

часть общаго числа учениковъ гимназіи (около 200) составляли пансіонеры (64 --67 челов.), которые не платили за ученіе.

Въ декабрѣ 1863 г. совѣтъ при попечителѣ Московскаго округа возвысилъ плату въ гимназіяхъ округа, кромѣ столичныхъ, до 15 р. въ годъ. Дальнѣйшія повышенія платы дѣлались уже въ каждой гимназіи отдѣльно, съ разрѣшенія попечителя. Съ введеніемъ устава 1864 г. весь сборъ за ученіе сталъ поступать въ спеціальныя средства гимназіи.

При введеніи устава 1871 г. въ нашей гимназіи существовала плата 15 р.; она и осталась для нормальныхъ классовъ, а для вновь открытаго приготовительнаго класса принята была плата въ 10 р. Дальнѣйшее повышеніе платы шло слѣд. образомъ. Съ августа 1875 г.—въ нормальныхъ классахъ 20 р., въ пригот. 15 р., съ августа 1881 г.=30 и 20 р., съ августа 1887 г.=40 и 20 р., съ августа 1900 г.= 50 и 40 р. Въ послѣдній періодъ сборъ за ученіе давалъ уже крупныя суммы: за 1887 г.=5795 р., за 1903 г.=12425 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1.

СПИСОКЪ
должностныхъ лицъ Владимірской гимназіи
за время отъ 1833 по 1904 годъ.

Почетные попечители.

1. Поливановъ Александръ Константиновичъ (съ января 1833 г. по 1838 г.*)).
2. Богдановъ Сергѣй Никаноровичъ (съ марта 1839 г. по 1847 г.).
3. Шаблыгинъ Иванъ Павловичъ (съ марта 1848 г. по 1850 г.).
4. Князь Голицынъ Ѳеодоръ Андреевичъ (съ августа 1851 г. по 1856 г.).
5. Графъ Апраксинъ Николай Петровичъ (съ мая 1857 г. по 1862 г.).
6. Поливановъ Николай Александровичъ (съ марта 1863 г. по 1866 г.).
7. Акинфовъ Владиміръ Николаевичъ (съ марта 1867 г. по 1869 г.).
8. Кожинъ Петръ Павловичъ (съ іюля 1870 г. по мартъ 1871 г.).
9. Макаровъ Алексѣй Андреевичъ (съ іюня 1874 г. по 1876 г.).
10. Кожинъ Петръ Павловичъ (съ ноября 1877 г. по 1884 г.).

---

*) Годъ конца службы считается включительно, началомъ службы считается утвержденіе въ должности.

11. Акинфовъ Владиміръ Николаевичъ (съ апрѣля 1885 г. по 1887 г.).
12. Князь Грузинскій Николай Ильичъ (съ февраля 1888 г. по 1890 г.).
13. Макаровъ Алексѣй Андреевичъ (съ февраля 1891 г. по 1893 г.).
14. Леонтьевъ Михаилъ Михайловичъ (съ февраля 1894 г. по 1900 г.).
15. Князь Голицынъ Александръ Борисовичъ (съ февраля 1901 г.).

Директоры

(до 1874 г.—училищъ, съ 1874 г.—гимназіи).

1. Калайдовичъ Өеодоръ Өеодоровичъ (съ января 1829 г. до февраля 1838 г.).
2. Озеровъ Василій Андреевичъ (съ февраля 1841 г. до августа 1844 г.).
3. Соханскій Николай Ивановичъ (съ августа 1844 г. до сентября 1863 г.).
4. Львовъ Алексѣй Евграфовичъ (съ сентября 1863 г до марта 1866 г.).
5. Эминъ Никита Осиповичъ (съ марта 1866 г. до іюля 1870 г.).
6. Кривоносовъ Александръ Алексѣевичъ (съ іюля 1870 г. до августа 1871 г.).
7. Заксъ Николай Александровичъ (и. д. съ декабря 1871 г. до 15 іюля 1877 г.).
8. Сыроѣчковскій Иванъ Егоровичъ (съ іюля 1877 г. до сентября 1888 г.).
9. Студенецкій Лука Максимовичъ (съ сентября 1888 г., умеръ 17 марта 1895 г.).
10. Соколовъ Димитрій Алексѣевичъ (съ апрѣля 1895 г. до октября 1896 г.).
11. Панкратовъ Николай Васильевичъ (съ апрѣля 1897 г.*) до іюля 1898 г.).
12. Стрѣльцовъ Алексѣй Александровичъ (съ іюля 1898 г. до іюля 1904 г.).

---

*) Съ октября 1896 г. по апрѣль 1897 г. исправлялъ должность директора—инспекторъ гимназіи Е. Ө. Шнейдеръ.

Инспекторы.

1. Граціанскій Семенъ Кузьмичъ (съ августа 1833 г. до декабря 1834 г.).
2. Соханскій Николай Ивановичъ (съ февраля 1835 г. до августа 1844 г.).
3. Титовъ Николай Николаевичъ (съ сентября 1844 г., умеръ 12 августа 1845 г.).
4. Окатовъ Александръ Өеодоровичъ (съ сентября 1845 г. до апрѣля 1847 г.).
5. Петровъ Павелъ Ивановичъ (съ апрѣля 1847 г. до марта 1849 г.).
6. Забѣлинъ Григорій Ивановичъ (съ октября 1849 г. до ноября 1850 г.).
7. Коссовичъ Игнатій Андреевичъ (съ ноября 1850 г. до сентября 1861 г.).
8. Кудряшовъ Петръ Николаевичъ (съ сентября 1861 г. до марта 1863 г.).
9. Пермяковъ Павелъ Ивановичъ (съ августа 1863 г. до іюня 1869 г.).
10. Заксъ Николай Александровичъ (и. д. съ іюня 1869 г., утв. 1 іюля 1870 г.).
11. Новоселовъ Александръ Григорьевичъ (съ января 1872 г. до августа 1873 г.).
12. Захарбековъ Александръ Алексѣевичъ (съ августа 1873 г. до августа 1875 г.).
13. Шереметевскій Семенъ Александровичъ (съ сентября 1875 г. до іюля 1877 г.).
14. Виссъ Евгеній Өеодоровичъ (съ іюля 1877 г. до іюня 1880 г.).
15. Буслаевъ Владиміръ Өеодоровичъ (съ іюня 1880 г. до іюня 1881 г.).
16. Нелидовъ Павелъ Константиновичъ (съ августа 1881 г. до мая 1887 г.).
17. Невзоровъ Геннадій Никаноровичъ (съ мая 1887 г. до іюня 1889 г.).
18. Греве Конрадъ Конрадовичъ (съ іюня 1889 г. до апрѣля 1895 г.).
19. Шнейдеръ Евгеній Өеодоровичъ (съ іюня 1895 г. до іюля 1899 г.).

20. Кедринскій Александръ Антоновичъ (съ іюля 1899 г. до февраля 1901 г.).
21. Лерхъ Иванъ Карловичъ (съ 1 марта 1901 г.).

Законоучители.

1. Смирновъ Іоакимъ Гавріиловичъ (съ августа 1810 г. до августа 1836 г.).
2. Миловскій Іаковъ Васильевичъ (съ августа 1836 г. до сентября 1842 г.).
3. Богородицкій Василій Емельяновичъ (съ сентября 1842 г. до сентября 1870 г.).
4. Херасковъ Михаилъ Ивановичъ (съ сентября 1870 г. до мая 1878 г.).
5. Еленевскій Семенъ Самуиловичъ (съ іюня 1878 г. до октября 1890 г.).
6. Покровскій Николай Владиміровичъ (съ октября 1890 г. до марта 1902 г.).
7. Васильевъ Александръ Алексѣевичъ (съ марта 1902 г.).

Старшіе учители русской словесности.

1. Волковъ Александръ Семеновичъ (январь 1833 г.—августъ 1841 г.).
2. Михайловъ Иванъ Алексѣевичъ (августъ 1841 г.—іюль 1842 г.).
3. Безсоновъ Иванъ (іюнь 1843 г.—сентябрь 1845 г.).
4. Розовъ Александръ Алексѣевичъ (сентябрь 1845 г.—августъ 1867 г.).

Учители русскаго языка и словесности.

1. Кочубинскій Александръ Александровичъ (августъ 1867 г. —сентябрь 1868 г.).
3. Завьяловъ Николай Павловичъ (августъ 1869 г.—августъ 1873 г.).
2. Кулаковскій Платонъ Андреевичъ (съ іюля по декабрь 1870 г.).
4. Полянскій Михаилъ Павловичъ (іюль 1871 г.—іюль 1895 г.).

5. Хупотскій Петръ Макаровичъ (августъ 1873 г.—іюль 1874 г.).
6. Истоминъ Андрей Петровичъ (августъ 1874 г.—іюнь 1882 г.).
7. Райскій Николай Александровичъ (августъ 1882 г.—августъ 1890 г.).
8. Миловидовъ Григорій Алексѣевичъ (августъ 1895 г.—декабрь 1897 г.).
9. Сливицкій Валентинъ Алексѣевичъ (съ января по августъ 1898 г.).
10. Крыловъ Иванъ Семеновичъ (іюль 1897 г.—августъ 1903 г.).
11. Пузицкій Василій Андреевичъ (августъ 1898 г.—августъ 1902 г.).
12. Шестаковъ Сергѣй Константиновичъ (съ августа 1902 г.).
13. Соловьевъ Димитрій Васильевичъ (съ августа 1903 г.).

Примѣчаніе. Кромѣ перечисленныхъ, преподавали русскій языкъ, состоя учителями древнихъ языковъ: Устенко (съ августа 1890 г. по сентябрь 1896 г.) и Ильенковъ (съ августа 1890 г. по іюнь 1897 г.). Вторая должность учителя русскаго языка и словесности за это время оставалась вакантной.

Младшіе учители русскаго языка и географіи.

1. Ремезовъ Сергѣй Игнатьевичъ (январь 1834 г.—мартъ 1847 г.).
2. Яхонтовъ Сергѣй Петровичъ (съ марта по августъ 1847 г.).
3. Данилевскій Александръ (съ февраля по май 1848 г.).
4. Бодровъ Николай Николаевичъ (съ іюня 1849 г. по май 1851 г.).
5. Шемякинъ Алексѣй Николаевичъ (іюнь 1851 г.—апрѣль 1858 г.).
6. Голицынскій Иванъ Ивановичъ (апрѣль 1858 г.—октябрь (?) 1867 г.).
7. Никифоровъ Аполлинарій Никифоровичъ (ноябрь 1867 г.—декабрь 1869 г.).

Старшіе учители латинскаго языка.

1. Троицкій Арсеній Алексѣевичъ (августъ 1833 г.—январь 1839 г.).
2. Документовъ Василій Николаевичъ (августъ 1833 г.—августъ 1843 г.).
3. Лыткинъ Константинъ Петровичъ (іюнь 1842 г.—сентябрь 1849 г.).
4. Чижовъ Иванъ Григорьевичъ (съ августа 1843 г., умеръ 6 ноября 1858 г.).
5. Лыткинъ Константинъ Петровичъ (2-о) (декабрь 1858 г.—августъ 1868 г.).

Примѣчаніе. Съ января 1839 г. по іюнь 1842 г. должность учителя латинскаго языка, вмѣсто перешедшаго на исторію Троицкаго, исправлялъ учитель греческаго языка Деличъ.

Старшіе учители греческаго языка.

1. Воскресенскій Иванъ Филипповичъ (ноябрь 1833 г.—октябрь 1836 г.).
2. Деличъ Богданъ Ивановичъ (ноябрь 1836 г.—мартъ 1842 г.)
3. Воскресенскій Иванъ Филипповичъ (2-о) (августъ 1844 г.—августъ 1849 г.).
4. Лыткинъ Константинъ Петровичъ (сентябрь 1849 г.—май 1850 г.).
5. Малиновскій Петръ Платоновичъ (сентябрь 1850 г.—августъ 1852 г.).

Примѣчаніе. Съ августа 1842 г. по августъ 1844 г. должность учителя греческаго языка исправлялъ учитель латинскаго языка Лыткинъ.

Учители древнихъ языковъ.

1. Розовъ Александръ Алексѣевичъ (августъ 1867 г.—іюнь 1872 г.).
2. Заксъ Николай Александровичъ (ноябрь 1867 г.—іюль 1870 г.).
3. Салоникіо Адріанъ Ивановичъ (іюль 1869 г.—августъ 1870 г.).

4. Ширскій Капитонъ Ивановичъ (августъ 1870 г.—іюнь 1872 г.).
5. Целестинъ Францъ Юрьевичъ (августъ 1870 г.—августъ 1872 г.).
6. Виноградовъ Андрей Алексѣевичъ (августъ 1872 г.—іюль 1875 г.).
7. Розенквистъ Александръ Ивановичъ (августъ 1872 г., умеръ въ іюнѣ 1873 г.).
8. Козловскій Николай Ивановичъ (октябрь 1872 г.—іюль 1875 г.).
9. Боле Мартинъ Степановичъ (іюль 1873 г.—августъ 1876 г.).
10. Сѣдлакъ Осипъ Матвѣевичъ (іюль 1875 г.—іюнь 1887 г.).
11. Мудрохъ Павелъ Юрьевичъ (августъ 1876 г.—іюль 1878 г.).
12. Энгельбрехтъ Лаврентій Андреевичъ (октябрь 1876 г—іюль 1878 г.).
13. Филоновъ Петръ Максимовичъ (іюль 1877 г.—сентябрь 1878 г.).
14. Батырь Андрей Викентьевичъ (августъ 1878 г.—май 1881 г.).
15. Соколовъ Лавръ Евѳимовичъ (январь 1879 г.—январь 1880 г.).
16. Сыроѣчковскій Евгеній Ивановичъ (іюль 1879 г.—октябрь 1881 г.).
17. Адольфъ Андрей Викентьевичъ (январь 1880 г.—сентябрь 1883 г.).
18. Успенскій Александръ Ивановичъ (іюль 1881 г.—іюнь 1887 г.).
19. Мухинъ Николай Алексѣевичъ (ноябрь 1881 г., умеръ въ іюнѣ 1905 г.).
20. Ильенковъ Димитрій Семеновичъ (октябрь 1883 г.—іюль 1897 г.).
21. Устенко Тимоѳей Ѳеодоровичъ (августъ 1885 г.—сентябрь 1896 г.).
22. Меттусъ Александръ Ивановичъ (іюнь 1887 г.—іюнь 1890 г.).
23. Березовскій Юліанъ Антоновичъ (съ іюня 1890 г.).

24. Шестаковъ Сергѣй Константиновичъ (сентябрь 1896 г.— августъ 1902 г.).

Примѣчаніе. Въ 1865—66 и 1866—67 гг. былъ временно допущенъ къ преподаванію латинскаго языка учитель духовной семинаріи Семенъ Николаевичъ Бѣляевъ.

Старшіе учители математики

(съ 1865 г.—учители математики и физики).

1а. Соханскій Николай Ивановичъ (апрѣль 1829 г.—февраль 1835 г.).
2в. Бенедиктовъ Иванъ Алексѣевичъ (іюль 1834 г.—іюль 1840 г.).
3а. Забѣлинъ Григорій Ивановичъ (съ апрѣля по октябрь 1836 г.).
4а. Небаба Димитрій Васильевичъ (съ октября 1836 г., умеръ 10 февраля 1841 г.).
5в. Бѣлелюбскій Иванъ Ивановичъ (сентябрь 1840 г.—ноябрь 1854 г.).
6а. Цвѣтковъ Михаилъ Никаноровичъ (мартъ 1841 г.—февраль 1850 г.).
7а. Филипповъ Петръ Тимоѳеевичъ (августъ 1850 г.—май 1851 г.).
8а. Бодровъ Николай Николаевичъ (май 1851 г.—февраль 1864 г.).
9в. Макаровъ Николай Ѳеодоровичъ (іюль 1856 г.—ноябрь 1859 г.).
10в-а. Бобылевъ Константинъ Константиновичъ (ноябрь 1859 г.—декабрь 1869 г.).
11. Христичъ Павелъ Александровичъ (ноябрь 1864 г.—августъ 1866 г.).
12. Тюлеліевъ Александръ Степановичъ (декабрь 1866 г.—январь 1871 г.).
13. Никифоровъ Аполлинарій Никифоровичъ (январь 1870 г.—августъ 1871 г.).
14. Свиридовъ Александръ Васильевичъ (январь 1871 г.—іюль 1875 г.).
15. Хмыровъ Димитрій Николаевичъ (сентябрь 1871 г.—іюль 1873 г.).

16. Поповъ Владиміръ Павловичъ (августъ 1873 г.—августъ 1875 г.).
17 Лерхъ Иванъ Карловичъ (іюль 1875 г.—февраль 1901 г.).
18. Милковскій Владиміръ Казиміровичъ (сентябрь 1875 г.—августъ 1877 г.).
19. Маракуевъ Николай Николаевичъ (сентябрь 1877 г.—августъ 1878 г.).
20. Михайловъ Александръ Андреевичъ (августъ 1878 г—іюнь 1892 г.).
21. Чамовъ Николай Александровичъ (съ іюня 1892 г.).
22. Рябинкинъ Сергѣй Николаевичъ (съ іюля 1901 г.).

Примѣчаніе 1. Буква *a* при цифрѣ означаетъ должность „старшаго учителя высшихъ частей математики и физики", буква *в*—ст. учит. „основныхъ частей математики".—Бобылевъ занималъ сначала вторую должность, потомъ (съ февраля 1864 г.)—первую.

Примѣчаніе 2. Въ 1866 г. съ февраля по іюнь должность учителя математики за болѣзнью Христича исправлялъ учитель Шуйскаго уѣзд. учил. Абрамъ Петровичъ *Шпаковскій.*

Старшіе учители исторіи.

1. Богаславскій Василій Захаровичъ (ноябрь 1832 г.—декабрь 1838 г.).
2. Троицкій Арсеній Алексѣевичъ (январь 1839 г., умеръ въ іюлѣ 1847 г.).
3. Яхонтовъ Сергѣй Петровичъ (августъ 1847 г.—октябрь 1853 г.).
4. Малиновскій Петръ Платоновичъ (октябрь 1853 г.—апрѣль 1858 г.).
5. Шемякинъ Алексѣй Николаевичъ (апрѣль 1858 г.—сентябрь 1867 г.).

Учители исторіи и географіи.

1. Лебедевъ Иванъ Алексѣевичъ (исторіи—съ сентября 1867 г., географіи—съ января 1870 г.,—по іюль 1870 г.).
2. Соколовскій Павелъ Александровичъ (іюль 1870 г.—іюль 1871 г.).
3. Михайловскій Викторъ Михайловичъ (сентябрь 1871 г.—іюль 1874 г.).

4. Щегловитовъ Андрей Григорьевичъ (августъ 1874 г.— іюль 1875 г.).
5. Миловидовъ Иванъ Васильевичъ (іюль 1875 г.—іюль 1877 г.).
6. Бѣлавинъ Николай Евсѣевичъ (іюль 1877 г.—іюль 1888 г.).
7. Страховъ Петръ Николаевичъ (іюль 1888 г.—августъ 1899 г.).
8. Захаровъ Андрей Владиміровичъ (съ августа 1899 г.).

Старшіе учители законовѣдѣнія.

1. Латышевъ Михаилъ Михайловичъ (сентябрь 1849 г.— апрѣль 1850 г.).
2. Лыткинъ Константинъ Петровичъ (май 1850 г.—декабрь 1858 г.).

Старшіе учители естественныхъ наукъ.

1. Макаровъ Николай Ѳеодоровичъ (августъ 1852 г.—іюль 1856 г.).
2. Дружининъ Александръ (августъ 1856 г.— 1 сентября 1858 г.).
3. Солярскій Павелъ Павловичъ (сентябрь 1858 г.—январь 1863 г.).
4. Чугаевъ Александръ Ѳомичъ (апрѣль 1863 г.—іюнь 1865 г.),

Сверхштатный учитель природовѣдѣнія и географіи.

1. Марченко Иванъ Ивановичъ (съ августа 1902 г. по февраль 1906 г.).

Учители нѣмецкаго языка

(до 1865 г.—младшіе).

1. ф.-Кноблохъ Карлъ Егоровичъ (январь 1821 г., умеръ въ апрѣлѣ 1835 г.).
2. Деличъ Богданъ Ивановичъ (іюль 1336 г.—іюль 1837 г.).
3. Стрембергъ Альбертъ Христіановичъ (іюль 1837 г.— іюль 1843 г.).

4. Шнейдеръ Валентинъ Валентиновичъ (іюль 1843 г.—мартъ 1847 г.).
5 Бейзертъ Карлъ Карловичъ (апрѣль 1847 г.—августъ 1866 г.).
6. Герингъ Германъ Ѳеодоровичъ (сентябрь 1866 г.—сентябрь 1880 г.).
7. Дихеусъ Карлъ Карловичъ (ноябрь 1880 г.—августъ 1891 г.)
8. Рейхардтъ Карлъ Юліевичъ (съ августа 1891 г.).

Учители французскаго языка

(до 1865 г.—младшіе).

1. Герингеръ Людвигъ Михайловичъ (мартъ 1833 г.—іюнь 1835 г.).
2. Баронъ де Грюше Августъ Авраамъ (августъ 1835 г.—августъ (?) 1837 г.).
3. Полле Людвигъ Константиновичъ (августъ 1837 г.—августъ (?) 1839 г.).
4. Турне Іосифъ Карловичъ (октябрь 1839 г.—сентябрь 1850 г.).
5. ф-Вульфертъ Николай Карловичъ (іюль 1851 г., умеръ въ мартѣ 1853 г.).
6. Ренье Петръ Петровичъ (май 1853 г.—февраль 1862 г.).
7. Амстуцъ Яковъ Абрамовичъ (февраль 1862 г.—іюль 1869 г.).
8. Де Сево Александръ Ивановичъ (августъ 1869 г.—февраль 1873 г.).
9. Коваленковъ Николай Ивановичъ (мартъ 1873 г.—августъ 1875 г.).
10. Козловъ Владиміръ Александровичъ (май 1873 г.—іюль 1874 г.).
11. Анспахъ Альфредъ Францевичъ (августъ 1875 г.—августъ 1877 г.).
12. Совенъ Альфонсъ Николаевичъ (августъ 1877 г.—январь 1880 г.).
13. Барьеръ Яковъ Гавриловичъ (январь 1880 г.—августъ 1882 г).
14. Пьяже Самуилъ Эдуардовичъ (августъ 1882 г.—іюль 1883 г.).

15. Лекультръ Генрихъ Андреевичъ (іюль 1883 г.—іюль 1885 г.).
16. Ліонъ Анатолій Яковлевичъ (августъ 1885 г.—августъ 1888 г.).
17. Бартъ Целестинъ Игнатьевичъ (августъ 1888 г.—февраль 1897 г.).
18. Брюзати Викторъ Антоновичъ (и. д. съ 1 февраля 1897 г.).

Примѣчаніе. Въ 1833—34 учеб. году французскій языкъ преподавалъ учитель нѣмецкаго яз. ф.-Кноблохъ.—Съ 11 сентября 1850 г. по 1 іюля 1851 г. исправлялъ должность учителя французскаго языка надзиратель пансіона Грейлихъ.

Учители рисованія и чистописанія
(до 1865 г.—младшіе).

1. Ремизовъ Сергѣй Игнатьевичъ (февраль 1831 г.—январь 1834 г.).
2. Озерскій Иванъ Гавриловичъ (январь 1834 г.—ноябрь 1836 г.).
3. Димитріевъ Өеодоръ Димитріевичъ (іюль 1839 г.—февраль 1872 г.).
4. Александровъ Иванъ Александровичъ (мартъ 1872 г.—умеръ въ дек. 1885 г.).
5. Кравцовъ Николай Александровичъ (январь 1886 г.—августъ 1903 г.)
6. Николаевъ Николай Николаевичъ (съ сентября 1903 г.).

Примѣчаніе. Въ 1833—36 гг. должность учителя чистописанія исправлялъ Николай Михайловъ.

Учители приготовительнаго класса.
(Открытъ съ августа 1871 г.; закрытъ 1 іюля 1888 г.; открытъ съ августа 1890 г.),

1. Кондратовъ Владиміръ Ивановичъ (1871—1872 уч. годъ)
2. Завьяловъ Михаилъ Павловичъ (августъ 1872 г.—январь 1877 г.).
3. Бѣлянкинъ Алексѣй Алексѣевичъ (январь 1877 г.—іюль 1888 г.).
4. Масловъ Леонидъ Іоасафовичъ (августъ 1890 г., умеръ въ сентябрѣ 1891 г.).

5. Лебедевъ Павелъ Евлампіевичъ (сентябрь 1891 г.—сентябрь 1895 г.).
6. Казанскій Александръ Васильевичъ (съ сентября 1895 г.).

Учители пѣнія.

1. Ставровскій Николай Никаноровичъ (январь 1872 г.—іюнь 1889 г.).
2. Ѳедотьевъ Владиміръ Степановичъ (іюнь 1889 г.—сентябрь 1893 г.).
3. Остроумовъ Алексѣй Ивановичъ (сентябрь 1893 г.—октябрь 1897 г.).
4. Папарукъ Михаилъ Ивановичъ (ноябрь 1897 г.—іюль 1898 г.).
5. Казанскій Димитрій Васильевичъ (августъ 1898 г.—іюль 1899 г).
6. Спасскій Александръ Петровичъ (августъ 1899 г.—августъ 1900 г.).
7. Ковинъ Александръ Михайловичъ (августъ 1900 г.—декабрь 1903 г.).

Учители гимнастики.

1. Ивановъ (январь—августъ 1872 г).
2. Будзиловичъ (августъ 1872—декабрь 1879 г.).
3. Лебединскій (декабрь 1879—мартъ 1886 г.).
4. Щегловскій (сентябрь—декабрь 1886 г.).
5. Булыгинъ Михаилъ Павловичъ (январь—іюль 1887 г.).
6. Масловъ Леонидъ Іоасафовичъ (августъ 1887—августъ 1890 г.).
7. Якубовскій Густавъ Адольфовичъ (августъ 1890—августъ 1892 г.).
8. Желенинъ Макарій Александровичъ (августъ 1890—августъ 1892 г.).
9. Шмидтъ Антоній Владиславовичъ (августъ 1892—іюль 1895 г.).
10. Бѣлявскій Владиміръ Ивановичъ (августъ 1892—августъ 1894 г.).

11. Тюфяевъ Владиміръ Александровичъ (сентябрь 1894—августъ 1895 г.).
12. Угрюмовъ Димитрій Васильевичъ (августъ 1895—августъ 1907 г.).

Надзиратели за приходящими учениками

(съ 1871 г.—помощники классныхъ наставниковъ).

1. Возницынъ Аполлонъ Алексѣевичъ (іюнь 1838 г.—іюнь 1847 г.).
2. Нарбековъ Иванъ Гавриловичъ (іюль 1848 г.—октябрь 1863 г.).
3. Сомовъ Владиміръ Михайловичъ (ноябрь 1863 г.—ноябрь 1867 г.).
4. Дегтяревъ Константинъ Михайловичъ (ноябрь 1867 г.—мартъ 1879 г.).
5. Кондратовъ Владиміръ Ивановичъ (августъ 1870 г.—августъ 1872 г.).
6. Завьяловъ Михаилъ Павловичъ (августъ 1872 г.—августъ 1875 г.).
7. Соколовъ Николай Димитріевичъ (августъ 1875 г.—августъ 1877 г.).
8. Нарбековъ Викторъ Ксенофонтовичъ (августъ 1877 г.—августъ 1878 г.).
9. Фабіанъ Кириллъ Александровичъ (августъ 1878 г.—май 1879 г.).
10. Соколовъ Николай Алексѣевичъ (маі 1879 г.—ноябрь 1898 г.).
11. Ставровскій Николай Никаноровичъ (октябрь 1879 г.—іюнь 1889 г.).
12. Булыгинъ Михаилъ Павловичъ (январь—іюнь 1887 г.).
13. Масловъ Леонидъ Іоасафовичъ (августъ 1887—сентябрь 1891 г.).
14. Федотьевъ Владиміръ Степановичъ (іюнь 1889—іюнь 1894 г.).
15. Поповъ Иванъ Ивановичъ (іюль 1891—августъ 1893 г.)
16. Остроумовъ Алексѣй Ивановичъ (августъ 1893—октябрь 1897 г.).
17. Казанскій Александръ Васильевичъ (августъ 1894—октябрь 1895 г.).

18. Ширскій Иванъ Александровичъ (съ октября 1895 г.).
19. Папарукъ Михаилъ Ивановичъ (ноябрь 1897 — іюль 1898 г.).
20. Нечаевъ-Лебедевъ Павелъ Яковлевичъ (съ іюля 1898 г.).
21. Златовратскій Викторъ Андреевичъ (ноябрь 1898—октябрь 1901 г.).
22. Ковинъ Александръ Михайловичъ (октябрь 1901—декабрь 1903 г.).

Комнатные надзиратели пансіона

(съ 1865 г.—воспитатели).

1. Ульрихъ Θеодоръ Карловичъ (августъ 1841—умеръ въ іюлѣ 1847 г.).
2. Генніхъ Егоръ Ивановичъ (августъ 1841—іюль 1842 г.).
3. Боданскій Алексѣй Леопольдовичъ (августъ 1841—февраль 1852 г.).
4. Шульцъ Карлъ Ивановичъ (іюль 1842—май 1849 г.).
5. Грейлихъ Генрихъ Ивановичъ (августъ 1843 — іюль 1863 г.).
6. Россіусъ Эдуардъ Ивановичъ (декабрь 1846 — ноябрь 1848 г.).
7. Димитріевъ Θеодоръ Димитріевичъ (октябрь 1849—декабрь 1852 г.).
8. Россіусъ Александръ Ивановичъ (мартъ 1848—ноябрь 1849 г.).
9. Лазарь Андрей Ивановичъ (февраль 1850—умеръ въ маѣ 1850 г.).
10. Чижовъ Иванъ Григорьевичъ (октябрь 1850—январь (?) 1852 г.).
11. Шнейдеръ Николай Венделиновичъ (январь 1852—февраль 1862 г.).
12. Готшалькъ Юліанъ Матвѣевичъ (мартъ 1852—декабрь 1852 (?) г.).
13. Шольцъ Александръ Θеодоровичъ (сентябрь 1852—іюнь 1853 г.).
14. Арнштамъ Павелъ Петровичъ (декабрь 1852—мартъ 1859 г.).
15. Лыткинъ Константинъ Петровичъ (сентябрь 1853—іюль 1865 г.).

16. Мейеръ Иванъ Ивановичъ (ноябрь 1854—іюль 1861 г.).
17. Кудряшовъ Николай Николаевичъ (февраль 1862—декабрь 1863 г.).
18. Бобылевъ Константинъ Константиновичъ (августъ 1863—февраль 1866 г.).
19. Шуманъ Густавъ Христофоровичъ (декабрь 1863—августъ 1864(?) г.).
20. Линке Робертъ (августъ 1864—апрѣль 1865 г.).
21. Петровъ Василій Өеодоровичъ (апрѣль 1865—августъ 1867 г.).
22. Соколовъ Тимоөей Аөиногеновичъ (іюль 1865—декабрь 1868 г.).
23. Сомовъ Владиміръ Михайловичъ (октябрь 1864—сентябрь 1865 г.)
24. Гиршъ Михаилъ Карловичъ (августъ 1865—октябрь 1867 г.).
25. Сомовъ Владиміръ Михайловичъ (февраль 1866—октябрь 1867 г.).
26. Никифоровъ Аполлинарій Никифоровичъ (ноябрь 1867—августъ 1870 г.).
27. Рудаковъ Михаилъ Ивановичъ (сентябрь 1867—декабрь 1868 г.).
28. Варавва Михаилъ Петровичъ (ноябрь 1868—май 1869 г.).
29. Дегтяревъ Константинъ Михайловичъ (августъ 1870—августъ 1871 г.).
30. Цвѣтаевъ Алексѣй Александровичъ (августъ 1869—сентябрь 1871 г.).
31. Карабиновъ Николай Михайловичъ (августъ 1870—сентябрь 1875 г.).
32. Кондратовъ Владиміръ Ивановичъ (октябрь 1870—августъ 1872 г.).
33. Гиляревскій Флегонтъ Ивановичъ (сентябрь 1871—августъ 1872 г.).
34. Соколовъ Николай Димитріевичъ (сентябрь 1872—сентябрь 1875 г.).
35. Боле Мартинъ Степановичъ (августъ 1875—августъ 1876 г.).
36. Сѣдлакъ Іосифъ Матвѣевичъ (августъ 1875—февраль 1877 г.).

37. Завьяловъ Михаилъ Павловичъ (январь 1876—январь 1877 г.).
38. Херасковъ Михаилъ Ивановичъ, свящ. (октябрь 1876—іюнь 1878 г.).
39. Бѣлянкинъ Алексѣй Алексѣевичъ (январь 1877—іюнь 1885 г.).
40. Чернышевъ Василій Θеодоровичъ (февраль 1877—январь 1878 г.).
41. Чеховичъ Семенъ Степановичъ (январь 1878—октябрь 1879 г.).
42. Нарбековъ Викторъ Ксенофонтовичъ (августъ 1878—іюль 1882 г.).
43. Сѣдлакъ Іосифъ Матвѣевичъ (октябрь 1879—іюнь 1881 г.).
44. Адольфъ Андрей Викентьевичъ (іюнь 1881—сентябрь 1883 г.).
45. Казанскій Александръ Васильевичъ (съ августа 1882 г.).
46. Успенскій Александръ Ивановичъ (сентябрь 1883—іюнь 1887 г.).
47. Устенко Тимоѳей Θеодоровичъ (августъ 1885—сентябрь 1896 г.).
48. Зевинъ Гавріилъ Константиновичъ (августъ—декабрь 1887 г.).
49. Дихеусъ Карлъ Карловичъ (январь 1888—августъ 1891 г.).
50. Березовскій Юліанъ Антоновичъ (сентябрь 1891—августъ 1895 г.).
51. Страховъ Петръ Николаевичъ (августъ 1895—августъ 1897 г.).
52. Березовскій Юліанъ Антоновичъ (съ сентября 1896 г.).
53. Чамовъ Николай Александровичъ (и. д. съ августа 1897 г.).
54. Пузицкій Василій Андреевичъ (и. д. съ августа 1900 г.—по январь 1902 г.).
55. Приклонскій Николай Семеновичъ (и. д. съ января 1902 г.—по январь 1903 г.).
56. Никольскій Николай Семеновичъ (и. д. съ января 1903 г.).

Экономы пансіона.

1. Лаврентьевъ Александръ Ивановичъ, поруч. (1841—1846 г.).
2. Шульцъ Карлъ Ивановичъ, и. д., надзир. панс. (1846—1849 г.).
3. Мальковъ Никифоръ Ивановичъ, поруч. (1849—1855 г.).
4. Грейлихъ Генрихъ Ивановичъ, и. д., надз. пан. (1855—1857 г.).
5. Костыревъ Иванъ Васильевичъ (октябрь 1857 г.—декабрь 1866 г.).
6. Сомовъ Владиміръ Михайловичъ, и. д., надзир. (декабрь 1866 г.—октябрь 1867 г.).
7. Заведеевъ Григорій Александровичъ, и. д (октябрь 1867 г.—мартъ 1880 г.).
8. Соколовъ Николай Алексѣевичъ, и. д. (мартъ 1880 г.—декабрь 1885 г.).
9. Полянскій Павелъ Григорьевичъ (январь 1886 г.—августъ 1887 г.).
10. Успенскій Николай Ильичъ, и. д. (августъ 1887 г.—январь 1903 г.).
11. Кононенко Антонъ Григорьевичъ, и. д. (январь—февраль 1903 г.).
12. Веселовъ Θеодосій Ивановичъ, и. д. (съ февраля 1903 г.)

Врачи пансіона и гимназіи.

1. Канацинскій Владиміръ Васильевичъ (августъ 1841 г., умеръ въ августѣ 1858 г.).
2. Александровъ Иванъ Павловичъ (августъ 1858 г.—сентябрь 1861 г.).
3. Родде Карлъ Александровичъ (съ апрѣля по сентябрь 1862 г.).
4. Толпегинъ Уаръ Алексѣевичъ (сентябрь 1862 г., умеръ въ іюнѣ 1884 г.).
5. Якубовскій Радзиславъ Ивановичъ (іюнь 1884 г.—октябрь 1891 г.).
6. Васильевъ Димитрій Ивановичъ (ноябрь 1891 г.—іюнь 1895 г.).
7. Воскресенскій Николай Павловичъ (іюль 1895 г.—іюль 1907 г.).

Письмоводители

(дирекціи училищъ—до 1874 г., послѣ—гимназіи).

1. Лебедевъ Александръ Степановичъ (августъ 1833 г.—сентябрь 1834 г.).
2. Орловъ Андрей Алексѣевичъ (сентябрь 1834 г.—декабрь 1840 г.).
3. Дмитревскій Павелъ Димитріевичъ (январь 1842 г.—май 1844 г.).
4. ф. Кноблохъ Николай Карловичъ (и. д. май 1844 г.—іюль 1850 г.).
5. Заведеевъ Григорій Александровичъ (съ 17 іюля 1850 г.).

Примѣчаніе. Съ декабря 1840 г. по январь 1842 г. временно исправлялъ должность письмоводителя бухгалтеръ ф. Кноблохъ.

Бухгалтеры.

1. Шервинскій Кондратій Михайловичъ (іюнь 1835 г.—іюль 1839 г.).
2. ф.-Кноблохъ Николай Карловичъ (іюль 1839 г.—мартъ 1853 г.).
3. Соловьевъ Павелъ Марковичъ (августъ 1855 г.—февраль 1865 г.).
4. Травчатовъ Алексѣй Леонтьевичъ (май 1871 г.—январь 1876 г.).
5. Заведеевъ Григорій Александровичъ (съ февраля 1876 г.).

Примѣчаніе. Съ марта 1853 г. по августъ 1855 г. и съ февраля 1865 г. по май 1871 г. должность бухгалтера исправлялъ письмоводитель Г. А. Заведеевъ.

Писцы.

1. Ilаріоновъ Александръ (1833—1835 ?).
2. ф.-Кноблохъ Николай Карловичъ (1835—1839 ?).
3. Тумскій Петръ Ивановичъ (1839—1840 г.).
4. Заведеевъ Григорій Александровичъ (1842—1850 г.).
5. Соловьевъ Павелъ Марковичъ (1850—1855 г.).

6. Дмитревскій Василій Макаровичъ (1856—1858 г.).
7. Колзаковъ Яковъ Евгеньевичъ (1858—1867 г.).
8. Лучковскій Василій Никодимовичъ (1867—1869 ?).
9. Роборовскій Николай Ивановичъ (1869).
10. Ливановъ Ѳеодоръ Ивановичъ (1869—1871 г.).
11. Лаврентьевъ Димитрій Андреевичъ (1871—1879 г.).
12. Сокольскій Александръ Герасимовичъ (1879—1889 г.).
13. Александровъ Михаилъ Степановичъ (съ марта 1889 г.).

СПИСОКЪ

учениковъ, окончившихъ курсъ во Владимірской губернской гимназіи.

1834.

1. Дмитревскій Николай.
2. Палицынъ Авдей.
3. Тюринъ Николай.

1835.

1 Благовѣщенскій Василій.
2. Зайцевъ Петръ съ серебряной медалью.
3. Лекторскій Александръ.
4. Павловъ Ростиславъ съ серебр. медалью.

1836.

1. Андреевъ Александръ.
2. Благовѣщенскій Владиміръ.
3. Заведеевъ Василій.
4. Тюринъ Яковъ.
5. Языковъ Андрей.

1837.

1 Алексинскій Семенъ.
2. Ивановъ Владиміръ.
3. Калайдовичъ Петръ.
4. Касаткинъ Иванъ.
5. Лекторскій Петръ.
6. Ѳедосѣевъ Василій.

1838.

1. Благовѣщенскій Николай.
2. Булыга Іларіонъ.
3. Ивановъ Николай.
4. Сахаровъ Александръ.
5. Экземплярскій Николай.

1839.

1. Андросовъ Петръ
2. Константиновъ Николай.
3. Сіонскій Василій.

1840.

1. Іорданскій Александръ.
2. Кандидовъ Василій.
3. Новожиловъ Ѳеодоръ.

1841.

1. Бѣлоглазовъ Виссаріонъ.
2. Ракушинъ Александръ.
3. Розовъ Александръ—съ серебряной медалью.
4. Сахаровъ Николай.
5. Степановъ Михаилъ—съ серебряной медалью.

1842

1. Гавриловъ Димитрій.
2. Давыдовъ Александръ.

1843.

1. Дмитріевъ Александръ.
2. Лупандинъ Илья.
3. Роборовскій Петръ.

1844.

1. Доброхотовъ Михаилъ.
2. Ерлыковъ Василій.
3. Ивановъ Николай.

4. Іорданскій Михаилъ.
5. Татариновъ Петръ.

1845.

1. Богдановъ Николай.
2. Бубновъ Иванъ.
3. Гавриловъ Николай.
4. Дмитріевъ Димитрій.
5. Михайловъ Василій
6. Сахаровъ Сергѣй.
7. Сѣркинъ Михаилъ.

1846.

1. Васильевъ.
2. Возницынъ Николай
3. Кидошенко Николай.
4. Колышкинъ Макаръ.
5. Комновъ Владиміръ.
6. Лупандинъ Димитрій.
7. Шелеповъ Михаилъ.

1847.

1. Дубенскій—медаль сер., 14-й кл.
2. Калалинъ.
3. Корицкій.
4. Курнаевъ.
5. Павловъ.
6 Рогожинъ.
7. Розановъ.
8. Сиротинскій.
9. Сухоручкинъ Иванъ—медаль сер., 14-й кл.
10. Сухоручкинъ Петръ.

1848.

1. Бергъ Өеодоръ.
2. Дмитріевъ Александръ.
3. Дружининъ Николай.
4. Дубенскій Евграфъ.
5. Изновскій Иванъ.
6. Кислинскій Димитрій—съ золотой мед.
7. Красюкъ Димитрій.

8. Лебедевъ Иванъ—съ серебр. мед.
9. Петровъ Викторъ.
10. Роборовскій Павелъ.
11. Толпегинъ Уаръ.
12. Цвиленевъ Николай.
13. Черневскій Петръ.
14. Шевичъ Василій.

1849.

1. Александровскій Александръ.
2. Гертинъ Димитрій.
3. Дурасовъ Петръ
4. Ивановъ Вячеславъ.
5. Константиновъ Константинъ.
6. Корниловъ Аполлонъ.
7. Никановичъ Викторъ.
8. Смирновъ Василій.

1850.

1. Блудовъ Василій.
2. Блудовъ Константинъ.
3. Брюховъ Николай.
4. Вечесловъ Николай.
5. Касаткинъ Константинъ.
6. Куломзинъ Семенъ.
7. Миропольскій Сергѣй.
8. Никановичъ Николай.
9. Николаевъ Александръ—серебр. мед.
10. Сальмановичъ Петръ—серебр. мед.
√ 11. Столѣтовъ Николай—золотая мед.
12. Воробьевъ Николай.

1851.

1. Бартеневъ Леонидъ.
2. Брюховъ Михаилъ.
3. Веселовскій Владиміръ.
V 4. Вихляевъ Александръ.
5. Дружининъ Аполлонъ.
6. Дубенскій Александръ.
7. Зьяловъ Өеодоръ.
8. Ивановъ.
9. Иконниковъ Владиміръ.
10. Кузнецовъ Ферапонтъ.

11. Кузьминъ Александръ.
12 Курнаевъ.
13. Ложкинъ Владиміръ
14. Ляпинъ Александръ.
15. Михайловъ Николай
16. Панфиловъ Иванъ.
17. Романовскій Иванъ—золотая медаль.
18. Смирновъ Алексѣй.
19. Соловьевъ Алексѣй.
20. Сюсюковъ Николай.
21. Танковъ Николай.
22. Фирсовъ Василій.—серебр. мед.
23. Френевъ.
24. Шинаковъ Виссаріонъ.

1852.

1. Безсоновъ.
2. Васильевъ.
3. Волковъ.
4. Гофманъ Адріанъ.
5. Дружининъ
6. Калеминъ.
7. Кислинскій—серебр. медаль.
8. Кошанскій—золотая медаль.
9. Лебедевъ—серебр. медаль.
10. Рѣзвовъ.
11 Солярскій.
12. Сомовъ.
13. Сперанскій.
14. Станкевичъ.

1853.

1. Аляевъ.
2 Бенедиктовъ.
3. Дмитріевъ—серебр. мед.
4. Дурасовъ—золотая мед.
5. Ивановъ.
6. Иконниковъ.
7. Константиновъ.
8. Коссовичъ Смарагдъ—серебр. мед.
9. Корсаковъ.
10. Красновъ.
11. Любимовъ.
12. Николаевъ—серебр. мед
13 Никулинъ.

1854.

1. Барсовъ Павелъ—серебр. мед.
2. Брюховъ Николай
3. Высокосовъ Иванъ
4. Гриничъ Григорій.
5. Ивановъ Павелъ.
6. Лазаревъ Аркадій.
7. Лихачевъ Михаилъ—золотая мед.
8. Соймоновъ Алексѣй.
9. Сохановскій Михаилъ.
10. Толстой Владиміръ.
11. Цвиленевъ Михаилъ.

1855

1. Волковъ Николай.
2. Всеволожскій Григорій.
3. Камневъ Леонидъ.
4. Коссовичъ Платонъ.
5. Красенскій Андрей.
6. Кузьминскій Андрей.
7. Лазаревъ Семенъ
8. Новиковъ Сергѣй.
9. Покровскій Валентинъ—золотая мед.
10. Рангъ Аркадій—серебр. мед.
11. Рязанцевъ Петръ.
12. Стратилатовъ Николай.
13. Троицкій Павелъ.
14. Федотовъ Николай—серебр. мед.

1856.

1. Александровъ Николай.
2. Ильинскій Димитрій—серебр. мед.
3. Лялинъ Николай.
4. Парскій Леонидъ—серебр. мед.
5. Поливановъ Владиміръ.
6. Прозоровскій Аркадій.
7. Ремезовъ Димитрій
8. Рюминскій Александръ.
9. Столѣтовъ Александръ—золотая мед.
10. Шестаковъ Николай.

1857.

1. Андреевскій.
2. Безобразовъ.
3. Зенкевичъ.
4. Коссовичъ Александръ.
5. Маньковъ Владиміръ.
6. Михайловъ.
7. Москвинъ
8. Пѣвицкій.
9. Роговскій.
10. Романовскій Павелъ
11. Смирновъ Николай
12. Смирновъ Сергѣй.
13. Философовъ—серебр. мед.

1858.

1. Аермонскій Алексѣй—серебр. медаль.
2. Бѣловъ Павелъ.
3. Гарицкій Иванъ.
4. Гериитъ Владиміръ—золотая медаль.
5. Качіони Михаилъ.
6. Кишкинъ Николай.
7. Колзаковъ Яковъ.
8. Кудрявцевъ Павелъ.
9. Кутеповъ Александръ.
10. Мартыновъ Николай—золотая медаль.
11. Михайловъ Константинъ.
12. Невѣдомскій Михаилъ.
13. Райковъ Евгеній.
14. Успенскій Константинъ.
15. Шульгинъ Павелъ.

1859.

1. Аѳиновъ.
2. Дьяконовъ.
3. Кузьминскій.
4. Кутанинъ.
5. Макаровъ.
6. Миропольскій.
7. Никольскій.
8. Розановъ.
9. Танковъ
10. Фигуровскій.

1860.

1. Барсовъ Александръ— серебр. мед.
2. Всеволожскій Александръ.
3. Вышкинъ Александръ.
4. Кишкинъ Николай
5. Красильниковъ Николай.
6. Николаевъ Петръ—серебр. мед.
7. Павловъ Николай
8. Ремезовъ Константинъ.
9. Соколовъ Николай.
10. Спичевъ Николай—серебр. мед.
11. Трофимовъ Димитрій.

1861.

1. Баташевъ Василій.
2. Бѣльскій Василій.
3. Возницынъ Алексѣй.
4. Ивановъ Иванъ.
5. Кишкинъ Владиміръ.
6. Критскій Александръ.
7. Куткинъ Клавдій.
8. Лебле Михаилъ.
9. Петровскій Андрей.
10. Станкевичъ Николай.
11. Столѣтовъ Димитрій—серебр. мед.

1862.

1. Бѣлявскій Василій
2. Делекторскій Николай.
3. Ивановъ Александръ.
4. Кедринъ Константинъ—золотая мед.
5. Миролюбовъ Александръ.
6. Никитинъ Петръ.
7. Сперанскій Николай.
8. Тихоновъ Николай.

1863.

1. Алалыкинъ Валерьянъ.
2. Богуславскій Николай.
3. Заведеевъ Василій.
4. Корякинъ Сергѣй.
5. Косатскій Павелъ.

6. Перфильевъ Ардаліонъ.
7. Смирновъ Алексѣй.
8. Смирновъ Владиміръ.
9. Сокольскій Николай.
10. Танѣевъ Павелъ.
11. Харизоменовъ Александръ
12. Шестаковъ Николай.
13. Щелканъ Сергѣй.

1864.

1. Громовъ.
2. Дмитріевъ.
3. Зефировъ.
4. Златовратскій
5. Кочегаровъ.
6. Надеждинъ.
7. Никитинъ Александръ—золотая мед.
8. Никитинъ Андрей.
9. Остроумовъ.
10. Парковъ.
11. Розановъ
12. Снятинскій
13. Соколовъ.
14. Храпицкій.
15. Языковъ.

1865.

1. Аляевъ.
2. Барсовъ.
3. Бейзертъ.
4. Кишкинъ.
5. Корякинъ Левъ.
6. Корякинъ Митрофанъ.
7. Ларинъ.
8. Маньковъ.
9. Миролюбовъ.
10. Никитинъ.
11. Остроумовъ.
12. Соколовъ—золотая медаль.
13. Спекторскій.
14. Тальшинъ.
15. Ѳеодоровъ.

Стороннее лицо:

Обтяжной Николай.

1866.

1. Алякринскій.
2. Борейшъ.
3. Доброхотовъ.
4. Кувшиновъ.
5. Кузнецовъ.
6. Лыткинъ Димитрій.
7. Макаровъ.
8. Мѣловъ.
9. Надеждинъ Николай.
10. Розовъ
11. Семеновъ.
12. Шульгинъ.

Соколовъ.

Стороннія лица:

Дубасовъ.
Кувшиновъ.
Надуткинъ.

1867.

1 Андреевъ.
2. Миролюбовъ.
3. Петровъ.
4. Сергѣевъ.
5. Цвѣтаевъ.

---

1. Благовѣщенскій.
2. Карабановъ.
3. Корякинъ.
4. Ленчевскій.
5. Несытовъ.
6. Прозоровъ.
7. Прокудинъ.

Стороннія лица:

Баулинъ.
Гомишевскій
Сычевъ.

1868.

1. Духовской.
2. Егоровъ.
3. Іорданскій.
4. Ключаревъ.
5. Лисовскій—серебр. медаль.
6. Лыткинъ Петръ.
7. Померанцевъ.
8. Сергѣевъ.

Александровъ.
Спичевъ.

Стороннее лицо:

Александровъ Андрей.

1869.

1. Аляевъ.
2. Гладковъ.
3. Дмитріевъ.
4. Ждановъ.
5. Казанскій.
6. Кашинцевъ.
7. Корякинъ.
8. Михайловъ.
9. Романовскій.
10. Смирновъ.
11. Сперанскій.

Стороннія лица:

Александровъ Владиміръ.
Сѣржинскій Александръ.

1870.

1. Алексинскій Алексѣй—золотая медаль.
2. Андреевскій Алексѣй.
3. Богдановичъ Иванъ.
4. Домашневъ Николай.
5. Лисовскій Кузьма.
6. Лыткинъ Николай.
7. Переслѣгинъ Михаилъ.
8. Пермяковъ Михаилъ.
9. Тихомѣровъ Александръ.

Морозовъ Николай.

1871.

1. Богуславскій Александръ.
2. Давыдовъ Александръ.
3. Ждановъ Василій.
4. Полянскій Михаилъ.
5. Сизовъ Павелъ.
6. Хрѣновъ Александръ

Куроѣдовъ Александръ.

Стороннее лицо:

Мельниковъ Михаилъ.

1872.

Не было.

1873.

1. Бумагинъ Сергѣй.
2. Зворыкинъ Николай—золотая медаль.
3. Смирновъ Николай.

Стороннее лицо:

Клейненбергъ Владиміръ.

1874.

1. Александровъ Ѳеодоръ.
2. Барановъ Илья.
3. Бобровъ Василій.
4. Ѳаворскій Евгеній.

Стороннее лицо:

Клевцовъ Илья.

1875.

1. Алявдинъ Павелъ.
2. Кашинцевъ Григорій.
3. Кудрявцевъ Николай.
4. Лекторскій Александръ.
5. Орловъ Александръ.
6. Полянскій Павелъ.

Стороннее лицо:

Лавровъ Николай.

1876.

1. Бабыкинъ Николай.
2. Зайцевъ.
3. Знаменскій Константинъ.
4. Кнушевицкій Александръ.
5. Ложкинъ Николай.
6. Любимовъ Петръ.

Стороннее лицо:

Бокастовъ Сергѣй.

1877.

1. Аппельбергъ Орестъ.
2. Бычковскій Валентинъ.
3. Виноградовъ Михаилъ.
4. Ерасси Владиміръ.

5. Кудрявцевъ Николай.
6. Невскій Николай.
7. Орловъ Владиміръ.

Стороннее лицо:

Шульгинъ Александръ.

1878.

1. Архангельскій Сергѣй.
2. Аршеневскій Василій.
3. Волковъ Андрей.
4. Егоровъ Аркадій.
5. Костенецкій Алексѣй.
6. Крыловъ Петръ.
7. Сахаровъ Григорій.
8. Синевъ Михаилъ.

1879.

1. Аппельбергъ Руфъ.
2. Дубницкій Николай.
3. Зевинъ Гавріилъ.
4. Надеждинъ Александръ.
5. Невскій Алексѣй
6. Оранскій Василій.
7 Романовъ Михаилъ—серебр. медаль.
8. Рыбкинъ Николай—золотая медаль.
9. Степановъ Николай.

1880.

1. Аляевъ Александръ
2. Богдановъ Петръ—серебряная мед.
3. Жарновъ Сергѣй.
4. Киселевъ Василій.
5. Кривошея Сергѣй.
6. Малченко Василій.
7. Смирягинъ Сергѣй.
8. Толмачевъ Анатолій.

1881.

1. Гвоздевъ Алексѣй.
2. Жудро Николай
3. Ивановъ Алексѣй—**золотая медаль.**
4. Култашевъ Александръ.
5. Лебедевъ Александръ—**серебр. мед.**
6. Павловскій Николай.
7. Ушинскій Николай.
8. Харизоменовъ Михаилъ.
9. Херасковъ Николай.

Стороннія лица:

Виноградовъ Александръ.
Лебедевъ Өеодоръ.

1882.

1. Благонравовъ Николай.
2. Велентѣй Николай.
3. Гвоздевъ Владиміръ.
4. Дѣловъ Василій.
5. Дѣловъ Николай.
6. Жудро Владиміръ.
7. Казанскій Сергѣй.
8. Кирилловъ Павелъ.
9. Крыловъ Владиміръ.
10. Кузнецовъ Григорій
11. Наумовъ Сергѣй.
12. Павлиновъ Николай.
13. Полянскій Алексѣй.
14. Семеновъ Николай.
15. Семеновъ Петръ.
16. Стромиловъ Петръ.
17. Чижовъ Евгеній.

Стороннія лица:

Овчининскій Николай.
Покровскій Николай.
Поспѣловъ Александръ.

1883.

1. Боровецкій Николай.
2. Буяковичъ Владиміръ
3. Бычковскій Леонидъ.
4. Калабинъ Филаретъ.
5. Кудрявцевъ Григорій.
6. Лапотниковъ Андрей.
7. Львовъ Иванъ.
8. Протодьяконовъ Николай
9. Сизовъ Василій.
10. Смирновъ Георгій.

Стороннія лица:

Архангельскій Николай.
Воиновъ Владиміръ.
Покровскій Платонъ.

1884.

1. Альбовъ Николай.
2. Воскресенскій Василій.
3. Григорьевъ Михаилъ.
4. Знаменскій Николай—**серебряная медаль.**
5. Князевъ Василій—серебр. **мед.**
6. Козловъ Өеодоръ.
7. Комлевъ Димитрій.
8. Павловъ-Русиновъ Николай.
9. Титовъ Алексѣй.
10. Шестеринъ Сергѣй.

Стороннія лица:

Архангельскій Петръ.
Введенскій Петръ.
Сперанскій Иванъ.
Харизоменовъ Ксенофонтъ.

1885.

1. Введенскій Яковъ.
2. Вольнинъ Давидъ.
3. Листратовъ Николай.
4. Мартыновъ Александръ.

5. Пагурскій Сергѣй.
6. Правиковъ Николай.
7. Смирновъ Петръ.

Стороннія лица:

Молчановъ Михаилъ
Овчининскій Владиміръ

1886

1. Бальмонтъ Константинъ.
2. Болотовъ Петръ.
3. Бондаревъ Андрей.
4. Воиновъ Григорій.
5. Дербинъ Иванъ.
6. Жоховскій Фортунатъ.
7. Жудро Сергѣй.
8. Кардовскій Димитрій.
9. Лупандинъ Александръ
10. Овсянниковъ Николай
11. Преображенскій Александръ.
12. Фрязиновъ Николай
13. Херасковъ Павелъ.
14. Юдицкій Сергѣй

1887.

1. Бѣляевъ Капитонъ.
2. Доброхотовъ Петръ.
3. Кишкинъ Александръ.
4. Ланшинъ Николай.
5. Несмѣяновъ Николай—золотая медаль.
6. Предтеченскій Василій.
7. Преображенскій Алексѣй.
8. Щегловъ Алексѣй.

1888.

1. Власовъ Алексѣй.
2. Климовъ Василій.
3. Кобылкинъ Василій.
4. Недешевъ Аркадій.
5. Предтеченскій Сергѣй.
6. Тихоновъ Михаилъ.

7. Угрюмовъ Александръ.
8. Филаретовъ Андрей.

1889.

1. Барашковъ Константинъ.
2. Борисовъ Харитонъ.
3. Ермаковъ Василій.
4. Жудро Михаилъ.
5. Іорданскій Николай.
6. Кокошкинъ Өеодоръ—золотая медаль
7. Малининъ Сергѣй—серебряная медаль.
8. Молчановъ Василій—золотая медаль.
9. Поспѣловъ Евгеній
10. Соколовъ Владиміръ.

1890.

1. Воскресенскій Николай.
2. Дубровскій Евгеній.
3. Залуговскій Петръ.
4. Звѣревъ Николай—серебр. мед.
5. Крыловъ Николай
6. Кудравцевъ Аполлонъ.
7. Лейберъ Павелъ.
8. Лопатиновъ Василій.
9. Розакутинъ Николай.
10. Соколовъ Николай.
11. Трегубовъ Сергѣй.
12. Хватовъ Николай.

Стороннее лицо:

Киселевъ Козьма

1891.

1. Булыгинъ Сергѣй.
2. Бѣльскій Николай
3. Егоровъ Петръ.
4. Износковъ Димитрій
5. Исаковъ Иванъ.
6. Каракозовъ Николай.
7. Кокошкинъ Владиміръ.
8. Лупандинъ Сергѣй.

9. Малининъ Николай.
10. Николинъ Яковъ—золотая медаль.
11. Райскій Алексѣй.
12. Ромейковъ Сергѣй.
13. Смирновъ Николай.
14. Явдынскій Юліанъ.

1892.

1. Гойденко Григорій.
2. Добровольскій Димитрій.
3. Звѣревъ Владиміръ.
4. Іорданскій Николай.
5. Лебедевъ Александръ.
6. Липеровскій Александръ.
7. Миславскій Павелъ.
8. Орлицкій Оскаръ.
9. Пышкинъ Владиміръ.
10. Ромейковъ Александръ.
11. Тухолка Сергѣй—серебр. медаль.
12. Шагинъ Александръ.
13. Шелеповъ Владиміръ.

1893.

1. Баневичъ Мечиславъ.
2. Воскресенскій Николай.
3. Маньковъ Владиміръ.
4. Мейеръ Владиміръ.
5. Никитинъ Борисъ.
6. Романовскій Василій.
7. Рышковъ Николай
8. Сергіевскій Михаилъ.
9. Тухолка Владиміръ.

1894.

1. Бѣлоцвѣтовъ Сергѣй—серебр. медаль
2. Виноградовъ Константинъ.
3. Всеволожскій Петръ.
4. Голубевъ Николай.
5. Исаковъ Сергѣй.
6. Кашинъ Николай.
7. Крыловъ Леонидъ.
8. Орловъ Василій.
9. Сазановъ Ерофей.

10. Шелковниковъ Николай
11. Щегловъ Иванъ.

1895.

1. Ащеуловъ Павелъ. Артеуловъ
2. Голубевъ Николай.
3. Капацинскій Константинъ.
4. Козловъ Алексѣй.
5. Лейбергъ Александръ.
6. Лерхъ Александръ.
7. Львовъ Владиміръ.
8. Ромодановскій Ардальонъ.
9. Сперанскій Михаилъ
10. Стржембошъ Алонзій--Владиславъ.
11. Талызинъ Николай.
12. Терепинъ Валеріанъ.
13. Тихомировъ Николай.

1896.

1. Губскій Николай—серебр. медаль.
2. Дилигенскій Александръ.
3. Жинкинъ Владиміръ.
4. Жоховскій Вячеславъ.
5. Кишкинъ Борисъ
6. Козловъ Василій
7. Лерхъ Владиміръ—золотая медаль.
8. Лерхъ Иванъ.
9. Миленгаузенъ Карлъ.
10. Прозоровскій Аркадій.
11. Силуяновъ Сергѣй.
12. Соколовъ Сергѣй
13. Тихомировъ Александръ.
14. Ястребовъ Василій.

1897.

1. Боровецкій Николай.
2. Вознесенскій Николай - серебрян. медаль.
3. Голубевъ Борисъ—серебрян. медаль.
4. Друговъ Анатолій.
5. Жилинъ Иванъ
6. Исаковъ Андрей.
7. Кирпичниковъ Сергѣй – серебрян. медаль.
8. Орлицкій Альбертъ.

9. Палицынъ Владиміръ.
10. Ромейковъ Иванъ.
11. Ромодановскій Николай.
12. Филипповскій Павелъ.
13. Яковлевъ Михаилъ.

Стороннее лицо:

Абрикосовъ Хрисанѳъ.

1898.

1. Абакумовскій Владиміръ.
2. Агапитовъ Николай.
3. Безпаловъ Андрей.
4. Голубевъ Викторъ
5. Гумовскій Антонъ.
6. Доброхотовъ Борисъ.
7. Ермаковъ Павелъ.
8. Капацинскій Леонидъ.
9. Парковъ Николай.
10. Смирновъ Николай
11. Терениyъ Михаилъ.
12. Фуфаевскій Иванъ.
13. Ѳедоровскій Илья.

1899.

1. Антоновъ Константинъ.
2. Бѣлянкинъ Константинъ.
3. Зенкевичъ Александръ.
4. Каташовъ Василій.
5. Козловъ Николай.
6. Колтыпинъ Сергѣй.
7. Селивановъ Димитрій.
8. Семенихинъ Сергѣй.
9. Сизовъ Рафаилъ.
10. Танковъ Александръ.
11. фонъ-Визенъ Карлъ.
12. Черневскій Валентинъ.

1890.

1. Александровъ Андрей.
2. Благовѣщенскій Василій.

3. Благовѣщенскій Николай.
4. Благонравовъ Ѳеодоръ.
5. Воронинъ Леонидъ.
6. Жинкинъ Александръ.
7. Іорданскій Михаилъ.
8. Кирпичниковъ Викторъ.
9. Кременецкій Борисъ.
10. Лавровъ Борисъ.
11. Нарбековъ Николай.
12. Панковъ Василій.
13. Полетико Василій.
14. Полуэктовъ Александръ.
15. Предтеченскій Владиміръ.
16. Ромейковъ Георгій.
17. Сизовъ Павелъ—съ серебряной медалью.
18. Тюриковъ Михаилъ.
19. Яновичъ Даніилъ.

1901.

1. Альбицкій Александръ.
2. Алякринскій Модестъ.
3. Архангельскій Борисъ.
4. Бѣлоглазовъ Константинъ.
5. Воронинъ Алексѣй.
6. Граменицкій Михаилъ.
7. Дюбюкъ Александръ.
8. Евгеновъ Андрей.
9. Еленевскій Сергѣй
10. Крюковъ Александръ.
11. Львовъ Николай.
12. Ляндсбергъ Эдуардъ.
13. Мыльниковъ Александръ.
14. Невскій Иванъ—съ серебряной медалью.
15. Орлеанскій Александръ.
16. Паули Яковъ.
17. Петровскій Евгеній.
18. Рангъ Евгеній.
19. Рождественскій Сергѣй. — Петровичъ
20. Саваренскій Ѳеодоръ.
21. Скоровъ Александръ.
22. Соковнинъ Владиміръ
23. Тюремновъ Сергѣй.
24. Цвиленевъ Алексѣй.

1902.

1. Бѣлянкинъ Борисъ.
2. Гершманъ Іосель.
3. Іогель Константинъ.
4. Казанскій Александръ—съ золотой мед.
5. Кишкинъ Владиміръ.
6. Козловъ Евгеній.
7. Сидоровъ Михаилъ
8. Соколовъ Николай.
9. Шолковъ Борисъ.
10. Ястребовъ Алексѣй.

1903.

1. Антоновъ Владиміръ.
2. Аѳанасьевъ Борисъ.
3. Березинъ Вячеславъ.
4. Воскресенскій Сергѣй.
5. Гринблатъ Эберъ—съ серебр. медалью.
6. Исаковъ Димитрій.
7. Коротковъ Иванъ.
8. Курбатовъ Михаилъ.
9. Молчановъ Димитрій.
10. Мотылевъ Петръ.
11. Рудницкій Владиміръ.
12. Рыбаковъ Николай.
13. Севастьяновъ Николай.
14. Севастьяновъ Платонъ.
15. Теглевъ Николай.
16. Титовъ Сергѣй.
17. Тухолка Николай.

1904.

1. Березницкій Николай.
2. Боголюбовъ Гавріилъ.
3. Васильевъ-Люлинъ Иванъ.
4. Воскресенскій Павелъ.
5. Заколпскій Николай.
6. Казанскій Иванъ
7. Курбатовъ Николай.
8. Лерхъ Петръ—съ золотой медалью.
9. Петровъ Андрей.
10. Предтеченскій Леонидъ.

11. Святухинъ Михаилъ
12. Смирновъ Михаилъ,
13. Соколовъ Миронъ.
14. Сократовъ Михаилъ.
15. Томашевичъ Владиміръ.
16. Успенскій Александръ — съ золотой мед.
17. Языковъ Александръ.
18. Ястребовъ Николай.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

должностныхъ лицъ гимназіи въ 1833—1904 гг.[1]).

[1]) Указатель составленъ А. В. Смирновымъ.—Цифры означаютъ страницы „Приложенія“ 1-го къ очерку; цифры въ скобкахъ—сколько разъ повторяется на указанной страницѣ данная фамилія.

Указатель личныхъ именъ *).

*) Указатель составленъ А. В. Смирновымъ.—Имена и отчества учителей и др. должностныхъ лицъ—см. въ приложеніи 1-мъ къ настоящему очерку.

